

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2020

Май — Июнь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

И.О. Главного редактора А.С. Давыдов (кандидат исторических наук)

Редакционная коллегия

Е.В. Белилина (*зам. главного редактора*), О.Н. Борох, к.э.н.,
Д.И. Буряев, д.и.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., В.Г. Дацышен, д.и.н.,
проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
Е.А. Канаев, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов,
д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф.
РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н.,
Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН,
Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., В.Я. Портяков, д.э.н.,
Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н., Л.Л. Сухадольская
(*ответственный секретарь*), С.В. Уянаев, к.и.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов *зав. отделом Кореи*
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
В.О. Кистанов
зав. отделом Японии
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Е.А. Лапшина *зав. редакцией*
Д.Б. Славинский *оператор ЭВМ*
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии

Содержание

ПОЛИТИКА

- Р.А. Полончук.* Политика КНР в Юго-Восточной Азии..... 4
- Е.Н. Степанова.* Обзор социально-экономических и политических отношений Тайваня с некоторыми азиатскими странами и перспектива их дальнейшего развития 25
- К.В. Асмолов.* Политика государств Корейского полуострова в области борьбы с коронавирусом 40
- И.В. Гордеева.* Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и позиция Японии: конфронтация или взаимодействие? 53

ЭКОНОМИКА

- К.А. Корнеев, В.О. Кистанов.* Энергетическая политика Китая — собственные уникальные особенности и влияние опыта Японии 67
- И.А. Балюк.* Внешний долг Китая: современное состояние и перспективы 80

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- К.К. Меркулов.* Путь Китая к оптимальным биоэкономике, биофинансам и менеджменту: уроки для России..... 94

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Л.А. Афонина.* Государственное управление КНР по делам религий после административной реформы..... 106

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- С.Б. Макеева.* История формирования системы китайских географических знаний (вторая половина XIX – конец XX века) 123
- В.А. Корсун.* «Стратегическая адаптация» Китая перед лицом насильственного включения в вестфальскую систему международных отношений..... 134

ИСТОРИЯ

- В.С. Мясников.* Письма русских администраторов в пекинском архиве 153
- Д.А. Аринчева.* Из истории женского революционного движения в Китае (к 125-летию со дня рождения Сян Цзиньюй)..... 164

КУЛЬТУРА

- Л.Л. Сухадольская.* Россия и Китай: гуманитарное сотрудничество 181

Contents

POLITICS

- R. Polonchuk.* The Policy of the People's Republic of China in Southeast Asia 4
- E. Stepanova.* The Review of Taiwan's Social-Economic and Political Relations with Some Asian Countries and Perspectives of their Development 25
- K. Asmolov.* Two Koreas against COVID-19 40
- I. Gordeeva.* One Belt, One Road Initiative of China and the Position of Japan: Confrontation or Cooperation?..... 53

ECONOMICS

- K. Korneev V. Kistanov.* China's Energy Policy — its Own Unique Features and the Impact of Japan's Experience 67
- I. Balyuk.* External Debt of China: Current State and Prospects 80

VIEW POINT

- K. Merkulov.* China's Way to the Optimum Bioeconomics, Biofinance and Management: Some Conceptual Lessons for Russia 94

STATE AND SOCIETY

- L. Afonina.* PRC State Administration for Religious Affairs after Administrative Reform..... 106

THEORY AND METHODOLOGY

- S. Makeeva.* The History of the Formation of the System of Chinese Geographical Knowledge (Second Half of the XIX — the End of the XX Century)..... 123
- V. Korsun.* "Stratagemic Adaptation" of China in the Face of Enforced Inclusion in the Westfal System of International Relations..... 134

HISTORY

- V. Myasnikov.* Letters of Russian Administrators in the Beijing Archive 153
- D. Arincheva.* From the History of the Female Revolutionary Movement in China (on the 125th Birthday of Xiang Jingyu) 164

CULTURE

- L. Sukhadolskaya.* Humanitarian Cooperation between Russia and China 181

Политика

Политика КНР в Юго-Восточной Азии

© 2020

Р.А. Полончук

В статье рассмотрены основные направления политики Китайской Народной Республики в Юго-Восточной Азии. Проанализированы политические, торгово-экономические и культурно-образовательные меры Китая по усилению влияния в ЮВА. Особое внимание уделено рассмотрению вопросов организации торгово-экономического сотрудничества и обеспечения региональной безопасности КНР совместно со странами ЮВА. Рассмотрена проблема Южно-Китайского моря в отношениях КНР со странами АСЕАН.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Юго-Восточная Азия, торгово-экономические отношения, сотрудничество, региональная безопасность, Южно-Китайское море.

DOI: 10.31857/S013128120010465-2

Одно из приоритетных мест во внешнеполитической доктрине КНР отводится реализации задачи расширения влияния в мире. Военно-политическое руководство Китая регулярно подчеркивает, что формирование благоприятных внешних условий — неперемный фактор успешного социально-экономического развития страны и ее дальнейшей модернизации.

Особую роль Китай отводит развитию всесторонних связей с государствами Юго-Восточной Азии (ЮВА). Его повышенный интерес к ним обусловлен рядом геополитических и экономических причин.

Юго-Восточная Азия — один из важнейших субрегионов мира, характеризующийся высокими темпами экономического развития. Выгодное географическое положение и значительный природно-ресурсный потенциал во многом определяют его значение как стратегически важного района.

Десять из одиннадцати государств ЮВА (исключая Восточный Тимор) являются членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — одного из крупнейших интеграционных образований в этом регионе. В странах АСЕАН проживает более 630 млн человек. Их совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) в

Полончук Руслан Андреевич, аспирант кафедры Международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Института права и национальной безопасности Факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: Rus_MGS@mai.ru.

Сноски на иностранных языках приведены в традициях и по правилам оригинальных изданий.

2018 г. достиг 2,59 трлн долл. США. При этом среднегодовые темпы роста ВВП составляют около 5%¹.

В субрегионе имеются значительные запасы природных ресурсов, которые занимают важное место во внешней торговле большинства расположенных здесь государств. Значимым источником экономического развития государств ЮВА является потенциал Южно-Китайского моря (ЮКМ). Через его акваторию проходят международные морские коммуникации, в том числе осуществляется транспортировка углеводородов с Ближнего Востока. Малаккский пролив ежегодно используют 70 тыс. торговых судов и 20 тыс. танкеров. Суммарные запасы нефти в ЮКМ, по предварительным данным, составляют до 30 млрд т, а природного газа — не менее 16 трлн куб. м. Бассейн ЮКМ находится на 4-м месте среди крупнейших рыболовных районов мирового океана².

Экономические успехи и стратегическое положение стран АСЕАН определяют повышенный интерес к ним Китайской Народной Республики. Особое значение для Китая имеют ресурсы и акватория ЮКМ, возможность контроля над Малаккским проливом, через который в Восточную Азию поступает большая часть нефти из Персидского залива (до 80% китайского импорта данного вида углеводородного сырья).

Развитие взаимодействия КНР со странами Ассоциации обусловлено, с одной стороны, экономическими причинами, а с другой — необходимостью обеспечения безопасности во всех областях. При этом обе стороны отмечают необходимость поддержания региональной стабильности как неперемennого условия для экономического развития, а это одинаково важно как для Китая, так и для всех расположенных здесь стран.

Лидеры Китая и государств АСЕАН полагают, что взаимное сотрудничество создает предпосылки для формирования необходимого нового регионального порядка. В Ассоциации признают, что Пекин, демонстрируя высокие темпы роста, является перспективным союзником, за счет которого можно обеспечить собственное экономическое развитие, в результате чего активизировать участие в процессе глобализации. В свою очередь, КНР активно участвует во всех диалоговых и консультативных органах АСЕАН. Стороны практикуют создание специальных центров для развития сотрудничества в самых разных сферах, развиваются взаимные инвестиции, туризм, энергетическое, техническое и инновационное сотрудничество³.

Дополнительным условием успеха влияния Китая в регионе является продолжительная история экономических взаимоотношений с государствами—членами АСЕАН. Мощным преимуществом Пекина служит сосредоточение основной части богатств Юго-Восточной Азии в руках этнических китайцев.

Следует отметить, что в настоящее время усиление влияния Пекина в ЮВА является преимущественно экономическим и обуславливается задачей обеспечения дальнейшего роста собственного китайского производства. Это связано с тем, что китайская экономика носит экспортно ориентированный характер, около 60% ВВП обеспечивается за счет внешней торговли. Следовательно, в рамках существующей модели хозяйствования требуется стимулирование и продвижение экспорта. Кроме того, для поддержания экономического роста Китай нуждается в ресурсах, которых ему не хватает — в первую

-
1. *Eric Heginbotham*, "China's Strategy in Southeast Asia," in *China Steps Out: Beijing's Major Power Engagement with the Developing World*, ed. Joshua Eisenman and Eric Heginbotham. (New York: Routledge, 2018), 48–49.
 2. *William A. Callahan*, "China's 'Asia Dream': The Belt and Road Initiative and the New Regional Order," *Asian Journal of Comparative Politics* 1, no. 3. (2016): 226–243.
 3. *Lisa Tobin*, "Xi's vision for Transforming Global Governance: A Strategic Challenge for Washington and Its Allies," *Texas National Security Review* 2, no. 1 (November 2018). URL: <https://tnsr.org/2018/11/xis-vision-for-transforming-global-governance-a-strategic-challenge-for-washington-and-its-allies/>.

очередь нефти, природного газа, железной и медной руд, свинца, цинка. По этой причине Китай оказывает содействие, прежде всего, в реализации инфраструктурных и энергетических проектов, что, помимо создания благоприятного имиджа в странах АСЕАН, приносит ему реальную выгоду — открывает доступ к энергетическим ресурсам и минеральному сырью¹.

Вместе с тем у КНР с рядом стран АСЕАН существуют взаимные территориальные претензии, что ведет к росту напряженности, а главное, дает повод США обосновывать свое военное присутствие в субрегионе в увязке с необходимостью обеспечения свободы судоходства в ЮКМ. Разрешить существующие противоречия Китай стремится исключительно на двусторонней основе с каждой из стран, вовлеченных в конфликт.

Кроме того, активизация террористической деятельности в странах субрегиона (Филиппины, Индонезия, Мьянма) вызывает серьезную обеспокоенность Пекина, поскольку теракты совершаются не только против местных органов власти, но и против граждан и объектов Китая. Более того, на территории указанных стран могут проходить подготовку боевики китайских экстремистских движений, в частности «Исламского движения Восточного Туркестана»².

Для достижения геополитических целей в субрегионе Китайская Народная Республика использует разнообразные инструменты усиления своего влияния в ЮВА:

торгово-экономические (таможенные, кредитные, налоговые, финансовые, подрядные работы за рубежом, валютные);

политические (двусторонние встречи на высшем и высоком уровнях, участие в региональных и международных организациях, укрепление военного потенциала, военное и военно-техническое сотрудничество);

культурно-образовательные (распространение китайского языка, создание институтов Конфуция, образование, привлечение китайской диаспоры, общественные, культурные и спортивные мероприятия)³.

Торгово-экономические меры Китая по усилению влияния в ЮВА

Китай выступает крупным инвестором и торговым партнером стран АСЕАН, занимая 3-е место по объему инвестиций в их экономику. По итогам 2018 г., взаимный торговый оборот достиг 587,87 млрд долл., увеличившись на 14,2% по сравнению с 2017 г. (514,8 млрд, рис. 1)⁴.

Таким образом, КНР является крупнейшим торговым партнером для стран Ассоциации; в свою очередь АСЕАН занимает третью позицию во внешней торговле Китая. При этом объем взаимных инвестиций в 2018 г. составил 205,71 млрд долл.

Данные по взаимному товарообороту Китая со странами АСЕАН по годам приведены в табл. 1.

-
1. *Zhang Yunling*, “China and Its Neighborhood: Transformation, Challenges, and Grand Strategy,” *International Affairs* 92, no. 4, (2016), 839.
 2. *Mitsuru Obe and Marimi Kishimoto*, “Why China is Determined to Connect Southeast Asia by Rail,” *Nikkei Asian Review*, January 9, 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Cover-Story/Why-China-is-determined-toconnect-Southeast-Asia-by-rail>.
 3. *Michelle Jamrisko*, “China No Match for Japan in Southeast Asia Infrastructure Race,” *Bloomberg*, June 22, 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-23/china-no-match-for-japan-in-southeast-asia-infrastructure-race>.
 4. *Jitsiree Thongnoi*, “Too Little, Too Late for US ‘Recommitment’ to Mekong Countries? China’s Already There,” *South China Morning Post*, June 16, 2019. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3014612/toolittle-too-late-us-recommitment-mekong-countries-chinas>.

Согласно статистическим данным, объем накопленных капиталовложений китайских компаний в государства ЮВА достигает 120 млрд долл. Однако следует полагать, что реальная цифра значительно больше, так как инвесторы из КНР, как правило, создают новые компании с оформлением права собственности на выходцев из КНР, проживающих в других странах (*хуацяо*). С учетом данного фактора прямые инвестиции китайского бизнеса только в пять стран региона (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Таиланд) за 2004–2016 гг. достигли 69 млрд долл. (табл. 2).

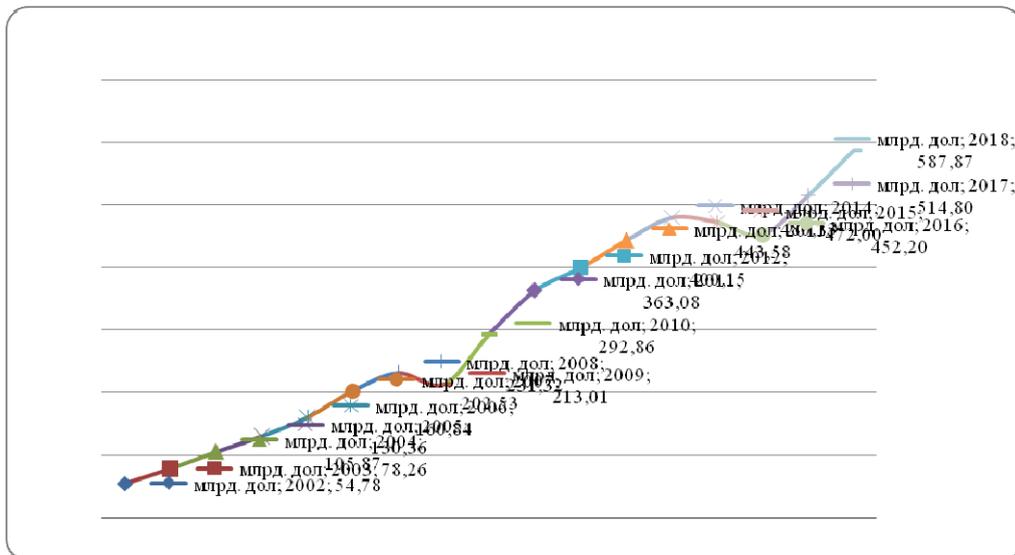

Рис. 1. Динамика изменения взаимного товарооборота стран АСЕАН с Китаем, млрд долл.

Таблица 1

Страна	2003	2005	2007	2009	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Бруней	0,35	0,26	0,36	0,42	1,31	1,63	1,79	1,94	1,51	0,73	1,4	2,67
Вьетнам	4,64	8,2	15,12	21,05	40,21	51,44	65,48	83,63	95,85	98,27	123,03	138,7
Индонезия	10,23	16,79	25	28,39	60,55	67,23	68,35	63,55	54,23	53,53	58,17	64,81
Камбоджа	0,32	0,56	0,93	0,94	2,5	2,92	3,77	3,76	4,43	4,72	5,0	6,2
Лаос	0,11	0,13	0,26	0,75	1,3	1,72	2,73	3,61	2,77	2,35	3,6	5,17
Малайзия	20,13	30,7	46,47	51,96	90,02	96,83	106,08	102,0	97,26	86,93	96,14	109,77
Мьянма	1,08	1,21	2,08	2,9	6,5	7,97	10,2	24,97	15,1	12,29	13,48	17,73
Таиланд	12,65	21,81	34,64	38,19	64,73	69,75	70,64	72,62	75,46	75,72	80,8	87,94
Сингапур	19,35	33,15	47,14	47,86	63,71	64,23	75,9	79,72	79,52	70,51	80,27	98,97
Филиппины	9,4	17,56	30,62	20,54	32,25	36,38	38,05	44,46	45,64	47,23	52,91	55,91
Всего	78,3	130,4	203,2	213	363	400,1	443,6	480,3	471,8	452,3	514,8	587,87

Источник: данные Всемирного банка.

Несмотря на то, что с 2004 г. объемы привлеченных китайских капиталов выросли во всех странах ЮВА, не везде они доминируют в общем объеме прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Китай выступает в качестве главного инвестора в Камбодже (43%), Лаосе (25%) и Мьянме (45%). В то же время в Таиланде и во Вьетнаме китайская доля в ПИИ составляет 6,4 и 13,2% соответственно¹.

1. Ben Sokhean, "Hun Sen Inks Nine Deals with China," Khmer Times, April 29, 2019. URL: <https://www.khmertimeskh.com/50598850/hun-sen-inks-nine-deals-with-china/>.

Характерным примером, демонстрирующим темпы привлечения китайского капитала, служат отношения КНР и Малайзии. В период 2013–2017 гг. ее власти заключили с китайскими компаниями контрактов на 134 млрд долл., а объем инвестиций в эту страну вырос на 350%. Только в 2017 г. в страну привлечено 2,3 млрд долл. из Китая. В основном деньги вкладывались в крупные инфраструктурные и строительные проекты¹.

Таблица 2

Страна	Всего ПИИ в 2004–2016 гг., млрд долл.	Доля КНР, % / млрд долл.
Вьетнам	229,426	8,3 / 19,146
Камбоджа	25,458	43 / 10,937
Лаос	19,333	25 / 4,83
Мьянма	55,851	45,4 / 25,377
Таиланд	133,472	6,4 / 8,54

Росту взаимной торговли и инвестиций способствовало то, что в 2003 г. Китай стал стратегическим партнером стран АСЕАН. В январе 2010 г. вступило в действие «Соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между КНР и АСЕАН» (The China-ASEAN Free Trade Area, CAFTA). В развитие данного механизма стороны в 2015 г. подписали отдельный документ о совершенствовании режима действующей между ними ЗСТ.

«Протокол о повышении уровня зоны свободной торговли Китай — АСЕАН» стал первым таким соглашением для подобных экономических объединений, в которые входит КНР. Он затрагивает такие сферы, как торговля товарами и услугами, инвестиции, а также экономическое и техническое сотрудничество. Целью его заключения стало достижение объема товарооборота в 1 трлн долл. между Китаем и государствами — участниками АСЕАН. Первоначально данный показатель планировалось достичь к 2020 г., но по результатам 2018 г. очевидно, что данную задачу выполнить не удастся.

Пекин, наряду с развитием сотрудничества по линии Китай — АСЕАН стремится наращивать взаимодействие и в более узких форматах, в том числе определяемых географическим положением стран. Так, одним из важных направлений китайской экспансии стали меры по развитию экономического сотрудничества в долине реки Меконг.

Вьетнам, Камбоджа, Китай, Лаос, Мьянма и Таиланд в 1992 г. при содействии Азиатского банка развития (АБР) создали Программу экономического сотрудничества в субрегионе Большого Меконга (СБМ). Примечательно, что если на начальном этапе (1992–2007 гг.) реализации проекта его финансовую поддержку осуществлял в основном АБР, то уже на втором этапе (2008 — 2012 гг.) китайская доля в инвестициях выросла до 32,2% (АБР — 22,1%)².

Основными инвесторами АБР являются США и Япония (по состоянию на 31.12.2018 г. — по 15,6%), которые обладают решающим правом голоса. Доля Китая составляет всего 6,4%. По этой причине Пекин для расширения своего влияния на страны бассейна р. Меконг предпринял шаги по трансформации проекта СБМ в новый механизм сотрудничества Ланьцанцзян³-Меконг (МСЛМ, Lancang-Mekong Cooperation, LMC). Главным его отличием от предыдущего является финансирование всех инфраструктур-

1. “China-Cambodia Community of Shared Future Features Four Special Points: Chinese Ambassador to Cambodia,” *Fresh News Asia*, May 8, 2019. URL: <http://m.en.freshnewsasia.com/index.php/en/local-news/13941-2019-05-08-08-06-23.html>.

2. *Andrew J. Nathan*, “China’s Challenge,” *Journal of Democracy* 26, no. 1 (January 2015): 157. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/article/china%E2%80%99s-challenge>.

3. Название реки Меконг на китайском языке.

ных проектов за счет специального фонда, основу которого составляет китайский капитал, а также других финансовых институтов, подвластных КНР. Кроме того, если в рамках СБМ основные усилия были направлены на борьбу с бедностью и реализацию социальных проектов, то под влиянием Пекина МСЛМ преследует цель экономического развития и инфраструктурного строительства¹.

В 2014 г. китайцы выдвинули ряд субрегиональных инициатив, в том числе и налаживание механизма диалога и сотрудничества стран бассейна Ланьцанцзян-Меконг. Первая встреча министров иностранных дел по сотрудничеству МСЛМ состоялась 12 ноября 2015 г. в городе Цзинхун провинции Юньнань (КНР). Ее участники договорились официально запустить процесс сотрудничества в бассейне р. Меконг, объявив о создании соответствующего механизма сотрудничества².

Министр иностранных дел Китая Ван И подчеркнул, что в качестве приоритетных направлений работы определены транспортно-коммуникационное, кооперация в области производственных мощностей, трансграничное экономическое взаимодействие, сотрудничество в сфере водных ресурсов и сельское хозяйство. А тремя опорами этой деятельности должны стать политика, финансы и интеллектуальные ресурсы³.

Второе заседание руководителей стран—участниц механизма сотрудничества Ланьцанцзян-Меконг прошло в 2018 г. (10–11 января) в г. Пномпень (Камбоджа)⁴. По его итогам стороны утвердили «Программу действий по сотрудничеству в бассейне Ланьцанцзян-Меконг на 2018–2022 гг.» и «Пномпеньскую декларацию второго заседания руководителей стран механизма сотрудничества в бассейне Ланьцанцзян-Меконг».

Наряду с укреплением связей на многосторонней основе Китай проводит политику развития взаимодействия с каждой из стран, расположенных в долине р. Меконг. В частности, Пекин и Бангкок 11 октября 2018 г. подписали соглашение о реализации проектов в области водных ресурсов в рамках специального фонда механизма сотрудничества в бассейне реки Ланьцанцзян-Меконг. Согласно договоренности, КНР обеспечит финансирование тайландских исследований в области развития гидроэнергетики и борьбы с изменением климата⁵.

В целом, учитывая вовлеченность Китая в этот проект, очевидно, что МСЛМ способствует последовательному вовлечению экономик стран региона в китайскую программу инфраструктурного развития.

Еще одним проектом, способствующим экспансии китайского бизнеса в страны ЮВА, является проводимая с 2004 г. ежегодная промышленная выставка «Китай—АСЕАН Экспо» (The China-ASEAN Expo, CAEXPO) в г. Наньнин (Гуанси-Чжуанский автономный район Китая). Ее организаторами выступают Министерство торговли КНР, торгово-экономические ведомства правительств 10 стран ЮВА и Секретариат АСЕАН.

-
1. *Khin Khin Kyaw Kyee*, China's Multi-layered Engagement Strategy and Myanmar's Realities: The Best Fit for Beijing Policy Preferences (Yangon: Institute for Strategy and Policy — Myanmar, 2018), 14–15.
 2. "Global Center for Mekong Studies Launched in Cambodia," Xinhua, September 28, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/28/c_136645466.htm.
 3. *Liu Zhen*, "What's China's 'Nine-Dash Line' and Why Has It Created So Much Tension in the South China Sea," South China Morning Post, July 12, 2016. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1988596/whats-chinas-nine-dash-line-and-why-has-it-created-so>.
 4. Первая встреча состоялась 22–23 марта 2016 г. в г. Санья провинции Хайнань (Китай). Участники согласовали крупные направления деятельного данного механизма сотрудничества.
 5. *Pradumna B. Rana and Xianbai Ji*, "Belt and Road Forum 2019: BRI 2.0 in the Making?" S. Rajaratnam School of International Studies, May 2, 2019. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/05/CO19086.pdf>.

Мероприятие направлено на формирование новой модели двустороннего всеобъемлющего сотрудничества между партнерами, цель которой заключается в продвижении китайской продукции в странах ЮВА. Об этом свидетельствует сумма заключенных китайскими компаниями контрактов — 21 млрд долл., или 60% всех контрактов в 2018 г. Особую роль ярмарка сыграла в период глобального финансового кризиса, когда было отмечено сокращение экспорта стран АСЕАН в Европейский союз, США и Японию, однако сохранялся рост взаимного товарооборота с Китаем.

Расширению китайского влияния в государствах Юго-Восточной Азии активно способствует китайская инициатива «Один пояс, один путь»¹ (ОПОП) и капиталовложения Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Использование этих инструментов позволяет Китаю решить ряд важных комплексных задач политического, экономического, военного и культурного характера.

По мнению руководства КНР, одним из положительных результатов реализации стратегии ОПОП может стать снижение существующего разногласия между ней и сопредельными странами, связанного с обострением территориальных споров в Южно-Китайском море. Активизация разностороннего сотрудничества должна способствовать улучшению региональной военно-политической обстановки. Культурно-гуманитарное взаимодействие в рамках инициативы (туризм, обмен студентами, «народная дипломатия») позволит и дальше наращивать присутствие Китая в ЮВА².

Военно-политическое руководство КНР, продвигая ОПОП, стремится, прежде всего, создать условия устойчивого развития собственной страны и обеспечить национальную безопасность. Пекин делает особый упор на экономический аспект ОПОП, который к тому же выступает инструментом китайской политики «мягкой силы», призванной повысить привлекательность Китая для стран ЮВА и завоевать их доверие. Важная цель инициативы состоит в перенаправлении потоков экспорта товаров и капиталов в те государства, которые до сих пор не являются активными участниками мировой торговли.

Контроль над морским и сухопутным маршрутами позволит обеспечить энергетическую безопасность КНР, так как, являясь крупнейшим импортером энергоресурсов в мире, она в значительной степени зависит от морских поставок и безопасности морских транспортных коридоров (90% внешней торговли Китая осуществляется морским путем). Для Пекина проект позволяет снизить транспортные издержки, а для государств, вовлеченных в него, — привлечь инвестиции в регион и сократить огромный разрыв в развитии инфраструктуры между членами АСЕАН. В конечном итоге создаются безопасные бесперебойные и высокоэффективные морские транспортные маршруты с узловыми точками в важнейших портах.

Финансовым обеспечением ОПОП в ЮВА занимается Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (все страны субрегиона вошли в состав его учредителей в 2014–2015 гг.), инвестиционный Фонд Шелкового пути и Фонд морского сотрудничества Китай — АСЕАН. Проект предоставляет государствам большие возможности для развития инфраструктуры: портов, шоссе и железных дорог, аэродромов, электростанций, трубопроводов. Таким образом, параллельно создаются альтернативные сухопутные

-
1. Инициатива КНР «Один пояс, один путь», состоит из двух частей — «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века». Выдвижение идеи ОПОП было вызвано как социально-экономической и экологической ситуацией внутри Китая, так и пересмотром внешнеполитических приоритетов страны.
 2. *Bilahari Kausikan*, “Dealing with an Ambiguous World — Lecture III: ASEAN & US-China Competition in Southeast Asia” (Singapore: IPS-Nathan Lectures, March 30, 2016), 24–25.
URL: https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/ips/mr-bilahari-kausikan-speech7d7b0a7b46bc6210a3aaff0100138661.pdf?sfvrsn=cec7680a_0.

коридоры и морские пути доставки товаров¹. Основные инфраструктурные проекты Китая в странах АСЕАН в рамках ОПОП представлены в табл. 3.

Таблица 3

Страна	Проект	Примечания
Бруней	Модернизация морского контейнерного терминала Муара	
Вьетнам	Строительство вьетнамского участка Паназиадской железнодорожной сети	
Индонезия	Модернизация порта Танджунг-Приок (0,59 млрд долл.) Всего Китай планирует принять участие в сооружении 24 морских портов, 15 аэропортов, строительстве 1 тыс. км шоссеиных дорог, прокладке 8700 км железнодорожных путей, возведении электростанции	
Камбоджа	Строительство глубоководного порта на побережье Сиамского залива	
Лаос	Проект высокоскоростной железнодорожной линии	
Малайзия	Строительство глубоководного порта Мелака (7,2 млрд долл.)	
	Модернизация порта Пенанг (1,4 млрд долл.)	
	Строительство порта Куала-Лингги для обслуживания танкеров (2,84 млрд долл.)	
	Модернизация порта Куантан 0,18 млрд долл.)	
	Строительство железнодорожной ветки (13 млрд долл.)	Стороны вернулись к обсуждению его реализации в марте 2019 г.
	Сооружение нефте- и газопровода (2 млрд долл.)	Проект приостановлен
Мьянма	Модернизация морских портов Янгон и Чаупхью	
	Мьянманский участок транспортного коридора Китай—Мьянма—Бангладеш—Индия (22 млрд долл., включает автомобильное, железнодорожное, водное и воздушное сообщение)	
Таиланд	Проект высокоскоростной железнодорожной линии	

Политические меры Китая по усилению влияния в ЮВА

Анализ внешней политики Китая в период 2005–2019 гг. показывает, что развитие отношений со странами ЮВА остается одним из наиболее приоритетных направлений в деятельности руководства страны. Данный подход обусловлен интересами безопасности и стратегией создания по периметру границ КНР «пояса мира, стабильности и совместного процветания». Формирование такого барьера призвано обеспечить благоприятные условия для экономического развития государства в долгосрочной перспективе.

Упор на финансирование крупных инфраструктурных проектов в субрегионе, предоставлении льготных кредитов и демонстрация значительных экономических

1. *David Shambaugh*, “U.S.-China Rivalry in Southeast Asia: Power Shift or Competitive Coexistence,” *International Security* 42, no. 4 (Spring 2019), 100–103.

преимуществ от развития отношений с Китаем являются характерными особенностями политики Пекина по проникновению в Юго-Восточную Азию. Весь этот комплекс мер следует рассматривать в контексте проведения КНР экономической дипломатии, суть которой заключается в использовании экономических инструментов для достижения внешнеполитических целей. Важнейшей стратегической целью, которую преследует Пекин, налаживая торгово-экономические связи со странами АСЕАН, выступает создание всепроникающей экономической зависимости стран ЮВА от Китая, что в перспективе должно обеспечить китайскому руководству получение рычага давления на соответствующие государства¹.

В свою очередь использование политических инструментов способствует развитию экономических связей. Среди них важное место отводится двусторонним встречам на высшем и высоком уровнях. Официальные и рабочие встречи Председателя КНР, его заместителя, премьера Государственного совета, министра иностранных дел и других официальных лиц Китая с зарубежными коллегами существенно ускоряют подготовку крупных коммерческих контрактов и кредитных соглашений².

Такой инструмент, как участие в региональных и международных организациях, Пекин использует преимущественно для укрепления своего статуса регионального лидера и противодействия влиянию США и Европейского союза.

В контексте дальнейшего усиления своего влияния, недопущения формирования коалиций, направленных на сдерживание Пекина, а также повышения собственной роли Китай последовательно развивает военное и военно-техническое сотрудничество со странами ЮВА. В настоящее время взаимодействие осуществляется в виде обменов делегациями различного уровня, подготовки военнослужащих стран АСЕАН в вузах КНР, проведения совместных мероприятий боевой подготовки.

В качестве важного направления укрепления связей в военной сфере Китай выделяет сотрудничество по вопросам обеспечения безопасности и противодействия терроризму. Данная деятельность расценивается как необходимое условие усиления контроля обстановки с целью не допустить ее обострения и дестабилизации. Для продвижения своих интересов Пекин активно использует такие механизмы, как региональный форум АСЕАН по безопасности, совещание министров обороны АСЕАН и партнеров по диалогу («СМОА плюс»).

С рядом стран ЮВА Китай на двусторонней основе создал межведомственные рабочие группы по линии советов безопасности и министерств обороны. В число обсуждаемых вопросов входят взаимодействие в области безопасности, включая борьбу с международным терроризмом. Расширяется сотрудничество между органами военных разведок³.

Кроме того, Китай, используя заинтересованность руководства государств субрегиона в диверсификации источников закупки продукции военного назначения, стремится укрепить свои позиции путем продажи широкой номенклатуры вооружений и военной техники.

-
1. *Jonathan Stromseth and Hunter Marston*, "As U.S. Aircraft Carrier Departs Vietnam, What are the Implications for Regional Security," The Brookings Institution, March 9, 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/03/09/as-a-u-s-aircraft-carrier-departs-vietnam-what-are-the-implications-for-regionalsecurity/>.
 2. *Christopher Sharman*, "After a China-Vietnam Standoff, Expect a Turn to the U.S.," The Diplomat, September 20, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/09/after-a-china-vietnam-standoff-expect-a-turn-to-the-us>.
 3. "Indonesia to Propose Projects Worth US\$91 Billion for China's Belt and Road," The Straits Times, March 20, 2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/indonesia-to-propose-projects-worth-us91-billion-for-chinas-belt-and-road>.

С началом XXI века во внешнеполитическом курсе Пекина важная роль предназначена публичной дипломатии. Возрастает присутствие китайских СМИ в информационном пространстве стран Юго-Восточной Азии, призванное воздействовать на аудитории стран региона и способствовать формированию положительного имиджа Китая. В общей сложности на десять стран АСЕАН приходится порядка половины от всего экспорта китайских телевизионных программ в страны мира (по количеству часов трансляции), что позволяет говорить о Юго-Восточной Азии как о крупнейшем рынке для китайской информационно-развлекательной продукции¹.

В целом для достижения поставленной цели по закреплению и расширению своего влияния китайцы предпринимают шаги по усилению пропагандистского воздействия на общественное мнение в соседних государствах. В интересах положительного освещения развития сотрудничества и реализации проектов Пекин проводит работу по информационному обеспечению деятельности механизма МСЛМ. По инициативе китайской стороны и при ее финансовом обеспечении 2–3 июля 2018 г. в столице Лаоса г. Вьентьян состоялась конференция по углублению сотрудничества между средствами массовой информации (СМИ) шести стран долины р. Меконг. В ее работе приняли участие представители правительств, информационных агентств, научных и деловых кругов. Обсуждались вопросы укрепления связей между органами государственной власти, подрядчиками и журналистами, а также необходимость более широкого освещения реализуемых инфраструктурных проектов посредством публикаций в печатных и электронных изданиях.

Проблемные вопросы торгово-экономического сотрудничества и обеспечения безопасности

Несмотря на перспективы экономического сотрудничества с Китаем АСЕАН сталкивается и с факторами, способными блокировать реализацию значительной части инициатив. Главная сложность — стремление диверсифицировать свои экономические и политические связи. Так, даже после отказа президента США Д. Трампа от участия его страны в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) некоторые страны АСЕАН рассчитывают на успешную реализацию данного механизма в новом формате — ТТП-11 (Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство, ВПТТП). Четыре страны — участницы Ассоциации уже подписали договор о вступлении в ВПТТП (Бруней, Вьетнам, Малайзия, Сингапур)².

Вместе с тем переговоры о присоединении к Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству, концепцию которого продвигает КНР, также идут сложно — страны ЮВА стремятся отстаивать собственные экономические интересы, не соглашаясь унифицировать стандарты. Государства Юго-Восточной Азии весьма болезненно относятся к своему суверенитету, который большинству из них достался в тяжелой борьбе. В связи с этим создание политической интеграции, предусматривающей образование транснациональной структуры управления, на территории субрегиона практически нереализуемо.

В странах субрегиона отмечается тенденция нарастания негативного отношения к экономическому сотрудничеству с Пекином, которая объясняется резким увеличением

-
1. *Dewi Fortuna Anwar*, “Indonesia-China Relations: Coming Full Circle,” in *Southeast Asian Affairs* 2019, ed. Daljit Singh and Malcolm Cook (Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2019), 145–161.
 2. “Foreign Direct Investment (FDI) in Bangladesh Survey Report January-June, 2017” Statistics Department Bangladesh Bank. URL: <https://www.bb.org.bd/pub/halfyearly/fdisurvey/fdisurveyjan-jun2017.pdf>, accessed March 11, 2019.

отрицательного торгового баланса стран АСЕАН в торговле с Китаем, который превышает 86 млрд долл. (рис. 2)¹.

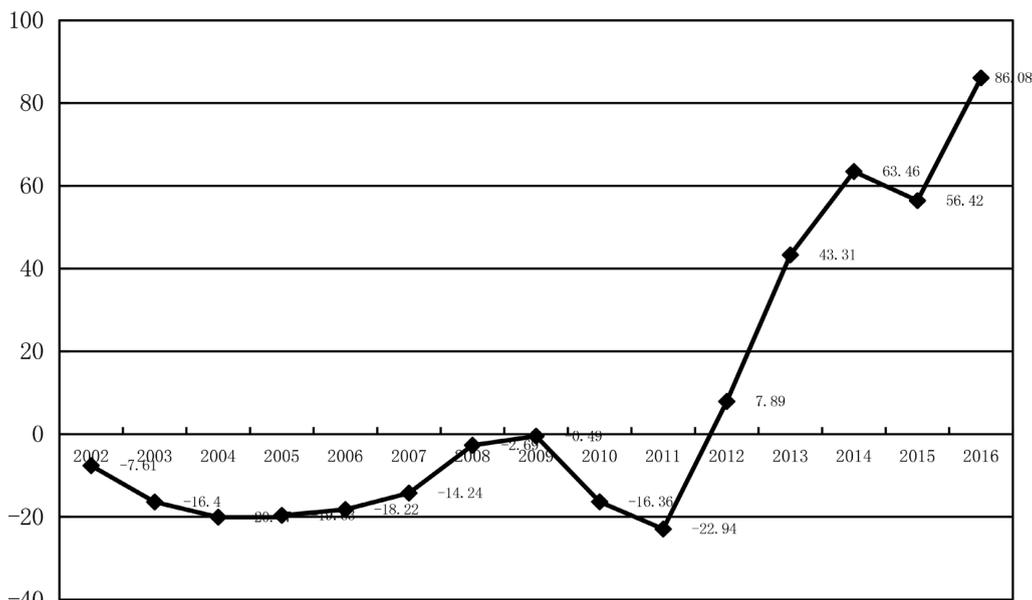

Рис. 2. Торговый баланс Китая со странами АСЕАН, млрд долл.

В Ассоциации уверены, что рост дисбаланса в торговле приведет к доминированию «китайского порядка» в ЮВА. В правительствах стран АСЕАН все больше становится сторонников мнения, что КНР стремится стать монополистом во внешних связях региона. Это вызывает опасения относительно растущего влияния Китая, в первую очередь со стороны Вьетнама и Филиппин, у которых с ним наиболее острые территориальные противоречия. В средствах массовой информации стран неоднократно публиковались статьи, в том числе перепечатки западных изданий, о том, что китайцы используют ОПОП для получения политической лояльности со стороны местных властей и продвижения своих геополитических интересов.

Анализ статистических данных торгового баланса (табл. 4) показывает, что создание зоны свободной торговли в 2010 г. позволило КНР существенно нарастить экспорт и уже в 2012 г. привело к образованию положительного сальдо в пользу Пекина. Таким образом, опасения стран ЮВА о растущей зависимости от Китая не являются обоснованными².

В контексте данной проблемы премьер-министр Малайзии М. Мохамад во время визита в Китай в августе 2018 г. объявил о приостановке сразу трех совместных проектов. В их число вошли два трубопровода³ общей стоимостью 2 млрд долл., а также железнодорожная ветка длиной 688 км от восточного побережья до западных районов страны. В качестве причины глава государства сослался на отсутствие достаточных финансо-

1. “Bangladesh Bank Open Data Initiative” Bangladesh Bank. URL: <https://www.bb.org.bd/econdata/>, accessed March 11, 2019.

2. Taiki Koga, JETRO Business News, 2017–6–12. URL: <https://www.jetro.go.jp/biznews/2017/06/ce5ab47418ba84cc.html>, accessed March 5, 2019).

3. Контракты на строительство нефтепровода вдоль западного побережья Малайзии (протяженность 600 км) и газопровода в штате Сабах на востоке страны (660 км) были подписаны в 2016 г., работы по их сооружению начались в апреле 2017 г.

вых средств. Изначально на строительство железнодорожной магистрали КНР предоставила кредит 13 млрд долл., но с учетом процентов по кредиту, выделенных китайскими банками для сооружения дороги, конечная стоимость проекта составит 19–20 млрд долл.

Таблица 4

Год	Экспорт Китая в страны АСЕАН, млрд долл.	Импорт Китая из стран АСЕАН, млрд долл.	Торговый баланс, млрд долл.
2002	23.58	31.20	-7.61
2003	30.93	47.33	-16.40
2004	42.90	62.97	-20.07
2005	55.37	74.99	-19.63
2006	71.31	89.53	-18.22
2007	94.15	108.39	-14.24
2008	114.32	117.00	-2.69
2009	106.26	106.75	-0.49
2010	138.16	154.70	-16.36
2011	170.07	193.02	-22.94
2012	204.26	195.89	7.89
2013	243.44	200.14	43.31
2014	271.79	208.33	63.46
2015	256.84	200.4	56.42
2016	276.5	190.4	86.08
2017	279.1	235.7	514.8

Последствия данного события имеют отрицательный эффект не только для китайско-малазийских отношений, но и для целого ряда других проектов ОПОП. Дело в том, что согласно китайским планам железная дорога в Малайзии должна была стать ключевой частью крупной транспортной сети — Паназиатской железнодорожной сети в Юго-Восточной Азии, которая проходила бы от юго-западных районов Китая через Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и в итоге выходила бы в Малайзию, к портам, расположенным на ее западном побережье и далее до Сингапура (рис. 3). Именно через акваторию Малаккского пролива проходит около 60% китайской торговли и до 80% китайского импорта углеводородов¹.

Без малазийского участка экономическая эффективность строительства данного транспортного коридора существенно снижается. Кроме того, в случае окончательной отмены строительства Китай не сможет достичь поставленной задачи — снизить зависимость от транспортировки грузов через Малаккский пролив.

Сложившаяся ситуация вынудила Китай пойти на ряд уступок и снизить стоимость проекта до 12 млрд долл. В ходе переговоров с малазийской стороной, прошедших в первом квартале 2019 г., Куала-Лумпур согласился вернуться к возобновлению строительства железнодорожной ветки.

Данный случай вскрыл еще одну острую проблему во взаимоотношениях Китая с внешним миром. Значительная часть средств, выделяемых китайскими финансовыми учреждениями, предоставляется не как инвестиции, а как кредиты, которые Китай раздает странам, в том числе со слабыми экономиками, в обмен на инфраструктурные проекты, а порой и на поддержку на площадках международных организаций. Выплата этих

1. *Derek Scissors*, “China’s Global Business Footprint Shrinks”, AEI, July 2019.

URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2019/07/Chinas-Global-BusinessFootprint-Shrinks.pdf>.

кредитов и процентов по ним может привести к экономической зависимости и спровоцировать дефолт стран-заемщиц¹.

Рис. 3. Паназиатская железнодорожная сеть

Для государств АСЕАН примером негативных последствий служит порт Хамбантога в Шри-Ланке, который власти вынуждены были отдать компании из КНР в аренду на 99 лет, потому что не смогли погасить полученный ранее кредит в размере 1,4 млрд долларов. Из стран Ассоциации в тяжелом положении также может оказаться Лаос. Китайцы здесь ведут строительство железной дороги стоимостью 6,7 млрд долл., что составляет около 50% от ВВП данного государства.

С учетом негативных последствий от экономической экспансии Пекина, правительства отдельных государств АСЕАН принимают меры по недопущению усиления его влияния. В частности, власти Таиланда рассматривают реализацию инициативы «Один пояс, один путь» на территории страны как инструмент наращивания присутствия Китая. В связи с этим Бангкок считает оправданным участие в инфраструктурных проектах данной стратегии только в случае их увязки с национальными экономическими планами развития. Такой подход, с одной стороны, привлечет китайские инвестиции в высокотехнологические отрасли и будет способствовать превращению страны в ведущий производственно-логистический центр ЮВА, а с другой — обеспечит сохранение экономической независимости².

1. Cecilia Joy Perez and Derek Scissors, “Be Wary of Spending on the Belt and Road”, AEI, November 2018. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/11/Updated-BRI-Report.pdf/>.
2. “Asia Power Index 2019”, Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org>.

Так, по результатам 6-го заседания тайландско-китайского торгово-экономического сотрудничества (24–25 августа 2018 г., Бангкок) было подписано 17 соглашений, направленных на сопряжение ОПОП с создаваемой в королевстве особой экономической зоной «Восточный экономический коридор». При этом тайландская сторона настояла на ряде финансово-правовых ограничений для китайцев. В частности, контрольный пакет акций в создаваемых на территории страны совместных предприятиях (СП) принадлежит государству, исключается передача китайским компаниям земельных участков. Для работы в СП планируется организовать подготовку тайландских специалистов с последующим их устройством на работу.

Всего, согласно достигнутым договоренностям, планируемый объем инвестиций в экономику Тайланда до 2021 г. составит 14 млрд долл., взаимный товарооборот — 130 млрд долл.

Одним из важных вопросов, с которым придется столкнуться правительствам некоторых стран, является поддержание порядка и обеспечение безопасности вдоль транспортных коридоров. Ведь в случае их неспособности решить данную задачу грузоотправителю придется обратиться к тем организациям, которые за достаточно высокую плату обеспечат сохранность груза¹.

Поскольку основными отправителями товаров в большинстве случаев выступают китайские компании, в том числе и государственные корпорации, то следует полагать, что они прибегнут к услугам национальных охранных структур, например частных военных компаний. Следствием такого развития ситуации станет размещение на территории зарубежных стран китайских военизированных формирований. Нельзя исключать, что в случае существенного обострения обстановки Пекин может пойти на привлечение к обеспечению безопасности подразделений Народно-освободительной армии Китая (НОАК). В связи с этим следует ожидать появления военных баз КНР на территории иностранных государств. Тем более что у китайцев появятся рычаги давления на правительства этих стран, попадающих в экономическую зависимость.

Из стран АСЕАН наиболее неблагоприятная ситуация в контексте угрозы реализации инфраструктурных проектов складывается в Мьянме, где в 2017 г. обострилась внутривнутриполитическая обстановка, проявившаяся в вооруженных столкновениях с многочисленными жертвами в двух штатах страны. В результате правительственные войска ведут борьбу в штате Шан с Армией национального демократического альянса Мьянмы (состоящей в основном из этнических китайцев), и в штате Ракхайн, где находятся самые большие месторождения нефти и газа, — с Армией спасения рохинджа Аракана. Наличие этих точек нестабильности может оказать негативное влияние не только на перспективы создания экономического коридора, но и на реализацию стратегии «Один пояс, один путь». Наличие общей границы протяженностью 2200 км повышает вероятность использования НОАК для защиты важных, с точки зрения Китая, объектов — морских портов, нефте- и газопровода, поставляющих углеводородное сырье в юго-западную часть Китая.

Проблема ЮКМ в отношениях КНР со странами АСЕАН

Пекин уделяет повышенное внимание реализации концепции «Морской шелковый путь XXI века». Около 90% всей торговли Китая осуществляется водным транспортом, в том числе значительный объем нефти и сжиженного природного газа доставляется в страну по морю.

1. “The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report”, ISEAS — Yusof Ishak Institute, Singapore, 2019, pp. 26–30. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf.

В связи с этим для современного Китая большое значение приобретает Южно-Китайское море, так как именно через его акваторию происходит основной товарообмен страны с внешним миром. Для Пекина особенно важно обеспечить безопасность транспортных коммуникаций как основного фактора экономического роста и политической стабильности страны. Вместе с тем решение этого вопроса во многом зависит от США, которые неоднократно выражали намерение твердо защищать позиции стран АСЕАН в территориальных спорах с КНР. Несмотря на готовность решительных мер по отстаиванию своих интересов, Китаю важно не допустить открытой конфронтации в регионе, за которой может последовать вмешательство Вашингтона¹.

В отношении ЮКМ Китай выбрал наступательную позицию взамен разного рода компромиссных мер. Укрепление обороны спорных островов, размещение на них средств ПВО и противокорабельных ракет, проведение учений с привлечением авианосца «Ляонин» и носителей ядерного оружия — бомбардировщиков «Хун-б», служат подтверждением того, что решение третейского суда в Гааге, принятое в июле 2016 г., КНР выполнять не планирует.

Вместе с тем определенная политическая реакция на предписания международного судебного органа со стороны Пекина последовала. В сентябре 2016 г. Пекин и Манила пришли к соглашению о необходимости выработки Кодекса поведения в вопросах предъявления прав и мирного решения споров в ЮКМ. Одновременно страны АСЕАН и КНР подписали совместное заявление, подтверждающее их общую приверженность следовать Кодексу о незапланированных встречах в акватории моря для обеспечения безопасности действий военных кораблей и самолетов.

Дальнейшее развитие отношений Пекина с Манилой свидетельствует, что китайцам удалось перевести вопрос территориальных притязаний исключительно в двусторонний формат. Президент Р. Дутерте взял курс на сближение с Китаем. Итогом может стать согласие Филиппин на деятельность КНР на рифе Мисчиф в обмен на экономическую компенсацию.

Стороны уже согласовали вопрос о выделении Филиппинам финансирования в виде прямых инвестиций и льготных займов на общую сумму 24 млрд долл., а также о создании в стране дополнительно 2 млн рабочих мест для местного населения. Во время визита в Китай Р. Дутерте подписал соглашения о расширении филиппино-китайского экономического сотрудничества, в частности в области финансов, туризма, высоких технологий, транспорта и строительства².

Кроме того, две страны в 2017 г. создали механизм консультаций по вопросам ЮКМ в целях урегулирования спорных ситуаций путем переговоров. Третья встреча в рамках созданного механизма состоялась 18 октября 2018 г. в Китае. В ней приняли участие заместители министров иностранных дел, а также представители военных ведомств, управлений береговой охраны, природных ресурсов и окружающей среды, рыбного хозяйства, транспорта и энергетики двух стран. Обсуждались вопросы углубления практического сотрудничества на море, включая совместную разведку нефти и газа.

Вьетнам выступает против такого подхода к территориальному спору в ЮКМ. Военно-политическое руководство страны проявляет готовность отстаивать свои суверенные права на острова. После отказа участников Ассоциации поддержать вьетнам-

1. *Ankit Panda*, “US, India, Japan, Philippine Navies Demonstrate Joint Presence in South China Sea”, *The Diplomat*, 11 May 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/us-india-japan-philippine-navies-demonstrate-joint-presence-in-south-china-sea/>.

2. “Japan, US and Australia begin own ‘Belt and Road’ in South Pacific”, *Nikkei Asian Review*, 25 June 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Internationalrelations/Japan-US-and-Australia-begin-own-Belt-and-Road-in-South-Pacific>.

ское предложение о включении в текст итогового коммюнике 50-й встречи министров иностранных дел АСЕАН в августе 2017 г. пункта, осуждающего действия КНР, Ханой посчитал, что может рассчитывать только на помощь третьих стран, в частности Вашингтона.

США, действительно, оказывают дипломатическую поддержку Вьетнаму, стороны развивают военное и военно-техническое сотрудничество. Однако Белый дом не заинтересован в вооруженном конфликте с Пекином. Данный факт дает основание предположить, что КНР продолжит действовать с позиции своего неоспоримого суверенитета над территориями ЮКМ¹.

В свою очередь и страны АСЕАН в вопросе защиты своих интересов в ЮКМ во многом опираются на американскую поддержку. Без помощи Вашингтона они не способны противостоять Китаю, особенно в силу наличия их собственных разногласий по вопросу о разграничении суверенных прав на спорные острова. Тем не менее, в августе 2018 г. государства ЮВА совместно с КНР завершили работу по согласованию Кодекса поведения сторон в морском и воздушном пространстве ЮКМ, что положительно влияет на региональную обстановку и снижает степень напряженности. Вместе с тем даже в случае одобрения документа всеми участниками спора это не приведет к окончательному решению проблемы.

Культурно-образовательные инструменты усиления влияния Китая в Юго-Восточной Азии

Для снижения негативного отношения к усилению влияния Китая в ЮВА и инициативе «Один пояс, один путь» Пекин активно использует еще один инструмент «мягкой силы» — распространение китайской культуры и ценностей за рубежом.

Председатель КНР Си Цзиньпин 14 мая 2017 г. на первом форуме ОПОП в Пекине представил китайское видение нового этапа данной инициативы: дальнейшее развитие концепции затронет пять сфер — политическую, инфраструктурную, торговую, финансовую и гуманитарную. В докладе подробно раскрыты место и роль последнего из пунктов данного перечня, который воплотился в тезисе о превращении ОПОП в «путь цивилизации». Его смысл заключается в том, что для поступательного развития требуются взаимное понимание, уважение и доверие².

Перед КНР стоит цель убедить другие государства, что так называемой китайской угрозы не существует. Для этого глава Китая определил ряд задач, направленных на построение «пути цивилизации»:

- создать многоуровневый механизм гуманитарного сотрудничества, открыть еще больше каналов для взаимодействия;
- продвигать образовательное сотрудничество, расширять масштаб взаимного обмена студентами, повышать уровень совместно создаваемых учебных заведений;
- задействовать аналитические центры, создать связи между ними;
- в сферах культуры, спорта здравоохранения создавать новые модели сотрудничества, продвигать практические проекты;
- использовать историческое культурное наследие, совместно создавать обладающие спецификой Шелкового пути туристические продукты, охранять наследие;

1. *Andrew Poulin*, “How the World Overpowered Piracy in the Horn of Africa”, *International Policy Digest*, 16 January 2016. URL: <https://intpolicydigest.org/2016/01/16/how-the-world-overpowered-piracy-in-the-horn-of-africa/>.

2. “China Faces New Competition as Japan, India Eye Sri Lanka Port”, *Bloomberg*, 21 May 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-21/japanindia-in-deal-at-belt-and-road-colombo-port-nikkei>.

- через укрепление связей национальных парламентов, политических партий, неправительственных организаций, через тесные обмены между женщинами, молодежью, инвалидами создавать новые связи между государствами;

- развивать международное антикоррупционное сотрудничество.

Для исполнения поставленных задач китайские власти активизировали усилия по увеличению числа иностранных студентов из Юго-Восточной Азии в Китае, а также расширению в субрегионе географии и численности институтов Конфуция. На практике данный подход отразился, в первую очередь, в мерах поддержки распространению китайского языка. Несмотря на сложность, его популярность в мире в целом и в ЮВА, в частности, растет, что во многом связано с ростом и необходимостью экономического сотрудничества с КНР. Соответственно, объективно растет потребность в преподавании языка путем привлечения китайских специалистов¹.

Спрос на него в странах АСЕАН удовлетворяется с помощью различных образовательных программ, финансируемых как центральными, так и региональными властями Китая. По данным Министерства образования КНР, в последние годы ведомство уже направило в страны ЮВА более 7 тыс. преподавателей и добровольцев, а также подготовило для субрегиона 10 тыс. преподавателей китайского языка из числа его жителей.

Китайский язык постепенно становится главным языком бизнеса в регионе, чем еще больше повышает интерес местных жителей к его изучению. Многие конференции и выставки, проводимые совместно КНР и странами—членами АСЕАН, финансируются из китайского бюджета. Целью данных мероприятий является не только решение важных вопросов и заключение выгодных контрактов, но и превращение китайского языка в необходимость. Китай добивается, чтобы высокопоставленные лица и владельцы компаний общались не на английском, а на китайском языке.

С целью распространения китайской культуры и языка в зарубежных странах власти Китая оказывают финансовую и техническую поддержку культурно-образовательным центрам — институтам Конфуция, принимают участие в организации образовательных школ и классов. В странах АСЕАН действует 41 институт Конфуция, но размещены они неравномерно: больше всего в Таиланде — 23, в Индонезии — 7².

Данные образовательные учреждения играют важную роль в деле ознакомления стран субрегиона с лучшими достижениями китайской национальной культуры, а также содействуют культурному обмену между Китаем и иностранными государствами. Поэтому они являются важной составной частью внешней пропагандистской работы страны. Официально позиционируясь как специализированные центры изучения китайского языка и культуры, институты Конфуция призваны способствовать расширению круга «друзей Китая» за рубежом и формированию благоприятной для Пекина информационно-культурной среды.

Пекин стремится устранить все препятствия в обмене студентами в зоне свободной торговли КНР—АСЕАН, а также повысить привлекательность и конкурентоспособность национальных вузов. Создание китайскими властями комфортных условий для обучения студентов из ЮВА, в том числе упрощение процедуры получения китайских въездных виз и выделение китайским правительством государственных стипендий, способствовали значительному росту в Китае числа студентов из стран субрегиона в Китае.

1. 7 Katie Lange, “National Defense Strategy: Alliances and Partnerships”, US Department of Defense, 8 October 2018. URL: <https://www.defense.gov/explore/story/Article/1656016/national-defense-strategy-alliances-and-partnerships/>.

2. “Indo-Pacific Strategy Report”, US Department of Defense, 1 June 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENTOF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>.

Китайское правительство ежегодно учреждает стипендии для иностранных студентов. В связи с этим на регулярной основе проводятся встречи представителей министерств образования, на которых одной из обсуждаемых тем является взаимное признание документов об образовании и ученых степенях. Стороны активизировали усилия по выполнению плана, по которому к 2020 г. в Китае число студентов из стран АСЕАН должно составить 100 тыс. человек, столько же граждан государств ЮВА будет проходить обучение в КНР¹.

Пекин выделил 8,9 млрд долл. на «работу по пропаганде имиджа государства за рубежом», включая финансирование работающего 24 часа новостного канала Синьхуа, ведущего спутниковую трансляцию на страны Азии. Основное правительственное печатное англоязычное издание «Чайна дейли» (China Daily) платит деньги ведущим издательствам государств АСЕАН, чтобы его вкладыши были в местных газетах.

Укрепление экономических связей способствует развитию туристической отрасли. Китай стал крупнейшим поставщиком туристов для Таиланда, Вьетнама, Индонезии и Камбоджи и вторым источником туристов для Сингапура².

Согласно статистике Министерства спорта и туризма Таиланда, в 2018 г. количество китайских граждан, совершивших поездки в Таиланд, превысило 10 млн человек, что принесло Таиланду доход в размере 17 млрд долл. с приростом 15,78% по сравнению с предыдущим годом. Число китайских туристов, посетивших Филиппины в 2018 г., составило 842,6 тыс. человек, Камбоджу — 1,64 млн (рост 72% по сравнению с аналогичным периодом 2017 года).

В целом потенциал применения культурно-образовательных инструментов КНР в регионе АСЕАН достаточно велик, а формы и методы их применения разнообразны.

Заключение

Военно-политическая обстановка в Юго-Восточной Азии носит сложный и противоречивый характер. В значительной степени она определяется стремлением Китая расширить зону своего политического, экономического и военного присутствия. Следствием этих шагов является обострение отношений не только с соседними странами, но и с США, исторически рассматривающих субрегион как зону своих стратегических интересов.

Страны АСЕАН планомерно вовлекаются в сферу влияния Китайской Народной Республики, которой на пути превращения в мировую державу необходимо занять лидирующую позицию в Юго-Восточной Азии. Для распространения своего влияния на государства субрегиона КНР использует инструменты «мягкой силы»: экономические, дипломатические и культурно-образовательные.

С рядом государств Ассоциации Китай установил отношения стратегического партнерства. Кроме того, дополнительным условием успеха влияния Пекина в регионе являются продолжительная история экономических взаимоотношений с государствами — членами АСЕАН и четкое понимание важности отделения экономических вопросов от территориальных претензий.

Вместе с тем одновременно с дальнейшим расширением многопрофильного сотрудничества с Китаем в странах ЮВА растет число противников развития взаимодействия. Свою позицию они обосновывают опасением попадания в долговую зависимость от Пекина.

-
1. В настоящее время число китайских студентов в странах АСЕАН составляет более 70 тыс. человек, а количество студентов из стран АСЕАН в Китае — свыше 40 тысяч.
 2. *Lorand Laskai*, “Why Does Everyone Hate ‘Made in China 2025’?”, Net Politic, 28 March 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/why-does-everyone-hatemade-china-2025>.

Экономическая выгода от сотрудничества не исключает наличия в отношениях КНР и АСЕАН серьезных противоречий. Безусловно, хозяйственная кооперация производит благоприятный эффект. Однако политическая элита в ряде государств негативно реагирует на рост военного потенциала Китая.

Расположенные здесь страны выступают против доминирования какой-либо державы в Юго-Восточной Азии. Они придерживаются позиции, что формирующийся миропорядок должен быть многосторонним, с равноправными интересами всех государств. Китай же подходит к этому вопросу по-своему и заявляет об образовании нескольких «центров силы» с разделением их ответственности по регионам. Для него таким «районом влияния» как раз и становится ЮВА. Она превращается в площадку для закрепления Пекином лидерства. Об этом свидетельствуют его стремление к экономическому сотрудничеству, заинтересованность в ресурсах, а также расширение влияния.

Кроме того, следует полагать, что КНР не остановится на уже завоеванных позициях в Южно-Китайском море и будет добиваться установления полного, в том числе военного, контроля над спорными островами, которые в Пекине считают исконно китайскими. Если КНР будет контролировать ЮКМ, ее влияние как военной и финансовой сверхдержавы существенно увеличится. Многие страны региона выражают озабоченность, что тогда Китай сможет установить гегемонию, подобную японской во время Второй мировой войны. Самым негативным последствием для АСЕАН является попадание организации под полное влияние КНР в политической и экономической областях.

В связи с этим в ближайшей перспективе существует вероятность обострения отношений между Китаем и отдельными странами ЮВА, что может выразиться во временной или полной приостановке совместных инфраструктурных проектов, а также в активизации укрепления связей стран—участниц АСЕАН с США и другими западными государствами.

Список литературы

1. “Asia Power Index 2019”, Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org>.
2. “Bangladesh Bank Open Data Initiative” Bangladesh Bank. URL: <https://www.bb.org.bd/econdata/>, accessed March 11, 2019.
3. “China Faces New Competition as Japan, India Eye Sri Lanka Port”, Bloomberg, 21 May 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-21/japanindia-in-deal-at-belt-and-road-colombo-port-nikkei>.
4. “China–Cambodia Community of Shared Future Features Four Special Points: Chinese Ambassador to Cambodia,” Fresh News Asia, May 8, 2019. URL: <http://m.en.freshnewsasia.com/index.php/en/localnews/13941-2019-05-08-08-06-23.html>.
5. “Foreign Direct Investment (FDI) in Bangladesh Survey Report January-June, 2017” Statistics Department Bangladesh Bank. URL: <https://www.bb.org.bd/pub/halfyearly/fdisurvey/fdisurveyjanjun2017.pdf>, accessed March 11, 2019.
6. “Global Center for Mekong Studies Launched in Cambodia,” Xinhua, September 28, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/28/c_136645466.htm.
7. “Indonesia to Propose Projects Worth US\$91 Billion for China’s Belt and Road,” The Straits Times, March 20, 2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/indonesia-to-propose-projects-worth-us91-billion-for-chinas-belt-and-road>.
8. “Indo-Pacific Strategy Report”, US Department of Defense, 1 June 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-/1/1/DEPARTMENTOF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>.
9. “Japan, US and Australia begin own ‘Belt and Road’ in South Pacific”, Nikkei Asian Review, 25 June 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Internationalrelations/Japan-US-and-Australia-begin-own-Belt-and-Road-in-South-Pacific>.

10. “The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report”, ISEAS — Yusof Ishak Institute, Singapore, 2019. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf.
11. Katie Lange, “National Defense Strategy: Alliances and Partnerships”, US Department of Defense, 8 October 2018. URL: <https://www.defense.gov/explore/story/Article/1656016/national-defense-strategy-alliances-and-partnerships/>.
12. Andrew J. Nathan, “China’s Challenge,” *Journal of Democracy* 26, no. 1 (January 2015): 157. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/article/china%E2%80%99s-challenge>.
13. Andrew Poulin, “How the World Overpowered Piracy in the Horn of Africa”, *International Policy Digest*, 16 January 2016. URL: <https://intpolicydigest.org/2016/01/16/how-the-world-overpowered-piracy-in-the-horn-of-africa/>.
14. Ankit Panda, “US, India, Japan, Philippine Navies Demonstrate Joint Presence in South China Sea”, *The Diplomat*, 11 May 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/us-india-japan-philippine-navies-demonstrate-joint-presence-in-south-china-sea/>.
15. Ben Sokhean, “Hun Sen Inks Nine Deals with China,” *Khmer Times*, April 29, 2019. URL: <https://www.khmertimeskh.com/50598850/hun-sen-inks-nine-deals-with-china/>.
16. Bilahari Kausikan, “Dealing with an Ambiguous World — Lecture III: ASEAN & US-China Competition in Southeast Asia” (Singapore: IPS-Nathan Lectures, March 30, 2016). URL: https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/ips/mr-bilahari-kausikan-speech7d7b0a7b46bc6210a3aaff0100138661.pdf?sfvrsn=cec7680a_0.
17. Cecilia Joy Perez and Derek Scissors, “Be Wary of Spending on the Belt and Road”, AEI, November 2018. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/11/Updated-BRI-Report.pdf/>.
18. Christopher Sharman, “After a China-Vietnam Standoff, Expect a Turn to the U.S.,” *The Diplomat*, September 20, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/09/after-a-china-vietnam-standoff-expect-a-turn-to-the-us>.
19. David Shambaugh, “U.S.-China Rivalry in Southeast Asia: Power Shift or Competitive Coexistence”, *International Security* 42, no. 4 (Spring 2019).
20. Derek Scissors, “China’s Global Business Footprint Shrinks”, AEI, July 2019. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2019/07/Chinas-Global-BusinessFootprint-Shrinks.pdf>.
21. Dewi Fortuna Anwar, “Indonesia-China Relations: Coming Full Circle,” in *Southeast Asian Affairs 2019*, ed. Daljit Singh and Malcolm Cook (Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2019).
22. Eric Heginbotham, “China’s Strategy in Southeast Asia,” in *China Steps Out: Beijing’s Major Power Engagement with the Developing World*, ed. Joshua Eisenman and Eric Heginbotham (New York: Routledge, 2018).
23. Jitsiree Thongnoi, “Too Little, Too Late for US ‘Recommitment’ to Mekong Countries? China’s AI-ready There,” *South China Morning Post*, June 16, 2019. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3014612/toolittle-too-late-us-recommitment-mekong-countries-chinas>.
24. Jonathan Stromseth and Hunter Marston, “As U.S. Aircraft Carrier Departs Vietnam, What are the Implications for Regional Security,” *The Brookings Institution*, March 9, 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/03/09/as-a-u-s-aircraft-carrier-departs-vietnam-what-are-the-implications-for-regionalsecurity/>.
25. Khin Khin Kyaw Kyee, *China’s Multi-layered Engagement Strategy and Myanmar’s Realities: The Best Fit for Beijing Policy Preferences* (Yangon: Institute for Strategy and Policy — Myanmar, 2018).
26. Lisa Tobin, “Xi’s vision for transforming Global Governance: A Strategic Challenge for Washington and Its Allies,” *Texas National Security Review* 2, no. 1 (November 2018). URL: <https://tnsr.org/2018/11/xis-vision-for-transforming-global-governance-a-strategic-challenge-for-washington-and-its-allies/>.
27. Liu Zhen, “What’s China’s ‘Nine-Dash Line’ and Why Has It Created So Much Tension in the South China Sea,” *South China Morning Post*, July 12, 2016. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1988596/whats-chinas-nine-dash-line-and-why-has-it-created-so>.
28. Michelle Jamrisk, “China No Match for Japan in Southeast Asia Infrastructure Race,” *Bloomberg*, June 22, 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-23/china-no-match-for-japan-in-southeast-asia-infrastructure-race>.

29. *Mitsuru Obe and Marimi Kishimoto*, “Why China is Determined to Connect Southeast Asia by Rail,” *Nikkei Asian Review*, January 9, 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Cover-Story/Why-China-is-determined-toconnect-Southeast-Asia-by-rail>.
30. *Pradumna B. Rana and Xianbai Ji*, “Belt and Road Forum 2019: BRI 2.0 in the Making?” *S. Rajaratnam School of International Studies*, May 2, 2019. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/05/CO19086.pdf>.
31. Taiki Koga. *JETRO Business News*, 2017–6–12. URL: <https://www.jetro.go.jp/biznews/2017/06/ce5ab47418ba84cc.html>, accessed March 5, 2019.
32. *William A. Callahan*, “China’s ‘Asia Dream’: The Belt and Road Initiative and the New Regional Order,” *Asian Journal of Comparative Politics* 1, no. 3 (2016).
33. *Zhang Yunling*, “China and Its Neighborhood: Transformation, Challenges, and Grand Strategy”, *International Affairs* 92, no. 4 (2016), 839.
34. *Lorand Laskai*, “Why Does Everyone Hate ‘Made in China 2025’?”, *Net Politic*, 28 March 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/why-does-everyone-hatemade-china-2025>.

R. Polonchuk. The Policy of the People's Republic of China in Southeast Asia

The article considers the main directions of the policy of the People’s Republic of China in Southeast Asia. The analysis of political, trade, economic, cultural and educational measures of China to strengthen its influence in Southeast Asia is carried out. Particular attention is paid to the consideration of problematic issues of organizing trade and economic cooperation and ensuring regional security of the PRC together with the countries of Southeast Asia. The problem of the South China Sea in relations between China and ASEAN countries is considered.

Keywords: People's Republic of China, Southeast Asia, trade and economic relations, cooperation, regional security, South China Sea.

Polonchuk Ruslan Andreevich, Postgraduate Student, Department of International Security and Foreign Policy Activities of Russia, Institute of Law and National Security, Faculty of National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).

Обзор социально-экономических и политических отношений Тайваня с некоторыми азиатскими странами и перспектива их дальнейшего развития

© 2020

Е.Н. Степанова

В статье рассматриваются особенности предпринятой Тайванем социально-экономической политики «поворота на Юг» в отношении стран Юго-Восточной Азии в связи с необходимостью выживания тайваньского социума, и укрепления статуса полноправного партнера в постоянно меняющихся обстоятельствах.

Ключевые слова: политика «поворота на Юг», экспортное переориентирование, международный статус Тайваня.

DOI: 10.31857/S013128120010557-3

В российской научной литературе подробно рассматриваются особенности проведения экономической политики на Тайване.

Как отмечают исследователи-экономисты, благодаря стратегическому ориентированию экономики Тайваню удалось достичь реального успеха и рекордного устойчивого экономического роста, применяя комбинированную стратегию «экспортноориентированного импортзамещения», с диверсификацией экспорта, упреждающей антикризисной политикой, сбалансированным рынком труда и капитала, поддержкой предпринимателей, действующих в настоящих условиях полноценного рынка, техническим прогрессом в сельском хозяйстве, развитием инфраструктуры и продвижением реального сектора экономики.

В 1970-х годах Тайвань превратился в экспортера капитала. Одновременно благодаря взвешенной политике правительства, проверяющего целесообразность инвестиционных проектов, он не допустил притока на территорию острова спекулятивных денег, способных разрушить экономику в условиях переходности¹.

В 1980-х годах индустриализация на Тайване привела к началу переноса трудоемких производств в страны Юго-Восточной Азии и Китай с целью продвижения прибыльного высокотехнологичного производства с высокой добавленной стоимостью на самом Тайване. В результате такой политики уже к 1984 г. доля экспорта превысила долю

Степанова Елена Николаевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозирования Китая Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: helenstepanova@bk.ru.

Статья написана по итогам участия сотрудников ИДВ РАН в научной конференции в Университете Чэнгун (Тайвань) в ноябре 2019 г.

1. *Мельянцева В.А.* Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. Москва. 2000. С. 282–283.

импорта в ВВП острова в соотношении 58% и 45,7%, хотя в 1997 г. в связи с ростом доходов населения и активизацией внутреннего спроса наблюдалось снижение этих показателей в ВВП (43% и 37,5%)¹.

В зарубежной научной литературе рассматриваются три волны «политики, обращенной на Юг», начатой в 1980-х–1990-х годах, продолженной с конца 1990-х до начала 2000-х, и политики эпохи Ма Инцзю. Так называемая политика поворота на Юг (или Go South) в 1990-х годах способствовала экономическому росту Тайваня вплоть до начала 2000-х годов, что помогло тайваньскому бизнесу вместе с партнерами из стран ЮВА наладить производство и диверсифицировать его.

Следует также отметить, что в начале 1990-х годов правительство активно наращивало человеческий капитал, инвестируя в образование и здравоохранение, повышение квалификации работников, новейшие информационные технологии и т.д. Тайвань опередил таких своих конкурентов, как Таиланд, Индонезия, Индия, и других по производительности и эффективности использования основных факторов производства².

При этом существует ряд факторов, которые, как представляется, помогут точнее оценить эффективность экономического развития Тайваня на рубеже смены столетий с учетом работы банковской системы, наличия бюджетного дефицита, темпов роста реальной заработной платы, а именно: положение Тайваня на электронном рынке, возрастание протекционизма США и в связи с этим замедление динамики хозяйственной деятельности и т.д.³.

Согласно данным, опубликованным Институтом международного развития в ежегоднике Мировой конкурентоспособности за 2008 г., Тайвань повысил свою конкурентоспособность по степени эффективности деятельности правительства, эффективности ведения бизнеса и состоянию инфраструктуры и экономики, заняв 3-е место среди азиатских стран после Сингапура и Гонконга, опередив материковый Китай (18-е место в этом списке)⁴.

В период президентства Ма Инцзю (2008–2016 гг.) на Тайване какое-то время отмечался небывалый рост ВВП (в 2010 г. он составил 10,8%, в 2011 г. – 10,72%)⁵, благодаря торговым «квазисоглашениям»,⁶ заключенным с Сингапуром, Новой Зеландией, а также подписанному с Японией соглашению о защите инвестиций⁷. По сообщениям СМИ Тайваня, правительство во главе с Ма Инцзю планировало превратить остров в «центр управления капиталом» для Азиатско-Тихоокеанского региона, предлагая тай-

1. См.: *Мозиас П.М.* Внешние связи и национальное развитие: опыт Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. М. ИДВ РАН. 2000. № 5. С. 100–103.
2. Расчеты произведены д.э.н. В.А. Мельянцевым. *Мельянецов В.А.* Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. Москва. 2000. С. 285.
3. *Мельянецов В.А.* Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. Москва. 2000. С. 290.
4. Taiwan Journal. “Report highlights nation’s overall competitiveness”. May 23, 2008. P. 7.
5. *Ларин А.Г.* Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 14.
6. *Murray A. Rubinstein* (editor). Taiwan. A new history (*Murray A. Rubinstein* (author). Political Taiwanization and pragmatic diplomacy. The Eras of Chiang Ching-kuo and Lee Teng-hui, 1971–1994) // An East Gate book. M.E. Sharpe. Armonk. New York. London, England. 1999. P. 464; 477–478.
7. *Joe Thomas Karackattu.* The Case for a pragmatic India-Taiwan partnership // Carnegie Endowment for International Peace Publication Department. Washington D.C. 2019. P. 7.

ванским инвесторам выгодные условия для инвестиционных вложений в экономику Тайваня и одновременное заключение соглашения о свободной торговле с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) для повышения конкурентоспособности и большего привлечения иностранного капитала, несмотря на продолжавшиеся попытки материкового Китая по изоляции острова от мирового сообщества¹. Следует отметить, что в отличие от своих предшественников Ма Инцзю воздерживался от упоминания самого термина *Go South* во избежание возбуждения отрицательных эмоций у китайской стороны.

Кроме того, несколько важных моментов в период правления Ма Инцзю, на наш взгляд, могут быть значимыми для всех акторов тайваньской политики «поворота на Юг» уже на современном этапе. Во-первых, это касается соглашения, вступившего в силу 1 января 2010 г., о зоне свободной торговли «АСЕАН плюс Китай» (с учетом специфичности международного статуса Тайваня), осложнившее положение Тайваня на рынках упомянутых стран. Тогда как следовашее за этим соглашением подписание Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве (РСЭС) со снижением таможенных барьеров между двумя берегами Тайваньского пролива в июне 2010 г. заключалось с благой целью сделать Тайвань вполне конкурентоспособным на китайском рынке в отношении стран АСЕАН и Южной Кореи, чтобы обеспечить ему входение на мировой рынок и выгодные условия торговли, рассредоточить зависимость Тайваня от некоторых регионов и государств. Необходимо отметить, что Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве не касалось тогда тайваньских электронных компонентов (ввозимых в материковый Китай под минимальные пошлины в 0,58%), которые используются в компьютерах и другой технике, производимых под китайской маркой. Кроме того, предполагалось также, что в зоне ЮВА тайваньские предприятия смогут объединить ресурсы с предприятиями материкового Китая с целью увеличения инвестиций² согласно различным моделям экономического сращивания (по примеру Шэньчжэнь–Сянган). При этом для исследователя остается не до конца ясным размер доли тайваньского бизнеса в предприятиях, прежде всего электронной промышленности, работающих на территории ЮВА в настоящее время, для оценки его действительной успешности и перспектив дальнейшего роста. Как выяснилось позже (конец 2019 г.), согласно тайваньским источникам, в области электроники Тайвань сотрудничает с пятью странами: Индией, Таиландом, Сингапуром, Филиппинами и Новой Зеландией. В первом квартале 2019 г. тайваньский бизнес инвестировал в страны ЮВА по 56 инвестиционным проектам, т.е. на 30,2% больше капитала, чем в предыдущем году. При этом отмечается ежегодное увеличение тайваньских инвестиций в производство во Вьетнаме и Таиланде. С другой стороны, из-за имевших место торговых противоречий США и материкового Китая на остров поступает больше заказов, что временно позволит решить неотложные проблемы его экономики³.

Тайвань рассчитывает, что его собственная высокая научно-техническая мощь позволит ему «стать азиатским центром производства и научно-исследовательских разработок высокого уровня», центром научно-технических отраслей. Для этого на следую-

1. Taiwan Journal. “Blueprint is key to nation’s future”. May 23, 2008. P. 6.
2. Cit.: Zhao Hong/Taiwan: ASEAN economic relations in the context of East Asian regional integration//International Journal of China Studies. 2011. V. 2. № 1. April. P. 53. Ларин А.Г. Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 18.
3. Источник: From advancing the economy to making friends. 16 Stories illustrate the 3-year results of the New Southbound policy. Major industries in New Southbound Policy (NSP) countries with the most investments from Taiwanese enterprises (2015–2019). Taiwan Asia Exchange Foundation (TAEF) Quarterly. Taiwan. Taipei. 2019. P. 18–19.

щие четыре года Тайвань определяет себе три главные цели в области экономики, окружающего мира и безопасности.

Подразумевается, что, во-первых, Тайваню предстоит улучшить положение в экономике, учитывая и то, что нынешнее состояние торговых отношений между США и Китаем приведет к переформированию глобальных поставок. В связи с этим может углубиться интеграция в сфере программирования и усилиться его производственное применение, увеличиться использование интеллектуального потенциала работающих людей; укрепятся промышленные кластеры и улучшится интеграция между отраслями тяжелой и электронной промышленности для ускорения применения искусственного интеллекта, представляющего собой несомненный приоритет тайванской экономики, обеспечивая конкурентоспособность острова и поддерживая тем самым постоянный международный интерес к инновационным успехам Тайваня.

Во-вторых, самому Тайваню потребуются повысить внимание к социальной политике. Это значит, что в следующие четыре года правительству и соответствующим органам предстоит усилить политику в сфере попечительства и распределения льгот для пожилых людей, продолжить заботу о престарелых, расширить масштаб помощи детям и профессиональных услуг по долговременному уходу за престарелыми, материальной помощи людям с ограниченными физическими возможностями. Для детей, помимо льгот, предстоит создать гораздо большее число общественных садов и яслей и намного уменьшить плату за обучение. Одновременно вырастет количество направлений по обслуживанию населения, планируется увеличить число центров распределения жилья по доступной для населения цене.

В-третьих, Тайваню предстоит еще больше усилить собственную безопасность¹ по причине турбулентности международной обстановки и неопределенности будущего острова². В этом вопросе у Цай Инвэнь выработана четкая позиция: «твердо придерживаться государственного суверенитета, твердо придерживаться ценностей демократии и свободы, а на любые попытки втянуть Тайвань в принятие инициативы «одно государство — два строя» [у Цай Инвэнь] есть ответ из трех иероглифов — (бу кэнэн) “невозможно”». Следующие четыре года Цай Инвэнь, не поддаваясь давлению, будет твердо придерживаться концепции, связанной с ценностями и демократическим духом, на основе которых и будут выстраиваться отношения со всем миром³. Упомяну-

1. Речь не идет пока о непредсказуемых социально-экономических, а также и политических последствиях внезапной вспышки и быстрого (избирательного) распространения «корона-вируса» на определенной территории материкового Китая и окружающего мира, несомненно, отразившихся на экономиках не только материкового Китая, Тайваня и других азиатских стран. Проблема сразу возникла в сфере индустрии туризма во всем мире, поскольку наибольшее число перемещающихся по всему миру — это жители материкового Китая. В связи с этим Тайвань обнародовал пять мер для своих 40–50 пострадавших туристических агентств: субсидии для туристических агентств; фонды для этих агентств, из средств которых возвращаются деньги туристам в случае непредвиденных обстоятельств; оценка возможности поправок в законодательстве, касающихся сокращения налогов; помощь авиакомпаниям по возмещению стоимости возвращенных пассажирами билетов; субсидии для некоторых турагентств для подготовки кадров. Источник: URL: <https://news.pts.org.tw/> (дата обращения 31.01.2020).

2. Речь в данном случае идет не только (не столько) о поставках вооружений Тайваню. В вопросе довооружения Тайваня наблюдаются принципиальные изменения, т.е. поставки будут носить нерегулярный характер (on case-by-case basis), по инициативе погибшего в авиакатастрофе накануне выборов 2020 на Тайване главы всего генералитета армии Тайваня, главнокомандующего ВВС Тайваня генерала Шэнь И-Мина [沈一鳴], с целью обновления уже имеющихся в распоряжении Тайваня боевой техники (например, самолетов F-16 на F-16V и т.д.).

3. “Liberty” “Xia ge si nian san da mubiao” («Три главные цели на следующие четыре года»). Dec 1, 2019. P.A2.

тая стратегия будет также касаться поддержания национального суверенитета¹ и ценностей демократии и свободы². В связи с этим стоит обратить внимание на отношения в треугольнике США–Китай–Тайвань, в которых, по мнению, тайваньских СМИ, отношения «США–Китай» будут демонстрировать все большую нестабильность...³.

Зарубежными авторами отмечается вариативность тайваньской политики «поворот на Юг» также по причине различий с региональными политиками стран ЮВА. Тайвань действует согласно специально сформулированной и индивидуально применяемой практике в отношении каждой конкретной страны. Благоприятными показателями для развития взаимовыгодных торговых и экономических связей являются высокий ВВП страны-партнера и высокая степень ее открытости в торговле.

В зарубежных исследованиях 1990-х – 2010-х годов подчеркивается, что трудности в проведении торгово-экономической политики у Тайваня возникают с шестью странами из десяти: Лаосом, Филиппинами, Мьянмой, отчасти с Камбоджей, по причине влияния китайского фактора. Тайваню также не удается достичь равномерности в торговом партнерстве с Брунеем⁴. Примером подобных трудностей могут служить даже процессы подписания двухсторонних соглашений между Тайванем и Вьетнамом, а также Тайванем и Индией, которые не ограничивались лишь экономическими целями, но имели политический подтекст, направленный на достижение дипломатического признания Тайваня⁵ (или, по крайней мере, создания для Тайваня атмосферы политического благоприятствования) и повышения его авторитета в международном пространстве, приобретения возможности развития *официальных* двухсторонних отношений со странами Юго-Восточной Азии.

Первые одобренные Исполнительным юанем инвестиции во Вьетнаме были в легкую промышленность в 1994 г., практически сразу после предварительного подписания двустороннего соглашения («駐越南臺北經濟文化辦事處和駐臺北越南經濟文化辦事處投資促進和保護協定») между Тайванем и Вьетнамом 21 апреля 1993 г. В тот же день соглашение вступило в силу, в отличие от процедуры подписания подобного соглашения с Индией («駐新德里臺北經濟文化中心與駐臺北印度一臺北協會間投資促進及保護協定») в октябре 2002 г. и его ратификации только в марте 2005 г. Вероятно, потому, что сначала в 1971 г. Индия поддержала членство материко-

1. По формуле: «мир, паритет, демократия и диалог» для обеспечения долгосрочного развития, фокусируясь на установлении нового дискурса [между берегами Тайваньского пролива]. Согласно тайваньских СМИ, в вопросе установления дискурса на новой основе инициатива, предполагается, будет исходить от ДПП («ДПП — материковый Китай»), поскольку в настоящее время партия Гоминьдан в вопросе проливных отношений демонстрирует очевидную слабость, что объясняется несколькими причинами, среди которых необходимость реформирования партии и ее омоложения (средний возраст членов ГМД — 60 лет, тот же показатель в партии ДПП — 40 лет).
2. Taipei Times. "Tsai, Han discuss plans while on the campaign trail". De.1, 2019. P. 3 (на английском языке). "Liberty" "Xia ge si nian san da mubiao" («На следующие 4 года 3 главные цели»). Dec.1, 2019. P.A2.
3. Taipei Times. Ryan Hass on Taiwan: This US-China downturn may be difficult for Taiwan. URL:<http://www.taipetimes.com/News/editorials/archives/2020/02/24/2003731506/2> (дата обращения 24 февраля 2020).
4. Chii Torng Liew and Tuck Cheong Tang. (Faculty of Economics and Administration, University of Malaya). "China, sustainable development and the peripheral frontier" // Contemporary Chinese Political Economy and strategic relations: an International Journal. (CCPS) Malaysia. Vol. 5, № 1, April/May 2019, P. 350–351.
5. См: Мозиас П.М. Внешние связи и национальное развитие: опыт Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 5. С. 106.

вого Китая в ООН, а затем официально одной из первых стала на позиции тех стран, которые признали неизменной политику «одного Китая»¹, по существу блокирующей установление дипломатических отношений Тайваня со странами региона.

Следует упомянуть намерения тайваньского правительства включить Индию в стратегию «поворота на Юг» в период второй волны развития этой политики² в 2005 г. Данные, которые удалось обнаружить, показывают, что общий объем торговли Тайваня с Индией был тогда невелик (2,27 млрд долл. за 11 месяцев 2005 г.), хотя возникали намерения довести его до 7 млрд долл. в 2007 г., что достигнуто не было.

В 2007 г. Индия экспортировала на Тайвань товары на сумму 2,54 млрд долл. (в основном нефть и продукты нефтехимии, органической химии, медь и изделия из нее, алюминий и изделия из него, железо и сталь, станки, природные материалы – камень и грунт, соль, серу, хлопок, пищевые отходы и т.д.), удвоив этот показатель по сравнению с 2006 г. Тайвань экспортировал в Индию на сумму 2,34 млрд долл. В 2007 г. Индия осталась на 15-м месте в списке партнеров Тайваня по экспорту после Филиппин. При этом отмечался рост экспорта Тайваня в Индию каждый год в среднем на 59,2% (в основном станки и оборудование, дизельное топливо, продукция химической и электронной промышленности, в том числе полупроводники, пластик и изделия из него, ткани и т.д.)³. В конце 2004 г. прямые инвестиции Тайваня в Индию составляли 116 млн долл., что несопоставимо меньше объема инвестиций в Китай (41,7 млрд долл.).

Следует отметить, что в 2018 г. между Тайванем и Индией было заключено двустороннее инвестиционное соглашение о прямых инвестициях и договор об обоюдном признании программ экономического взаимодействия, что способствовало распространению в Индии разработанных на Тайване высоких технологий и средств коммуникаций. Подписание упомянутых документов и реализация этих программ рассматривались Тайванем как наиболее значительные достижения правительства в осуществлении новой политики «поворота на Юг». Через бизнес-партнерство с Индией у Тайваня имелась перспектива продвинуться дальше в освоении рынка Южной Азии. Для Индии экономическое сотрудничество с Тайванем, помимо области информационных технологий, могло быть выгодным в области охраны окружающей среды, в развитии инфраструктуры, а также в области безопасности и борьбе с терроризмом и т.д.⁴.

1. *Joe Thomas Karackattu*. The Case for a pragmatic India-Taiwan partnership//Carnegie Endowment for International Peace Publication Department. Washington D.C. 2019. P. 4.
2. Инициатором выступило тогда тайваньское правительство под руководством премьера Ю Си-кунь [游錫堃], который в 2020 г. был избран спикером Законодательного Юаня от ДПП после избрания президента Цай Инвэнь на второй срок. Бывший премьер Ю Си-кунь высказывается за поддержку правительства со стороны Законодательного Юаня и сохранение соглашения по свободной торговле и установление контактов с демократическими странами-единомышленниками, такими как США, Япония, Евросоюз, Австралия, Канада. С его точки зрения, Тайваню предстоит использовать собственную «мягкую силу» маленькой, но сильной нации, и свое стратегически выгодное месторасположение в Индо-Тихоокеанском регионе, с тем чтобы в интересах Тайваня максимально использовать возможности, возникающие, в том числе, в процессе торговых переговоров. Taipei Times. DPP's Yu Shyi-kun elected legislative speaker. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2020/02/02/2003730212> (дата обращения: 03.02.2020).
3. "ITA Monthly Economic & Commercial Report" (PDF). Archived from the original (PDF) on 26 January 2009. Retrieved 30 April 2009. URL: https://web.archive.org/web/20090126192610/http://india.org.tw/003/download/com1_annual%20trade%20report_website.pdf (дата обращения 02.02.2020).
4. "Taiwan-India: New Friends?" June 7, 2007. URL: <https://www.c3india.org/archives/taiwan-india-new-friends/> (дата обращения 2 февраля 2020).

Очевидно, что Тайвань, подписывая упомянутые соглашения, исходил из экономической необходимости, в первую очередь внимательно относясь к нуждам тайваньского бизнеса, а также с учетом фактора материкового Китая, развития с ним экономических и торговых отношений, поскольку КНР до сих пор остается¹ самым крупным экономическим и торговым партнером Тайваня. Экспорт Тайваня в материковый Китай стабильно увеличивался с 2008 по 2011 г. (с 66,68 млрд до 83,96 млрд долл.)².

Что касается важного для Тайваня ближайшего торгового партнера – Филиппин, то до 2008 г. отношения Тайваня и Филиппин оставались стабильными и улучшались. Филиппины занимали 14-е место среди самых крупных торговых партнеров Тайваня в 2007 г. Хотя согласно данным, приведенным тайваньскими СМИ, за неполный 2007 г. показатель импорта Тайваня с Филиппин уменьшился на 19,2% по сравнению с показателями 2006 г., и Филиппины перешли с 16-е места в 2006 г. на 18-е в 2008 г. Однако, Тайвань испытывал острую нехватку строительных материалов (песка и гравия) в связи с уменьшением, а затем запретом их экспорта из материкового Китая. В связи с этим он предпринял неотложные меры по обеспечению ввоза этих строительных материалов с Филиппин на постоянной основе.

В 2008 г. отмечался интерес крупной тайваньской компании «Формоза пластикс» (*Formosa Plastics Group*) к инвестированию, в том числе, в предприятия ближайших потенциальных тайваньских партнеров на Филиппинах. В 2008 г. тайваньские компании инвестировали в строительство электростанций по совместному проекту в городе Толедо провинции Себу. Таким образом, Тайвань вполне освоился на Филиппинах, интегрируясь в экономику этого государства, обеспечивая местных жителей рабочими местами, одновременно увеличивая мощность тайваньских предприятий.

В 2018 г. Филиппины занимали 6-е место среди стран-импортеров тайваньской сельскохозяйственной продукции (страна импортирует товары с Тайваня на скромную сумму 96,472 млн долл. с ростом этого показателя на 29,7% за последние 3 года) после Вьетнама, Таиланда и Австралии, но перед Сингапуром, Бангладеш и Индией³. В настоящее время Тайвань на Филиппинах в основном инвестирует в производство обуви, автомобилей, электроники и в энергетические предприятия⁴. Несмотря на это, в феврале 2020 г. наблюдалась некоторая «турбулентность» в отношениях Тайваня с Филиппинами. Речь даже шла об ответных мерах Тайваня на запрещение его гражданам путешествовать на Филиппины в связи со вспышкой в материковом Китае корона-вируса COVID-19 и предпринятых жестких карантинных мер. Среди ответных мер Тайваня были отмены

1. Ларин А.Г. Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 16.
2. Несмотря на то, что в настоящее время Цай Инвэнь ставит задачу возвращения инвестиций из материкового Китая на Тайвань (на Тайвань вернутся 52 компании), доведя их объем до увеличенной правительством целевой суммы с 250 млрд н.т.д. до 500 млрд н.т.д., при этом предлагая льготные 8% по налогам в первый год, что в последующие два года увеличится до 10%. При этом, с точки зрения тайваньского бизнеса, вложенный в материковом Китае тайваньский капитал имеет небольшой возврат на Тайвань в 1 трлн н.т.д. См.: Интервью Лай Чэньи, председателя Генеральной Коммерческой Палаты РК. URL: <https://news.pts.org.tw/> (от 10.05.2019).
3. Resource: From advancing the economy to making friends. 16 Stories illustrate the 3-year results of the New Southbound policy. Major industries in New Southbound Policy (NSP) countries with the most investments from Taiwanese enterprises (2015–2019). Taiwan Asia Exchange Foundation (TAEF) Quarterly. Taiwan. Taipei. 2019. P. 11.
4. Resource: From advancing the economy to making friends. 16 Stories illustrate the 3-year results of the New Southbound policy. Major industries in New Southbound Policy (NSP) countries with the most investments from Taiwanese enterprises (2015–2019). Taiwan Asia Exchange Foundation (TAEF) Quarterly. Taiwan. Taipei. 2019. P. 18.

бесплатных въездных виз для филиппинцев, а также запрет на миграцию рабочих с Филиппин на Тайвань, что существенно для обеих стран, поскольку 20% иностранной рабочей силы на Тайване составляют граждане Филиппин. При этом в тайваньской прессе отмечается, что в связи с возможным быстрым распространением инфекции в странах Юго-Восточной Азии и проводимой правительством новой политикой «поворота на Юг» Тайваню предстоит быть осторожным и предпринять всевозможные превентивные меры в отношении собственной ситуации на острове¹.

Если говорить о вкладе Тайваня в стратегию развития Индо-Тихоокеанского региона, то согласно опубликованным там в конце 2019 г. материалам, тайваньская политика «поворота на Юг», возобновленная в 2016 г., имела минимум *три цели*. Во-первых, существенное развитие сотрудничества, включая обмен опытом, в том числе по борьбе с эпидемиями, и совместное использование ресурсов со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также Австралией и Новой Зеландией, которое распространялось бы не только на экономику, но охватывало также область высшего образования, воспитания талантов, здравоохранение и сельское хозяйство. Судя по данным, приведенным в тайваньском источнике, в 2018 г. наиболее удачные экспортно-импортные операции с продукцией сельского хозяйства осуществлялись с Вьетнамом (экспорт Тайваня в эту страну составил 469,198 млн долл.), Таиландом (экспорт Тайваня 301,833 млн долл.) и Австралией (116,962 млн долл.)². Во-вторых, ставилась цель заключить «неформальные формальные» (букв. цит.) партнерства с помощью инициатив от сетевых гражданских организаций, а также коммерческих, торговых, инвестиционных, культурных и образовательных предприятий, с помощью различных институциональных механизмов сотрудничества. И, в-третьих, политика «поворота на Юг» имеет целью консолидацию для поддержания региональной стабильности и процветания, для обеспечения *нетрадиционной* безопасности, экономической и продовольственной безопасности, безопасности в сфере здравоохранения (что может быть вкладом в так называемую «мягкую безопасность» в Индо-Тихоокеанском регионе)³.

Что касается экономических отношений через Тайваньский пролив, то, по данным российских ученых-экономистов, точно определить величину тайваньских инвестиций в китайскую экономику невозможно по причине их завуалированности. Постановлением Гоминьдана 1991 г. мелкому и среднему тайваньскому бизнесу было разрешено осуществлять прямые инвестиции в экономику материкового Китая через Гонконг или третьи страны. Уже в 1993 г. зарегистрированных в Гонконге тайваньских предприятий (торговых или инвестиционных), инвестирующих в китайскую экономику, было 2578. В 1999 г. предприятий с участием тайваньского капитала насчитывалось 43 408 (согласно уточненным тайваньским данным около 30 тыс.)⁴. По некоторым

1. Taipei Times. Virus Outbreak: Philippines removes Taiwan from ban. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2020/02/15/2003731014> (дата обращения 16.02.2020); URL: <https://news.pts.org.tw/> (дата обращения 13.02.2020).
2. Resource: From advancing the economy to making friends. 16 Stories illustrate the 3-year results of the New Southbound policy. Major industries in New Southbound Policy (NSP) countries with the most investments from Taiwanese enterprises (2015–2019). Taiwan Asia Exchange Foundation (TAEF) Quarterly. Taiwan. Taipei. 2019. P. 11.
3. Resource: From advancing the economy to making friends. 16 Stories illustrate the 3-year results of the New Southbound policy. Major industries in New Southbound Policy (NSP) countries with the most investments from Taiwanese enterprises (2015–2019). Taiwan Asia Exchange Foundation (TAEF) Quarterly. Taiwan. Taipei. 2019. P. 26.
4. Кузнецова В.В. Экономические связи Тайваня с КНР: проблемы безопасности острова // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. Москва. 2000. С. 273–274.

оценкам, по объемам инвестиций в середине 1990-х годов Тайвань являлся торговым партнером Китая и следующим за Гонконгом инвестором в экономику КНР с вложениями около 20 млрд долл. с дальнейшим их увеличением до момента воссоединения Гонконга с материковым Китаем в 1997 г. При этом в конце 1990-х отмечалось взаимопроникновение экономик Гуандуна и Гонконга, стимулировавшее сепаратистские настроения в провинции Гуандун относительно остального Китая. Подобная инвестиционная активность была выгодна обеим берегам Тайваньского пролива: для Тайваня это была экономия на издержках производства, зарплатах, процедурах по обеспечению техники безопасности и соблюдения санитарных условий, а для Китая — дополнительные рабочие места.

Особенности тайваньских инвестиций на материке определялись двумя факторами. Это, главным образом, вложения в трудоемкие высокотехнологичные производства экспортной продукции (электронику), тогда лишь частично совпадавшие (но серьезно не решавшие проблемы модернизации Китая) с приоритетными планами Пекина по привлечению инвестиций в сферу высоких технологий, а также в производство потребительских товаров и текстиля. Во-вторых, в перерабатывающую промышленность, выпускавшую продукцию экспортного назначения, как правило, мелкими и средними предприятиями с низкими производственными издержками (1/3 от аналогичных затрат на острове). В результате, девальвация национальных валют в странах ЮВА и низкие издержки на труд в период разразившегося в 1997 г. финансового кризиса сделали более выгодными инвестиции Тайваня в экономики ЮВА, отвлекая их от материкового Китая¹.

Несмотря на это, отмечается то снижение интереса Тайваня к странам Юго-Восточной Азии (как в период с 2000-х до глобального кризиса 2009 г.), то его возобновление, когда Цай Инвэнь вновь объявила о прагматичном «повороте на Юг» в 2016 г. С течением времени изменялись механизмы подписания экономических, торговых, инвестиционных соглашений: они стали заключаться на двухсторонней основе, что по политическим причинам чрезвычайно важно для Тайваня.

Что касается инвестиций во Вьетнам, то происходило их наращивание с 1990-х годов (до 600 млрд н.т.д. к середине 1992 г.²), как только это позволил социалистический Вьетнам, следуя собственной политике «открытых дверей и экономической революции» (*Doi Moi*). Во время мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Вьетнам оказался среди 12 из 170 стран мира, которым удалось удержать хотя бы медленный экономический рост, став третьим после Китая и Индии потенциальным локомотивом региональной экономики Юго-Восточной Азии. С точки зрения основы обоюдных интересов Тайваня и Вьетнама представляется, что они нацелены на поэтапное развитие интеллектуальной экономики в программе *Doi Moi* и в постепенном обновлении согласно лозунгу «богатый народ — мощная страна».

Еще в 1991 г. представители тайваньских компаний по развитию земель посещали Вьетнам с целью определения его пригодности в качестве площадки для учреждения специальных зон экспортной ориентации с целью производства текстиля, различных видов электроники, обработанной пищевой продукции, производства нефти (Тайвань также принял участие в инфраструктурных проектах Вьетнама), в большинстве финансируемых тайваньской стороной при создании совместных тайваньско-вьетнамских пред-

1. Кузнецова В.В. Экономические связи Тайваня с КНР: проблемы безопасности острова // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. Москва. 2000. С. 273–277.
2. Murray A. Rubinstein (editor). Taiwan. A new history (Murray A. Rubinstein (author). Political Taiwanization and pragmatic diplomacy. The Eras of Chiang Ching-kuo and Lee Teng-hui, 1971–1994) // An East Gate book. M.E. Sharpe. Armonk. New York. London, England. 1999. P. 464.

приятый. Тогда же возник вопрос об использовании символики Тайваня (флага КР), что оказалось проблематичным до такой степени, что воздушное сообщение между Вьетнамом и Тайванем было прекращено до урегулирования этого вопроса и восстановлено уже в августе 1992 г. В 1994 г. официальными лицами были подписаны четыре главных соглашения между Тайванем и Вьетнамом, среди них важные для обеих сторон соглашения об инвестициях (1993 г.), бизнес-контракты и т.д.¹.

Тайвань занял 4-е место среди зарубежных инвесторов во Вьетнам в 2017 г. с намерением дальнейшего наращивания своих инвестиций туда в следующие десять лет, превратив тем самым Вьетнам в своего основного партнера по развитию торговли и экономического сотрудничества на двухсторонней основе в ЮВА. Для создания благоприятных условий ведения бизнеса тайваньских и вьетнамских предпринимателей были подписаны соответствующие соглашения, например, об избежании двойного налогообложения (Co-Avoidance of Double Taxation).

Как представляется, крупный тайваньский бизнес присутствует во Вьетнаме в полном составе. Работают компании *Чан Чунь* (Chang Chun Group, основанная в 1949 г. Линь Шу-хуном уже упомянутая *Формоза Пластикс* (основана в 1970-е годы Ван Чан-гуном), нарушающая благоприятные экологические условия примыкающей к Вьетнаму акватории Южно-Китайского моря², и др. Заняв определенную нишу, Тайвань диверсифицирует свой бизнес во вьетнамском промышленном производстве. Работает, например, такая компания, представленная на Тайваньской фондовой бирже, как *Pou Chen* (собственник – клан Цай, доноры религиозной организации Чжу Чи), основанная в 1969 г. Цай Мин-лунем³, и ее около шести дочерних компаний. Компания *Pou Chen* и ее филиалы остаются среди самых надежных в текстильной, кожевенной промышленности, а также в производстве и продаже обуви известных марок *Clarks*, спортивной обуви *Nike*, *Adidas*, *Reebok*, *Puma* и др.

1. Murray A. Rubinstein (editor). Taiwan. A new history (Murray A. Rubinstein (author). Political Taiwanization and pragmatic diplomacy. The Eras of Chiang Ching-kuo and Lee Teng-hui, 1971–1994) // An East Gate book. M.E. Sharpe. Armonk. New York. London, England. 1999. P. 464; 478.
2. Taiwanese firm Formosa Plastics that owns the plant says it will pay \$500m towards clean up and compensation. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2016/jul/01/vietnam-blames-toxic-waste-water-fom-steel-plant-for-mass-fish-deaths>; It's Official: Formosa Subsidiary Caused Mass Fish Deaths in Vietnam. URL: <https://thediplomat.com/2016/07/its-official-formosa-subsidiary-caused-mass-fish-deaths-in-vietnam/> Formosa Ha Tinh Steel Corp accepts the blame, and promises \$500 million in compensation for the damage.
3. По всей вероятности, Цай Мин-лунь имеет отношение (надо полагать, оказывает какого-то рода поддержку) к Терри Гоу (Terry Gou) и его бизнесу Foxconn Technology (официально известной как Hon Hai Precision Industry) — самому большому производителю смартфонов и других электронных устройств, таких как Apple (AAPL), Samsung (SSNLF), Xiaomi. Терри Гоу, широко инвестируя в производство в Индии, намерен также инвестировать в крупный проект строительства научного парка в штате Висконсин (Wisconsin), США. По сообщениям СМИ Тайваня, буквально, встреча «старых друзей» Дональда Трампа и Терри Гоу (диалог продолжался около часа) состоялась в США 1 мая 2019 г. в контексте Now Taiwan hires the USA for business на фоне осложнения торговых отношений материкового Китая и США. При этом стоит заметить, что в намерения Терри Гоу (он зарегистрировался в числе первых кандидатом на президентских выборах на Тайване в 2020 г.), в случае его избрания на пост президента Тайваня, входило «создание внутрипартийного альянса для Тайваня», таким образом мобилизуя две основные партии – ГМД и ДПП и другие малые партии острова, для сотрудничества и их политического выживания, а также для качественного прорыва в проблемной области социально-экономических отношений. URL: <https://news.pts.org.tw/> (от 03.05.2019). Таким образом, текущая политика поворота на Юг имеет определенный внутри- и внешнеполитический контекст и четко нацелена в этом плане на дальнейшие перспективы.

В производстве электроники Тайваню еще в 1997 г. на простаивающих производственных мощностях в странах Юго-Восточной Азии удалось начать производство *Acer*, свернув его на материке. При этом, за последнее время Тайвань стал также расширять присутствие в сфере финансового бизнеса на территории Вьетнама, Камбоджи и Филиппин¹.

Инвестиции Тайваня в экономику Юго-Восточной Азии создали необходимость стимулирования развития различных секторов экономики региона. Используя экономическую стратегию роста, Тайвань старается углублять и укреплять двусторонние связи со странами ЮВА, обеспечивая себе альтернативные возможности лавирования в сложных обстоятельствах на китайском рынке.

В данном исследовании также ставилась задача проанализировать вопрос о том, отвечает ли заявленная Тайванем политика «*поворота на Юг*» на территории, в т.ч. Вьетнама и Камбоджи другой цели — простого выкачивания различного рода ресурсов — людских, финансовых и др., и до какой степени прагматичная политика Тайваня является больше гибкой, нежели формальной. Имеется в виду: соответствуют ли действия исполнительной власти Тайваня заявленной новой политике «*поворота на Юг*» в отношении, например, условий обучения и проживания прибывших из стран ЮВА на учебу и стажировку на Тайвань около 300 тыс. студентов (в основном для изучения медицины, ухода за больными и санитарии, что весьма востребовано теперь во всей Азии, инженерии, бизнеса и менеджмента), обещанных им зарплат и условий труда². Проблемами студентов-иностранцев из ЮВА занимаются на Тайване *Трудовой фронт* (Taiwan Labor Front), а также *Тайваньский альянс по продвижению прав и благосостояния молодежи* (Taiwan Alliance of Advancement of Youth & Welfare), Министерство образования и другие организации, которые осуществляют контроль за действиями работодателей во избежание простой эксплуатации молодежи и проводят работу с тайваньским бизнесом по упорядочению процесса занятости молодежи.

Во время проведения данного исследования также возникал вопрос о том, не рассматриваются ли страны ЮВА, в частности Вьетнам (занимает 2-е место после Индонезии по количеству прибывших на Тайвань трудовых мигрантов³) в качестве стран-поставщиков дешевых трудовых ресурсов (ввиду остро стоящей проблемы старения населения и низкой рождаемости на острове). В социальном плане отмечается схожесть Вьетнама и Тайваня в уступчивости к ассимиляции одновременно со способностью сохранения своих социальных структур. Что касается места религии в жизни вьетнамского социума, то, как и на Тайване, отмечается религиозный синкретизм, представлены (кроме конфуцианства) буддизм, даосизм и культуры предков, сочетание, призванное укреплять идеи преемственности, семейных связей, национальных традиций.

Кроме того, следует отметить, что по различным геополитическим, социально-экономическим (экономическое и социальное благополучие зависит от быстроты создания рабочих мест⁴) и внутриполитическим причинам Вьетнам находится в зоне возмож-

1. Retail banking | Staff reporter, Taiwan Published: 08 Feb 17 URL: <https://asianbankingandfinance.net/retail-banking/news/taiwanese-banks-expanding-cambodia-vietnam-and-philippines>; Third Taiwanese Bank Slated To Open in Cambodia. 2012. URL: <https://www.voacambodia.com/a/third-taiwanese-bank-slated-to-open-in-cambodia/1522678.html>.
2. URL: <https://news.pts.org.tw/> (от 03.05.2019).
3. Phan Anh. Taiwan cancels many visa applications after 152 Vietnamese tourists 'disappear' <https://e.vnexpress.net/news/news/taiwan-cancels-many-visa-applications-after-152-vietnamese-tourists-disappear-3859748.html>. December 26, 2018.
4. Российскими исследователями отмечается большая численность рабочей силы в молодом и среднем возрасте во Вьетнаме по сравнению с другими странами ЮВА по этому показателю. См.: Мазырин В.М., Тригубенко М.Е. Трудовые ресурсы, занятость населения, миграционные

ной социальной активности до 2021–2024 гг. (согласно структурно-демографической концепции американского политолога Джека Голдстоуна (Jack Goldstone. A Fourth generation of revolutionary theory¹). Существует также вероятность увеличения ее интенсивности в больших городах среди урбанизированного молодого населения в возрастной группе от 18 до 24 лет, исходя из анализа демографических тенденций во Вьетнаме, в 1995–2000 гг., в период относительного демографического благополучия. Всплеск такой активности отмечался в 2014–2015 гг. практически одновременно во Вьетнаме и на Тайване (движение «Подсолнухов»)². Именно эта возрастная категория, как мы предполагаем, должна быть многочисленной, достаточно образованной и активной, способной создать ситуацию, особенно с помощью внешнего целенаправленного воздействия, социальной нестабильности, вплоть до социальных волнений и турбулентности по экономическим причинам, на религиозной почве и т.д. Особенно вероятны социальные потрясения сначала в южной части Вьетнама, в городах Сайгон, Да Нанг, Ханой.

В связи с этим следует обратить внимание на некоторые учебные заведения на Тайване, такие как Университет Наньхуа (Nanhua) [南華大學], основанный Его Преподобием Син Юнем³ еще в 1996 г. в г. Далинь в уезде Цзяи путем повышения статуса колледжа управления Наньхуа⁴ до уровня университета в 1999 г. Университет Наньхуа сделан смежным (или объединили в 2017 г. в период объявленной президентом Цай Инвэнь политики нового «поворота на Юг») с Национальным университетом Чжун Чжэн [國立中正大學] (основан в 1989 г., расположен также в уезде Цзяи).

Объединение двух этих университетов представляется неслучайным, хотя, согласно СМИ, учебные заведения объединялись по причине недоукомплектованности студентами. При этом университеты занимают огромные площади и создают впечатление масштабности⁵. По-видимому, Университет Чжун Чжэн, несмотря на свой статус национального, не лишен религиозной (даосской) направленности: расположен на возвышенности, как и все даосские храмы в отличие от равнинных буддистских. Кроме того, главные сооружения в университете внешне напоминают даосские храмы-пагоды и некоторые сакральные для Тайваня мемориалы. Складывается впечатление, что это и есть воплощение новой концепции буддистско-даосской культуры, призванной быть основанием объединения Родины. Также, если рассматривать взаимодействие и сотрудничество Уни-

процессы в СВР // Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М.: ИД «Форум», 2012. С. 354.

1. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/1703_06.06.2008.
2. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_political_stability/ (Vietnam); https://www.theglobaleconomy.com/Taiwan/wb_political_stability/ Taiwan.
3. Его Преподобие Син Юнь, основатель религиозной буддистской организации «Фогуаншань», родился в 1927 г. в Южной Цзянсу, прибыл на Тайвань в 1949 г. Автор нескольких книг и лекций о буддизме. См. подробно: *Степанова Е.Н.* Религиозный фактор в социально-политической жизни Тайваня (религиозные организации в политической жизни Тайваня). М.: Ваш Формат, 2019.
4. Образован в 1996 г., в период первой волны политики Go South при Ли Дэнхуэй, а также кризиса 1995–1996 гг. в Тайваньском проливе и т.д. Университет ориентирован в большей степени на сотрудничество со странами Восточной и Юго-Восточной Азии и Китаем. «В этом же году [1996] Тайвань обязался предоставить займы 16 странам на сумму 489 млн ам. долл.». Цит.: Свободный Китай. 1996. № 5. С. 13. *Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. М.: Восточная литература, 1999. С. 170.
5. Частный университет Наньхуа, основанный Его Преподобием Син Юнь, занимает около 70 га (для сравнения: частный университет Фо Гуаншань, им же основанный в 2000 г., занимает 57 га, а Национальный университет Чжун Чжэн, основанный в 1989 г., занимает 132 га в горной местности в центральной части уезда Цзяи, в 15 километрах от г. Цзяи).

верситета Наньхуа с различными учебными заведениями материкового Китая, то можно предположить, что объединенный Университет Наньхуа призван как раз осуществлять миссию «мягкой силы» Тайваня и вновь предпринятой правительством Тайваня политики, обращенной на Юг¹, также и в части объединения на основе буддистско-даосской культуры Восточной и Юго-Восточной Азии.

Университет Наньхуа имеет специальную программу по подготовке «активистов-профессионалов», управляющего персонала для НГО, именно этот университет набирает студентов из стран Юго-Восточной Азии, согласно программе Тайваня, обращенной на Юг. Университет Наньхуа известен своими биотехническими инновациями под эгидой Его Преподобия Син Юнь.

Что касается Вьетнама, то Университет Наньхуа сотрудничает с Национальным вьетнамским университетом, а также Университетом бизнеса и технологий Ханоя. Вьетнам, как представляется, поделен на сферы влияния тайваньских религиозных синкретических организаций (и бизнеса), соответственно особенностям его политической культуры. Зона ответственности Университета Наньхуа и Национального университета Чжун Чжэн расположена в северной части страны, тогда как зона интересов Чжу Чи² соответственно на юге, где построен госпиталь в Хошимине.

Вероятно, помимо стратегической составляющей, геофизическая специфика Вьетнама, выгодное расположение страны в зоне большого запаса дефицитной энергии (ветра, солнечного излучения, морских приливов, волн и течений) и недостаточность рациональных математически смоделированных структур комплексного ее использования с применением современных технологий с сохранением в сельхозобороте задействован-

1. Следует также отметить, что структура учебных департаментов, исследовательских центров и колледжей обоих университетов приблизительно одинакова, кроме колледжа Права Университета Чжун Чжэн и колледжа Искусства и Дизайна (основан 2006 г.) Университета Наньхуа. Появление таковых в составе университетов может быть объяснено двояко. Как представляется, необходимость подготовки юристов в университете Чжун Чжэн могла возникнуть (учитывая особый статус университета, образованного – задумывался еще в 1986 г. – в честь генералиссимуса Чан Кайши) в 1998 г. по нескольким причинам: когда был повышен международный статус Тайваня, а именно, в связи с разъяснением бывшим президентом Биллом Клинтонем позиции США по поводу принципа «одно государство – два строя», что членство Тайваня в международных организациях *не зависит* от наличия у него статуса отдельного государства. Тогда же Ли Дэньхуэй выделил этничность «нового тайваньца», а председатель Фонда развития связей между сторонами Тайваньского пролива и финансового магната (и не только) Ку Чэнь-фу (Коо Chen-fu [辜振甫], 1917 г.р.) встретился с Председателем КНР Цзян Цзэмином на высшем уровне впервые за 50 лет и т.д. Колледж Искусства и Культуры (а ранее одним из первых в 1996 г. был основан исследовательский центр Искусства и Культуры университета Наньхуа вместе с колледжами Управления и Коммуникаций) начал свою работу в 2006 г., когда возросла актуальность гуманитарных связей через Тайваньский пролив (по-видимому, в ответ на принятие материковым Китаем Закона об Антицессии в 2005 г., тогда же правительство Тайваня сократило свои расходы на приобретение вооружений, возникла угроза отставки президента Чэнь Шуйбяня и т.д.) и было открыто прямое воздушное сообщение для посещения родственников в материковом Китае во время китайского праздника Весны.
2. Религиозная синкретическая организация, основанная монахиней Чжэн Янь (1937 г.р.), была легализована в Хуалини в 1980 г. Организация открыла множество учебных заведений не только на Тайване, но и по всему миру. Кроме того, имеются госпитали и медицинские центры Чжу Чи как на Тайване, так и во многих странах мира, там, где организация осуществляет гуманитарные миссии и оказывает помощь, особенно в местах, пострадавших от боевых действий, землетрясений, различных катастроф и т.д. См. подробно: *Степанова Е.Н.* Религиозный фактор в социально-политической жизни Тайваня (религиозные организации в политической жизни Тайваня). М.: Ваш Формат, 2019.

ных для этого земель (в условиях их ограниченности, как и на Тайване), а также потенциал территории Вьетнама и его морской акватории в смысле возможности разработки полезных ископаемых и их переработки, представляются благоприятными для ведения совместного тайваньско-вьетнамского бизнеса, расширения кредитно-инвестиционного сотрудничества и т.п.

Можно предположить, это происходит согласно «Дао совершенно мудрого человека — действовать, но не соперничать». «Нет сомнения, что такое «деяние» и есть «недеяние», совершенномудрый попросту не мешает спонтанному течению миротворения. Он становится параллельно вещам «в свою колею», недеяет и молчит, и они вместе движутся по своим кругам генетического цикла»¹.

Список литературы

1. Chii Torg Liew and Tuck Cheong Tang. (Faculty of Economics and Administration, University of Malaya). "China, sustainable development and the peripheral frontier"// Contemporary Chinese Political Economy and strategic relations: an International Journal. (CCPS) Malaysia. Vol. 5, № 1, April/May 2019.
 2. *Joe Thomas Karackattu*. The case for a pragmatic India-Taiwan Partnership / Carnegie Endowment for International Peace Publications Department. Washington, D.C. April 2019.
 3. Reynolds L.G. Economic growth in the third world, 1850–1980. New Heaven, 1985.
 4. Tsun-tzu Kristy Hsu. "Work Plans for Enhancing Economic Ties and Trade in Southeast Asia". A Review of Taiwan's Old and New Go South Policy: An Economic Perspective. Taiwan ASEAN Studies Center, Chung Hua Institution for Economic Research Prospect Journal, № 18. URL: <https://www.pf.org.tw/files/5976/20F5B418-F25E-469F-B347-F564B17D433B> (дата обращения 27 апреля 2019).
 5. Zhao Hong/Taiwan: ASEAN economic relations in the context of East Asian regional integration//International Journal of China Studies. 2011.V. 2. № 1. April.
 6. *A. Murray, A. Rubinstein* (editor). Taiwan. A new history (Murray A. Rubinstein (author). Political Taiwanization and pragmatic diplomacy. The Eras of Chiang Ching-kuo and Lee Teng-hui, 1971–1994) // An East Gate book. M.E. Sharpe. Armonk. New York. London, England. 1999.
 7. *Кузнецова В.В.* Экономические связи Тайваня с КНР: проблемы безопасности острова // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. Москва. 2000.
 8. *Ларин А.Г.* Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4.
 9. *Ли Дэньхуэй*. Позиция Тайваня // Московский Государственный Университет им.М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки. Москва. 2000.
 10. Лукьянов А.Е. Древнекитайская философия курс лекций. Часть II. Философия даосизма (Курс лекций и исследовательских работ по духовной культуре Китая). М.: ИДВ РАН, 2015.
 11. *Мазырин В.М., Тригубенко М.Е.* Демографические процессы. Проблема безработицы // Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М.: ИД «Форум», 2012.
 12. *Мазырин В.М., Тригубенко М.Е.* Трудовые ресурсы, занятость населения, миграционные процессы в СВР // Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М.: ИД «Форум», 2012.
 13. *Мельянцева В.А.* «Восточная модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М., 1998.
 14. *Мельянцева В.А.* Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе Тайвань: сла-
-
1. Цит. по.: Философия Лао-цзы. *Лукьянов А.Е.* Древнекитайская философия курс лекций. Часть II. Философия даосизма (Курс лекций и исследовательских работ по духовной культуре Китая). М.: ИДВ РАН, 2015. С. 158, 162.

гаемые эффективного экономического развития. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. Москва. 2000.

15. *Мозиас П.М.* Внешние связи и национальное развитие: опыт Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 5.
16. *Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
17. *Степанова Е.Н.* Религиозный фактор в социально-политической жизни Тайваня (религиозные организации в политической жизни Тайваня). М.: Ваш Формат, 2019.
18. *Чинь Зуи Луан.* Социальная дифференциация и система социального обеспечения в условиях развития рыночной экономики во Вьетнам // Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М.: ИД «Форум», 2012.

E. Stepanova. The Review of Taiwan's Social-Economic and Political Relations with Some Asian Countries and Perspectives of their Development

In the article there are considered the peculiarities of the undertaken by Taiwan so-called "South Bound" socio-economic policy concerning South-Eastern countries (and continental China) forced by the necessity for Taiwan socium to survive, develop without secession and strengthen its own status of full and equal partner in the concurrence of circumstances.

Key words: South Bound policy, export reorientation, Taiwan's international status.

Политика государств Корейского полуострова в области борьбы с коронавирусом

© 2020

К.В. Асмолов

На фоне затяжной и тяжёлой войны с пандемией коронавируса привлекает внимание опыт тех стран, которые смогли или не пропустить вирус внутрь, или справиться с проблемой относительно «малой кровью» по числу заболевших и умерших. В этом контексте и Северная, и Южная Корея являются интересными примерами, чей опыт, в том числе сравнительный, заслуживает внимательного анализа. В обеих странах борьба с коронавирусом оказалась политическим вопросом, и потому государства максимально вложились в разрешение проблемы, используя все средства контроля сообразно доступному технологическому уровню.

Хотя политика обоих корейских государств может повлечь за собой определённые экономические проблемы, Пхеньян и Сеул выбирали не столько между здоровьем нации и экономическим кризисом, сколько между кризисом под контролем государства, и кризисом, который мог бы случиться в результате потери контроля над эпидемией. При этом Южная Корея была вынуждена считаться с внутривнутриполитической ситуацией, а Северная — с определённым дефицитом системы больничной помощи внутри страны.

Ключевые слова: пандемия, эпидемия, противоэпидемические меры, КНДР, Республика Корея, коронавирус.

DOI: 10.31857/S013128120010553-9

На фоне затяжной и тяжёлой войны с пандемией коронавируса привлекает внимание опыт тех стран, которые смогли или не пропустить вирус внутрь, или справиться с проблемой относительно малой кровью по количеству заболевших и умерших. В этом контексте Северная и Южная Корея являются интересными примерами опыта, заслуживающего внимательного анализа.

Перед тем, как описывать стратегию борьбы с вирусом, возможно, требуется пояснить, что такое новый коронавирус и в чем его особенности. Во-первых, его летальность существенно выше, чем у гриппа. Во-вторых, от него пока нет лекарства или вакцины, а тяжелая форма требует искусственной вентиляции легких. Поэтому вспышка заболевания становится серьезной нагрузкой на медицинскую инфраструктуру. В-третьих, у этого вируса долгий инкубационный период, при котором носитель не испытывает симптомов болезни, но уже может заражать окружающих, а заболевание может протекать практически бессимптомно. В-четвертых, возможности вируса, в том числе его способ распространения, до сих пор полностью не определены.

В случае, когда медикам не до конца понятно, с чем они имеют дело, карантин оказывается проверенным профилактическим средством. Однако в обществе глобализации подобные жесткие меры могут показаться социально и идеологически неприемлемыми. Оттого даже в критической ситуации их применение нередко происходит с определенной задержкой или в несколько этапов. С другой стороны, «недемократические режимы» легче идут на подобные действия.

Начнем с КНДР. Еще в декабре 2019 г. Северная Корея продлила период карантина с 15 до 30 дней. 21 января 2020 г. в северокорейских СМИ появились первые сообщения о новой инфекции как о пандемии, угрожающей стране и всему миру. 22 января власти КНДР приняли решение временно закрыть въезд в страну для иностранных туристов, большинство которых прибывает из Китая, а с 28 января в КНДР был объявлен чрезвычайный карантинный режим.

К 13 февраля было закрыто воздушное и железнодорожное сообщение (грузовое сохранялось, но в меньших масштабах) и прекращена работа всех пограничных переходов — страна оказалась в полной изоляции. Даже товары, которые прибывали в КНДР, отправляли на изолированные склады, где они хранились 10 дней, а все контейнеры и упаковочные материалы обрабатывались дезинфицирующими средствами¹.

27 февраля замминистра здравоохранения Северной Кореи Ким Хен Хун заявил, что пока эффективные диагностические и лечебные меры против коронавируса не будут доступны, страна будет держать свои границы закрытыми².

Внутри страны ограничения были не меньшими. Дополнительно изолировали от остальной страны приграничные провинции, имеющие наиболее тесные связи с Китаем, и Пхеньян, куда приезжали китайские туристы. Северокорейские военные находились в казармах около 30 дней³. 25 февраля Северная Корея ввела временный запрет на эксплуатацию таких объектов, как курорт горячих источников Яндок, парк развлечений и дельфинарий на острове Ныннадо в Пхеньяне и ледовый каток. Временно закрыли учебные заведения, гражданам настоятельно рекомендовали не обедать вне дома, избегать стояния в длинных очередях в магазинах или ходить в людные места. Как сообщил посол РФ в Северной Корее А.И. Мацегора, уже в феврале все ходили в масках, а в каждом учреждении или подъезде жилого дома при входе измеряли температуру и дезинфицировали руки и обувь⁴.

Проведение мероприятий с участием иностранных дипломатов сначала приостановили до 15 февраля, а потом до 1 марта продлили режим карантина и медицинского наблюдения для сотрудников международных организаций и диппредставительств. Иностранцам было рекомендовано не покидать территории посольств и дипломатического квартала, и какое-то время их режим не сильно отличался от домашнего ареста. Подоб-

-
1. КНДР ужесточила контроль за импортируемыми товарами из-за коронавируса. *Российская газета*, 23.02.2020. URL: <https://rg.ru/amp/2020/02/23/kndr-uzhestochila-kontrol-za-importiruemymi-tovarami-iz-za-koronavirusa.html?fbclid=IwAR16yiy-ZufYTykc8Om8vzMvSx5Q5NMBbu1PETGMTu2u4VrG5mvrm4nhTd0> (дата обращения 22.05.2020).
 2. N. Korea to maintain border shutdown until development of coronavirus treatment: senior official. *Yonhap News*, 27.02.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200227008900325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
 3. (LEAD) N. Korea's military was on lockdown amid virus scare: USFK commander. *Yonhap News*, 13.03.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200313011951325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
 4. Посол РФ в КНДР: Россию не радует глубокая заморозка диалога Пхеньяна и Вашингтона. *Интерфакс*, 20.05.2020. URL: <https://www.interfax.ru/interview/709350> (дата обращения 22.05.2020).

ный режим касался и посольства РФ. Разрешен был лишь выезд грузовиков с мусором без каких-либо отклонений от маршрута.

Более того, ради сохранения карантинных мер северокорейские власти изменили порядок проведения мероприятий, которые имели крайне важное идеологическое значение. День Сияющей Звезды 16 февраля и День Солнца 15 апреля прошли без массовых и сопутствующих мероприятий, таких как фестиваль искусств «Апрельская весна» или Пхеньянский марафон.

Борьбу с вирусом сразу назвали политическим вопросом, который «определит судьбу страны». 29 февраля на заседании Политбюро ЦК ТПК Ким Чен Ын обсуждал меры по профилактике коронавируса, включая усиление мер по тестированию и карантину, и заявил, что «в случае, если распространяющееся бесконтрольно инфекционное заболевание попадет в нашу страну, это повлечет за собой серьезные последствия»¹.

Ким отметил, что партия и правительство с самого начала приняли упреждающие и решительные превентивные меры, «поскольку эта вирусная инфекция распространяется так быстро, ее инкубационный период неопределен, и ее путь заражения также научно не определен».

В этом контексте было создано Центральное противоэпидемическое командование, а также аналогичные командования на местах вплоть до города или уезда, наделенные особыми полномочиями и отвечающие за создание и функционирование комплексной и оперативной противоэпидемической системы государства. Их требования обязательны для всех, и Ким специально подчеркнул, что «не должны допускаться никакие особые случаи».

Когда некий чиновник из провинции Канвондо не просто нарушил правила самоизоляции, но устроил массовую пьянку с коллегами, его не только исключили из партии, но и подвергли критике в специальной статье в «Нодон синмун»².

Кроме карантина страна активно занялась подготовкой врачей и изготовлением лекарств и расходных материалов типа масок из подручных средств. Швейные предприятия посадили на режим военного времени и утилизировали большие объемы ваты и марли.

21 марта ЦТАК опубликовало большой материал о том, как по всей стране производят дезинфицирующие растворы и средства. По сути, на каждом предприятии химпрома или в соответствующем НИИ начали производство хотя бы хлорки или жидкого мыла. Общий объем производимого обеззараживающего раствора составлял десятки тонн в день, и каждый день им проводили стерилизацию общественных зданий и транспорта. То, что «республика самостоятельно и в полном объеме обеспечивает себя масками и дезинфицирующими средствами», подтверждают и российские дипломаты³.

Нельзя не отметить и роль СМИ — как в политической индоктринации (призывы к «абсолютному повиновению» государственным указаниям), так и в санитарно-просветительской работе, — газеты и ТВ постоянно разъясняли необходимость ношения масок, мытья рук и дезинфекции, призывая оставаться в состоянии повышенной готовности: «То, от чего мы должны держаться подальше, — это быть самодовольными по поводу достижений, которые мы сделали, и ослаблять нашу бдительность».

Для пользователей Интранета вышла электронная книга: «Сборник вопросов и ответов по вопросам здравого смысла, касающимся новой коронавирусной инфекции», а 22

1. (2nd LD) N.K. leader oversees politburo meeting on coronavirus response. *Yonhap News*, 29.02. 2020. URL: <https://en.ya.na.co.kr/view/AEN%20200229000352325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
2. North Korean official purged for “debauchery,” defying quarantine: state media. *NK News*, 23.02.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/north-korean-official-punished-after-disobeying-quarantine-measures-rodong/> (accessed: 22.05.2020).
3. Посол РФ в КНДР: Россию не рудует глубокая заморозка диалога Пхеньяна и Вашингтона. *Интерфакс*, 20.05.2020. URL: <https://www.interfax.ru/interview/709350> (дата обращения 22.05.2020).

апреля Северная Корея запустила сайт www.moph.gov.kp, который предоставлял информацию о здоровье населения и коронавирусе, о политике страны в области здравоохранения и санитарии, а также пропагандировал различные достижения в области науки и техники¹.

Сколько человек находилось на карантине? 19 февраля 2020 г. официальный представитель ВОЗ Тарик Язаревич подтвердил РИА Новости, что в период с 30 декабря 2019 года по 9 февраля 2020 года в КНДР прибыл 7281 человек. Из них у 141 человека была обнаружена повышенная температура, но все они прошли тест с отрицательным результатом.

В марте издание «NK News» писало про 7000 человек «под медицинским наблюдением»², а ЦТАК упоминало, что под карантин поместили около 10 000 человек, из которых 405 уже выпустили, поскольку у них не было никаких симптомов³.

С начала марта начались послабления для дипломатов, а 9 марта специальный рейс «Air Koryu» вывез из Пхеньяна во Владивосток⁴ около 100 иностранных граждан — как тех, кто не мог выехать ранее, так и желавших переждать карантин у себя дома.

На 27 марта 2020 г. в карантине оставались 2280 человек по всей стране, в том числе два иностранца. К 3 апреля под карантином осталось около 500 человек⁵, при этом ЦТАК специально отметило, что «карантинные меры были сняты строго под руководством Государственного комитета по чрезвычайному контролю заболеваний».

На этом фоне стали открывать парки, а студенты высших учебных заведений и ученики старших школ КНДР приступили к занятиям после длительных вынужденных каникул — правда, в масках и с обязательным измерением температуры. Кстати, до этого времени многие вузы использовали онлайн-обучение с опорой на Интранет, а университет Ким Ир Сена проводил экзамены для своих студентов через сеть, созданную в его общежитиях. Программы языкового образования для студентов также были доступны из дома.

11 апреля Ким Чен Ын снова собирал Политбюро, поставив вопрос «о более последовательном принятии государственных мер по охране безопасности жизни нашего народа в связи со смертельной пандемией». Распространение вируса по всему миру «показывает, что невозможна ликвидация опасности заражения вирусом в короткий срок, и такая обстановка может стать условиями, создающими некоторые препятствия нашей борьбе и продвижению». Иными словами, карантин — это всерьез и надолго, и следует готовиться к экономическим сложностям из-за закрытия границ.

Антипхеньянская пропаганда и такие ресурсы, как «Чосон ильбо» или «DailyNK», минимум раз в неделю выходят с сенсационной информацией о том, что в КНДР все плохо, однако источник подобных данных — анонимные информаторы, сообщения от которых принципиально непроверяемы, а с учетом репутации данных изданий, скорее всего, являются недостоверными. Во всяком случае, громкая история о перебежчике, которого будто бы подстрелили китайские пограничники и у которого был обнару-

-
1. N. Korea opens new health website. *Yonhap News*, April 22, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200422009200325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
 2. 3920 people under quarantine in North Korea's South Phyongan, Kangwon provinces. *NK News*, 01.03. 2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/3920-now-under-quarantine-in-north-koreas-south-phyongan-and-kangwon-provinces/> (accessed: 22.05.2020).
 3. N.K. quarantines about 10,000 people for potential infection by new coronavirus. *Yonhap News*, 09.03. 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200309003700325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
 4. N.K. plane arrives in Vladivostok to transport foreigners amid border closure: sources. *Yonhap News*, 09.03. 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200309005800325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
 5. (LEAD) 500 North Koreans remain under coronavirus quarantine: state media. *Yonhap News*, 03.04 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200403001151325?section=news> (accessed: 22.05.2020).

жен коронавируса, не нашла своего подтверждения в каких бы то ни было параллельных источниках.

Косвенным подтверждением этого является и «разоблачительный» материал «Financial Times» о том, что Северная Корея пыталась по неформальным каналам добиться поставок тестов на коронавирус¹. Подразумевалось, что это говорит о вспышке эпидемии внутри страны, однако если бы заболевшие действительно появились, Пхеньян начал бы добывать не тесты, а лекарства и медицинское оборудование, включая аппараты ИВЛ. Кроме того, как отметил посол Российской Федерации в КНДР А.И. Мацегора в интервью «Интерфаксу» 20 мая 2020 г., Пхеньян исправно снабжает ВОЗ и иные международные организации информацией об инфекционных заболеваниях в стране, и нет оснований считать, что в данном случае они по каким-то причинам занижают статистику².

Если Северная Корея немедленно села на максимальный карантин, то у Южной на осознание проблемы ушло некоторое время: правительство не сразу среагировало на призы инфекционистов, которые требовали закрыть сообщение с Китаем и начать готовиться к эпидемии. Однако до определенного времени ситуация казалась подконтрольной, и правительство не особенно прислушивалось к алармистской точке зрения, тем более что вопрос с самого начала был политизирован.

Первый случай заболевания в РК произошел 20 января 2020 г., и пока число заболевших не достигло 30, ситуация казалась совершенно подконтрольной. С 28 января правительство обязало всех прибывающих из Китая предоставлять анкету о состоянии здоровья, 4 февраля был запрещен въезд в РК всем побывавшим в провинции Хубэй в течение последних двух недель.

Корейское общество инфекционных заболеваний предупреждало о надвигающейся нехватке карантинных коек, но правительство не предприняло никаких шагов для их обеспечения. В ответ на все рекомендации правительственные чиновники отвечали, что они «рассматриваются»³.

Консервативные оппоненты президента Мун Чжэ Ина сразу же «оседлали» эту тему, и уже 4 февраля на сайте Голубого дома появилась петиция, обвиняющая Муна в том, что он не проводит должных мер (включая полный запрет на въезд китайцев) из нежелания ухудшить отношения с Пекином и требующая его импичмента, так как «Мун действует как президент Китая, а не Кореи»⁴.

Вспышка случилась 17 февраля благодаря секте «Синчхонджи» в Тэгу, одна из представительниц которой оказалась супер-распространителем. Это довольно типичная для Южной Кореи протестантская секта, являющаяся христианской только по названию. Ее догмы о том, что если ты заболел, Господь наказал тебя за то, что ты мало молился и жертвовал, или игры в тайные общества, благодаря которым принадлежность к секте надлежит скрывать даже от родственников⁵, поспособствовали вспышке вируса.

После этого за восемь дней число больных выросло с 30 до 977, и к концу февраля Южная Корея вышла на второе место после Китая по числу инфицированных. Пик

1. МККК не получил запрос КНДР о помощи в тестировании на коронавирус. *РИА Новости*, 23.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200423/1570451061.html> (дата обращения 22.05.2020).
2. Посол РФ в КНДР: Россию не радует глубокая заморозка диалога Пхеньяна и Вашингтона. *Интерфакс*, 20.05.2020. URL: <https://www.interfax.ru/interview/709350> (дата обращения 22.05.2020).
3. Coronavirus Infections Surpass 1,500. *The Chosun Ilbo*, 27.02.2020. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2020/02/27/2020022701951.html (accessed: 22.05.2020).
4. Moon OUT: Over 800,000 Koreans call for President's impeachment. *The Korea Times*, 26.02.2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/356_285177.html (accessed: 22.05.2020).
5. Cults and Conservatives Spread Coronavirus in South Korea. *Foreign Policy*, 27.02.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/02/27/coronavirus-south-korea-cults-conservatives-china/> (accessed: 22.05.2020).

был достигнут 29 февраля — в этот день было 909 новых случаев заражения. Коек не хватало, медицинских масок — тоже, так как продавцы создавали запасы защитных средств, не выпуская их в продажу в ожидании повышения цен.

На этом этапе многим казалось, что, если эпидемия выйдет из-под контроля, Мун потеряет доверие масс и окажется в положении Пак Кын Хе после трагедии парома «Севоль». Уже не только консервативные СМИ писали, что «чрезвычайная ситуация в области национального здравоохранения, развязанная вирусом, нанесла сокрушительный удар президенту Мун Чжэ Ину, причем общественная критика его слабого потенциала по управлению кризисами и лидерства растет по мере того, как эпидемия далека от сдерживания»¹. Упомянутую выше петицию за импичмент к 4 марта подписали 1469023 человека.

На этом фоне власти начали действовать. 25 февраля были введены максимальный уровень эпидемической угрозы и новые противоэпидемические рекомендации для граждан, включающие воздержание от какой-либо активности и контактов в случае появления симптомов вируса. Город Тэгу и иные места, где зафиксировано резкое увеличение количества зараженных, были объявлены «зонами особого управления», где жителей фактически обязали не покидать места проживания, а также как можно реже выходить из дома². В итоге, хотя это особо не афишировалось, в указанных зонах был введен режим карантина по китайскому образцу.

26 февраля Национальное собрание пересмотрело и немедленно приняло законы, касающиеся предотвращения эпидемий и карантина³, согласно которым:

Властям разрешили штрафовать подозреваемых инфицированных пациентов, которые отказываются от тестирования, на сумму до 3 млн вон; а пациентов, которые не соблюдают предписания о карантине или госпитализации, на сумму до 10 млн вон, или назначать им тюремное заключение на срок до 1 года.

Правительству позволили ограничить экспорт лекарств, медицинского оборудования и других ключевых материалов, необходимых для карантина и лечения, таких как маски для лица и дезинфицирующие средства для рук, если в стране наблюдается дефицит или рост цен из-за эпидемии.

Министерство здравоохранения получило право обратиться в Министерство юстиции с просьбой запретить въезд иностранцев, прибывающих в Корею из стран, где инфекционное заболевание достигло эпидемических масштабов.

Оперативно разобрались с проблемой масок, взяв ситуацию под личный контроль премьер-министра⁴, увеличив их производство, практически запретив экспорт и ударив по тем, кто пытался их скупать, чтобы затем продавать втридорога⁵. Правительство ввело систему распределения масок, в соответствии с которой южнокорейцы и зарегистрированные в стране иностранцы могут купить по крайне низкой цене две маски KF94 в оп-

1. Moon under mounting criticism over coronavirus responses. *The Korea Times*, 27.02.2020.

URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/356_285152.html (accessed: 22.05.2020).

2. В РК изменены противоэпидемические рекомендации. *Международное радио Кореи*, 26.02.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60804 (дата обращения 22.05.2020).

3. Laws revised to better prevent COVID-19 spread. *The Korea Times*, 26.02.2020.

URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/356_285141.html (accessed: 22.05.2020).

4. Премьер-министр РК поручил взять под особый контроль обеспечение защитными средствами. *Международное радио Кореи*, 11.02.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60586 (дата обращения 22.05.2020).

5. Правительство РК призывает производителей защитных масок увеличить выпуск продукции. *Международное радио Кореи*, 06.03.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60935 (дата обращения 22.05.2020).

ределенный день недели, в зависимости от года рождения. В результате снабжение масками стабилизировалось¹.

Проблема нехватки врачей в ключевых местах была решена за счет мобилизации сил военных врачей, сотрудников учреждений общественного здравоохранения и привлечения волонтеров. Нехватка мест в больницах — за счет системы сортировочных медпунктов для пациентов с симптомами респираторных заболеваний, при которой обладатели легкой формы вируса болели дома в контакте с медиками, а в госпиталь отправлялись те, кому требовалась более серьезная помощь².

Закрыли музеи, театры и библиотеки, отложили начало учебного года в школах, а вузы попытались перевести на дистанционное обучение.

Много усилий уделялось скринингу. Только на 29 февраля в стране было взято в общей сложности 90 905 анализов, из которых на обработке находилось более 35 тысяч³. К началу марта Южная Корея была способна проводить до 20 000 тестов в день⁴.

Отдельно отметим систему анализов «на колесах», которые позволяли взять образцы у людей в их автомобилях по принципу ресторанов быстрого питания. Водитель заполнял опросники о состоянии здоровья в машине и контактировал с медиком, берущим анализ, только через окно, — весь процесс занимал примерно 10 минут⁵.

Для отслеживания контактов зараженных и контроля за соблюдением карантина использовались данные геолокации, соцсетей, онлайн-платежей и камер видеонаблюдения. Специальное мобильное приложение отправляло предупреждения покидающим карантинную зону, а для дезинфекции с воздуха использовались беспилотники⁶.

Самоизолированным людям было запрещено покидать страну в течение 14 дней со дня их контакта с больными⁷, а за сокрытие их истории путешествий, местожительства и другой важной информации заболевшие могли получить штраф в размере до 10 млн вон⁸.

Помимо ужесточения карантинных мер и пропаганды социального дистанцирования, власти начали активную пропагандистскую кампанию, разъясняя, что большое

1. Чон Сэ Гюн: Южнокорейцы смогут купить по три защитные маски в неделю. *Международное радио Кореи*, 24.04.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61516 (дата обращения 22.05.2020).
2. Пациентов с COVID-19 разделят на группы в зависимости от тяжести заболевания. *Международное радио Кореи*, 02.03.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60874 (дата обращения 22.05.2020).
3. Олег Курьянов. В Южной Корее объяснили большое число инфицированных Covid-19. *Российская газета*, 29.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/29/v-iuzhnoj-koree-obiasnili-bolshoe-chislo-inficirovannyh-covid-19.html> (дата обращения 22.05.2020).
4. South Korea's emergency exercise in December facilitated coronavirus testing, containment. *Reuters*, 30.03.2020. URL: https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-southkorea-drills-idUSKBN21H0BQ?fbclid=IwAR3uKiwIhLbVdIoB5-Rthmy7p1IfJqGMX5GiWmR_50KeKG3W7b7rOIDfvM0 (accessed: 22.05.2020).
5. (Yonhap Feature) Offbeat approach, tech prowess characterize S. Korea's virus fight. *Yonhap News*, 06.03., 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200305010400320?section=news> (accessed: 22.05.2020).
6. (Yonhap Feature) Offbeat approach, tech prowess characterize S. Korea's virus fight. *Yonhap News*, 06.03.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200305010400320?section=news> (accessed: 22.05.2020).
7. Korea places travel ban on self-quarantined people. *The Korea Times*, 04.03.2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/03/119_285570.html (accessed: 22.05.2020).
8. Virus patients caught concealing travel history to face heavy punishment. *The Korea Times*, 09.03.2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/03/119_285851.html (accessed: 22.05.2020).

число заболевших — наоборот, признак того, что мы провели много тестов и хорошо выявляем тех, кто болен.

В итоге, после 10 марта взрывной рост числа зараженных прекратился, и хотя число заболевших перевалило за 7500, страна съехала со второго места на третье после Китая и Италии¹, а затем на фоне того, что начало происходить в Европе и США, корейские цифры уже не смотрелись настолько ужасными.

С 19 марта в РК ввели усиленные меры карантинного контроля для всех прибывающих, независимо от гражданства. Все пассажиры должны были заполнить анкету, ответив на вопросы о состоянии здоровья. При входе в терминал аэропорта у всех въезжающих измерялась температура тела. Прибывающие обязаны были сообщить представителям органов здравоохранения контактные данные — адрес и номер телефона, а также показать, что в их смартфоны загружено специальное приложение для самопроверки состояния здоровья².

С 22 марта для борьбы с мелкомасштабными кластерными инфицированиями окончательно сформировали кампанию социального дистанцирования. Гражданам настоятельно рекомендовали оставаться дома, правительство ограничило религиозные собрания, занятия спортом в закрытых помещениях, посещение ночных клубов и других развлекательных заведений. Одновременно правительство РК обнародовало специальные карантинные правила для государственных служащих, сотрудников общественных организаций и военнослужащих, которые предусматривали ограничения на личные контакты между сотрудниками, проведение совещаний и зарубежные командировки³.

26 марта правительство запустило программу, позволяющую в течение 10 минут отследить всех людей, контактировавших с больным (ранее на это требовалось 24 часа). Система использует данные с камер наблюдения, мобильных телефонов и кредитных карт и идентифицирует всех, кто находился на расстоянии до 2 метров, уже за день до того, как у больных появились симптомы болезни. Затем круг людей сужается в зависимости от того, носил ли зараженный человек маску, чихал или находился в замкнутом пространстве, и те, кто находится в группе риска, отправляются на самоизоляцию⁴.

Более того, для эпидемиологических расследований разрешили пользоваться любой персональной информацией о потенциальных зараженных, даже без их согласия: можно восстанавливать точные маршруты передвижений по данным GPS с мобильных телефонов, изучать записи с камер наблюдения, истории покупок по кредитным картам, электронным проездным⁵.

На это же время пришла идея для контроля за соблюдением режима самоизоляции вешать на людей электронные наручные маячки. Хотя поначалу правозащитники

1. Government's 'self-praise' in virus fight taking flak. *The Korea Times*, 10.03.2020.

URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/03/356_285952.html (accessed: 22.05.2020).

2. 19 марта вводятся усиленные меры карантинного контроля для всех прибывающих в РК. *Международное радио Кореи*, 17.03.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61060 (дата обращения 22.05.2020).

3. В РК введены в действие специальные карантинные правила для госслужащих. *Международное радио Кореи*, 23.03.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61117 (дата обращения 22.05.2020).

4. Seoul to launch 10-minute contact tracing program // *The Korea Herald*, 26.03.2020. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200326000987> (accessed: 22.05.2020).

5. Андрей Ольферт. Цена одной ошибки. Как Коронавирус чуть не погубил Южную Корею // РИА Новости, 02.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200402/1569403959.htm> (дата обращения 22.05.2020).

были против, 77,8% респондентов оказались согласны с возможностью их применения, и только 16,5% выступили против этого, ссылаясь на нарушение прав человека¹.

Все это отразилось на рейтинге президента. Если согласно опросу от 27 февраля, его работу одобряло 44,7% корейцев², 26 марта общий рейтинг одобрения президента Муну вырос до 52,5%³.

С 1 апреля в РК для всех прибывающих в страну ввели обязательный двухнедельный карантин. Ранее подобные меры действовали только в отношении пассажиров, въезжающих из стран Европы и США. Несоблюдение карантинных предписаний карается штрафом в размере до 10 млн вон, либо сроком лишения свободы до одного года. Для иностранцев предусмотрены депортация и запрет на въезд в РК.

К первой декаде апреля вспышку на территории страны благополучно погасили, большинство новых заболевших были заразившимися за рубежом, при этом, хотя запрет на сообщение не вводился, все приезжающие оказались поставлены под жесткий электронный контроль. Подобный успех вкуче с обещаниями компенсации потерь всему пострадавшему населению и отсутствием у консерваторов позитивной программы и достойных соперников Муну обеспечил правящей партии безоговорочную победу на выборах 15 апреля.

6 мая режим социального дистанцирования был заменен на более мягкий режим повседневного карантина⁴. Находясь в общественных местах, следует по-прежнему соблюдать дистанцию порядка двух метров, регулярно мыть руки, проводить дезинфекцию помещений и выходить из дома в защитных масках.

С 13 мая в метрополитене Сеула введен масочный режим. При загруженности метро более чем на 150% пассажирам без защитных масок отказывают в поездке. Те, кто не имеет при себе масок, могут купить одноразовые маски в торговых точках и автоматах метрополитена. Кроме того, с июня на самых загруженных станциях работают сотрудники, контролирующие расстояние между пассажирами в очереди ожидания⁵.

Благодаря подобным мерам контроля удалось быстро отследить и локализовать вспышку, спровоцированную в мае зараженным молодым человеком из провинции, который приехал в Сеул развлечься и успел посетить несколько увеселительных заведений, заразив более 30 человек.

Если сравнить действия двух Корей, то хотя между политикой КНДР и РК есть разница, однако общих элементов тоже немало.

Во-первых, обе стороны находятся формально в состоянии непрекращенного военного конфликта и не могли не готовиться к войне с использованием оружия массового поражения, в том числе бактериологического. В Северной Корее ведение американцами

1. 8 из 10 южнокорейцев согласны с применением электронных наручных маячков. *Международное радио Кореи*, 09.04.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61336 (дата обращения 22.05.2020).

2. Более миллиона человек подписали петицию за импичмент главе Южной Кореи. Текст: Олег Кирьянов (Сеул). *Российская газета*, 27.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/27/bolee-milliona-chelovek-podpisali-peticiuu-za-impichment-glave-iuzhnoj-korei.html> (дата обращения 22.05.2020).

3. (2nd LD) Moon's approval rating hits 14-month high at 52.5 pct over virus response. *Yonhup News*, 26.03. 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200326001852315?section=news> (accessed: 22.05.2020).

4. В РК начал действовать режим повседневного карантина. *Международное радио Кореи*, 06.05.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61622 (дата обращения 22.05.2020).

5. С 13 мая в метрополитене Сеула вводится масочный режим. *Международное радио Кореи*, 11.05.2020–05–11. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61683 (дата обращения 22.05.2020).

бактериологической войны в годы Корейской войны — часть государственного мифа, на Юге рассуждения о возможности подобных действий со стороны Севера также встречаются вплоть до завуалированных попыток обвинить КНДР во вспышке африканской чумы свиней на территории РК.

Такая ситуация создает некий минимальный задел подготовки к эпидемии, которая воспринимается вовсе не как абсолютно гипотетическая угроза. Северная Корея реагирует подобными жесткими карантинными мерами на любую серьезную эпидемию, будь то атипичная пневмония 2003 года, лихорадка Эбола в 2014 г. или MERS в 2015. При этом в 2014 г. карантинный режим длился с октября 2014 по март 2015 года и распространялся на иностранных дипломатов и членов высшего руководства, возвращавшихся после официальных визитов.

В Южной Корее также был опыт MERSa в 2015 г., который считается неудачным примером действий правительства. Но интереснее иное. В декабре 2019 г. в РК проводились учения ведущих южнокорейских специалистов по инфекционным заболеваниям по чрезвычайному реагированию на вымышленную вспышку эпидемии, сюжет которой оказался близок к реальности: некая южнокорейская семья заболела пневмонией после поездки в Китай, где возникли случаи неизвестного заболевания¹. Итоги учений были весьма похожи на случившееся позднее и существенно помогли в формировании стратегии борьбы с вирусом.

Во-вторых, как на Севере, так и на Юге победа над эпидемией оказалась политическим вопросом, от которого во многом зависело «сохранение режима». В КНДР противоэпидемические меры с самого начала связали с выживанием страны, в РК вопрос стал политическим в феврале-марте 2020 г., когда петиция на сайте Голубого дома с требованием импичмента Мун Чжэ Ина за проваленную борьбу с вирусом набрала почти 1,5 млн подписей.

В преддверии парламентских выборов 15 апреля 2020 г., которые широко воспринимались как вотум доверия Муну и его политике, власти РК сделали все возможное для того, чтобы успехи в борьбе с вирусом перекрыли все прочие обвинения Муна консерваторами, и его ошибки в экономике и внутренней политике.

В-третьих, и Север, и Юг довольно серьезно ограничивали свободу граждан в рамках карантинных мер. Иное дело, что это было сделано за счет применения технологий «разного уровня»: если Север полностью закрыл границы, то Юг ужесточал свою политику постепенно, однако потенциально зараженные и их контакты были поставлены под плотный электронный контроль. Это позволило в короткое время выявлять нарушителей самоизоляции и отслеживать цепочки контактов для их последующего скрининга. По сути, к марту 2020 г. и на Севере, и на Юге существовал очень сходный режим социального дистанцирования, и когда основная угроза оказалась пройденной, обе Кореи начали потихоньку «открываться». В КНДР процесс начался в начале апреля, в РК — в середине-конце апреля.

При этом как на Севере, так и на Юге, по всем каналам информации были оперативно налажены как пропаганда соблюдения карантинных мер, так и информация о том, как ведется борьба с эпидемией.

Применительно к Южной Корее отметим еще некоторое количество дополнительных факторов. Во-первых, ношение масок и внимание к санитарно-гигиеническим нормам было характерно для Южной Кореи и ранее. При этом корреляция этого с конфу-

1. South Korea's emergency exercise in December facilitated coronavirus testing, containment. *Reuters*, 30.03. 2020. URL: https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-southkorea-drills-idUSKBN21H0BQ?fbclid=IwAR3uKiwlhLbVdIoB5-Rthmy7p1IfJqGMX5GiWmR_50KeKG3W7b7rOIDfvM0 (accessed: 22.05.2020).

цианской ментальностью преувеличена: мало затронутая традиционной культурой молодежь соблюдает подобные нормы не меньше, чем старшее поколение.

Распространен пассаж, что и Север, и Юг предпочли здоровье граждан экономическому благополучию. Неясно, какие последствия для экономики Северной Кореи будут иметь перекрытые границы, в том числе удар по явной и тайной трансграничной торговле. Косвенные данные свидетельствуют о том, что, хотя рассуждения о скором голоде являются антипхеньянской пропагандой, некоторые проблемы из-за отсутствия китайских товаров есть. Неясно и то, чем обернутся для южнокорейской экономики активные траты на борьбу с вирусом, включая меры по поддержке предпринимателей и выплаты всему населению базового дохода: пока речь идет о сокращении расходов ряда бюджетных направлений, принятии дополнительного бюджета и выпуске облигаций. Следует понимать, что на самом деле речь идет не о выборе между здоровьем граждан и здоровьем экономики, а о ситуации, в которой вспышка эпидемии влечет за собой большой пакет экономических проблем, но, в отличие от предыдущего варианта, неконтролируемый.

Понятно, что подводить окончательный итог пока рано, потому что борьба с эпидемией в целом еще не закончена. Однако, как минимум первый раунд противостояния с коронавирусом оба государства Корейского полуострова скорее выиграли. Это было сделано благодаря оперативной реакции государственной системы, не побоявшейся идти на чрезвычайные меры ограничения прав граждан и контроля над населением и выставление здоровья граждан как первый приоритет по сравнению с экономикой, а в случае с Северной Кореей — даже с идеологией.

Список литературы

1. (2nd LD) Moon's approval rating hits 14-month high at 52.5 pct over virus response. *Yonhap News*, 26.03. 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200326001852315?section=news> (accessed: 22.05.2020).
2. (2nd LD) N.K. leader oversees politburo meeting on coronavirus response *Yonhap News*, 29.02. 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200229000352325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
3. (LEAD) 500 North Koreans remain under coronavirus quarantine: state media. *Yonhap News*, 03.04.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200403001151325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
4. (LEAD) N. Korea's military was on lockdown amid virus scare: USFK commander *Yonhap News*, 13.03. 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200313011951325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
5. (Yonhap Feature) Offbeat approach, tech prowess characterize S. Korea's virus fight. *Yonhap News*, 06.03., 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN%20200305010400320?section=news> (accessed: 22.05.2020).
6. 19 марта вводятся усиленные меры карантинного контроля для всех прибывающих в РК. *Международное радио Кореи*, 17.03.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61060 (дата обращения 22.05.2020).
7. 3920 people under quarantine in North Korea's South Phyongan, Kangwon provinces. *NK News*, 01.03. 2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/3920-now-under-quarantine-in-north-koreas-south-phyongan-and-kangwon-provinces/> (accessed: 22.05.2020).
8. 8 из 10 южнокорейцев согласны с применением электронных наручных маячков. *Международное радио Кореи*, 09.04.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61336 (дата обращения 22.05.2020).
9. Coronavirus Infections Surpass 1,500. *The Chosun Ilbo*, 27.02.2020. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2020/02/27/2020022701951.html (accessed: 22.05.2020).

10. Cults and Conservatives Spread Coronavirus in South Korea. *Foreign Policy*, 27.02.2020.
URL: <https://foreignpolicy.com/2020/02/27/coronavirus-south-korea-cults-conservatives-china/> (accessed: 22.05.2020).
11. Government's 'self-praise' in virus fight taking flak. *The Korea Times*, 10.03.2020.
URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/03/356_285952.html (accessed: 22.05.2020).
12. Korea places travel ban on self-quarantined people. *The Korea Times*, 04.03.2020.
URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/03/119_285570.html (accessed: 22.05.2020).
13. Laws revised to better prevent COVID-19 spread. *The Korea Times*, 26.02.2020.
URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/356_285141.html (accessed: 22.05.2020).
14. Moon OUT: Over 800,000 Koreans call for President's impeachment. *The Korea Times*, 26.02.2020.
URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/356_285177.html (accessed: 22.05.2020).
15. Moon under mounting criticism over coronavirus responses. *The Korea Times*, 27.02.2020.
URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/356_285152.html (accessed: 22.05.2020).
16. N. Korea opens new health website. *Yonhap News*, April 22, 2020.
URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200422009200325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
17. N. Korea to maintain border shutdown until development of coronavirus treatment: senior official. *Yonhap News*, 27.02.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200227008900325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
18. N.K. plane arrives in Vladivostok to transport foreigners amid border closure: sources. *Yonhap News*, 09.03.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200309005800325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
19. N.K. quarantines about 10,000 people for potential infection by new coronavirus. *Yonhap News*, 09.03.2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200309003700325?section=news> (accessed: 22.05.2020).
20. North Korean official purged for “debauchery,” defying quarantine: state media. *NK News*, 23.02.2020. URL: <https://www.nknews.org/2020/03/north-korean-official-punished-after-disobeying-quarantine-measures-rodong/> (accessed: 22.05.2020).
21. Seoul to launch 10-minute contact tracing program // *The Korea Herald*, 26.03.2020.
URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200326000987> (accessed: 22.05.2020).
22. South Korea's emergency exercise in December facilitated coronavirus testing, containment. *Reuters*, 30.03.2020. URL: https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-southkorea-drills-idUSKBN21H0BQ?fbclid=IwAR3uKiwlhLbVdIoB5-Rthmy7p1lfqGMX5GiWmR_50KeKG3W7b7rOIDfvM0 (accessed: 22.05.2020).
23. Virus patients caught concealing travel history to face heavy punishment. *The Korea Times*, 09.03.2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/03/119_285851.html (accessed: 22.05.2020).
24. Андрей Ольферт. Цена одной ошибки. Как Коронавирус чуть не погубил Южную Корею // РИА Новости, 02.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200402/1569403959.htm> (дата обращения 22.05.2020).
25. Более миллиона человек подписали петицию за импичмент главе Южной Кореи. Текст: Олег Кирьянов (Сеул). *Российская газета*, 27.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/27/bolee-milliona-chelovek-podpisali-peticiiu-za-impichment-glave-iuzhnoj-korei.html> (дата обращения 22.05.2020).
26. В РК введены в действие специальные карантинные правила для госслужащих. *Международное радио Кореи*, 23.03.2020.
URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61117 (дата обращения 22.05.2020).
27. В РК изменены противоэпидемические рекомендации. *Международное радио Кореи*, 26.02.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60804 (дата обращения 22.05.2020).
28. В РК начал действовать режим повседневного карантина. *Международное радио Кореи*, 06.05.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61622 (дата обращения 22.05.2020).
29. КНДР ужесточила контроль за импортируемыми товарами из-за коронавируса. *Российская газета*, 23.02.2020. URL: <https://rg.ru/amp/2020/02/23/kndr-uzhestochila-kontrol-za-importiruemyimi-tovarami-iz-za-koronavirusa.html?fbclid=IwAR16yiy->

- ZufYTykc8Om8vzMvSx5Q5NMBbu1PETGMTu2u4VrG5mvrn4nhTd0 (дата обращения 22.05.2020).
30. МККК не получил запрос КНДР о помощи в тестировании на коронавирус. *РИА Новости*, 23.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200423/1570451061.html> (дата обращения 22.05.2020).
 31. Олег Курьянов. В Южной Корее объяснили большое число инфицированных Covid-19. *Российская газета*, 29.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/29/v-iuzhnoj-koree-obiasnili-bolshoe-chislo-inficirovannyh-covid-19.html> (дата обращения 22.05.2020).
 32. Пациентов с COVID-19 разделят на группы в зависимости от тяжести заболевания. *Международное радио Кореи*, 02.03.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60874 (дата обращения 22.05.2020).
 33. Посол РФ в КНДР: Россию не радует глубокая заморозка диалога Пхеньяна и Вашингтона. *Интерфакс*, 20.05.2020. URL: <https://www.interfax.ru/interview/709350> (дата обращения 22.05.2020).
 34. Правительство РК призывает производителей защитных масок увеличить выпуск продукции. *Международное радио Кореи*, 06.03.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60935 (дата обращения 22.05.2020).
 35. Премьер-министр РК поручил взять под особый контроль обеспечение защитными средствами. *Международное радио Кореи*, 11.02.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=60586 (дата обращения 22.05.2020).
 36. С 13 мая в метрополитене Сеула вводится масочный режим. *Международное радио Кореи*, 11.05.2020–05–11. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61683 (дата обращения 22.05.2020).
 37. Чон Сэ Гюн: Южнокорейцы смогут купить по три защитные маски в неделю. *Международное радио Кореи*, 24.04.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=61516 (дата обращения 22.05.2020).

K. Asmolov. Two Koreas against COVID-19

Both North and South Korea are interesting examples of successful struggle against COVID-19 — while DPRK almost immediately introduced strict quarantine and isolation regime, being able to prevent the virus from entering the country, ROK, while responding to the threat with some delay, also managed to curb the outbreak in the end.

In both countries, the fight against coronavirus has turned out to be a political issue, and therefore both States had invested as much as possible in solving the problem, using all the means of control according to the available technological level.

Although the policies of both Korean States may entail certain economic problems, Pyongyang and Seoul chose not so much between the health of the nation and the economic crisis, but rather between problems that are under the control of the state and the economic crisis that could occur as a result of losing control of the epidemic. At the same time, South Korea was forced to reckon with the domestic political situation, and North Korea — with a certain deficit in the hospital care system inside the country.

Keywords: pandemic, anti-epidemic measures, North Korea, Republic of Korea, coronavirus.

Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и позиция Японии: конфронтация или взаимодействие?

© 2020

И.В. Гордеева

Статья посвящена реакции Японии на выдвинутую Китаем инициативу «Один пояс, один путь» и формированию японской стратегии в отношении КНР в новых условиях. Анализируется разработанная Японией и США концепция Индо-Тихоокеанского региона. Отмечаются попытки привлечения Индии к созданию антикитайской «четверки» государств с участием США, Японии и Австралии. Рассматриваются альтернативные экономические программы Японии, ее борьба с Китаем за влияние в Юго-Восточной Азии, попытки Токио помешать «китайской экспансии» в Южно-Китайском море. Обращается внимание на то, что в японском обществе усиливаются настроения в пользу налаживания с Пекином экономического сотрудничества в странах региона.

Ключевые слова: Япония, Китай, инициатива «Один пояс, один путь», Индо-Тихоокеанский регион, Южно-Китайское море, альтернативная экономика, экономическое противоборство.

DOI: 10.31857/S013128120010378-6

Япония, наряду с США, с настороженностью встретила выдвинутую китайским руководством инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), расценив ее как стремление Пекина утвердить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на мировой арене в ущерб интересам Запада¹. Инициатива имеет и образное название «новый Шелковый путь». По оценкам части японского экспертного сообщества, инициатива представляет собой долгосрочную геополитическую и геоэкономическую стратегию Пекина, направленную на реализацию поставленной в 2012 г. Председателем КНР Си Цзиньпином задачи осуществить вековую «китайскую мечту» о «великом возрождении китайской нации»². Ее главная цель – вывести Китай на позиции мирового лидера, потеснив западные страны, занимавшие на протяжении многих веков господствующее в мире положение.

Гордеева Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: igordeeva@hse.ru.

1. Идея построения Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), простирающегося от Китая до Европы, была изложена Председателем КНР Си Цзиньпином 7 сентября 2013 г. в выступлении в Университете имени Назарбаева в г. Астана. В речи 2 октября 2013 г. в индонезийском парламенте Си Цзиньпин обратился к странам региона с призывом «вместе построить Морской Шёлковый путь XXI века». Позже обе идеи получили хождение в виде концепции «Один пояс, один путь».
2. Приводимые здесь и далее оценки и выводы по проблемам ОПОП основаны на соответствующих исследованиях таких известных японских специалистов по азиатским проблемам, как Т. Тэрада, Я. Исида, Р. Касаи. Т. Симодайра, Н. Канэхара, К. Ёсиока и др., а также статьях и материалах японской прессы по соответствующей тематике.

Как пишет известный японский политолог Я. Исида, Китай стремится создать китаецентричный мир, а Япония хотела бы сохранить либеральный международный порядок, основанный на американском лидерстве¹. Он отмечает особенности весьма прагматичной китайской стратегии как по избранному направлению – на Европу и Африку через огромные, пока еще экономически слабо освоенные, просторы Евразии и азиатского юга с их огромными потребностями в финансах, инфраструктуре, производственных мощностях, так и по способам завоевания позиций посредством экономической и финансовой помощи, развертывания масштабного инфраструктурного строительства. Пекин пустил в ход свое самое сильное оружие – накопленную экономическую мощь, убеждая мир, что страна действует в общих интересах, способствуя экономическому процветанию стран-партнеров. В этом японский ученый видит суть геоэкономической стратегии Пекина, которая впоследствии принесет и существенные геополитические дивиденды².

Серьезным побудительным мотивом для Пекина является тот факт, что Китай обладает огромными избыточными производственными и финансовыми ресурсами для достижения своих целей, что особенно важно в условиях массированного давления на него со стороны Соединённых Штатов. Так, первоначальный фонд ОПОП составил 40 млрд долл., а Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданного для финансирования нового Шелкового пути, – 100 млрд долл. В выступлении 19 мая 2017 г. на Первом международном форуме «Один пояс, один путь» в Пекине Председатель КНР Си Цзиньпин пообещал существенно увеличить финансовую поддержку указанной инициативе. По заявлению министра иностранных дел КНР Ван И, сделанному 24 мая 2020 г. в ходе пресс-конференции на полях сессии ВСНП в Пекине, за 7 лет реализации инициативы товарооборот между Китаем и странами, расположенными вдоль «Пояса и пути», превысил 7,8 трлн долл., а прямые китайские инвестиции в экономику этих стран превысили 110 млрд долл. Было реализовано более 2 тыс. проектов, созданы сотни тысяч рабочих мест³.

Японские источники отмечают активный рост количества стран, выразивших желание присоединиться к проекту ОПОП. Если в 2015 г. их было около 60, то на март 2019 г. их количество выросло до 123, включая Италию, первую из стран Большой семерки, присоединившуюся к проекту⁴.

Анализируя успешное продвижение Китая по ряду направлений нового Шелкового пути, японские эксперты указывают, что главная причина этого – острая нужда стран региона в денежных ресурсах и технической помощи, необходимых для экономического развития. Еще один фактор, который делает китайские займы столь привлекательными – это то, что они, как правило, не связаны с обременительными условиями, зачастую не требуют гарантий со стороны государств-реципиентов, просты в оформлении и выдаются очень быстро. Характерно, что сейчас и японские банки вынуждены учитывать китайский опыт: ряд из них предоставляют кредиты на более льготных условиях и

-
1. *Ishida Yasuyuki*. China's OBOR Initiative and Japan's Response // China-India-Japan in the Indo-Pacific, Pentagon Press, 2018. P. 180. URL: <https://idsa.in/system/files/book/book-china-india-japan-indo-pacific.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).
 2. *Ishida Yasuyuki*. China's OBOR Initiative and Japan's Response // China-India-Japan in the Indo-Pacific, Pentagon Press, 2018. P. 164–168. URL: <https://idsa.in/system/files/book/book-china-india-japan-indo-pacific.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).
 3. Вопросы и ответы министра иностранных дел КНР Ван И на пресс-конференции по внешней политике Китая и международным отношениям. 24.05.2020 URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1782419.htm> (дата обращения: 25.05.2020).
 4. Асахи симбун. 27.03.2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM3V6GZDM3VUHBI02D.html> (дата обращения: 10.05.2020) (на яп. яз.).

снизили требования к предоставлению странами-реципиентами государственных гарантий в случае возникающих трудностей при возврате кредитов.

Учреждение Китаем АБИИ было встречено в Вашингтоне и Токио как нежелательная конкуренция. Опасения Японии, в частности, связаны с тем, что Банк будет соперничать с давно действующим в регионе Азиатским банком развития (АБР), где контролирующую роль играют Япония и Соединённые Штаты (по 15,6% акций у каждой страны), другими крупными японскими банками, кредитующими промышленные, инфраструктурные и иные объекты в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹.

В ходе совместной пресс-конференции 28 апреля 2015 г. президент США Б. Обама и премьер-министр Японии С. Абэ указали, что практика софинансирования отдельных проектов АБИИ и АБР, а также Всемирным банком воспринимается как подрыв существующих институтов и может ослабить установленные стандарты заимствования. Кроме того, если исходить из принципа «честного управления», некоторые инфраструктурные проекты могут оказаться неосуществимыми. К тому же, из-за отсутствия транспарентности в деятельности АБИИ нельзя исключить, что деньги налогоплательщиков будут использованы недолжным образом².

Еще большую обеспокоенность США, Японии и, особенно, Индии вызывает китайская стратегия, разворачивающаяся в Тихом и Индийском океанах (Морской Шелковый путь XXI века), в регионе, где до сих пор преимущественное положение Запада было, по сути, неоспоримо. Здесь Пекин притязает практически на всю акваторию Южно-Китайского моря, создает опорные пункты (по существу военные базы), в том числе на традиционных морских коммуникациях с введением уведомительной практики при проходах военных кораблей. Опорные пункты создаются также вдоль побережья Индийского океана («Нитка жемчуга»). Нарастает военно-морское присутствие Китая в Индийском океане. Это проявляется в участвующих проходах военных кораблей, патрулировании и др. Запад и Индию беспокоит и постепенное проникновение Китая в страны Южной Азии – традиционную сферу влияния Индии.

В отличие от Соединённых Штатов, продолжающих подвергать инициативу «Один пояс, один путь» и в целом стратегию Китая жесткой и бескомпромиссной критике как «свокорыстную», «противоречащую основным принципам либерального экономического порядка», направленную на «закабаление» стран, получающих китайские инфраструктурные кредиты³, официальный Токио проявляет определенную сдержанность, не желая обострять отношения с Пекином.

Свою роль сыграли и благожелательные жесты со стороны Китая, призывающего Японию к взаимовыгодному сотрудничеству двух стран, в том числе в рамках ОПОП, в целях развития региона. В пользу такого сотрудничества выступают и некоторые круги японского бизнеса, видящие в этом определенные выгоды для себя. Японским бизнесом учитываются огромные потребности азиатских стран в реализации инфраструктурных проектов. По подсчетам АБР, на эти цели в период 2016–2030 гг. может понадобиться 26 трлн долл. (примерно 1,7 трлн долл. в год)⁴.

1. См., например, статью *Terada Takashi*. Japan's Struggle in China-led Asian Economic Order //China-India-Japan in the Indo-Pacific, Pentagon Press, 2018. P. 189–195. URL: <https://idsa.in/system/files/book/book-china-india-japan-indo-pacific.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).
2. Remarks by President Obama and Prime-minister Abe of Japan in Joint Press Conference. White House, 28.04.2015.
3. См., например, выступление вице-президента М. Пенса в Гудзоновском институте 4 октября 2018 г. с изложением, как было указано, «политики администрации в отношении Китая». Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China. 04.10.2018.
4. Meeting Asia's Infrastructure Needs, Asian Development Bank, 2017. URL: <https://www.adb.org/publications/asia-infrastructure-needs> (дата обращения: 18.05.2020).

Председатель КНР Си Цзиньпин во время состоявшейся в апреле 2015 г. в Джакарте встречи с японским премьером Синдзо Абэ на полях Конференции стран Азии и Африки, коснувшись китайских инициатив, заметил, что эти инициативы «были позитивно восприняты во всем мире»¹. Китайский лидер призвал японскую сторону к сотрудничеству в укреплении мира, стабильности и процветания в регионе. Японский премьер, в свою очередь, отметив огромную потребность инвестиций для осуществления инфраструктурных проектов в Азии, выразил надежду на получение более полных сведений о функционировании ОПОП и АБИИ².

Активные обсуждения возможного сотрудничества Японии и Китая в рамках ОПОП велись также министрами иностранных дел, руководителями финансовых организаций и другими официальными представителями. Большое значение для разъяснения китайской инициативы международному сообществу имела подготовленная в марте 2015 г. Государственным комитетом КНР по делам развития и реформ совместно с министерствами иностранных дел и торговли, обстоятельная программа реализации китайского плана. Хотя С. Абэ уклонился от личного участия в состоявшемся в мае 2017 г. в Пекине первом Международном форуме «Один пояс, один путь», на форум был направлен генеральный секретарь правящей Либерально-демократической партии Тосихиро Никаи, который был принят Си Цзиньпином. Никаи передал китайскому лидеру личное письмо С. Абэ. В числе рассмотренных тем были затронуты вопросы возможного сотрудничества сторон в рамках программы «Один пояс, один путь»³.

Принципиальная позиция Токио в отношении ОПОП была изложена в речи Абэ 5 июня 2017 г. на 23-й Международной конференции о будущем Азии. Японский премьер в целом позитивно отозвался о китайской идее, указав, что инициатива Пекина «содержит потенциальную возможность соединить Восток и Запад, а также различные регионы, которые находятся между ними». В то же время японский премьер подчеркнул, что «было бы важно, чтобы создаваемая инфраструктура была открыта для использования всеми и развивалась на базе торгов, которые были бы транспарентными и справедливыми». Он также высказал пожелание, чтобы инициатива «Один пояс, один путь» осуществлялась «в гармонии со свободной и справедливой Транстихоокеанской экономической зоной». «Япония, сказал С. Абэ, готова развивать сотрудничество, исходя из этой перспективы»⁴.

В мае 2018 г. во время визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Японию стороны договорились об учреждении в рамках Китайско-японского экономического диалога на высоком уровне межведомственного «рабочего механизма в сфере продвижения сотрудничества Китая и Японии на рынках третьих стран»⁵.

Несколько скорректировал Токио и свое отношение к АБИИ, тем более что Банк уже довольно прочно закрепился в регионе. На сегодняшний день к АБИИ при-

1. В заявлениях китайских представителей в ходе состоявшегося в апреле 2019 г. второго Форума в рамках «Пояса и пути» указывалось, что к сотрудничеству с Китаем в рамках этой инициативы проявили интерес 131 государство и 30 международных организаций.

2. Chinese president Xi meets with Japan's PM in Jakarta. 22.04.2015. URL: <https://america.cgtn.com/2015/04/22/chinese-president-xi-meets-with-japans-pm-in-jakarta> (дата обращения: 20.03.2020).

3. Xi Jinping Meets with Secretary-General of the Liberal Democratic Party Toshihiro Nikai of Japan. 15.05.2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t11463445.shtml (дата обращения: 20.03.2020).

4. "Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia". Speech by Prime Minister S. Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. 05.06.2017. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (дата обращения: 15.07.2019).

5. Китай и Япония подписали соглашения по торгово-экономическому сотрудничеству. 05.2018 г. URL: <https://www.trend.az/world/china/2900980.html> (дата обращения: 13.05.2020).

соединились свыше 70 стран, среди которых такие важнейшие американские союзники, как Англия, Германия, Франция, Австралия, а также Индия. Причем Индия вошла в число учредителей АБИИ, является вторым крупнейшим акционером банка и активно пользуется его кредитами. Постепенно АБИИ превратился в полноценный многосторонний банк развития, где решения о выделении кредитов принимаются Китаем не единолично, а всеми членами банка, хотя Пекин владеет в нем 26% голосов, что позволяет проводить нужные ему решения.

К настоящему времени Китай достиг определенных успехов в выполнении конкретных планов инициативы ОПОП, хотя по многим направлениям имеется существенное отставание, а ряд проектов отменен. Негативное влияние на реализацию инициативы оказала пандемия корона-вируса в регионе. На сегодняшний день можно выделить следующие основные сферы реализации указанной инициативы:

- создается протяженная сеть железных и шоссейных дорог в сторону Европы, вдоль которых строятся новые инфраструктурные объекты, появляются города и поселки. Наиболее интенсивно используется железная дорога через Китай, Казахстан, западную часть России и далее в Европу. Тем не менее, объемы перевозки грузов по ней существенно отстают от перевозок китайских грузов морскими путями. Центральная-азиатские государства используют зачастую возвращающиеся порожняком поезда для перевозки в Китай своих грузов;

- активно заработал южный маршрут «Китай–Европа» – из города Сиань в турецкий город Измит на Мраморном море (через Казахстан, Туркменистан, Иран);

- проложена через протяженный туннель железнодорожная ветка Таджикистан–Узбекистан;

- Пекин в экономическом плане активно осваивает страны Центральной Азии: идет расширение торговли, осуществляются крупные инвестиции, строительство промышленных и иных объектов, линий электропередач и др. Причем по многим направлениям Китай вышел на 1-е место среди других зарубежных государств;

- прилагаются большие усилия, направленные на подъем экономики и жизненного уровня населения центральных и западных районов Китая;

- значительно повысилась китайская активность на южном направлении, что особенно беспокоит Японию и ее союзников;

- Китай успешно осваивает важнейший регион Юго-Восточной Азии, продвигаясь в сторону Южной Азии и далее на Африку. Попутно он закрепляется в стратегически важных опорных пунктах Бирмы, Бангладеш, Шри-Ланки, Пакистана, стран западной части Индийского океана. Здесь цель – выйти из юго-западных районов Китая по сухопутным коридорам к портам Мьянмы, Бангладеш, Пакистана, тем самым значительно сократить путь, а главное, обойти Малаккский пролив, контролируемый Соединёнными Штатами и их союзниками;

- планируется сеть железных дорог в странах ЮВА, в частности: от Куньмина через Вьентьян, Бангкок, Куала-Лумпур до Сингапура. Китай в соперничестве с Японией выиграл тендер на строительство скоростной железной дороги в Индонезии (Джакарта–Бандунг);

- главным же стратегическим проектом Пекина в зоне Индийского океана является китайско-пакистанский экономический коридор с выходом в порт Гвадар в Аравийском море Индийского океана. Одновременно Китай участвует в сооружении промышленных и иных объектов в специальных экономических зонах Пакистана, призванных существенно повысить экономический потенциал страны, усилить ее позиции в противостоянии с Индией. При этом игнорируются постоянные протесты Дели по поводу того, что часть коридора проходит через контролируемый Пакистаном участок Кашмира.

В то же время со стороны японских СМИ не прекращается острая критика применяемой Китаем практики. Как подчеркивается, определяющую роль в осуществлении китайской инициативы играет государство, а не частный сектор. Собственный Фонд

ОПОП сравнительно невелик, а основные средства поступают от Экспортно-импортного банка Китая и Банка развития Китая в адрес китайских госпредприятий, которые и осуществляют капиталовложения в строительство зарубежной инфраструктуры. Контракты осуществляются китайскими подрядчиками, с использованием китайских строительных материалов, оборудования и китайской рабочей силы. Инициатива не соответствует международным стандартам и принципам предоставления помощи развитию, в частности таким, как эффективное управление, верховенство закона, прозрачность. Не соблюдаются должным образом интересы окружающей среды, прав человека. Предоставляя кредиты, китайская сторона пытается выведать у партнеров технологические секреты, гонится за количеством, не заботясь о качестве¹.

Японские эксперты указывают также на то, что в ряде случаев выдаются кредиты, возврат которых заранее невыполним. В результате Китай получает привилегии, обретая зачастую контроль над построенной им инфраструктурой, а страна-получатель попадает в политическую, финансовую и экономическую зависимость от КНР. Хрестоматийный пример в этом плане – Шри-Ланка, которая, не имея возможности расплатиться за китайские кредиты, была вынуждена уступить в 2017 г. Китаю право на 99-летнюю аренду порта Хамбантота. После этого, как отмечает японская пресса, некоторые азиатские страны, такие как Пакистан, Непал, Мальдивы, Мьянма, Малайзия, приостановили или даже отказались от строительства ряда объектов с помощью Китая².

Китайское руководство серьезно отнеслось к усиливающейся критике применяемых Пекином методов, обвинениям в том, что на деле Китай преследует собственные эгоистические цели. В частности, речь Си Цзиньпина на Втором международном форуме «Один пояс, один путь» (26 апреля 2019 г.) была построена таким образом, чтобы убедить мировую общественность: китайская инициатива отвечает интересам всех партнеров, готовых сотрудничать с Китаем. «Мы должны приложить усилия для того, подчеркнул Си Цзиньпин, чтобы повысить уровень взаимодополняемости проектов «Одного пояса, одного пути» и стратегий развития на национальном, региональном и международном уровнях». Китайский лидер постарался развеять беспокойство по поводу корыстного характера китайской инициативы. По его словам, Китай приложит усилия для более сбалансированной торговли с другими странам, будет уделять больше внимания выполнению двусторонних и многосторонних торгово-экономических соглашений, укрепит сотрудничество с международным сообществом в области защиты прав интеллектуальной собственности, в других областях³. Подобные же заверения прозвучали в докладе премьер-министра КНР Ли Кэцзяна 22 мая 2020 г. в ходе сессии ВСНП в Пекине. Он в частности подчеркнул, что «Китай будет стремиться к высококачественному совместному строительству «Пояса и Пути», осуществлять взаимовыгодное сотрудничество»⁴.

Нельзя не отметить вынужденную приостановку или отмену некоторых проектов ОПОП в результате пандемии COVID-19. Японские СМИ пишут о том, что из-за ограничения передвижения и нехватки ресурсов, необходимых для восстановления собственной экономики, Китай был вынужден приостановить строительство высоко-

1. См., например, *Kawashima Shin*. The risks of One Belt, One Road for China's neighbors // The Japan Times. 24.04.2018.
2. The Japan Times editorial: China's Belt and Road at age 5. 05.09.2018.
URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/09/05/editorials/chinas-belt-road-age-5/#.Xqvqvc1S-1s> (дата обращения: 15.05.2020).
3. Ключевые тезисы выступления Си Цзиньпина на форуме «Один пояс, один путь». 26.04.2019.
URL: <https://investfuture.ru/news/id/6-klyuchevyh-tezisov-vystuplenia-si-czinpina-na-forume-odin-poyas—odin-put> (дата обращения: 08.05.2020).
4. Highlights of 2020 Government Work Report. 22.05.2020. URL: http://english.court.gov.cn/2020-05/22/content_37536163.htm (дата обращения: 23.05.2020).

скоростной железной дороги в Индонезии, финансируемое госбанком Китая. Переговоры между Таиландом и Китаем по контрактам на строительство высокоскоростной железной дороги из Бангкока в Китай через Лаос перенесены с мая на октябрь 2020 г. В Мьянме откладывается строительство тепловых электростанций китайскими и гонконгскими государственными компаниями из-за задержки с поставкой материалов. Ожидалось, что в Камбодже тепловая электростанция, построенная китайскими компаниями, не начнет работу в мае, как было запланировано. Японские СМИ предполагают также, что если строительство инфраструктуры, которая является основой роста в Юго-Восточной Азии, значительно затянется, иностранный капитал, включая японский, может пересмотреть свои инвестиционные планы¹.

В складывающейся в Азии новой обстановке США, Япония, их союзники и партнеры выстраивают в регионе собственную линию, направленную на сохранение и укрепление своих позиций, всемерное сдерживание Китая в его стремлении расширить свое влияние при одновременных попытках выйти на договоренности с Пекином, которые устраивали бы обе стороны. При этом следует отметить, что в результате проявляемой Соединёнными Штатами в последнее время определенной пассивности в АТР значительно повысился вес Японии. Тем не менее, остается незыблемой основа японской политики в регионе – тесный военно-политический союз с США.

Японией и США выдвинута идея построения регионального порядка на новых принципах – так называемая концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), охватывающего пространство от западного побережья США до Восточной Африки. Ключевые элементы концепции были разработаны Токио, затем ее взяла на вооружение администрация Д. Трампа. Как главные партнеры привлечены Австралия и, что особенно важно, Индия, имеющая свои проблемы в отношениях с Китаем.

Как указывалось в совместном японо-индийском заявлении от 17 сентября 2017 г., суть концепции заключается в том, что ИТР – это регион, «где уважается суверенитет и международное право, разногласия улаживаются путем диалога, и где все страны, большие или малые, пользуются свободой судоходства и воздухоплавания, устойчивым развитием и свободной, справедливой и открытой торговой и инвестиционной системой»². По замыслу авторов концепции, «четверка» стран (США, Япония, Австралия, Индия) призвана отныне руководить азиатскими делами. Однако продвижение указанной концепции сталкивается с определенными трудностями. Выступившие единым фронтом страны АСЕАН добились принятия своей позиции о «центральном значении» в ИТР АСЕАН и связанных с ней механизмов. США и Япония были вынуждены согласиться.

Показательны также попытки Токио каким-то образом заинтересовать Пекин идеей формирования Индо-Тихоокеанского региона. В ходе организованного 22 февраля 2018 г. американским Атлантическим советом симпозиума на тему «Стратегия в Индо-Тихоокеанском регионе» советник премьер-министра Японии по вопросам безопасности К. Сонора затронул вопрос о том, чтобы Пекин «подумал, каким образом он мог бы стать партнером в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии, помогая обеспечить взаимное экономическое процветание и региональную стабильность»³. Ряд японских экспертов высказывают мнение, что Индо-Тихоокеанская стратегия Японии направлена на укрепле-

1. Нихон кэйдзай симбун. 04.05.2020. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO58778490U0A500C2FF8000/> (на яп. яз.).

2. Japan-India Joint Statement Toward a Free, Open and Prosperous Indo-Pacific. Gandhinagar, Gujarat. 14.09.2017. URL: www.mofa.go.jp/files/ooo289999.pdf (дата обращения: 05.03.2020).

3. The “Indo-Pacific Strategy” emerges as a counter to China’s “One Belt, One Road”. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3371444> (дата обращения: 17.05.2020).

ние мира, стабильности и процветания на базе основанного на правилах порядка в Азии и на Тихом океане. Эта стратегия преследует цель, подчеркивает вышеупомянутый Я. Исида, подключить китайскую инициативу ОПОП, а не соперничать с ней¹.

В последние годы Япония значительно активизировала свой внешнеполитический курс, в основе которого лежит провозглашенная премьер-министром С. Абэ политика «активного пацифизма», направленная на повышение международного веса Японии, эффективное участие в решении наиболее важных международных проблем. В речи 20 января 2017 г. на 193-й сессии парламента министр иностранных дел Японии Ф. Кисида выделил следующие «три столпа» внешней политики страны: упрочение японо-американского альянса, продвижение отношений с соседними странами, укрепление экономической дипломатии как средства, способствующего росту японской экономики². В то же время вновь подчеркивается, что японская политика строится на основе общепринятых установленных правил, таких как свобода, демократия, фундаментальные права человека, верховенство закона, рыночной экономики.

Активизировалась политика Японии и в сфере безопасности. Ею осуществлены крупные шаги по дальнейшему укреплению японо-американского военного союза. Совместно с США выработаны решения, позволяющие расширение японской военной активности далеко за пределами ее национальной территории. Токио постепенно налаживает поставки другим странам военных технологий и экспорт оборонительных видов вооружений.

Особое внимание Вашингтон и Токио уделяют обстановке в регионе Южно-Китайского моря, стремясь привлечь к противодействию Китаю прибрежные страны, отстаивающие свои права на прилегающие к ним морские районы и шельф, а также на отдельные острова и архипелаги. Базовая позиция Японии на этот счет была изложена 26 сентября 2016 г. в речи премьер-министра С. Абэ на 192-ой сессии японского парламента. Он в частности заявил: «Односторонние попытки изменить статус-кво неприемлемы нигде в мире, включая Восточно-Китайское море и Южно-Китайское море. Все проблемы должны быть разрешены мирным и дипломатическим путем, основанным на международном праве, а не путем применения силы. Кроме того, мы будем решительно защищать территориальное, морское и воздушное пространство Японии»³. Для продвижения своей позиции по ЮКМ Вашингтон и Токио ведут большую работу с азиатскими странами. Однако и Пекин продолжает активную деятельность в регионе, включая строительство военных опорных пунктов. Положение в районе Южно-Китайского моря остается напряженным.

В складывающейся ситуации происходит формирование тандема Япония–Индия. Отношения двух стран существенно расширились, между ними практически ежегодно проводятся встречи на высшем уровне. В совместном заявлении от 12 декабря 2015 г. премьер-министры С. Абэ и Н. Моди договорились разработать «всеобъемлющий и конкретный среднесрочный и долгосрочный план действий» в соответствии с «представлениями сторон о картине мира в 2025 г.»⁴. Как подчеркнул министр ино-

1. *Ishida Yasuyuki*. Указ. соч. С. 160.

2. Foreign policy speech by foreign minister Kishida. 20.01.2017. URL: http://www.mofa.go.jp/fp/pp/page22e_000800.html (дата обращения: 18.31.2020).

3. Policy Speech by Prime Minister to the 192th Session of the Diet. 26.09.2016.

URL: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201609/1219316_11015.html (дата обращения 12.04.2020).

4. Joint Statement on India and Japan Vision 2025. New Delhi. 12.12.2015. URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/26176/>

[Joint_Statement_on_India_and_Japan_Vision_2025_Special_Strategic_and_Global_Partnership_Working_Together_for_Peace_and_Prosperty_of_the_IndoPacific_R](#) (дата обращения: 14.05.2020).

странных дел Ф. Кисида в своей речи 20 января 2017 г. в японском парламенте, «ставя в качестве цели усиление сети союзов с центром в лице США, мы стремимся к укреплению сотрудничества в рамках треугольников Япония–США–Австралия, Япония–США–Индия и Япония–Австралия–Индия»¹.

Между Японией и Индией налаживается сотрудничество и в военной сфере. Созданы действующие на постоянной основе механизмы этого сотрудничества: осуществляются ежегодные обмены визитами министров обороны, встречи в формате «два плюс два», обмены визитами начальников штабов основных родов войск и обмены различными военными делегациями. Индия на регулярной основе участвует в совместных с США и Японией военных маневрах.

В противовес морской части китайской инициативы ОПОП Токио и Дели представили свой проект – Афро-Азиатский коридор роста. В рамках этого проекта стороны приступили к широкому инфраструктурному строительству в странах бассейна Индийского океана, расширению торговли, увеличению инвестиций, оказанию содействия в усовершенствовании методов управления и др. Важная часть проекта – строительство в Индии с японской помощью сети современных железных и шоссейных дорог².

Обладая сильными экономическими позициями на азиатском континенте, Япония противопоставляет Пекину собственный курс, основанный, как утверждает Токио, на «открытости, справедливости, соблюдении общепринятых экономических норм»³. В марте 2013 г. Япония учредила консультативный совет, в задачу которого входит разработка стратегии экспортной политики и оказания содействия японским экспортерам в рамках выработанного администрацией С. Абэ экономического курса, получившего название «Абэномика». В 2015 г. японское правительство выступило с рассчитанной на пять лет программой «Партнерство в создании качественной инфраструктуры» (Partnership for Quality Infrastructure).

В соответствии с этой программой предполагалось предоставление совместно с Азиатским банком развития 110 млрд долл. в качестве инвестиций на цели инфраструктурных проектов в странах АТР (по 50 млрд долл. от Японии и АБР). В дальнейшем была дополнительно выдвинута программа «Расширенное партнерство ради качественной инфраструктуры», в соответствии с которой планировалось выделение в 2017–2021 гг. 200 млрд долл. на «качественное инфраструктурное строительство во всем мире»⁴. Программой предусматривается льготный характер кредитов, соблюдение прав их получателей, а также предоставление гарантий против возможных потерь. При этом со стороны Токио подчеркивается, что речь идет не о конфронтационных шагах, а о здоровой конкуренции, в рамках которой не отвергается возможность сотрудничества с Пекином в осуществлении крупных проектов в Азии. В разумности такой политики, как отмечают многие наблюдатели, японская сторона старается убедить и своих американских партнеров.

В последние годы усиливается соперничество между крупными державами за экономическое влияние на страны ЮВА. Если на протяжении многих десятилетий ведущие позиции в этом регионе занимали Соединённые Штаты и Япония, то теперь их все больше теснит Китай. КНР вышла на 1-е место по объемам внешней торговли со странами ЮВА. Так, по данным за 2018 г., товарооборот со странами АСЕАН составил (млрд

1. Foreign policy speech by foreign minister Kishida. 20.01.2017. URL: http://www.mofa.go.jp/fp/pp/page22e_000800.html (дата обращения: 18.03.2020).

2. Nili Basu. Thinking Africa, India, Japan, and the Asia-Africa Growth Corridor// The Diplomat. 03.06.2017.

3. Hidetaka Yoshimatsu. Japan's Export of Infrastructure Systems: Pursuing Twin Goals through Development Means // The Pacific Review, 30(4), 2017. P. 492–512.

4. The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”. 2016.

URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (дата обращения: 26.04.2020).

долл.): Китай – 534,2; ЕС – 303,0; США – 303,3; Япония – 237,8¹. Растут в регионе прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая, хотя, по данным на конец 2018 г., КНР находилась на 3-м месте по их объему после ЕС и Японии². Китайские инвестиции в странах ЮВА делаются в крупные, в том числе инфраструктурные, проекты. Например, корпорации КНР контролируют около 45% крупного бизнеса на Филиппинах, а также большую часть ведущих компаний в Индонезии, Таиланде, Малайзии и других странах³.

Нарращивает свою активность в ЮВА и Япония. В 2015 г. С. Абэ объявил о принятии рассчитанного на пять лет пакета мер в размере 110 млрд долл., направленных на реализацию японских проектов в этом регионе. Всего текущие инфраструктурные проекты Японии в нем оцениваются в 367 млрд долл., что на 100 млрд больше китайских вложений⁴. В основном инвестиционная деятельность Японии сконцентрирована на работе с ведущими экономиками региона – Сингапуром, Филиппинами и Вьетнамом. Объявлено о предоставлении 750 млрд иен в виде экономической помощи региону Меконг, со странами которого Япония активно развивает сотрудничество. Этими странами являются Камбоджа, Мьянма, Лаос, Вьетнам и Таиланд.

Все больший интерес проявляет Япония к евразийскому направлению своей политики, осознавая огромные потенциальные возможности Евразии как одного из формирующихся крупнейших промышленно-транспортных кластеров мировой экономики. Для самой Японии регион может стать широким полем вложения ее капиталов, кратчайшим мостом в Европу через евразийское пространство.

В Центральной Азии активно ведется так называемый Диалог Центральная Азия плюс Япония, инициированный в августе 2004 г. С японской помощью осуществляются крупные проекты в сфере промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, подготовки кадров. Жизненно важно для региона содействие Японии в решении проблем водоснабжения, обеспечения электричеством, борьбы с саранчой. Во время посещения в 2015 г. стран Центральной Азии премьером С. Абэ со странами региона был заключен ряд соглашений об оказании содействия в осуществлении энергетических и инфраструктурных проектов на сумму 45 млрд долл. В мае 2019 г. регион посетил министр иностранных дел Японии Таро Коно. В своих выступлениях министр основное внимание уделил экономическому развитию региона, пропагандируя привлекательность японских инфраструктурных проектов. По итогам визита страны выпустили совместное заявление, где подчеркивалась важность инвестиций, «основанных на международных стандартах»⁵.

В Токио крепнет понимание, что без налаживания взаимодействия с существующими в регионе организациями, такими, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а также сотрудничества в рамках инициативы ОПОП, осуществление японских планов было бы весьма затруднительным. В частности, отвечая в октябре 2014 г. на вопросы депутатов бюджетной комиссии верхней палаты японского парламента, министр иностранных дел Японии Фу-

1. Российский внешнеэкономический вестник. 12.2019. URL: [www.rfej.ru/rvv/id/A0039D6F8/\\$file/7-21.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/A0039D6F8/$file/7-21.pdf).

2. ASEAN and the rise of China. 19.08.2019. URL: <https://theasiadialogue.com/2019/08/16/asean-and-the-rise-of-china/>.

3. URL: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/26/02.html>.

4. URL: <https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2019/06/26/japan-beats-china-in-the-philippines-singapore-and-vietnam/#e6a0e8d39d81>.

5. Steady as it goes in Central Asia. Japan Times. 22.05.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/05/22/editorials/steady-goes-central-asia/#.XTwLPEdS-1s> (дата обращения: 25.03.2020).

мио Кисида подчеркнул, что «Япония проявляет большой интерес к Евразийскому экономическому союзу»¹.

К расширению сотрудничества с Японией позитивно относятся и страны–члены ЕАЭС. В частности в ходе встречи представителей деловых кругов России и Японии 16 декабря 2016 г. президент России В.В. Путин сообщил о том, что «в ближайшее время стороны обсудят вопросы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией»². Токио при этом учитывает, что многие страны Азии, такие как Южная Корея, Индия, Монголия, Сингапур, Таиланд и др., проявляют интерес к созданию такой зоны. Вьетнам уже заключил с ЕАЭС соглашение в 2016 г.

В целом нынешняя обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе остается неустойчивой и характеризуется нарастанием противоборства между набравшим силу Китаем, стремящимся расширить сферу своего влияния в регионе, и традиционно занимавшими господствующее положение США и Японией, которые пытаются сдержать дальнейшее возвышение Пекина, удерживать свои позиции. Накал борьбы высок, однако каждая из сторон стремится не переходить грань, которая привела бы к опасной конфронтации и даже к вооруженному столкновению.

Между тем, как отмечают японские исследователи, в АТР существует немало факторов, позволяющих наладить взаимовыгодное сотрудничество между расположенными здесь странами. Для исследователей не остались незамеченными предпринимаемые сейчас китайским руководством попытки представить Китай как миролюбивое государство, в основе политики которого лежит стремление к «сотрудничеству и общему выигрышу». Пекин на всех уровнях продвигает выдвинутую Председателем КНР Си Цзиньпином концепцию построения «Сообщества единой судьбы человечества».

В отношениях между Японией и Китаем периоды охлаждения и даже враждебности сменялись налаживанием достаточно тесных отношений, когда решались многие острые проблемы. Одним из примеров может служить состоявшаяся 10 ноября 2014 г. на полях саммита АТЭС в Пекине встреча между С. Абэ и Си Цзиньпином. На ней оба руководителя высказались за стабильное развитие отношений между двумя странами, что, как заметил китайский лидер, «отвечает коренным интересам народов обеих стран». Показательны слова министра иностранных дел Японии Мотэги в докладе, сделанном на сессии японского парламента 20 января 2020 г. о внешней политике Японии: «Сегодня Япония и Китай разделяют важнейшую ответственность, необходимую для обеспечения мира и процветания в Азии и во всем мире. Две страны могут оправдать надежды международного сообщества, если только они будут полностью верны этой ответственности. ... Мы будем и дальше развивать обмена и сотрудничество во всех областях, и при этом соответствующим образом разрешать стоящие перед нами вопросы с помощью регулярных ответных визитов»³.

Япония и Китай являются активными сторонниками создания зон свободной торговли в АТР, в частности важнейшего интеграционного объединения – Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), подписание соглашения о котором намечено на конец 2020 г. С 2018 г. в регионе действует и параллельное объединение – Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнерство (ВПТТП), где лидирующую роль играет Япония. Правда, Китай в него не входит. В идеале же, как пред-

1. Кисида Фумио. Япония проявляет большой интерес к ЕАЭС. 08.10.2014.

URL: <http://www.camarade.biz/node/16012> (дата обращения: 21.03.2020).

2. EAEU-Japan Free Trade Zone to Be Discussed in Nearest Future-Putin. 16.02.2016.

URL: <https://sputniknews.com/politics/201612161048638009-eaeu-japan-free-trade> (дата обращения: 19.03.2020).

3. Foreign Policy Speech by Foreign Minister Motegi to the 201st Session of the Diet. 20.01.2020.

URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page3e_001153.html (дата обращения: 20.03.2020).

ставляется, было бы целесообразно создать действительно всеобъемлющее объединение, учитывающее наработки механизмов обеих интеграционных структур.

В японских деловых кругах усиливается желание участия в китайской инициативе ОПОП, которое было бы выгодно обеим странам, повысило возможности Японии влиять на экономическую ситуацию в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе, расширить географию своих экономических связей, использовать открывающиеся кратчайшие пути для продвижения своих товаров, услуг и капиталов в Центральную Азию и в Европу.

Достаточно заметно настроения в пользу взаимодействия с Китаем проявляются и в японских академических кругах, а также средствах массовой информации. Как заметил один из видных японских специалистов Я. Исида, три главные азиатские державы – Япония, Индия и Китай должны взять на себя ответственность в установлении мира, стабильности и процветания в Азии, Индо-Тихоокеанском регионе и в международном сообществе в целом¹.

В связи с разразившейся пандемией корона-вируса (COVID-19) в АТР складывается новая обстановка, требующая объединения усилий всех расположенных здесь государств. Неизбежны тяжелые последствия для экономик стран региона, ожидается также серьезное падение жизненного уровня их населения.

Наряду с масштабными усилиями Японии, Китая и других государств по преодолению последствий пандемии, в регионе предпринимаются меры и на многостороннем уровне. В частности большое значение имела состоявшаяся 14 апреля 2020 г. видеоконференция по вопросу COVID-19 глав государств и правительств стран АСЕАН+3 (Япония, Китай, Южная Корея), по результатам которой были приняты важные конкретные решения по борьбе с COVID, включая выделение крупных средств на эти цели². Япония и КНР принимают активное участие в выработке соответствующих мер по борьбе с пандемией и по линии различных международных организаций.

Список литературы

1. “Asia’s Dream: Linking the Pacific and Eurasia». Speech by Prime Minister S. Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. 05.06.2017. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (дата обращения: 15.07.2019).
2. ASEAN and the rise of China. 19.08.2019. URL: <https://theasiadialogue.com/2019/08/16/asean-and-the-riseof-china/>.
3. Chinese president Xi meets with Japan’s PM in Jakarta. 22.04.2015. URL: <https://america.cgtn.com/2015/04/22/chinese-president-xi-meets-with-japans-pm-in-jakarta> (дата обращения: 20.03.2020).
4. EAEU-Japan Free Trade Zone to Be Discussed in Nearest Future-Putin. 16.02.2016. URL: <https://sputniknews.com/politics/201612161048638009-caeu-japan-free-trade> (дата обращения: 19.03.2020).
5. Foreign policy speech by foreign minister Kishida. 20.01.2017. URL: http://www.mofa.go.jp/fp/pp/page22e_000800.html (дата обращения: 18.31.2020).
6. Foreign Policy Speech by Foreign Minister Motegi to the 201st Session of the Diet. 20.01.2020. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page3e_001153.html (дата обращения: 20.03.2020).
7. Hidetaka Yoshimatsu. Japan’s Export of Infrastructure Systems: Pursuing Twin Goals through Development Means // *The Pacific Review*, 30(4), 2017.

1. *Ishida Yasuyuki*. Указ. соч. С. 184–185.

2. Joint Statement of the Special ASEAN Plus Three Summit on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). 14.04.2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100044724.pdf> (дата обращения: 23.05.2020).

8. Highlights of 2020 Government Work Report. 22.05.2020. URL: http://english.court.gov.cn/2020-05/22/content_37536163.htm (дата обращения: 23.05.2020).
9. *Ishida Yasuyuki*. China's OBOR Initiative and Japan's Response // China-India-Japan in the Indo-Pacific, Pentagon Press, 2018. URL: <https://idsa.in/system/files/book/book-china-india-japan-indo-pacific.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).
10. Japan-India Joint Statement Toward a Free, Open and Prosperous Indo-Pacific. Gandhinagar, Gujarat. 14.09.2017. URL: www.mofa.go.jp/files/ooo289999.pdf (дата обращения: 05.03.2020).
11. Joint Statement of the Special ASEAN Plus Three Summit on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). 14.04.2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100044724.pdf> (дата обращения: 23.05.2020).
12. Joint Statement on India and Japan Vision 2025. New Delhi. 12.12.2015. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/26176/Joint_Statement_on_India_and_Japan_Vision_2025_Special_Strategic_and_Global_Partnership_Working_Together_for_Peace_and_Prospersity_of_the_IndoPacific_R (дата обращения: 14.05.2020).
13. *Kawashima Shin*. The risks of One Belt, One Road for China's neighbors // The Japan Times. 24.04.2018.
14. Meeting Asia's Infrastructure Needs, Asian Development Bank, 2017. URL: <https://www.adb.org/publications/asia-infrastructure-needs> (дата обращения: 18.05.2020).
15. Nili Basu. Thinking Africa, India, Japan, and the Asia-Africa Growth Corridor// The Diplomat. 03.06.2017.
16. Policy Speech by Prime Minister to the 192th Session of the Diet. 26.09.2016. URL: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201609/1219316_11015.html (дата обращения 12.04.2020).
17. Remarks by President Obama and Prime-minister Abe of Japan in Joint Press Conference. White House, 28.04.2015.
18. Steady as it goes in Central Asia. Japan Times. 22.05.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/05/22/editorials/steady-goes-central-asia/#.XTwLPEdS-1s> (дата обращения: 25.03.2020).
19. *Terada Takashi*. Japan's Struggle in China-led Asian Economic Order //China-India-Japan in the Indo-Pacific, Pentagon Press, 2018. URL: <https://idsa.in/system/files/book/book-china-india-japan-indo-pacific.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).
20. The "Indo-Pacific Strategy" emerges as a counter to China's "One Belt, One Road". URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3371444> (дата обращения: 17.05.2020).
21. The G7 Ise-Shima Summit "Expanded Partnership for Quality Infrastructure". 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (дата обращения: 26.04.2020).
22. The Japan Times editorial: China's Belt and Road at age 5. 05.09.2018. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/09/05/editorials/chinas-belt-road-age-5/#.Xqvqvc1S-1s> (дата обращения: 15.05.2020).
23. URL: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/26/02.html>.
24. URL: <https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2019/06/26/japan-beats-china-in-the-philippines-singapore-and-vietnam/#e6a0e8d39d81>.
25. Xi Jinping Meets with Secretary-General of the Liberal Democratic Party Toshihiro Nikai of Japan. 15.05.2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t11463445.shtml (дата обращения: 20.03.2020).
26. Асахи симбун. 27.03.2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM3V6GZDM3VUHBI02D.html> (дата обращения: 10.05.2020) (на яп. яз.).
27. Вопросы и ответы министра иностранных дел КНР Ван И на пресс-конференции по внешней политике Китая и международным отношениям. 24.05.2020 URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t1782419.htm> (дата обращения: 25.05.2020).
28. Выступление вице-президента М. Пенса в Гудзоновском институте 4 октября 2018 г. с изложением, как было указано, «политики администрации в отношении Китая». Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China. 04.10.2018.
29. *Кисида Фумио*. Япония проявляет большой интерес к ЕАЭС. 08.10.2014. URL: <http://www.samarade.biz/node/16012> (дата обращения: 21.03.2020).

30. Китай и Япония подписали соглашения по торгово-экономическому сотрудничеству. 05.2018 г. URL: <https://www.trend.az/world/china/2900980.html> (дата обращения: 13.05.2020).
31. Ключевые тезисы выступления Си Цзиньпина на форуме «Один пояс, один путь». 26.04.2019. URL: <https://investfuture.ru/news/id/6-klyuchevyih-tezisev-vystupleniya-si-czinpina-na-forume-odin-royas---odin-put> (дата обращения: 08.05.2020).
32. Нихон кэйдзай симбун. 04.05.2020. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO58778490U0A500C2FF8000/> (на яп. яз.).
33. Российский внешнеэкономический вестник. 12.2019. URL: [www.rfej.ru/rvv/id/A0039D6F8/\\$file/7-21.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/A0039D6F8/$file/7-21.pdf).

I. Gordeeva. One Belt, One Road Initiative of China and the Position of Japan: Confrontation or Cooperation?

The article is devoted to Japan's reaction to the "One belt, One Road" initiative put forward by China and also to the formation of a Japanese strategy towards the PRC in the new conditions. The concept of the Indo-Pacific region developed by Japan and the United States is analyzed. There are attempts to involve India in the creation of an anti-Chinese "Quartet" of States with the participation of the United States, Japan, Australia and India. Alternative economic programs of Japan, its struggle with China for influence in Southeast Asia, and Tokyo's attempts to prevent Chinese expansion in the South China sea are considered. Attention is drawn to the fact that Japanese society is growing in favor of establishing economic cooperation with Beijing in the countries of the region.

Keywords: Japan, China, One belt, One Road initiative, Indo-Pacific region, South China sea, alternative economy, economic confrontation.

Экономика

Энергетическая политика Китая — собственные уникальные особенности и влияние опыта Японии

© 2020

К.А. Корнеев, В.О. Кистанов

Принципы формирования и реализации энергетической политики Китая претерпели значительные изменения с начала 2000-х годов, причиной чему стало усиление геополитической роли Китая в мире и превращение его в крупнейшего импортера первичных энергоресурсов, в первую очередь, сырой нефти и природного газа. Немалую роль в этом процессе сыграла адаптация японского опыта — вне всякого сомнения, те этапы развития, которые прошла энергетическая политика Японии ранее, во многом повторяются сейчас и в Китае. Сказывается похожесть экономик, их экспортно ориентированный характер и недостаток собственного ископаемого топлива. Анализ и оценка особенностей развития энергетической политики Китая, дополненные японским опытом, позволят более полно раскрыть тему статьи, не замыкаясь исключительно на внутрикитайских проблемах.

Ключевые слова: энергетическая политика Китая, опыт Японии, институты управления энергетикой, участники энергетических рынков.

DOI: 10.31857/S013128120009644-9

В настоящий момент перед Китаем остро стоит проблема обеспеченности энергоресурсами, поскольку спрос на них постоянно увеличивается. Несмотря на замедление темпов роста китайской экономики до 6,5% по итогам 2018 г., такой показатель все равно является очень высоким с точки зрения общемировой ситуации. Дополнительный фактор — увеличение численности населения, удовлетворение потребностей которого в рамках программы построения «общества средней зажиточности» к 2021–2022 гг. неизбежно приведет к дополнительному потреблению энергии¹.

Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: v_kistanov@list.ru.

Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН, научный сотрудник Международного исследовательского центра «Энергетическая инфраструктура в Азии», Институт систем энергетики СО РАН. E-mail: k_korneev@mail.ru.

1. *Магдалинская Ю.* Ключи к будущему. Китай уверенно строит «среднезажиточное общество». URL: <https://rg.ru/2019/04/23/kitaj-uverenno-stroit-srednezazhitocnoe-obshchestvo.html>.

В общих чертах энергетическая политика Китая определяется в среднесрочной перспективе курсом на замещение экстенсивных принципов развития энергетики страны интенсивными. Среди них отмечаются: достижение лучшей энергоэффективности за счет постепенного замещения угольной генерации (и вообще потребления угля) возобновляемыми источниками энергии и природным газом, преодоление региональных дисбалансов энергопотребления (акцент на развитие северных и северо-западных провинций) и внедрение безуглеродных технологий в транспортном секторе. Автомобили с электродвигателями или двигателями на водородных топливных элементах позволят улучшить сложную экологическую ситуацию в мегаполисах¹.

Необходимо отметить, что на этапе активного экономического роста (1960-е – 1980-е годы) Япония сталкивалась с похожими проблемами, только в еще более серьезной форме, поскольку зависимость от импорта энергоресурсов достигала 98%. В итоге стране удалось выстроить эффективную энергетическую политику и выработать подходящие способы ее реализации. Более того, Японии постоянно приходится реагировать на климатические и техногенные вызовы, поэтому ее энергетическая отрасль обладает хорошей устойчивостью к внешним воздействиям и гибкостью².

Актуальность исследования энергетической политики Китая с учетом влияния японского опыта обусловлена не только спецификой этого направления, выраженной в нетривиальных подходах рассматриваемых стран к решению возникающих проблем, но также большой значимостью для России государств Восточной Азии как важных торговых и геополитических партнёров. Цель исследования — определение и анализ основных принципов формирования энергетической политики Китая в настоящий момент. Дополнительно будет дана оценка востребованности японского опыта, что оправданно и с точки зрения географической (схожие цепочки поставок энергоресурсов из-за рубежа), и по экономическим причинам. Бесперебойное энергоснабжение критически важно для экспортно ориентированных экономик, поэтому любые удачные решения, внедрённые одной страной, тут же становятся объектом пристального внимания другой. Цель определяет следующие задачи:

а) совокупный анализ энергетической политики Китая, выделение особенных черт и характеристик, классификация основных участников;

б) основные структурные проблемы реализации внутренней энергетической политики Китая;

в) оценка и адаптация японского опыта применительно к внутрикитайским реалиям формирования энергетической политики.

Выделяется ряд работ как отечественных, так и зарубежных ученых по тематике настоящей статьи, однако их труды направлены больше на раскрытие сугубо внутрикитайских аспектов развития энергетической политики или же затрагивают общие вопросы развития энергетики Китая как части мировой системы, тогда как данная работа концентрируется на региональных особенностях с применением комплексного подхода. Значительным подспорьем при ее написании стали труды Алексея Мастепанова (Институт проблем нефти и газа РАН), Игоря Томберга (Институт востоковедения РАН), А.В. Островского и В.А. Матвеева (Институт Дальнего Востока РАН), О.М. Рензина, А.П. Горюнова, Д.В. Суслова (Институт экономических исследований ДВО РАН),

-
1. *Thibaud Voita*. The Power of China's Energy Efficiency Policy / IFRI Centre for Energy Publication, September 2018. P.50.
 2. *Kazuo Sato*. From Fast to Last: the Japanese Economy in 1990s // Journal of Asian Economies. 2002. № 13. P. 231–235.

Б.Г. Санеева и С.П. Попова (Институт систем энергетики СО РАН). Среди зарубежных ученых следует отметить следующих: Gaye Christoffersen, French Centre for Research on Contemporary China (CEFC), Philip Andrews-Speed and Thibaud Voita, Centre for Energy of French Institute of International Relations, Wang Zhongying, Energy Research Institute of China Academy of Macroeconomic Research (China), Takuma Yatsui, Mitsui Global Strategic Studies Institute (Japan) и др.

Результатом исследования станет более полное понимание процессов и механизмов, характерных для разработки и реализации ключевых направлений энергетической политики Китая, общая оценка экономической эффективности этих процессов и влияние на них внутренней управленческой специфики. Привлечение опыта Японии позволит дополнить исследование новыми данными и подходами в рамках сравнительного анализа.

Характерные черты и участники энергетической политики Китая

Главной целью внешней энергетической политики Китая в настоящий момент является обеспечение себя достаточным количеством энергоресурсов и выстраивание стабильных партнерских отношений со странами-экспортерами. Не секрет, что порядка 70% энергобаланса Китая формирует уголь, причем это единственный ресурс, которым страна в состоянии обеспечить себя самостоятельно. Согласно китайской статистике, разведанные запасы угля составляют 972 млрд тонн, а гарантированные, то есть те, разработка которых уже ведется либо начнется в ближайшее время — 245 млрд. Это примерно четверть всех мировых запасов. Доля Китая в мировом потреблении угля — порядка 50%, а центры потребления в основном находятся на юго-востоке и в центре, что является серьезной экологической проблемой для этих территорий¹.

Зависимость от импорта нефти в 2017 г. достигла 70%, и это несмотря на то, что по объему добычи нефти Китай занимает 1-е место в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Собственная добыча равняется в среднем 3,5 млн барр./сут., в то время как экономическая потребность — порядка 10 млн барр./сут. (420 млн тонн за 2017 г.). Основные зарубежные поставщики — Саудовская Аравия, Ирак, Иран, Оман, Кувейт, Катар (суммарно — 50%). В последние годы возросла доля стран Африки, таких как Ангола, Алжир, Нигерия, в нефтяном импорте (порядка 20%) по причинам геополитической напряженности на Ближнем Востоке и ввиду стремления к диверсификации географии поставок. В 2017 г. 13% в нефтяном импорте Китая занимала Россия, а к 2020 планируется увеличить эту цифру до 17%².

Ситуация с природным газом более оптимистична. Собственная добыча (около 140 млрд м³ в год) покрывает до 60% потребностей страны, импорт же составляет порядка 80 млрд м³ в год при суммарном потреблении в 220 млрд м³ за 2017 г. При этом возможностей увеличить собственную добычу у Китая нет. Основные поставщики СПГ — Австралия, Катар, ОАЭ, Малайзия, Индонезия (до 60%). Также газ поставляется по трубопроводу из Туркменистана (35 млрд м³ в год). По газопроводу «Сила Сибири», запущенному в декабре 2019 г., планируются поставки из России природного газа максимальным объемом до 38 млрд м³ в год³.

1. *Захаров А., Русак Н.* Внешнеэкономические аспекты энергетической стратегии КНР и роль постсоветского пространства // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 4(43). С. 23–28.
2. *Халиуллин Р.* Нефтяная экспансия китайцев // Сетевое издание «Нефтянка». 25.08.2017. URL: <http://neftianka.ru/chinesethreat/>.
3. *Шеметов М.* Как устроен газопровод «Сила Сибири» и что даст его запуск // Материал информационного агентства ТАСС. 24.10.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7241029>.

Внутренняя энергетическая политика Китая, кроме решения задач по сбалансированному использованию импортируемых энергоресурсов внутри страны, ставит своей целью достижение максимально возможного уровня энергетической независимости за счет развития атомной и возобновляемой энергетики. Сейчас в Китае действуют 48 ядерных реакторов на 17 АЭС суммарной мощностью 45,6 ГВт. За 2017 г. доля АЭС в общей выработке электроэнергии составила 4%. Планируется увеличение этого показателя до 10% к 2035 г. Особое внимание уделяется развитию генерации на основе ВИЭ: по состоянию на декабрь 2017 г. в Китае работали солнечные и ветроэнергетические электростанции суммарной установленной мощностью 358 ГВт. Если добавить сюда мощности ГЭС, по количеству которых Китай также занимает 1-е место в мире (352 ГВт), получится более 700 ГВт возобновляемой энергетики. Мощности ТЭС, например, составили 1143 ГВт и уступают по темпам ввода ВИЭ. Доля генерация на основе ВИЭ в 2017 г. достигла 15% в общей структуре и продолжает увеличиваться. Предполагается, что благодаря использованию ВИЭ будут вырабатываться до 60% электроэнергии в 2050 г¹.

Таким образом, энергетическая политика Китая имеет два ярко выраженных аспекта — внешний и внутренний. Внешний аспект состоит из привлечения иностранных инвестиций и технологий для развития энергетической отрасли плюс активное участие собственного капитала в освоении месторождений природного газа и нефти за рубежом. Китай активно сотрудничает с ведущими мировыми энергетическими корпорациями в части применения их технологических решений для нужд китайской энергетики и в то же время является их прямым конкурентом в борьбе за разработку месторождений в третьих странах.

Внутренний аспект преимущественно затрагивает проблемы эффективной переработки и распределения энергоресурсов, бесперебойного энергосбережения и изменения структуры энергопотребления с целью снижения зависимости страны от импорта сырой нефти, природного газа и угля, а также устранения неравномерностей в развитии региональных энергетических рынков. Если внешний аспект регулируется в рамках энергетической дипломатии и является отражением общей глобальной политики Китая, то внутренний подвержен влиянию большого числа участников и заинтересованных сторон, по причине чего более сложен для изучения и понимания².

Важными особенностями внутренней энергетической политики Китая являются ее чрезмерная зарегулированность и почти тотальная госсобственность на средства производства. В настоящий момент государство устанавливает цены и тарифы по всей цепочке энергоснабжения, и такая система не всегда оперативно реагирует на ценовые колебания и различные внештатные ситуации (например, техногенного или климатического характера), ведущие к удорожанию транзита и распределения энергоресурсов. Это приводит к убыткам компаний, которые не обладают свободой действий по части компенсации издержек и потому ждут дотаций от властей, что негативно сказывается на их финансовой устойчивости³.

Еще в числе характерных черт можно выделить почти тождественное значение энергетической и национальной безопасности для Китая. Учитывая масштабы и специфический характер экономического устройства (многоуровневый частно-государственный капитализм) и наличие существенных дисбалансов в социально-экономическом развитии провинций, а также озвученные планы по улучшению качества и уровня жизни на-

1. *Мастепанов А., Томберг И.* Китай диктует энергетическую политику XXI века // Международные процессы. 2018. Том 16. № 3. С. 6–38.
2. *China's Energy Condition and Policies* / Information Office of the State Council of the People's Republic of China. December 2007. P. 44.
3. *Maolin Liao and Yingjie Wang.* China's Energy Consumption Rebound Effect Analysis Based on the Perspective of Technological Progress // Sustainability. 2019. Vol. 1461. P.15.

селения, решение проблем энергетической безопасности становится задачей номер один с привлечением больших интеллектуальных и финансовых ресурсов. Это критически важная причина того, что Китай активно вмешивается в борьбу за разработку ресурсов на территории других стран и в морских акваториях¹.

Наиболее яркий пример такого вмешательства — это территориальный спор между Китаем, Таиландом, Малайзией, Вьетнамом и Брунеем, касающийся островов Южно-Китайского моря. По мнению официального Пекина, на островах и в прибрежной зоне находятся месторождения нефти емкостью свыше 200 млн барр. и объемом более 5,9 трлн м³ газа. К тому же, через это море проходит порядка 80% поставок нефти и СПГ в Китай; неудивительно, что китайские власти делают все возможное для оправдания на международном уровне законности своих претензий на эти территории.

Что касается стран Персидского залива, то они пока сохраняют стратегическое значение для Китая как доминирующие поставщики углеводородов (более 40%), что вызывает понятную обеспокоенность руководителей государства. Перевозить нефть в Китай по этому направлению можно только через Малаккский пролив, соединяющий Индийский океан и Южно-Китайское море, альтернативные маршруты слишком продолжительны и потому менее выгодны. Периодически возникающие очаги геополитической напряженности на Ближнем Востоке создают дополнительные риски для движения коммерческого морского транспорта, не исключены чрезвычайные ситуации. Поэтому Китай последовательно развивает энергетическое сотрудничество с некоторыми странами Средней Азии (Казахстан, Туркменистан) и Россией как географически близкими и в целом предсказуемыми партнерами².

При реализации внешних аспектов своей энергетической политики Китай стремится полагаться больше на дипломатические каналы, действуя постепенно и аккуратно, используя как свои экономические возможности, так и выстраивая политический диалог с международными организациями, такими как ООН, АСЕАН, АТЭС, БРИКС и ряд других. За минувшие десять лет Китай превратился из региональной державы в глобальную, которая имеет интересы во многих уголках земного шара. Китай остается одной из немногих стран мира, активно инвестирующих в развитие африканского континента, пусть и со своими, далеко идущими целями³.

Актуальной проблемой для Китая является эффективное управление энергетической отраслью. В стране в настоящий момент на уровне официального документа отсутствует единая энергетическая стратегия, поэтому планы по развитию тех или иных секторов энергетики являются прерогативой отдельных министерств и ведомств, которые, несмотря на постоянные согласования и уточнения, делают акцент на важности именно своего направления. На уровне центрального правительства к настоящему моменту сформировалось несколько крупных структур, ответственных за текущий мониторинг и стратегическое развитие энергетики⁴. Перечислим их:

1. Государственный совет — высший административный орган страны, аналог правительства в других государствах. В его состав входят более 80 различных министерств, ведомств, агентств, профильных бюро и других учреждений. Совет собирается

1. *Philip Andrews-Speed*. The Institutions of Energy Governance in China / French Institute of International Relation, January 2010. P. 63.
2. *Wang Zhongying, Kaare Sandholt*. Thought on China's Energy Transition Outlook // *Energy Transitions*. 10 September 2019. P. 1–15.
3. *Хлопов О.А.* Энергетическая политика и стратегия Китая // *Вестник МГОУ. Серия: история и политические науки*. 2015. № 4. С. 118–128.
4. *Christopher Burke, Johanna Jansson, and Wehran Jiang*. Formulation of Energy Policy in China: Key Actors and Recent Developments / Centre for Chinese Studies, University of Stellenbossh. January 2009. P. 28.

на заседания раз в месяц, определяет и контролирует основные направления развития страны, в том числе и в области энергетики. Естественно, без одобрения этого органа невозможно принятие каких-либо стратегий и планов. Тем не менее, во многом их одобрение либо неодобрение носит формальный характер, основная работа ведется ниже по иерархической лестнице.

2. Государственный комитет по делам развития и реформ — главная правительственная организация, отвечающая за принятие итоговых документов по энергетической политике. Решения принимаются как с позиций макроэкономической ситуации (страновые показатели), так и с учетом особенностей развития провинций. Комитет состоит более чем из 26 департаментов, каждый из которых ответственен за свое направление — транспорт, промышленность, энергетика, охрана окружающей среды, инвестиции, проблемы социума².

3. Национальная энергетическая администрация (НЭА) была в середине 2000-х выделена из энергетического бюро Государственного комитета по делам развития и реформ, при этом само бюро не расформировали и сохранили в качестве департамента Комитета. Администрация имеет статус вице-министерства и возглавляется чиновником в ранге заместителя министра. Данная структура считается профильной в вопросах комплексного формирования энергетической политики и состоит из нескольких департаментов, отвечающих за прогнозирование и моделирование развития ТЭК, перспективы возобновляемой энергетики, необходимость инвестиций в сооружение энергетической инфраструктуры и так далее. Однако и по числу сотрудников (порядка 150 человек), и по своему месту в бюрократической иерархии Национальная энергетическая администрация является маловлиятельной и политически слабой организацией, чьи задачи в основном сводятся к подготовке рекомендаций по тем или иным проблемам развития энергетики¹.

5. Государственная электроэнергетическая корпорация и крупные энергетические компании. Среди них можно выделить Китайскую национальную нефтегазовую корпорацию (CNPC), Китайскую нефтяную и химическую корпорацию (Sinopec), Китайскую национальную шельфовую нефтяную корпорацию (CNOOC), Энергетическую компанию «Шэньхуа» (Shenhua Energy Company), Пекинскую холдинговую компанию (Beijing Enterprises Holdings) и другие. Эти структуры оказывают существенное влияние на практические аспекты энергетической политики, что касается в первую очередь производства и потребления энергоресурсов. Однако все они либо принадлежат государству полностью, либо управляются через контрольный пакет акций, так что вряд ли придется говорить о каком-то независимом видении развития энергетики².

Помимо представленных выше ключевых участников формирования энергетической политики Китая, существует еще несколько второстепенных. Например, узкими либо смежными вопросами энергетики занимаются Министерство транспорта, Министерство промышленности и информатизации, Министерство охраны окружающей среды и т.д. Все эти органы власти имеют свои способы и каналы воздействия на Государственный комитет по делам развития и реформ, что дополнительно усложняет и без того запутанную систему управления².

1. China's National Energy Administration: A Short Overview / Swedish Agency for Growth Policy Analysis Report. November 2014. P. 17.

2. Скрябина М. Система управления энергетической отраслью Китайской народной республики // Право и управление. XXI век. 2013. № 3(28). С. 74–78.

В настоящее время на роль объединяющей структуры по вопросам управления энергетикой более претендует Государственный энергетический комитет — одно из подразделений Государственного совета КНР, подчиняющееся аппарату премьер-министра страны. Эта организация обладает достаточным политическим весом и равноудалена от основных лоббистских групп, что позволяет ей более широко трактовать проблемы формирования и развития энергетической политики страны. Можно предположить, что в перспективе ближайших 10 лет центр принятия решений в области энергетической политики постепенно переместится в Государственный энергетический комитет, с сохранением и остальных органов в качестве вспомогательных структур¹.

Проблемы реализации внутренней энергетической политики Китая

Принципы формирования энергетической политики широко обсуждаются экспертным сообществом Китая и находят прямое отражение в разработке нового, четырнадцатого по счету, пятилетнего плана развития страны. 13-й пятилетний план завершится в 2020 г., и многие его положения успешно реализованы. По состоянию на 2018 г. удалось несколько сдержать рост угольной отрасли. Добыча составила 3,5 млрд тонн (увеличение на 0,8% по сравнению с 2015 г.), а потребление — около 4 млрд тонн (увеличение на 0,7% по сравнению с 2015 г.). Значительно выросла собственная добыча природного газа — до 150 млрд м³ в 2018 г. (135 млрд м³ в 2015 г.), однако импорт тоже вырос и составил порядка 100 млрд м³. Всего около 20% потребляемого газа в стране идет на нужды электроэнергетики; существенного снижения доли угольной генерации добиться, к сожалению, пока не удается².

Для раскрытия отдельных положений пятилетних планов принимаются и издаются дополнительные программы. Среди такого рода планов и программ, имеющих отношение к энергетической политике, можно выделить следующие: Стратегия качественной революции в производстве и потреблении энергоресурсов (2017 г.), Государственный план «Сделано в Китае-2025», направленный на улучшение эффективности работы энергоемких производств (2017 г.), План действий по предотвращению загрязнения атмосферы (2013 г.), План по инновационной революции в области энергетических технологий (2016 г.) и Национальная стратегия по сокращению эмиссии парниковых газов (2017 г.). Каждый из этих документов прошел согласования в нескольких инстанциях по управлению энергетикой и был одобрен на уровне Госсовета КНР. Проблема же заключается в том, что исполнители назначены — в основном это энергетические компании, крупные промышленные ФПГ и организации коммунально-бытового сектора, а механизмы контроля над исполнением, равно как и ответственный за корректировку и дополнение планов орган государственной власти, четко не прописаны².

К сильной стороне вертикали формирования энергетической политики Китая также следует отнести четкий ведомственный контроль за исполнением какого-либо решения, если оно наконец принято и утверждено, что немаловажно, учитывая размеры страны и количество населения, проживающего на ее территории. Однако в отдельных случаях может возникать «горизонтальное» соперничество между структурами по управлению энергетикой, например, если необходимо решать широкий круг задач. Это касается, скажем, планов по улучшению энергоэффективности экономики — здесь речь идет о

1. Щербаков Д.Н. Энергетический сектор Китая: структура и проблематика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина — 2014. № 4. Том 6. С. 123–135.
2. Takuma Yatsui. China's Energy Policy and Related Issues Towards 2020 / Mitsui Global Strategic Studies Institute Monthly Report, April 2017. P. 4.

таких секторах, как промышленность, строительство, генерация электроэнергии, транспорт, коммерческий сектор и т.д. Зоны ответственности делятся между профильными министерствами, а Национальная энергетическая администрация не обладает достаточным политическим весом, несмотря на формальные полномочия, чтобы играть координирующую роль.

Несмотря на то, что значительная часть функций по управлению энергетикой и, соответственно, формированию энергетической политики сейчас концентрируется в Государственном энергетическом комитете при Госсовете КНР, что несколько сглаживает ситуацию горизонтального соперничества, большинство экспертов в Китае и за его пределами однозначно указывают на необходимость создания единого Министерства энергетики. Этому, казалось бы, очевидному шагу препятствует характер политической системы Китая, заложенный еще во времена Дэн Сяопина и представляющий собой специфический аналог западной системы сдержек и противовесов. Сложная и многоуровневая процедура заключения энергетических контрактов в Китае по духу направлена против лоббистских групп, но на деле зачастую лишь затягивает принятие решений¹.

На локальном уровне за реализацию различных стратегий отвечают власти провинций. Политическое давление из центра на них весьма ощутимо — обязательное представление ежегодного промежуточного отчета в Государственный комитет по делам развития и реформ о выполнении пунктов пятилетнего плана. Это зачастую ведет к представлению неполных данных о выполнении тех или иных задач, что дополнительно запутывает и так избыточно сложную систему взаимоотношений в треугольнике «энергетические компании — власти провинций — центральные органы управления энергетикой». Такой подход можно однозначно отнести к недостаткам директивной системы управления энергетикой, а к ее плюсам — высокий мобилизационный ресурс и возможность концентрировать больше усилий там, где это необходимо в данный момент.

Вообще, провинции в Китае обладают достаточно широкими полномочиями. Однако они сильно отличаются друг от друга по возможностям реализовывать положения энергетической политики — каждая имеет различный состав и численность населения, природно-климатические условия, экономический и ресурсный потенциал. Те провинции, что обладают меньшими возможностями, например, Ганьсу, Цзилинь, Внутренняя Монголия, практически не имеют влияния на центральные органы власти, оставаясь в стороне от основных инвестиционных потоков, направляемых на строительство энергетической инфраструктуры².

В середине 2000-х годов был принят План по инвестированию в энергоэффективные производства на территориях западного и северного Китая, что в итоге привело к активному развитию возобновляемой энергетики там. Однако китайским властям пока не удастся остановить отток населения из этих районов в более благополучные по китайским меркам области, поэтому сохраняются существенные диспропорции в региональном развитии, что препятствует полноценной реализации положений энергетической политики на местах и вынуждает разрабатывать различные национальные стратегии, подавляющее большинство которых остается на бумаге. Здесь наблюдается немалое сходство с реалиями Сибири и Дальнего Востока: на этих территориях Российской Федера-

1. *Hongyi Lai*. China's Governance Model: Flexibility and Durability of Pragmatic Authoritarianism. — London: Routledge, 2016. P. 368.
2. *Anna L. Ahlers, Thomas Heberer, Gunter Shubert*. The Critical Role of Local Governance in China's Political System / The Palgrave Handbook of Local Governance in Contemporary China/ ed. by Jianxing Yu and Sujian Guo. London: Macmillan, 2018. P. 73–93.

ции находятся богатые залежи полезных ископаемых, но нет соответствующих центров потребления и слабо развита транспортная инфраструктура.

Финансирование энергетически проектов в Китае осуществляется по достаточно сложной схеме. Источниками средств могут быть госкорпорации, банки, частные инвестиционные группы (имеющие соответствующую лицензию) и бюджет страны. Для упрощения процедуры, особенно на локальном уровне, в начале 2000-х годов был запущен механизм, получивший название «энергоэффективный контракт». Этот механизм состоит из соглашения между владельцем энергетических мощностей (это могут быть как крупные предприятия, так и коммерческие здания) и Компанией по предоставлению энергетических услуг (КПЭУ). Затем КПЭУ осуществляет комплекс мер по достижению большей энергоэффективности на объекте. Согласно договору, клиент не платит напрямую КПЭУ, а компания в течение определенного периода времени (устанавливается по соглашению сторон) получает компенсацию из тех средств, которые клиент платил бы по различным энергетическим счетам без эффективной модернизации.

В целом, эта схема оказалась достаточно подходящей для китайских реалий, и к 2018 г. в стране насчитывалось около 6000 КПЭУ, которые имели заключенные контракты на сумму в 15 млрд долл. В основном такие компании работают с промышленными предприятиями (70%), следом идут строительная отрасль (21%) и транспорт (9%). Данные меры позволили существенно снизить бюджетные затраты на обновление существующей энергетической инфраструктуры, однако проявилась и негативная сторона — многие бизнес-группы, владеющие предприятиями, по нескольку раз проводили модернизацию имеющейся в их распоряжении энергетической базы, хотя по нормативам требовалось ее радикальное обновление. Также проблемой является то, что рынок КПЭУ сильно фрагментирован и, по сути, никак не управляется, кроме системы налогообложения, что не способствует его транспарентности и привлекательности для новых клиентов¹.

Перечисленные выше проблемы реализации внутренней энергетической политики Китая проистекают, прежде всего, из неравномерности развития различных регионов страны, запутанной структуры управления энергетикой и отсутствия единого видения схем формирования энергетической политики в высших органах власти. В стране слабо представлен контроль над органами власти «снизу» — хотя бы в виде деятельности некоммерческих организаций (НКО). Однако Китай постепенно становится более открытым к сотрудничеству с иностранными НКО и собственными общественными организациями, особенно в вопросах энергосбережения и сохранения окружающей среды. Так, в стране действуют представительства Энергетической группы Национальной лаборатории им. Лоуренса в Беркли, Проекта по оказанию помощи регуляторам, Совета по защите природных ресурсов, Института мировых ресурсов и др.². Все эти НКО зарегистрированы в США, что говорит о сохранении курса Китая на адаптацию передового зарубежного опыта, несмотря на усиливающееся геополитическое и торгово-экономическое соперничество с американцами.

1. *Saina Zheng, Chor-Man Lam, etc. Evaluating Efficiency of Energy Conservation Measures in Energy Service Companies in China // Energy Policy. 2018. Vol. 122. P. 580–591.*
2. *The Comprehensive List of Overseas NGOs Registered in China / China Development Brief. URL: <http://www.chinadevelopmentbrief.cn/articles/the-comprehensive-list-of-overseas-ngos-registered-in-china/>.*

Адаптация японского опыта для формирования энергетической политики Китая

Одной из важных особенностей формирования энергетической политики Японии является эффект институциональной инерции. Изменения в подходах к планированию и управлению энергетикой происходят по факту, то есть, в их основе лежит какое-либо определяющее событие, например, нефтяной кризис 1970-х или авария на АЭС «Фукусима», произошедшая в 2011 г. и серьезно повлиявшая на состояние и перспективы развития энергетической отрасли. Страна лишилась 30% генерации электроэнергии, которая вырабатывалась на остановленных в течение 2011–2012 гг. АЭС, и задействовала резервные электростанции, большинство из которых работали на угле¹. Это привело к некоторому ухудшению экологической ситуации, но позволило Японии избежать энергетического коллапса. Несомненно, в Китае пристально следили за действиями Японии в этот сложный для нее период и пришли к выводу, что норматив поддержания резервных мощностей на электростанциях не должен быть ниже 20% на случай непредвиденных ситуаций. Поскольку уголь в Китае — самое доступное топливо, прозвучали предложения не демонтировать часть выводимых из эксплуатации устаревших угольных электростанций, а оставлять их в холодном резерве⁹.

По сути, изучение японского опыта привело Китай к использованию более консервативных подходов в энергетической политике. Несмотря на активный рост доли ВИЭ в структуре генерации, в случае какого-либо энергетического кризиса возобновляемая энергетика не сможет быстро заместить выбывшие мощности ТЭС либо АЭС по причинам зависимости от погодных условий (сила ветра, интенсивность солнечного сияния). К тому же, ВИЭ в первую очередь ориентированы на энергоснабжение потребителей, не входящих в список тех, чья деятельность не должна прекращаться по причине социальной и производственной значимости. Поэтому Китай (несмотря на поставленную цель по снижению доли потребления угля в электроэнергетике и промышленности с нынешних 70% до примерно 55% к 2050 г.) вряд ли откажется от угля как основного энергоресурса². Таким образом, изменились некоторые принципы реализации энергетической политики страны.

Также в Китае следят за ходом и результатами либерализации энергетических отраслей в Японии. Там с конца 1990-х осуществляется поступательная реформа электроэнергетики. Цель — повысить значимость конкурентных механизмов в отрасли, которая традиционно является монопольной по причине критической значимости для экономики и сложности управления. Это необходимо для привлечения частных инвестиций в строительство и модернизацию электроэнергетической инфраструктуры, что позволяет существенно снизить нагрузку на государственный бюджет и добиться лучших показателей энергоэффективности, так как частный бизнес заинтересован в рациональном использовании ресурсов. Определенные результаты в Японии достигнуты — по состоянию на декабрь 2017 г. порядка 15% общей генерации электроэнергии в стране приходилось на долю независимых производителей электроэнергии, производителей, не входящих в структуру региональных компаний-монополистов³. С другой стороны, в Китае понимают, что полная либерализация большого сегмента электроэнергетического рынка в усло-

1. *Ken Koyama*. Inside Japan's Long-Term Energy Policy // IEEJ Special Article 2. September 2015. P. 42–45.
2. *Du Wei*. The Future of China's Energy // The Northeast Asian Economic Review. 2016. Vol. 4, № 1. P. 3–9.
3. *A. Momoko, Y. Yorita etc.* IEEJ Economic and Energy Outlook of Japan through FY 2017 / The Institute of Energy Economics Publication, 25 July 2017. P. 27.

виях неравномерности развития провинций может негативно сказаться на энергетической безопасности, поэтому пока не спешат с выводами.

Успехи Японии в снижении транзакционных издержек при заключении энергетических контрактов на 10–12% в первой половине 2000-х были замечены в Китае; способы достижения таких результатов оказались несложными, но требующими последовательных действий государства. В первую очередь, речь идет о снижении коррупции, справедливом распределении инвестиций и эффективной работе институтов, в число которых обычно включают законодательную базу (вертикаль) и правовую систему контактов между различными участниками энергетических рынков (горизонталь). Выше неоднократно указывалось, что система управления энергетикой в Китае достаточно запутанна, что приводит к большим транзакционным издержкам (в среднем более 10%, но точных данных нет) и поднимает уровень необязательных госрасходов. Именно поэтому создание единого министерства энергетики столь необходимо Китаю, поскольку японский опыт показывает, насколько важна понятная и прозрачная структура органов власти, ответственных за формирование энергетической политики и ее реализацию¹.

Базовым инструментом формирования энергетической политики Японии является Основной энергетический план (ОЭП), который впервые был представлен еще в 1980-е и обновляется в среднем раз в 3–4 года. В настоящий момент действует редакция 2018 г. со сроками достижения запланированных показателей в 2030–2035 гг. План разрабатывается Агентством природных ресурсов и энергетики (профильная структура Министерства экономики, торговли и промышленности) в тесной связке с Институтом экономики энергетики Японии и при участии других авторитетных экспертных структур. Сам по себе этот документ не является обязательным для исполнения, не ставит жесткие сроки и уровни ответственности, как пятилетние планы в Китае, однако аккумулирует актуальные тенденции развития энергетики и служит ориентиром для энергетических компаний и органов власти².

Аналогичный документ в Китае — Белая книга по политике в сфере энергетики также носит рекомендательный характер, однако не имеет большого веса при принятии решений ввиду своего умозрительного и дискуссионного статуса. Наличие множества мнений разных структур превращает подготовку плана в продолжительную череду совещаний, согласований и постоянного внесения дополнений, что ведет к потере актуальности представленной информации и выводов о будущем китайской энергетики. Поэтому разработка четких принципов формирования энергетической политики очень важна, и Китай все чаще обращается к японскому опыту в этой сфере, понимая, что внедрение новых решений позволит преодолеть несбалансированность внутренних подходов к развитию энергетики и приведет в итоге к улучшению показателей отрасли в долгосрочной перспективе.

Заключение

Результатом всестороннего развития и совершенствования механизмов энергетической политики Китая становится возрастающая способность государственных органов КНР оказывать влияние на мировые рынки для формирования выгодной конъюнктуры³. Понимание системы госрегулирования энергетики, стратегий корпораций и влияния про-

1. China Power System Transformation / International Energy Agency Report. February 2019.
URL: <https://www.iea.org/reports/china-power-system-transformation>
2. Japan's Ministry of Energy, Trade and Industry^{5th} Strategic Energy Plan. July 2018.
URL: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan.pdf.
3. *Gaye Christoffersen*. The Role of China in Global Energy Governance // China Perspectives. 2016. № 2. P. 15–24.

винций может внести большой вклад в ответы на вопросы о состоянии глобальных энергетических рынков в обозримой перспективе. Китайские корпорации стремятся заключать долгосрочные контракты на поставки больших объемов первичных энергоресурсов, таким образом, минимизируя для себя последствия ценовых колебаний на мировых рынках, основной причиной которых становится геополитическая напряженность либо различные торгово-экономические ограничения.

Китай всегда относился и относится с большим вниманием к изучению международных тенденций, особенно в таких важных направлениях, как энергоэффективность экономики и энергетическая безопасность. Поэтому, несомненно, усвоение и переосмысление опыта Японии — одной из передовых стран мира, добившейся хороших результатов в рассматриваемых направлениях — относится к числу приоритетов для органов власти, энергетических компаний и научного сообщества Китая. К тому же, общность проблем, стоящих перед энергетической отраслью Китая и Японии, подталкивает стороны к сотрудничеству и в производственной практике, и по части НИР, несмотря на разные подходы к вопросам геополитического будущего Восточной Азии. Японский опыт полезен для успешного развития и реализации энергетической политики Китая, и это признает широкий круг заинтересованных лиц.

Энергетическая политика Китая сложна, многокомпонентна и довольно четко подразделяется на внутреннюю и внешнюю составляющие. Взаимосвязь между ними безусловна, однако процессы, происходящие на внутренних китайских энергетических рынках, особенно ценообразование на свои и импортируемые энергоресурсы для разных групп потребителей, далеко не всегда коррелируют с прогнозами и оценками, которые дают сторонние организации, допустим, Международное энергетическое агентство. Отсутствие транспарентности в вопросах управления энергетической отраслью Китая, ее сложная организационная структура (особенно это касается иерархии институтов и субъектов энергетической политики) создают дополнительные препятствия для анализа, однако вместе с тем остаются весьма актуальной и перспективной с точки зрения практической значимости областью исследований.

Список литературы

1. *Momoko, Y. Yorita etc.* IEEJ Economic and Energy Outlook of Japan through FY 2017 / The Institute of Energy Economics Publication, 25 July 2017.
2. *Anna L. Ahlers, Thomas Heberer, Gunter Shubert.* The Critical Role of Local Governance in China's Political System /The Palgrave Handbook of Local Governance in Contemporary China/Ed. by Jianxing Yu and Sujian Guo. — London: Macmillan, 2018.
3. China Power System Transformation /International Energy Agency Report. February 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/china-power-system-transformation>.
4. China's Energy Condition and Policies /Information Office of the State Council of the People's Republic of China. December 2007.
5. China's National Energy Administration: A Short Overview /Swedish Agency for Growth Policy Analysis Report. November 2014.
6. *Christopher Burke, Johanna Jansson, and Wehran Jiang.* Formulation of Energy Policy in China: Key Actors and Recent Developments /Centre for Chinese Studies, University of Stellenbossh. January 2009.
7. *Du Wei.* The Future of China's Energy // The Northeast Asian Economic Review. 2016. Vol. 4, № 1.
8. *Gaye Christoffersen.* The Role of China in Global Energy Governance // China Perspectives. 2016. № 2.
9. *Hongyi Lai.* China's Governance Model: Flexibility and Durability of Pragmatic Authoritarianism. — London: Routledge, 2016.
10. Japan's Ministry of Energy, Trade and Industry 5th Strategic Energy Plan. July 2018. URL: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan.pdf.
11. *Kazuo Sato.* From Fast to Last: the Japanese Economy in 1990s // Journal of Asian Economies. 2002. № 13.

12. *Ken Koyama*. Inside Japan's Long-Term Energy Policy // IEEJ Special Article 2. September 2015.
13. *Maolin Liao and Yingjie Wang*. China's Energy Consumption Rebound Effect Analysis Based on the Perspective of Technological Progress // Sustainability. 2019. Vol. 1461.
14. *Philip Andrews-Speed*. The Institutions of Energy Governance in China /French Institute of International Relation, January 2010.
15. *Saina Zheng, Chor-Man Lam, etc.* Evaluating Efficiency of Energy Conservation Measures in Energy Service Companies in China // Energy Policy. 2018. Vol. 122.
16. *Takuma Yatsui*. China's Energy Policy and Related Issues Towards 2020 /Mitsui Global Strategic Studies Institute Monthly Report, April 2017.
17. The Comprehensive List of Overseas NGOs Registered in China /China Development Brief. URL: <http://www.chinadevelopmentbrief.cn/articles/the-comprehensive-list-of-overseas-ngos-registered-in-china/>.
18. *Thibaud Voita*. The Power of China's Energy Efficiency Policy /IFRI Centre for Energy Publication, September 2018.
19. *Wang Zhongying, Kaare Sandholt*. Thought on China's Energy Transition Outlook // Energy Transitions. 10 September 2019.
20. *Захаров А., Русак Н.* Внешнеэкономические аспекты энергетической стратегии КНР и роль постсоветского пространства // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 4(43).
21. *Магдалинская Ю.* Ключи к будущему. Китай уверенно строит «среднезажиточное общество». URL: <https://rg.ru/2019/04/23/kitaj-uverenno-stroit-srednezazhitocnoe-obshchestvo.html>.
22. *Мастепанов А., Томберг И.* Китай диктует энергетическую политику XXI века // Международные процессы. 2018. Том 16. № 3.
23. *Скрябина М.* Система управления энергетической отраслью Китайской народной республики // Право и управление. XXI век. 2013. № 3(28).
24. *Халиуллин Р.* Нефтяная экспансия китайцев // Сетевое издание «Нефтянка». 25.08.2017. URL: <http://neftianka.ru/chinesethreat/>.
25. *Хлопов О.А.* Энергетическая политика и стратегия Китая // Вестник МГОУ. Серия: история и политические науки. 2015. № 4.
26. *Шеметов М.* Как устроен газопровод «Сила Сибири» и что даст его запуск // Материал информационного агентства ТАСС. 24.10.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7241029>.
27. *Щербаков Д.Н.* Энергетический сектор Китая: структура и проблематика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина — 2014. № 4. Том 6.

K. Korneev V. Kistanov. China's Energy Policy — its Own Unique Features and the Impact of Japan's Experience

The principles of formation and implementation of China's energy policy have undergone significant changes since the early 2000s, due to the strengthening of China's geopolitical role in the world and its transformation into the largest exporter of primary energy resources, mostly crude oil and natural gas. Japanese experience played a noticeable role in this process — there is no doubt that the stages of development that Japan's energy policy went through earlier are largely repeated now in China. The similarity of the countries, their export-oriented nature and the lack of their own fossil fuels affects them. Analysis and assessment of the specifics of China's energy policy development, supplemented by Japanese experience, will allow us to more fully reveal the topic of the article, without focusing exclusively on internal Chinese problems.

Keywords: China's energy policy, Japan's experience, energy management institutions, energy market participants.

Внешний долг Китая: современное состояние и перспективы

© 2020

И.А. Балюк

В статье содержится анализ динамики, тенденций и особенностей современной структуры внешнего долга Китая, основанный на изучении статистических данных международных финансовых организаций. На основе сравнительного анализа определяется место КНР в структуре глобального внешнего долга. В результате изучения основных индикаторов внешнедолговой устойчивости автор делает вывод о том, что Китай в настоящее время находится в зоне относительно низкой степени внешнедолгового риска, однако растущий быстрыми темпами краткосрочный корпоративный внешний долг может в перспективе создать серьезные проблемы с его рефинансированием.

Ключевые слова: глобальный внешний долг, внешний долг Китая, государственный долг Китая, корпоративный внешний долг, индикаторы внешнедолговой устойчивости.

DOI: 10.31857/S013128120010554-0

Глобализация мировой экономики и мировых финансов привела к быстрому росту объема внешней задолженности в мировом масштабе. По нашим расчетам, в 2003–2019 гг. глобальный внешний долг увеличился в 2,5 раза и достиг в III квартале 2019 г. 85,3 трлн долл. Если сравнивать его объем с величиной мирового ВВП, то в 2003 г. данное соотношение составляло около 85%, а в 2018 г. — уже 97%¹. В результате обострение проблемы глобализации внешней задолженности, катализатором которой стал мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., заставило международные финансовые организации, правительства различных стран мира, а также регуляторов национальных финансовых рынков искать эффективные способы ее решения (или хотя бы смягчения).

Одной из стран, в которой за последние четверть века был отмечен быстрый рост внешнего долга, является Китай. В связи с этим, на наш взгляд, представляет интерес анализ динамики и основных тенденций формирования внешней задолженности Китая и особенностей ее современной структуры, определение уровня внешнедолговой устойчивости страны, а также оценка перспектив дальнейшего роста внешнего долга КНР.

В 1995–2019 гг. объем совокупного внешнего долга в Китае увеличился в 17 раз (рис. 1).

Балюк Игорь Алексеевич, доктор экономических наук, доцент Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при правительстве Российской Федерации. E-mail: balyuk@bk.ru.

1. Статистический портал Всемирного банка. URL: <http://datatopics.worldbank.org/debt/qeds>; URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 24.03.2020).

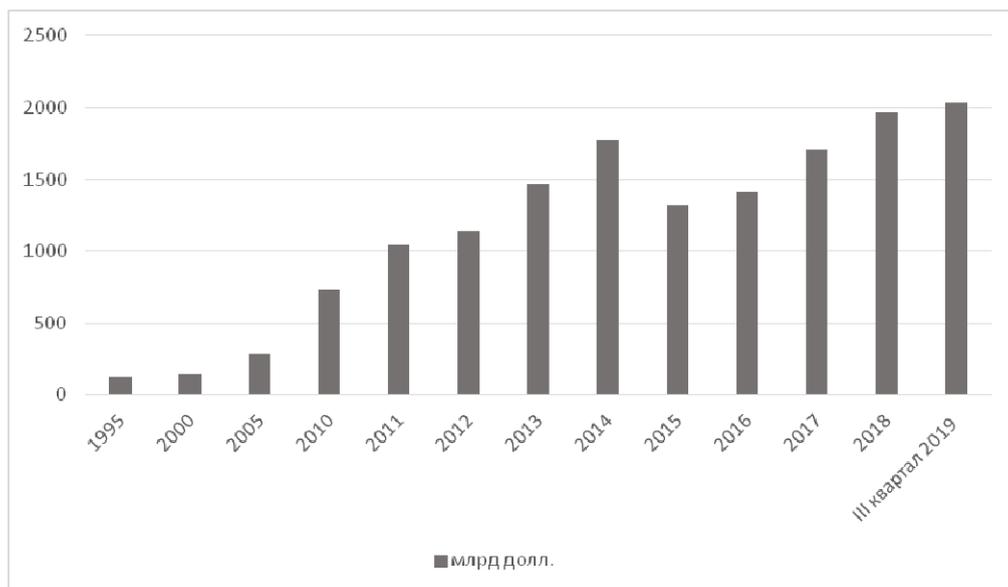

Рисунок 1. Динамика объема совокупного внешнего долга Китая в 1995–2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка¹.

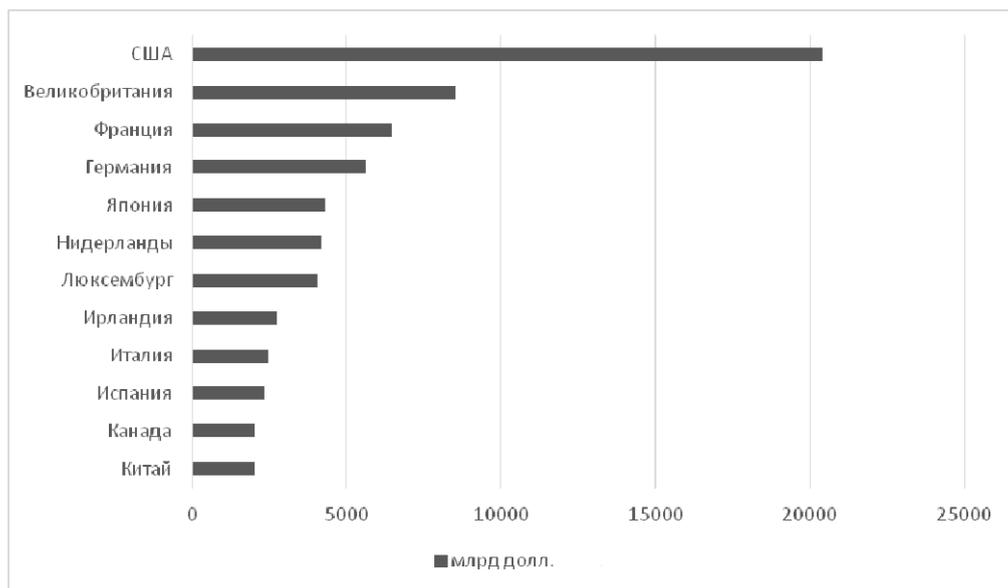

Рисунок 2. Величина совокупного внешнего долга стран, лидирующих по этому показателю в мировом масштабе, III квартал 2019 г.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка².

1. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=international-debt-statistics#> (дата обращения: 24.03.2020).
2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 24.03.2020).

Как видно на рис. 1, ускорение роста внешней задолженности Китая начинается с 2010 г. и происходит на протяжении пяти лет. В 2015–2016 гг. на фоне кризиса на внутреннем фондовом рынке и замедления темпов роста ВВП размер внешнего долга Китая сократился почти на 1/4, однако уже в 2017 г. он практически восстановил уровень 2014 г., а к III кварталу 2019 г. превысил 2 трлн долл., увеличившись в 1,5 раза по сравнению с 2015 г.

Если в 2003 г. по размеру совокупного внешнего долга Китай занимал 23-е место в мире, находясь примерно на уровне Греции, то в III квартале 2019 г. — уже 12-е место, почти догнав по данному показателю Канаду (рис. 2).

Одним из основных индикаторов определения степени внешнедолговой нагрузки страны является соотношение величины совокупного внешнего долга и размера ВВП данной страны. Международный валютный фонд (МВФ) считает относительно невысокой степень внешнедолгового бремени страны, если данный коэффициент не превышает 30%. На рис. 3 отражена динамика соотношения совокупного внешнего долга и ВВП в Китае в 1995–2018 гг.

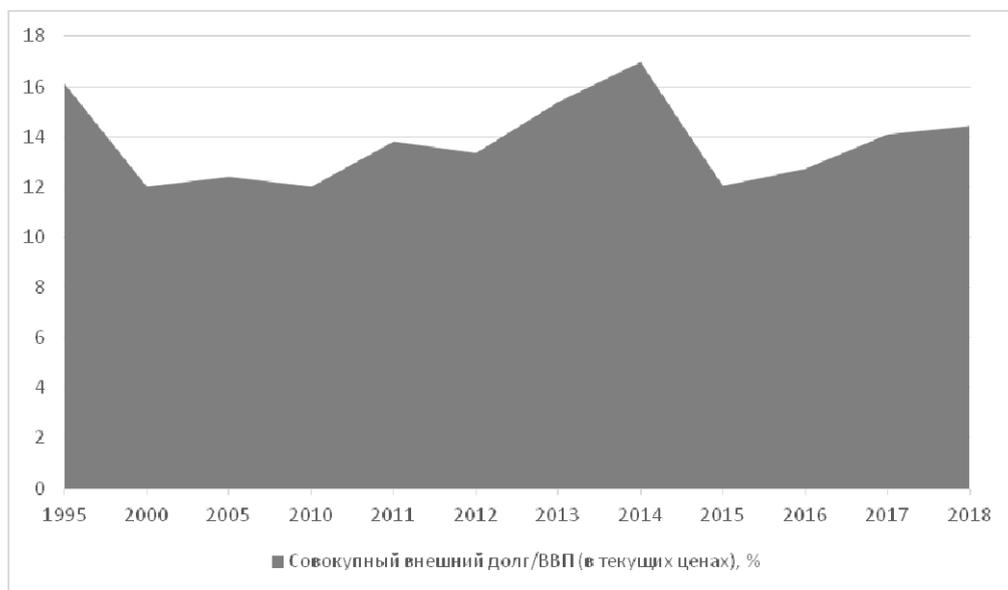

Рисунок 3. Соотношение объема совокупного внешнего долга и величины ВВП Китая в 1995–2018 гг.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Всемирного банка¹.

Как видно на рис. 3, указанное соотношение находится в диапазоне от 12 до 17% (в 2018 г. — 14,4%), что свидетельствует о достаточно умеренной степени внешнедолговой нагрузки Китая. Таким образом, быстрый рост внешней задолженности КНР был амортизирован быстрым ростом ВВП, величина которого в 1995–2018 гг. возросла в 18,5 раз (рис. 4)². Вместе с тем следует отметить, что в 2010–2018 гг. рост внешнего долга (2,67 раза) опередил рост ВВП Китая (2,23 раза).

1. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=international-debt-statistics#>; <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 24.03.2020).
2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 25.03.2020).

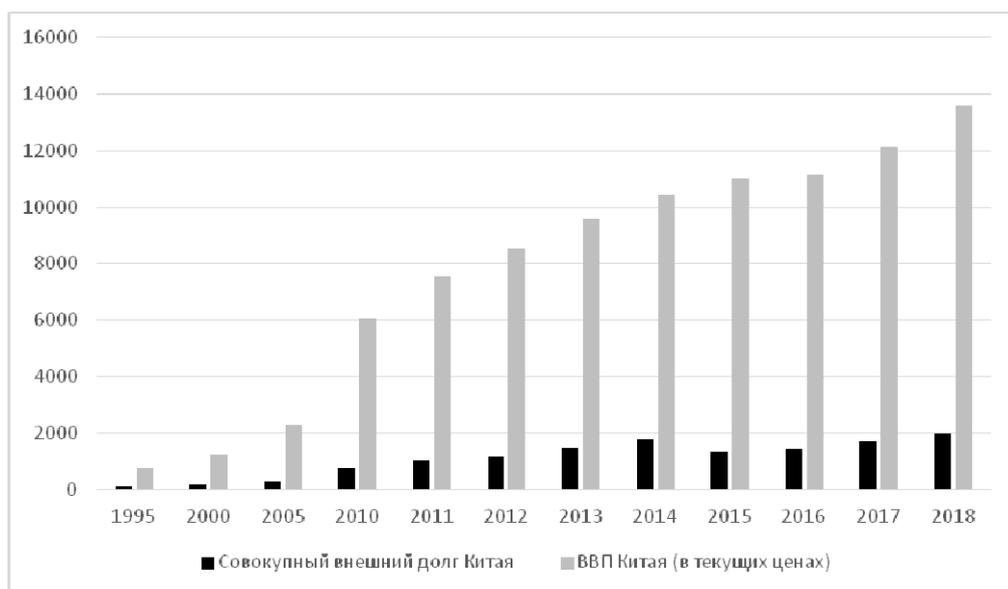

Рисунок 4. Динамика совокупного внешнего долга и ВВП Китая в 1995–2018 гг., млрд долл.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка¹.

Хотя темпы роста внешнего долга Китая были примерно сопоставимы с темпами роста ВВП, высокая степень линейной корреляции между ними все же отсутствует. Более того, в 2015 г. при уменьшении объема внешней задолженности Китая почти на 25% ВВП страны, тем не менее, вырос на 5,5%. Это означает, что увеличение внешней задолженности, в отличие от многих стран мира, не является одним из базовых факторов, обеспечивших рост ВВП Китая за указанный период времени.

Если анализировать дополнительные индикаторы внешнедолговой устойчивости, можно сделать вывод о том, что Китай находится в зоне умеренной степени риска (табл. 1). Вместе с тем следует отметить усиление внешнедолгового бремени страны за последние несколько лет.

Как видно из табл. 1, в 2010–2018 гг. заметно возросли удельный вес совокупного внешнего долга и расходы на его обслуживание по отношению к объему экспорта, а величина международных резервов Китая в 2018 г. превышает внешнюю задолженность страны не в 4 раза (как это было в 2010 г.), а в 1,5 раза. Кроме того, 62% совокупного внешнего долга страны составляют краткосрочные долговые обязательства. Это обстоятельство повышает степень риска рефинансирования внешнего долга Китая в случае неблагоприятно изменения текущей конъюнктуры на международном финансовом рынке.

В соответствии с определением МВФ, понятие «совокупный (валовой) внешний долг» страны (Gross External Debt) означает различные виды долговых обязательств резидентов данной страны перед нерезидентами. В структуре совокупного внешнего долга в международной практике и международной статистике принято выделять долг правительственных органов различных уровней (т.е. долг центрального правительства и тех государственных органов, на которых распространяются государственные гарантии, а

1. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=international-debt-statistics#>; URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 24.03.2020).

также долг местных органов власти), долг центрального банка, а также корпоративный долг финансового сектора (в лице банковских и небанковских финансовых институтов) и нефинансового сектора (в лице различных компаний, предприятий и домохозяйств)¹.

Таблица 1

Динамика основных коэффициентов внешнедолговой устойчивости Китая в 2010–2018 гг., %

Коэффициент	Внешний долг/Экспорт	Обслуживание внешнего долга/Экспорт	Краткосрочный долг/Совокупный внешний долг	Международные резервы/Внешний долг
2010 г.	42,1	3,0	69,7	390,1
2011 г.	48,5	2,9	73,8	306,6
2012 г.	48,6	3,1	69,6	292,6
2013 г.	58,0	3,0	73,2	260,9
2014 г.	65,5	3,0	70,0	218,0
2015 г.	51,3	4,9	62,0	252,3
2016 г.	58,4	6,8	56,6	214,0
2017 г.	62,9	7,5	60,3	184,7
2018 г.	68,0	8,2	62,1	157,6
Для сравнения: пороговые значения МВФ	100–150–200	15–20–25	—	—

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка².

В III квартале 2019 г. структура совокупного внешнего долга Китая была следующей (табл. 2).

Таблица 2

Структура совокупного внешнего долга Китая, III квартал 2019 г.

Типы заемщиков	Млн долл.	Удельный вес, %
Органы государственного управления	244 458	12,0
Центральный банк	36 457	1,8
Корпоративные финансовые и нефинансовые институты	1 751 598	86,2
Всего	2 032 513	100,0

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка³.

Как видно из табл. 2, в структуре совокупного внешнего долга Китая доминирует корпоративный долг. Очень большой удельный вес банков и компаний в совокупном объеме внешней задолженности страны может создать серьезные проблемы для китайского правительства в ситуации, когда корпоративные заемщики столкнутся с финансовыми трудностями при обслуживании и погашении своего внешнего долга. А если

1. External Debt Statistics. Guide for Compilers and Users. International Monetary Fund, Washington, 2014, p. 29. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/eds/eng/guide/> (дата обращения: 25.03.2020).
2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <http://datatopics.worldbank.org/debt/ids/regionalanalytical/LMY> (дата обращения: 26.03.2020).
3. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/embed-int/Table-1-SDDS-new/id/4f2f0c86> (дата обращения: 26.03.2020).

учесть, что 3/4 внешней корпоративной задолженности составляют краткосрочные обязательства (со сроками погашения до 12 месяцев), степень риска их рефинансирования в условиях возможного резкого негативного изменения конъюнктуры на международном долговом рынке представляется достаточно высокой. Поскольку в структуре корпоративного внешнего долга Китая значительная доля приходится на так называемых квазисуверенных заемщиков (т.е. банки и компании, находящиеся под контролем государства), правительству страны в случае необходимости придется принимать экстренные меры для финансовой поддержки таких банков и компаний.

В структуре корпоративного внешнего долга Китая около 17% приходится на долговые ценные бумаги. Из них, по нашим расчетам, почти 3/4 составляют так называемые международные долговые ценные бумаги¹ (т.е. долговые ценные бумаги, эмитированные за пределами Китая и предназначенные для продажи иностранным инвесторам). Около 1/4 составляют долговые ценные бумаги, выпущенные на внутреннем фондовом рынке Китая, но купленные иностранными инвесторами².

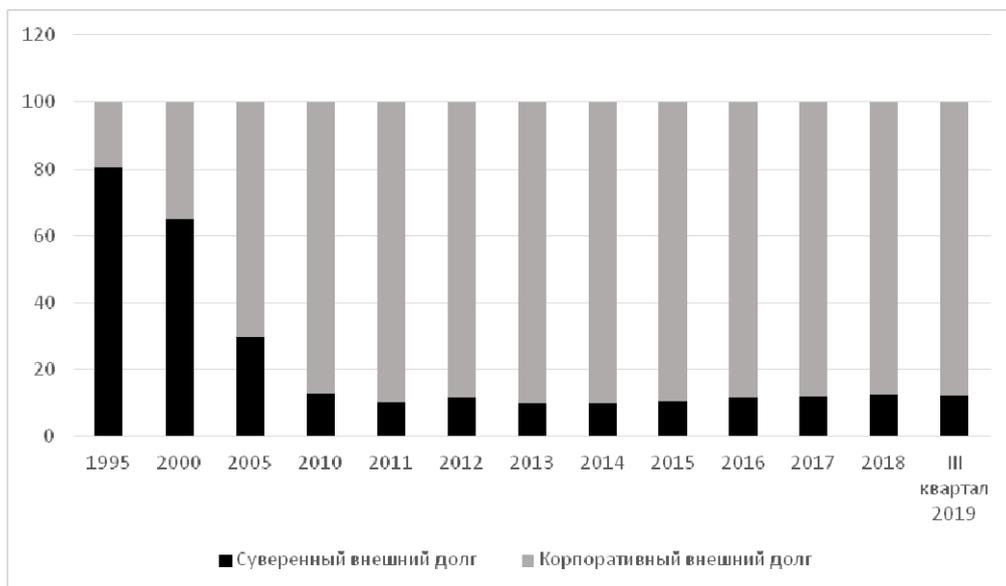

Рисунок 5. Динамика соотношения суверенного и корпоративного внешнего долга Китая в 1995–2019 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка³.

Особенность внешних заимствований корпоративного сектора Китая заключается в том, что китайские банки и компании с целью выпуска международных долговых ценных бумаг активно регистрируют свои дочерние и аффилированные структуры в странах со льготным режимом налогообложения и благоприятными условиями для соз-

1. Определение международных долговых ценных бумаг дано Банком международных расчетов. URL: https://www.bis.org/statistics/about_securities_stats.htm?m=6%7C33%7C638 (дата обращения: 26.03.2020).
2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/embed-int/Table-1-SDDS-new/id/4f2f0c86>; Сайт Банка международных расчетов. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/C3?c=CN&p=> (дата обращения: 26.03.2020).
3. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=international-debt-statistics#> (дата обращения: 26.03.2020).

дания и ведения бизнеса (например, Гонконг, Сингапур, островные офшорные юрисдикции). В результате, по данным Банка международных расчетов, в III квартале 2019 г. в обращении находились международные долговые ценные бумаги, эмитированные зарегистрированными за границей китайскими компаниями и банками, которые по номинальной стоимости (1 125,1 млрд долл.) в 5,4 раза превышали объем находящихся в обращении международных долговых ценных бумаг, выпущенных компаниями и банками, зарегистрированными в КНР¹.

Государственный внешний долг Китая в 1995–2019 гг. вырос почти в 2,6 раза, однако его удельный вес в структуре совокупной внешней задолженности страны сократился за этот период с 80 до 12%². Соотношение суверенного и корпоративного внешнего долга Китая отражено на рис. 5.

Как видно, корпоративный внешний долг заметно возрос к 2010 г. и стабилизировался в последующие годы на уровне 85–88%. Минимальное значение государственного внешнего долга было отмечено в 2014 г., когда его доля составила менее 10%.

Валютная структура государственного внешнего долга Китая отражена на рис. 6.

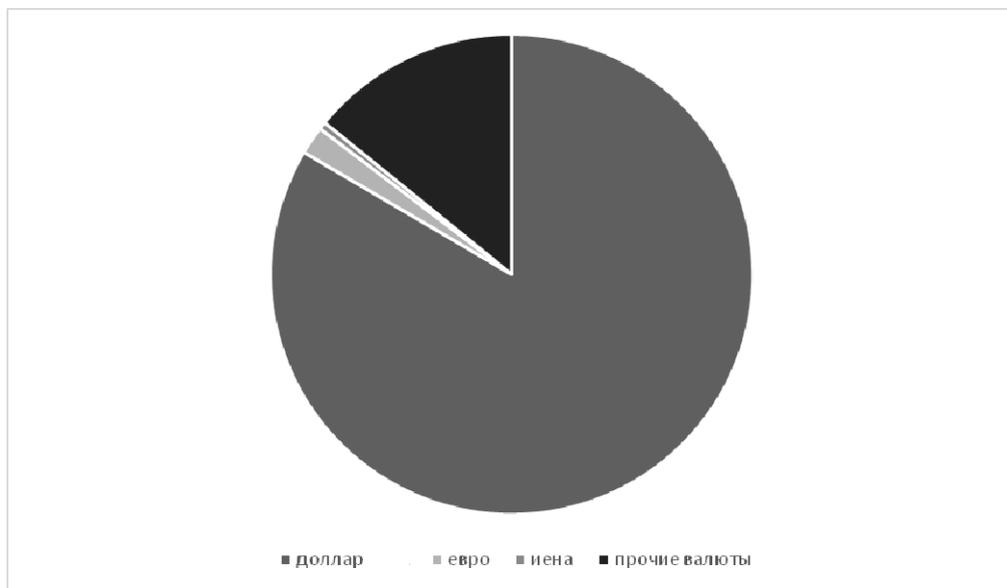

Рисунок 6. Валютная структура государственного внешнего долга Китая, III квартал 2019 г., %

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка³.

В валютной структуре суверенной внешней задолженности Китая безоговорочно доминирует доллар США, на который приходится 83,5%. Доля идущих следом евро и иены составляет в совокупности всего 2,4%. Низкий уровень валютной диверсификации суверенного внешнего долга Китая отражает характерное для руководства страны стрем-

1. Сайт Банка международных расчетов. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/C3?c=CN&p=> (дата обращения: 26.03.2020).

2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=international-debt-statistics#> (дата обращения: 26.03.2020).

3. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=international-debt-statistics> (дата обращения: 31.03.2020).

ление делать ставку исключительно на доллар США при формировании не только государственных активов, но и государственных пассивов.

Хотя удельный вес государственного долга в структуре совокупного внешнего долга сильно дифференцируется в различных странах мира, относительно небольшая доля суверенного внешнего долга более характерна для развитых стран (в III квартале 2019 г. в Великобритании — 10,2%, в Германии — 22,2%, в США — 33,6%)¹. В большинстве развивающихся стран и стран с переходной экономикой, к которым по классификации Всемирного банка относится Китай, доминирует суверенный внешний долг (табл. 3). В статистике внешнего долга Всемирный банк использует другую классификацию — страны с низким и средним уровнем дохода (в эту категорию включена 121 страна, в том числе Китай и Россия).

Таблица 3

Динамика совокупного внешнего долга стран с низким и средним уровнем дохода, млрд долл.

Показатель	2007 г.	2010 г.	2013 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Совокупный внешний долг	3 307,5	4 414,1	6 508,0	6 725,1	7 426,8	7 819,0
Долгосрочный внешний долг	2 496,0	3 084,2	4 410,6	5 012,7	5 379,4	5 519,2
В том числе: корпоративный внешний долг	1 117,6	1 472,0	2 237,1	2 522,6	2 563,3	2 585,2

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка².

Как видно из табл. 3, в 2018 г. в структуре долгосрочных внешнедолговых обязательств стран с низким и средним уровнем дохода суверенный внешний долг составил более 53%. В некоторых странах он заметно превышает средний уровень (в III квартале 2019 г. в Аргентине — 62,1%, на Шри Ланке — 63,6%, в Эквадоре — 75,1%)³. Это связано с тем, что международные инвесторы предпочитают покупать государственные внешнедолговые обязательства развивающихся стран и стран с переходной экономикой, поскольку корпоративный сектор в этих странах уступает по уровню своего развития банкам и компаниям из развитых стран мира.

По размеру суверенного внешнего долга Китай находился на 13-м месте в мире в III квартале 2019 г. (рис. 7). Однако коэффициент «государственный внешний долг/ВВП» составлял в Китае всего 1,7%. Для сравнения: в Великобритании — 28,8%, в Германии — 30,4%, в США — 32,0%. Следует, однако, отметить, что в настоящее время в международной практике не существует единого индикатора для определения оптимального объема суверенного долга.

В структуре государственного внешнего долга Китая доминируют долгосрочные долговые обязательства. На них в III квартале 2019 г. приходилось 96,2% суверенной внешней задолженности⁴. Низкий удельный вес краткосрочных обязательств является характерной чертой современной структуры государственного внешнего долга большинства стран мира. Например, в странах Евросоюза, по нашим расчетам, средний уровень долгосрочных обязательств в структуре суверенной внешней задолженности в III квартале 2019 г. составлял около 94%.

1. Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 30.03.2020).

2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <http://datatopics.worldbank.org/debt/ids/regionanalytical/LMY> (дата обращения: 30.03.2020).

3. Рассчитано автором по данным Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 30.03.2020).

4. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 26.03.2020).

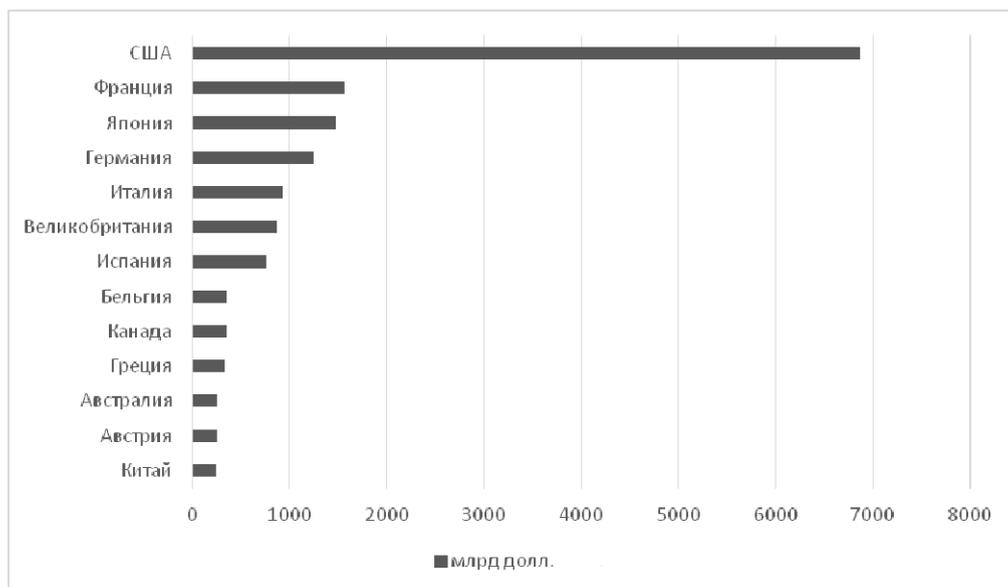

Рисунок 7. Величина суверенного внешнего долга стран, лидирующих по этому показателю в мировом масштабе, III квартал 2019 г.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка¹.

Основная доля долгосрочного суверенного внешнего долга Китая приходится на долговые ценные бумаги (80,1% в III квартале 2019 г.). Их удельный вес за последние годы заметно возрос (в конце 2015 г. — 56,7%)². Возрастание доли долговых ценных бумаг в структуре долгосрочного суверенного внешнего долга является отражением одного из современных трендов развития мирового долгового рынка. В структуре внешнего долга снижается доля кредитов, являющихся низколиквидными инструментами долгового финансирования, и растет удельный вес долговых ценных бумаг, которые могут легко продаваться и покупаться на мировом фондовом рынке. В этом смысле Китай не является исключением из правил, что подтверждается соответствующими статистическими данными.

Следует отметить, что внешний долг может формироваться не только за счет трансграничных источников финансирования. В процессе финансово-экономической глобализации активизировалась инвестиционная деятельность нерезидентов на внутренних финансовых рынках отдельных стран. В результате внешний долг может расти за счет приобретения нерезидентами не международных, а внутренних долговых ценных бумаг. Таким образом, различные типы заемщиков-резидентов могут увеличивать свою внешнюю задолженность, не выходя за пределы своей страны. В Китае в структуре государственного внешнего долга в III квартале 2019 г., по нашим расчетам, на международные долговые ценные бумаги приходилось всего 9,1% от общего объема суверенных долговых ценных бумаг, купленных нерезидентами³. Кроме того, обязательства в иностранной валюте составляли всего 0,35% совокупной величины государственного долга. Это

1. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 26.03.2020).
2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 26.03.2020).
3. Сайт Банка международных расчетов. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/C3?c=CN&p=20194> (дата обращения: 27.03.2020).

означает, что в настоящее время государственный внешний долг Китая аналогично, например, США формируется прежде всего за счет внутриграницного фактора.

Отличие от государственного внешнего долга, для китайских банков и компаний, как было отмечено выше, выпуск международных долговых ценных бумаг является определяющим в структуре корпоративной внешней задолженности, выраженной в долговых ценных бумагах, хотя формально основная часть внешнего долга компаний и банков представлена различными видами кредитов. Поскольку международный фондовый рынок активно используется корпоративным сектором Китая для привлечения денежных средств с помощью эмиссии долговых ценных бумаг через дочерние структуры, зарегистрированные в других странах, можно утверждать, что трансграничный фактор формирования корпоративной внешней задолженности в настоящее время является не менее значимым, чем внутриграницный фактор. Достаточно сказать, что объем находящихся в обращении долговых ценных бумаг эмитентов-нерезидентов, за которыми стоит корпоративный сектор Китая, в III квартале 2019 г., по нашим расчетам, составил примерно 3/4 внешнего долга китайских банков и компаний в виде различных видов кредитов, полученных от нерезидентов. Кроме того, за последние два года этот объем увеличился на 25%¹.

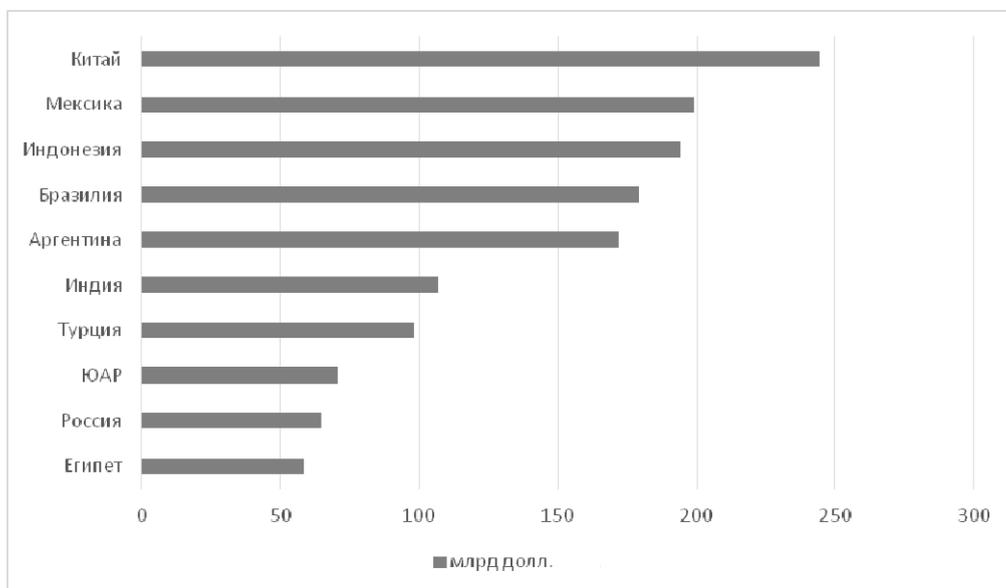

Рисунок 8. Величина суверенного внешнего долга стран, лидирующих по этому показателю среди стран с низким и средним уровнем дохода, III квартал 2019 г.

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка².

Если анализировать соотношение внешнего и внутреннего долга в совокупной величине долга центрального правительства Китая, то в 2009–2019 гг. доля внешнего долга возросла с 0,8 до 8,6%³. Хотя удельный вес центрального правительства Китая перед нерезидентами увеличился на порядок за указанный период времени, тем не менее внешний долг пока еще не играет существенной роли в структуре государственного долга.

1. Сайт Банка международных расчетов. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/C3?c=CN&p=20194> (дата обращения: 27.03.2020).

2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 26.03.2020).

3. Статистический портал Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 26.03.2020).

Несмотря на относительно небольшую долю суверенной внешней задолженности Китая в общем объеме государственного долга, по сравнению с другими странами с низким и средним уровнем дохода, КНР является безоговорочным лидером по величине государственного внешнего долга (рис. 8). Однако в отличие от Китая у таких стран, как Мексика, Индонезия, ЮАР и Египет, соотношение «суверенный внешний долг/ВВП» в 2018 г. находилось на уровне 16–19%, а в Аргентине превышало 33%¹.

По величине совокупного внешнего долга Китай почти в 4 раза превосходит средний уровень внешней задолженности стран, входящих в лидирующую пятерку по данному показателю среди стран с низким и средним уровнем дохода (табл. 4).

Таблица 4

Страны с низким и средним уровнем дохода, лидирующие по величине совокупного внешнего долга, 2018 г.

Страна	Совокупный внешний долг, млрд долл. США	Совокупный внешний долг/ВВП, %	Международные резервы/Совокупный внешний долг, %
Китай	1 962,3	14,4	157,6
Бразилия	557,8	29,8	67,0
Индия	521,4	19,2	72,0
Россия	453,9	27,3	84,0
Мексика	452,9	37,1	38,0
Турция	445,1	57,7	16,0
Индонезия	369,8	35,5	32,0
Аргентина	280,5	53,9	23,0
ЮАР	179,3	48,6	26,0
Таиланд	169,2	33,5	118,0

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Всемирного банка².

Как видно из табл. 4, Китай имеет самый высокий коэффициент «международные резервы/совокупный внешний долг», а также самый низкий показатель «совокупный внешний долг/ВВП». В 2018 г. чистый приток финансовых средств (net financial flows) в Китай за счет использования различных долговых и долевого финансовых инструментов составил 472 млрд долл. (долговые инструменты — 54,5%, долевого инструменты — 45,5%). На долю Китая пришлось 46% общего объема финансовых средств, полученных всеми странами с низким и средним уровнем дохода, а среди данной группы стран в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе доля Китая составила 80%³.

В структуре чистого притока в Китай финансовых средств за счет использования долговых инструментов соотношение между краткосрочными и долгосрочными внешне-долговыми обязательствами составило в 2018 г. примерно 3:1. Чистый приток финансовых средств за счет использования долгосрочных долговых инструментов был обеспечен частными инвесторами (держателями облигаций, банками и др.), на которых пришлось

1. Рассчитано автором на основе данных Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#>; URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 26.03.2020).
2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <http://datatopics.worldbank.org/debt/ids/>; URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 26.03.2020).
3. Debt Report 2020 Edition I. World Bank Group, p. 2. URL: <https://data.worldbank.org/products/ids> (дата обращения: 24.03.2020).

70,6 млрд долл., а по двусторонним государственным кредитам и кредитам Всемирного банка был отмечен чистый отток финансовых средств в размере почти 2,2 млрд долл. США¹. Кроме того, в 2018 г. на частных кредиторов приходилось 2/3 совокупной величины долгосрочных внешнедолговых обязательств Китая. Это свидетельствует о повышении интереса иностранных частных инвесторов к приобретению долгосрочных внешнедолговых обязательств Китая и усилении их роли в качестве основных кредиторов по сравнению с официальными двусторонними и многосторонними кредиторами.

Если проанализировать ситуацию с внешним долгом в Китае и России и сравнить основные внешнедолговые индикаторы двух стран, можно сделать вывод о том, что в настоящее время обе страны находятся в зоне относительно низкой степени внешнедолгового риска (табл. 5).

Таблица 5

Основные внешнедолговые индикаторы Китая и России, 2018 г.

Показатель	Китай	Россия
Совокупный внешний долг, млрд долл.	1 962,3	453,9
Совокупный внешний долг/ВВП, %	14,4	27,3
Международные резервы/Совокупный внешний долг, %	157,6	84,0
Государственный внешний долг, млрд долл.	232,2	43,9
Государственный внешний долг/ВВП, %	1,7	2,6
Государственный внешний долг/Совокупный внешний долг, %	11,8	9,6
Корпоративный внешний долг/Совокупный внешний долг, %	86,6	87,7
Внешний долг/Экспорт, %	68,0	81,0
Обслуживание внешнего долга/Экспорт, %	8,2	20,0
Краткосрочный долг/Совокупный внешний долг, %	62,1	11,0

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Всемирного банка².

Как видно из табл. 5, у Китая и России почти одинаковые показатели соотношения государственного внешнего долга и ВВП, а также доли государственного и корпоративного внешнего долга в совокупной величине внешней задолженности. По большинству показателей внешнедолговой устойчивости Китай имеет более высокий запас прочности по сравнению с Россией, за исключением довольно большой доли краткосрочных внешнедолговых обязательств (в 5,6 раз больше, чем в России). Однако этот вид риска может быть покрыт за счет значительного объема международных резервов Китая. Если сравнить Россию и Китай по величине текущего суверенного внешнего долга на одного жителя страны, то, по нашим расчетам, в Китае она составляет примерно 165 долларов США, а в России — около 300 долларов³. Таким образом, обе страны имеют примерно одинаковую структуру внешнего долга и примерно равную степень внешнедолговой устойчивости.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие основные выводы. За последние четверть века объем совокупного внешнего долга Китая значительно возрос, и по его величине Китай переместился на 13-е место в мире, а среди стран с низ-

1. International Debt Statistics. World Bank Group, p. 48. URL: <https://data.worldbank.org/products/ids> (дата обращения: 30.03.2020).
2. Статистический портал Всемирного банка. URL: <http://datatopics.worldbank.org/debt/ids/>; URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>; URL: <https://databank.worldbank.org/source/quarterly-external-debt-statistics-sdds#> (дата обращения: 26.03.2020).
3. Рассчитано автором на основе информации из газеты «Ведомости» и сайта «Countrymeters». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/01/24/821403-rosstat>; URL: <https://countrymeters.info/ru/China> (дата обращения: 31.03.2020).

ким и средним уровнем дохода стал лидером. Причем с 2010 г. внешний долг Китая растет быстрее, чем ВВП страны. Размер совокупного внешнего долга Китая на порядок меньше величины совокупного внутреннего долга страны, который в начале 2015 г. был назван консалтинговой компанией McKinsey главной угрозой экономической и финансовой стабильности в мире. Вместе с тем, как отмечают некоторые эксперты, попытка выставить Китай главным виновником глобальной долговой проблемы является искусственной.

Отличие от многих стран мира увеличение внешней задолженности Китая, на наш взгляд, не является одним из базовых факторов, обеспечивающих рост ВВП. Скорее рост ВВП за счет активного развития внешнеэкономической деятельности служит основным фактором, обеспечивающим внешнедолговую устойчивость страны.

Базовые индикаторы внешнедолговой нагрузки свидетельствуют о том, что Китай в настоящее время находится в зоне относительно низкой степени внешнедолгового риска. Однако за последние несколько лет произошло заметное усиление внешнедолгового бремени страны. Кроме того, почти 2/3 совокупного внешнего долга Китая составляют краткосрочные долговые обязательства, что повышает степень риска рефинансирования внешней задолженности страны в случае неблагоприятного изменения текущей конъюнктуры на международном финансовом рынке.

В структуре совокупного внешнего долга Китая очень велика доля корпоративных заемщиков. К этому следует добавить объем корпоративных заимствований зарегистрированных за границей китайских компаний и банков, который в пять с лишним раз больше величины заимствований банков и компаний, зарегистрированных непосредственно в Китае. Если принять во внимание также весьма значительный внутренний корпоративный долг, это может создать серьезные проблемы в ситуации, когда корпоративные заемщики столкнутся с финансовыми трудностями при обслуживании и погашении своего внешнего долга. К тому же 75% внешней корпоративной задолженности составляют краткосрочные обязательства, что существенно повышает риск рефинансирования внешнего долга. Поскольку основная доля корпоративного внешнего долга Китая приходится на квазисуверенных заемщиков, правительству страны в случае необходимости придется принимать экстренные меры для финансовой поддержки банков и компаний, находящихся под контролем государства.

В 1995–2019 гг. государственный внешний долг Китая рос существенно медленнее корпоративного внешнего долга, в результате чего его удельный вес в структуре совокупной внешней задолженности страны сократился в 6,5 раз. В настоящее время внешний долг пока еще не играет существенной роли в структуре совокупного государственного долга Китая и составляет менее 2% ВВП. Однако по сравнению с другими странами с низким и средним уровнем дохода Китай является безоговорочным лидером по величине государственного внешнего долга.

В структуре государственного внешнего долга Китая доминируют долгосрочные долговые обязательства, что является характерной чертой современной структуры государственного внешнего долга большинства стран мира. Основная доля долгосрочного суверенного внешнего долга Китая приходится на долговые ценные бумаги, удельный вес которых за последние годы заметно возрос. Это — одна из современных тенденций развития долгового рынка в мире: в структуре внешней задолженности растет удельный вес долговых ценных бумаг, которые могут легко продаваться и покупаться на мировом фондовом рынке.

В настоящее время государственный внешний долг Китая формируется в первую очередь не на международном долговом рынке, а внутри страны. На международные долговые ценные бумаги приходится менее 10% от общего объема суверенных долговых ценных бумаг, купленных нерезидентами, а обязательства в иностранной валюте, где монопольное положение занимает доллар США, составляют менее 0,4% совокупной величины государственного долга Китая.

В отличие от государственного внешнего долга для китайских банков и компаний выпуск международных долговых ценных бумаг является определяющим в структуре корпоративной внешней задолженности, выраженной в долговых ценных бумагах, хотя формально основная часть внешнего долга компаний и банков представлена различными видами кредитов. Это означает, что трансграничный фактор формирования корпоративной внешней задолженности в настоящее время является не менее значимым, чем внутриграничный фактор.

За последние несколько лет в структуре не только корпоративного, но и государственного внешнего долга Китая значительно возросла доля рыночных инструментов долгового финансирования (прежде всего это касается сегмента долговых ценных бумаг). Это свидетельствует о повышении интереса иностранных частных инвесторов к долговым обязательствам государственного и корпоративного сектора Китая. Происходит усиление роли иностранных частных инвесторов в качестве основных кредиторов различных типов китайских заемщиков, а использование нерыночных инструментов долгового финансирования в виде официальных международных двусторонних и многосторонних кредитов постепенно отходит на второй план.

Список литературы

1. *Балюк И.А.* О проблеме глобализации внешнего долга в мировой экономике // Самоуправление. 2019. № 1 (114). Том 2.
2. Долг Китая достиг трехсот процентов ВВП // Независимая газета, 18.07.2019. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-07-18/4_7626_debt.html (дата обращения: 26.03.2020).
3. *Катасонов В.* Китай — экономика как долговая пирамида // Фонд стратегической культуры. 16.04.2019. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/04/16/china-ekonomika-kak-dolgovaja-piramida-48013.html> (дата обращения: 01.04.2020).
4. *Мигунов Д.* Раздутый мандарин: долги Китая стали главной угрозой мировой экономике // Известия. 20.12.2019. URL: <https://iz.ru/955887/dmitrii-migunov/razdutyi-mandarin-dolgi-kitaia-stali-glavnoi-ugrozoi-mirovoi-ekonomike> (дата обращения: 26.03.2020).
5. *Портяков В.Я.* Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы // Контуры глобальных трансформаций. 2019. № 1. Том 12.
6. *Bloch D., Fall F.* Government debt indicators: understanding the data. *OECD Economics Department Working Papers*, 2015, no. 1228, 35 p.
7. *Caruana J.* Debt: the view from Basel. *BIS Papers*, No. 80, January 2015.
8. Curbing China's corporate debt could hit economic growth // South China Morning Post, 4 June, 2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2149108/> (дата обращения: 31.03.2020).

I. Balyuk. External Debt of China: Current State and Prospects

The paper focuses on analysis of dynamics, trends and specifics of the modern composition of external debt of China based on studying statistics compiled by the international financial institutions. On the basis of comparative analysis, the place of China in the structure of global external debt has been determined. After examination of the basic indicators of external debt sustainability the author makes a conclusion that at present China is in the area of a relatively low level of external debt risk, however rapidly growing short-term corporate external debt can create serious refinancing problems in the future.

Keywords: global external debt; external debt of China; public debt of China; corporate external debt; indicators of external debt sustainability.

Дискуссионная трибуна

Путь Китая к оптимальным биоэкономике, биофинансам и менеджменту: уроки для России¹

© 2020

К.К. Меркулов

Светлой памяти родителей посвящаю

В статье рассматривается опыт КНР в развитии и оптимизации биоэкономики, биофинансов и менеджмента в плане обобщения концептуальных уроков данных явлений и процессов для России и других стран. Сформулированные модели и прогнозы позволяют сделать общий вывод о том, что именно оптимальные биоэкономика, биофинансы и менеджмент представляют стратегический ориентир парадигмы социально-экономического и социально-экологического развития России, СНГ, Китая и в целом передового социума.

Ключевые слова: оптимальные биоэкономика, биофинансы и интегральный менеджмент, стратегии развития, Россия, Союзное государство (СГ), Содружество Независимых Государств (СНГ), Китай, передовые геоцентры.

DOI: 10.31857/S013128120010561-8

Настоящее исследование основано на критическом переосмыслении теории и практики «ортодоксальной» школы марксистской политической экономии и научной переоценке опыта системы «командно-административной плановой экономики» (1949–1978 гг.) и «смешанной планово-рыночной экономики» в КНР в общем контексте идей «конвергенции социализма и капитализма»². Кратко обосновываются возможные перспективы трансформации нынешней модели социально-экономического и прочего развития России и других передовых геоцентров. Феномены «зелёные экономика, финансы и менеджмент» предлагается впредь именовать «оптимальные биоэкономика, биофинансы и менеджмент». Эта модель может представлять интерес для экспертов в сфере стратегии развития России.

Меркулов Катенарий Катенарьевич, старший научный сотрудник ЦНИД ИДВ РАН, д.э.н. (РФ МАН Сан-Марино, 1994 г.), к.и.н. (МГИМО МИД СССР, 1990 г.), действительный член Академии проблем дипломатических наук и международных отношений (1998 г.). E-mail: katenariy@gmail.com.

1. Статья публикуется в сокращении.

2. *Островский А.В.* Социально-экономическое развитие КНР за 70 лет (1949–2019 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(1). Специальный выпуск к 70-летию КНР. С. 55.

Концепция «зелёной экономики» была впервые разработана в 1989 г. в серии работ американских исследователей Д. Пирса и Э. Барбира. Эти эксперты рассматривали данное понятие как средство, нацеленное на устранение антагонизма между развитием экономики и природной среды и достижения благих экологических целей путем экономического роста¹.

Как отмечалось на сайте электронного издания «Инвестопедия» в сети «Интернет» (по состоянию на 25.02.2020), «зелёная экономика — это методология экономики, которая поддерживает гармоничное взаимодействие между человеком и природой и пытается удовлетворить потребности обоих одновременно. «Зелёные» экономические теории охватывают широкий спектр идей, связанных с взаимосвязью между людьми и окружающей средой. «Зелёные» экономисты утверждают, что основа для всех экономических решений должна быть каким-то образом связана с экосистемой и что природный капитал и экологические услуги имеют экономическую ценность»².

По мнению видного российского экономиста Л.Д. Лыжина (РИСИ), «биоэкономика — одно из ключевых инновационных направлений обеспечения устойчивого развития в условиях глобализации. Она базируется на широком использовании биотехнологий и применении биологических возобновляемых ресурсов для выпуска продуктов и энергии. Истоки биоэкономики можно отнести к началу прошлого века, когда Г. Форд разрабатывал схемы двигателей внутреннего сгорания, работающих на биотопливе. Однако в то время биотехнологии еще не стали парадигмой экономического развития и долгое время применялись лишь в отдельных отраслях. Широкое развитие биоэкономика получила тогда, когда биотехнологии стали выходить за пределы традиционных производств, выпускающих и перерабатывающих биоресурсы, таких как сельское хозяйство, пищевая промышленность, лесная и рыбная отрасли. Они начали проникать в химическую, фармацевтическую, энергетическую, горнодобывающую, легкую, текстильную и другие отрасли промышленности. Развитие биоэкономики основывается на достижениях «биотехнологической революции», которая произошла в конце XX — начале XXI в. и позволила многим развитым странам выйти на новый уровень эффективности народного хозяйства». Таким образом, по справедливому мнению этого эксперта, «биотехнологии открывают перед человечеством новые возможности по созданию инновационных продуктов, способных решать многие глобальные проблемы, в том числе в обеспечении продовольствием и высокоэффективными медицинскими препаратами при одновременном снижении неблагоприятного воздействия на окружающую среду. Однако развитие биоэкономики во многом будет зависеть не только от расширения масштабов производства, но и от политических решений, стимулирующих исследования в области оценки рисков и обеспечения безопасности продуктов биоиндустрии»³.

В электронном издании «Инвестопедия» (в редакции от 22.01.2019) было дано следующее определение феномена «биоэкономика»: «Биоэкономика — это прогрессивная отрасль социальных наук, которая стремится объединить экономические и биологические дисциплины с единственной целью создания теорий, которые лучше объясняют экономические события с использованием биологической основы и наоборот»⁴.

1. Ковалёв Ю.Ю., Степанов А.В. Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация Китая // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 2 (176). С. 121–135. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=bKS1z... (дата обращения: 15.03.2019).
2. What is green economics? / investopedia. URL: <https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=en&u=https://www.investopedia.com/terms/g/greeneconomics.asp&prev=search> (date of access: 25.02.2020).
3. Лыжин Д.Н. Перспективы развития биоэкономики в условиях глобализации // Проблемы национальной стратегии. № 2 (23), 2014. С. 79–94. URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/2/09_.pdf (дата обращения: 10.03.2019).
4. “Bioeconomics”. Article in Investopedia. URL: <https://www.investopedia.com/terms/b/bioeconomics.asp> (Accessed: March 14, 2019).

Авторы книги «Биоэкономика в России: перспективы развития» исходят из трактовки биоэкономики как «экономики, основанной на использовании биотехнологий и возобновляемого биологического сырья»¹.

В стандартном англоязычном электронном издании «Википедии — свободной энциклопедии» предложен ряд определений категории «биоэкономика»: 1) «биоэкономика (рыболовство) как изучение динамики живых ресурсов с использованием экономических моделей»; 2) «биоэкономика (биофизика) как изучение экономических систем с применением законов термодинамики»; 3) «биологическая экономика, изучение взаимосвязи биологии человека и экономики»; 4) «биоэкономика как социальная теория» румынского экономиста Н. Джоржеску-Регена (1906–1994)².

С точки зрения «биоцентрического» подхода к вопросам теории и практики биоэкономики, типично следующее определение: «Биоэкономика — это мироустройство при котором биотехнологии обеспечивают значительную часть материального производства»³.

Ныне в научной литературе *биоэкономике* чаще всего принято рассматривать как экономический механизм реализации биотехнологий, т.е. как новую отрасль существующего технологического уклада, а *зелёную экономику* — как целенаправленную экономическую и хозяйственно-политическую деятельность для достижения общественно-экономических и социально-экологических результатов. Однако, в целом, пока в экономической науке не сложился однозначный консенсус на этот счет⁴.

Так называемые *зелёные финансы* — важный элемент теории и практики «зелёной экономики». Как отмечалось на информационном портале Bstudy.net, «общепринятого определения «зелёных», или «экологических» финансов в экономической литературе до последнего времени не было. Этим термином могут описываться как широкий набор способов финансирования технологических процессов, проектов и компаний, связанных с защитой окружающей среды, так и финансовые продукты (инструменты) и услуги (кредиты, облигации, акции, фонды и пр.) с экологической составляющей. Область зелёных/экологических финансов, по одной из версий, впервые была обозначена известным американским экономистом и предпринимателем Ричардом Сандором (Richard L. Sandor), который разработал специальный учебный курс, впервые прочитанный в Колумбийском университете в Нью-Йорке в 1992 г.^{5, 6}.

1. Биоэкономика в России: перспективы развития / ред.: Бобылев С.Н., Кирюшин П.А М.: Издательство Проспект, 2017. 176 с.
2. Article “Bioeconomics” in Wikipedia — free encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Bioeconomics> (date of access: 10.03.2019).
3. Информационно-справочный материал о биоэкономике на сайте «Info». URL: <http://scientifically.info/news/2014-02-20-2563> (дата обращения: 10.03.2019).
4. Ковалёв Ю.Ю., Степанов А.В. Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация Китая // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 2 (176). С. 121–135. [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=bKS1z... (дата обращения: 15.03.2019).
5. “What is green finance?”. Article on “ClimateMundial”. URL: <http://climatemundial.com/whatisgreenfinance/> (date of access: 16.03.2019). (Climate Mundial — это фирма по финансированию климата и устойчивого развития со штаб-квартирой в Лондоне, миссия которой заключается в помощи клиентам в разработке и финансировании проектов в области возобновляемых источников энергии, сокращения выбросов углерода и адаптации к климату в развивающихся странах). Подробнее см.: Рубцов Б.Б. «Зелёные финансы» в мире и России: монография / Б.Б. Рубцов и др.; под ред. Б.Б. Рубцова. М.: РУСАЙНС, 2020. 170 с.; и др.
6. Zelenye_finansy_voprosy_klassifikatsii_napravleniya_razvitiya”. Article on “Bstudy”. URL: https://bstudy.net/612461/ekonomika/zelenye_finansy_voprosy_klassifikatsii_napravleniya_razvitiya (дата обращения: 15.03.2019).

Под «зелёным финансированием» понимается любой финансовый инструмент или инвестиция, включая инструмент долевого участия, долга, гранта, покупки и продажи или управления рисками (например, инвестиционная гарантия, страховой продукт или товар, кредит или производная процентная ставка и т.д.), выпущенные фирмой, учреждением, лицом, проектом или агентством, государственным или частным, в обмен на предоставление положительных внешних эффектов, которые являются реальными, проверенными и дополнительными для обычного бизнеса, в результате чего такие положительные внешние эффекты приводят к созданию прав на передаваемую собственность»¹.

Как недавно отмечалось на сайте электронного издания «Белорусы и рынок», «зелёные финансы — это не дань моде, а необходимая составляющая в борьбе с глобальным изменением климата, за экологизацию и эффективное использование ресурсов... Зелёное финансирование означает обеспечение денежными средствами при условии улучшения окружающей среды, смягчения последствий изменения глобального климата и более эффективного использования ресурсов. Если проект направлен только на более эффективное использование ресурсов, мы говорим о применении финансовых инструментов циркулярной экономики. Если целью является улучшение окружающей среды, тогда речь идет о низкоуглеродных финансах. Если же средства направляются на смягчение последствий изменения глобального климата, то мы говорим о климатическом финансировании. Зелёное финансирование подразумевает соблюдение всех трех критериев. Инструментами зелёного финансирования являются зелёные кредиты, зелёные облигации, зелёные банки и зелёные фонды. Это не принципиально новые в техническом плане финансовые инструменты и институты, их отличает зелёная составляющая в структуре, производящая новое качество»².

Что касается феномена «биофинансы», то есть ряд автономных историй происхождения этого термина. Но он во многом синонимичен явлению и понятию «зелёные финансы». При этом термин «биофинансы», на наш взгляд, более предпочтителен хотя бы в языковедческом плане.

Некоторые актуальные вопросы «зелёного развития» в КНР

Данная научная модель логично дополняет тезисы выступления автора на ежегодной научной конференции Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН (Москва, 1–2 апреля 2019 г.) на тему: «О некоторых особенностях развития системы «зелёной экономики», биоэкономике и «зелёных финансов» в КНР. Обобщая тезисы того доклада, можно отметить, что в нём рассмотрены следующие основные вопросы:

1. Прогресс КНР на пути к «зелёной экономике» тезисно описан в опубликованном в 2015 г. системном исследовании «Путь Китая к зелёной экономике: расшифровка концепций и политики Китая в сфере зелёной экономики» исследователями и экспертами Международного института экологического развития и Китайской академии экологического планирования. Исследование было издано в феврале 2015 г. в качестве специального «страноведческого доклада» (г. Лондон)³. Его авторы детально описывают текущий

1. "What is green finance?". Article on "ClimateMundial". URL:<http://climatemundial.com/whatisgreen-finance/> (дата обращения: 25.02.2020).

2. Пыл И. Финансы бывают зелёными // Белорусы и рынок. URL:<http://www.belmarket.by/finansy-byvayut-zelenymi> (дата обращения: 25.02.2020).

3. Xiaoxue Weng, Zhanfeng Dong, Qiong Wu and Ying Qin. China's path to a green economy: Decoding China's green economy concepts and policies. IIED Country Report. IIED, London. Published by IIED, February 2015. URL:<http://pubs.iied.org/16582IIED>. URL:<http://pubs.iied.org/pdfs/16582IIED.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).

путь Китая от «коричневой экономики» к более «зелёному будущему», выделяя ряд основных этапов этого процесса:

1970-е – 1980-е годы — главный лозунг: «защита окружающей среды»;

1990-е годы — главный лозунг: «устойчивое развитие»;

2000 – 2006 годы — лозунг: «гармония между человеком и природой»;

2003 – 2012 гг. — лозунг: «стратегия научного развития»;

2007 – 2015 гг. — лозунг: «экологическая цивилизация».

К этой периодизации остается добавить, что, во-первых, в материалах XIX съезда КПК в октябре 2017 г. была намечена цель «форсировать реформу экологической цивилизации, построить «прекрасный Китай», что по сути означало декларирование нового этапа «зелёного развития» КНР. Во-вторых, вспышка коронавирусной инфекции COVID-19 нового типа в Китае стимулирует еще большую значимость вопросов «зелёного развития» КНР.

2. В разделе «*Биоэкономика в КНР: краткий обзор эволюции и перспектив развития*» было подчеркнуто, что новейшие достижения и перспективы развития биоэкономики в Китае детально описаны китайским ученым Ли Инем в материале «Биоэкономика в Китае: обзор и перспективы», изданном под эгидой Института микробиологии Китайской академии наук в 2018 г.¹. Автор предложил следующую периодизацию процессов зарождения и эволюции биоиндустрии в Китае:

1. Начало современной биоиндустрии в КНР было положено в 1958 г., когда китайские специалисты произвели полный синтез кристаллического бычьего инсулина.

2. Задачи развития генной инженерии были включены в национальные программы научно-технического развития КНР в период 6-й (1981–1985 гг.), 7-й (1986–1990 гг.) и 8-й (1991–1995 гг.) пятилеток.

3. Быстрый рост биоиндустрии в КНР начался в 2006 г., когда развитие биоиндустрии стало одним из главных приоритетов китайской экономики. Это нашло отражение в Национальной среднесрочной и долгосрочной программе научно-технического развития (2006–2010 гг.) и, частично, в 11 м пятилетнем плане (2006–2010 гг.).

4. Нынешний этап стремительного развития биоэкономики в КНР начался после принятия в октябре 2010 г. решения Госсовета КНР об ускорении стимулирования и развития стратегических восходящих индустрий и затем утверждения Плана развития биоиндустрии Китая.

По данным автора, запланированные темпы роста биоиндустрии в КНР на период 2015–2030 гг. таковы:

1) средние ежегодные темпы роста — 22,9% (от исходного уровня 3,5% от ВВП КНР в 2013 г., т.е. от суммы 56,9 трлн юаней);

2) номинальный объем биоиндустрии в КНР: 2015 г. — 4 трлн юаней (630 млрд долл.); 2020 г. — 8 трлн юаней; 2030 г. 16 трлн юаней.

Как пишет автор, в Китае принята следующая классификация сфер биоиндустрии: 1) биомедицина; 2) биомедицинская инженерия; 3) био-сельское хозяйство; 4) био-производство; 5) биоэнергетика; 6) защита окружающей среды на биологической основе; 7) биотехнологические услуги.

3. В разделе «*Зелёные финансы*» в КНР: краткий обзор эволюции и перспектив развития» констатировано, что «зелёными финансами» в Китае называют средства, направляемые на развитие экологически чистых технологий, и нынешний стратегический курс руководства КНР на развитие системы «зелёных финансов» — важная составная

1. Yin Li. Bioeconomy in China: An Overview and Perspective. Institute of Microbiology, Chinese Academy of Sciences yli@im.ac.cn. URL: https://gbs2018.com/fileadmin/gbs2018/Presentations/Workshops/Bioeconworldreg/Asia/Yin_Li_Bioeconomy_in_China.pdf (дата обращения: 14.03.2019).

часть стратегии формирования «зелёной экономики» в Китае¹. По авторитетной оценке генерального директора Международного института зелёных финансов Центрального университета финансов и экономики (г. Пекин) г-жи Ван Яо, для реализации цели построения «экологической цивилизации» в КНР «требуется система зелёных финансов — полного спектра финансовых услуг, которые поддерживают экологическую трансформацию экономики КНР и эффективное использование ресурсов. Масштаб требуемого капитала огромен: примерно 3–4 триллиона юаней (433–577 млрд долл.) в год на зелёные инвестиции с 2015 по 2020 г., согласно исследованиям Министерства экологии и окружающей среды и Китайского совета по международному сотрудничеству по окружающей среде и развитию». Причем механизм «зелёных финансов» рассматривается в Пекине как одно из важных средств для успешного осуществления комплекса глобальных целей Китая².

4. В разделе «Заключительные замечания» сделаны следующие выводы: «Можно предположить, что в перспективе закономерен системно-синергетический синтез феноменов «биоэкономика», «зелёная экономика», «зелёные финансы», «биофинансы» и т.д. — с выходом на генезис уникальной суперсистемы интегрального оптимального менеджмента как «постконвергентной» парадигмы общественно-экономического, социально-экологического и пр. развития сверх ранее известных рамок теории и практики «конвергенции социализма и капитализма», то есть сверх рамок идей о так называемом третьем пути развития Китая и других передовых геоцентров».

В практическом плане было предложено тогда *de-jure* ввести в научный оборот термин «биофинансы» и *de-facto* создать (возможно, под эгидой ИДВ РАН) инициативную группу Оргкомитета Евразийского Биофинансового Казначейства и ряда других международных биоэкономических организаций, стратегически ориентированных на реализацию лучших идеалов биоэкономики, биофинансов и интегрального менеджмента. Пока эта идея не реализована, и выдвигается повторное предложение реализовать эту инициативу.

С учетом новых глобальных вызовов и задач собственного развития руководство КПК и КНР в последнее время (особенно в свете решений последних трех Всекитайских съездов КПК в 2007, 2012 и 2017 г.) стало уделять все большее внимание вопросам «зелёного развития» как важной части общей стратегии социально-экономического развития КНР^{3,4,5}.

Особенно примечательно, что в тексте доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК был специально выделен подраздел «IX. Форсировать реформы системы экологиче-

1. *Xiaoxue Weng, Zhanfeng Dong, Qiong Wu and Ying Qin*. China's path to a green economy: Decoding China's green economy concepts and policies. IIED Country Report. IIED, London. Published by IIED, February 2015. URL: <http://pubs.iied.org/16582IIED>. URL: <http://pubs.iied.org/pdfs/16582IIED.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).
2. China's green finance strategy: much achieved, further to go. Commentary 24 October, 2018. By Wang Yao, Director General of the International Institute of Green Finance, Central University of Finance and Economics, Beijing. [The electronic resource]. Available at: URL: <http://www.lse.ac.uk/GranthamInstitute/news/chinas-green-finance-strategy-much-achieved-further-to-go/> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Подробнее см., например: Материалы информационно-справочных сайтов: URL: https://bstudy.net/612461/ekonomika/zelenye_finansy_voprosy_klassifikatsii_napravleniya_razvitiya; <http://climatemundial.com/whatisgreenfinance/> (дата обращения: 16.03.2019).
4. *Кранина Е.И.* Экологическая реформа КНР в 13-й пятилетке (2016–2020) // 13- пятилетка (2016–2020-гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 135–145.
5. *Пивоварова Э.П.* XIX съезд КПК о стратегии социально-экономического развития КНР. Выступление д.э.н. Э.П. Пивоваровой 4 апреля 2018 г. на конференции «Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2295-pivovarova-ep-xix-sezd-kpk-o-strategii-soczialno-ekonomicheskogo-razvitiya-knr> (дата обращения: 12.04.2019).

ской цивилизации, построить “прекрасный Китай”», и на первое место в нем помещен параграф под названием «1. Стимулировать зелёное развитие», в котором дословно говорится следующее: «Наряду с форсированным созданием правовой системы и политических установок, ориентированных на зелёное производство и потребление, необходимо создать и совершенствовать экономическую систему зелёного, низкоуглеродного и рециркуляционного развития. Необходимо формировать систему «зелёных» технологических инноваций с ориентацией на рынок, развивать «зелёные» финансы, укрупнять энергосберегающие и природоохранные отрасли, экологически чистые производства и отрасли по выработке экологически чистых энергоресурсов. Путем стимулирования революционных изменений в сфере производства и потребления энергоресурсов следует выстраивать энергетическую систему, обеспечивающую развитие чистых и низкоуглеродных, безопасных и высокоэффективных источников энергии. Важно интенсифицировать всестороннюю экономию и рециркуляционное использование ресурсов, в национальном масштабе проводить мероприятия по экономии воды, сокращать энергетические и материальные затраты, создать рециркуляционную цепочку, связывающую производственную и бытовую системы. Поощряя бережливый, умеренный, зелёный и низкоуглеродный образ жизни, следует выступать против роскошества, транжирства и неразумного потребления. Важно развивать мероприятия по созданию учреждений экономического типа, по созданию «зелёных» семей, «зелёных» учебных заведений и «зелёных» микрорайонов, по поощрению пользования экологически чистыми видами транспорта и т.д.»¹. (В том же подразделе доклада Си Цзиньпина помещены еще три параграфа, в которых изложен комплекс приоритетов КПК в следующих сферах: «2. Сосредоточить усилия по решению острых экологических проблем»; «3. Усилить динамику охраны экологической системы»; «4. Реформировать систему экологического мониторинга и контроля»)^{2;3;4}.

В заключение отметим, что вспышка коронавирусной инфекции COVID-19 в Китае, наносящая колоссальный ущерб социально-экономическому развитию КНР, вероятно, заставит официальные власти Поднебесной и передовых представителей великой китайской нации по-новому задуматься о необходимости скорейшего «стратегического поворота» страны к «зелёному развитию»^{5;6}.

1. Доклад Генерального секретаря Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm. (Цит. по: *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: формирование обновлённого мира: монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников; предисл. В.А. Никонов. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. С. 282).
2. *Островский А.В.* Социально-экономическое развитие КНР за 70 лет (1949–2019 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(1). Специальный выпуск к 70-летию КНР. С. 55–72.
3. *Ушаков И.В.* Экологическая цивилизация: мечта или мираж? // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(1). Специальный выпуск к 70-летию КНР. С. 112–122.
4. *Меркулов К.К.* О некоторых особенностях развития системы «зелёной экономики», биоэкономики и «зелёных финансов» в КНР: краткий обзор с точки зрения интересов России // Материалы ежегодной научной конференции Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН (1–2 апреля 2019 г.). М.: ИДВ РАН, 2020. С. 167–179.
5. Участие директора ИДВ РАН профессора С.Г. Лузянина в круглом столе МИА «Россия сегодня» и в видеомосте Москва — Дели: «Корона-вирус в Китае: геополитическое влияние». (19 февраля 2020 г.). URL: <http://www.ifes-ras.ru/news/event/2621-uchastie-direktora-idv-ran-sg-luzyanina-v-kruglom-stole-mia-qrossiya-segodnya> (дата обращения: 28.02.2020).
6. Участие руководителя ЦЭСИК ИДВ РАН профессора А.В. Островского в круглом столе МИА «Россия сегодня» на тему: «Эпидемия корона-вируса: последствия для Китая и мировой экономики» (3 февраля 2020 г.). URL: <http://www.ifes-ras.ru/news/massmedia/2619-uchastie-rukovoditelya-chesik-av-ostrovskogo-v-kruglom-stole-mia-qrossiya-segodnya> (дата обращения: 28.02.2020).

Проблемы и перспективы оптимизации «зелёного менеджмента» в КНР

Как отмечено в Википедии, окружающая среда Китая заплатила высокую цену за феноменальный экономический рост после начала рыночно ориентированных реформ в КНР в 1978 г.: «Загрязнение воды, загрязнение воздуха и деградация почв представляют огромную угрозу для экосистем и здоровья человека. Тем не менее, эти вопросы ныне серьезно восприняты китайским правительством и в настоящее время включены в политику и планы на самом высоком уровне. Подобно тому, как ранее быстро происходил экономический рост КНР, так быстро меняется сейчас и система экологического управления в Китае — благодаря внедрению новых экологических институтов и практик. Государственные органы относительно ограничивают свою роль в этой сфере путем принятия соответствующих законов и децентрализации экологической политики, а негосударственные субъекты (частные компании и организованные граждане) принимают все больше обязанностей в экологическом управлении. Новые отношения развиваются между государством, рынком и гражданским обществом в экологическом управлении причем с большим упором на эффективность и легитимность этих процессов»¹.

Таковы кратко некоторые макроэкономические аспекты экологического, или «зелёного», менеджмента в КНР. Далее остановимся на ряде специфических черт микроэкономического менеджмента в Китае.

Как отмечалось в материалах XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум — 2019», «управлять по-китайски означает необходимость в постоянном возвращении и воспитании в себе внутренней моральной силы, являющейся главным инструментом такого управления. Китайский народ готов работать почти круглые сутки без выходных и праздников. А современные предприниматели Китая любят говорить о том, что истинной мерой жизненного счастья является работа, одновременно приносящая как доход, так и моральное удовлетворение. Китайцы сравнивают обращение денег и финансов с жизненной циркулирующей энергией в организме, то есть чем свободнее будет осуществляться это обращение, тем больше пользы будет для всего общества. Одним словом, китайцы предпочитают использовать свою жизнь для заработка денег и богатой жизни. Привычный для Америки образ деловито-сухого менеджера, который исповедует «административно-командный» стиль управления, является совершенно неприемлемым в китайской среде. В китайском управлении доминируют семейные предприятия. В китайском деловом мире господство принадлежит мелким и средним компаниям, которые специализируются на производстве какого-то одного вида продукции или оказании узкого спектра услуг. Склонность китайцев к малому и среднему бизнесу становится особенно заметной на периферии китайской цивилизации и в странах ЮВА, где китайская община находится в чуждом этническом и культурном окружении и имеет вполне автономное развитие»².

Согласно тому же источнику, в китайскую модель менеджмента традиционно принято включать следующие характеристики: 1) личное доверие (семейные связи); 2) деловая репутация; 3) авторитарное и жесткое управление одним начальником; 4) бди-

-
1. Экологическая политика в Китае. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Environmental_policy_in_China (дата обращения: 03.03.2020); Экологическое управление в Китае. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Environmental_governance_in_China (дата обращения: 03.03.2020).
 2. Шевцова В.В. Особенности китайского менеджмента // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум — 2019». URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014095> (дата обращения: 03.03.2020).

тельный контроль за подчиненными; 5) виртуозное мастерство работника, которое он вырабатывает с помощью многолетних практик и методических упражнений¹.

В итоге, согласно тому же источнику, «авторитарный стиль руководства китайской компании не способствует проявлению инициативы со стороны рабочих этой компании, а также заметно снижает чувство личной ответственности. Китайскому менеджменту присуща неспособность компании к расширению. Хозяин компании пытается сохранить единоличный контроль над всеми сторонами деловой деятельности компании при нежелании данную деятельность диверсифицировать, наравне с традиционной осторожностью китайских предпринимателей, которые ставят свои жесткие пределы роста для компании. Обычно от компаний отпочковывается новая компания, где во главе стоит член семьи, который ведет бизнес. Если со временем компания разрастается, она все равно управляется как семейное предприятие»².

Рассмотрим далее ряд характеристик зарождающейся «новой китайской модели» микроэкономического менеджмента, согласно тому же источнику:

1. Динамичность. Будущей задачей, стоящей перед менеджерами, является балансирование в динамичной среде, в которой постоянное равновесие и покой являются далекой перспективой.

2. Адаптирование. Китайские предприниматели не могут находиться в полном равновесии в китайской деловой среде, поэтому решения и действия принимаются в тот момент, когда они являются необходимыми.

3. Гибкость. Все китайские менеджеры ценят гибкость, которую могут предоставить погрешности и неточности.

4. Комплексность. Китайские менеджеры впитывают и адаптируют принципы, характерные черты, средства и техники из разных стилей и традиций управления, поэтому их стиль можно назвать комплексным.

5. Взаимность. Китайская компания является частью системы взаимодействующих элементов, имеющих взаимную заинтересованность друг в друге.

6. Слаженность. Из методов управления самого Китая вытекает поиск руководителями широкой согласованности мнений в коллективе.

7. Духовность. В Китае неразрывными являются духовное начало и материальность.

8. Дисциплина. Нелинейность логики и духовность общения не означают, что новый стиль управления будет представлять собой что-то «пушистое и розовое», напротив, он также подразумевает строгую дисциплину.

9. Естественность. Китайский стиль менеджмента становится ближе к стилю, который бы появился, если бы не было «американской модели». Этот стиль менеджмента становится «естественным» и базируется на единстве.

10. Акцент на «долгосрочное развитие предприятия, в то время как создание прибыли проходит под контролем человека, так как именно он занимается всеми делами и весь результат будет зависеть от него. Все решения и действия направлены на развитие потенциала человека, с этим связано взаимодействие работников в группе и рациональный подход к бизнесу»³.

1. Шевцова В.В. Особенности китайского менеджмента // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум — 2019».

URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014095> (дата обращения: 03.03.2020).

2. Шевцова В.В. Особенности китайского менеджмента // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум — 2019».

URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014095> (дата обращения: 03.03.2020).

3. Шевцова В.В. Особенности китайского менеджмента // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум — 2019».

URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014095> (дата обращения: 03.03.2020).

В целом с учетом данных особенностей макро- и микроэкономического менеджмента в КНР, с одной стороны, и острейших экологических проблем, с другой, есть основания полагать, что китайская модель «зелёного управления» нуждается в дальнейшей принципиальной оптимизации.

Краткие замечания о возможных перспективах стратегической трансформации модели социально-экономического развития КНР

Системно-синергетический анализ и синтез ряда новейших, по сути революционных открытий передового человеческого разума, включая различные модели ультра-прогрессивных биоэкономики и биофинансов и оптимального интегрального «зелёного» менеджмента, позволяет в итоге методологически обосновывать закономерность трансформации нынешней модели социально-экономического развития КНР в широкой исторической перспективе сверх рамок представлений о так называемом третьем пути развития Китая¹, то есть теории и практики «конвергенции социализма и капитализма». Конкретные параметры этих явлений и процессов определяют сама жизнь и История, в том числе с учетом новейших современных и вероятных в будущем закономерностей «прорывной» диалектики универсального биоэкономического развития и соответствующих новых технологий оптимального «зелёного прогресса»^{2,3,4}.

Данные теоретико-методологические выводы в той или иной степени касаются *стратегических перспектив* социально-экономической эволюции и России, и других передовых геоцентров.

Вместе с тем *реалии Истории* всегда учат людей быть бдительными. Это вновь показывает пример со вспышкой коронавирусной инфекции COVID-19, способной повлечь за собой далеко идущую и чрезвычайно опасную «цепную реакцию» кризисов в геоэкономике, геополитике и геокультуре.

Список литературы

1. “Bioeconomics”. Article in Investopedia.
URL: <https://www.investopedia.com/terms/b/bioeconomics.asp> (Accessed: March 14, 2019).
2. “What is green finance?”. Article on “ClimateMundial”.
URL: <http://climatemundial.com/whatisgreenfinance/> (date of access: 16.03.2019).
3. Article “Bioeconomics” in Wikipedia — free encyclopedia.
URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Bioeconomics> (date of access: 10.03.2019).

-
1. *Кондрашова Л.И.* Китай: к новой модели общественного развития: монография / Л.И. Кондрашова. М.: ИД «ФОРУМ», 2017. 336 с.
 2. *Малявин В.В.* Китай управляемый: Старый добрый менеджмент. — М.: Европа, 2005. — 303 с. — (Формы правления).
 3. *Маслов А.А.* Китай на пороге введения суверенной кибервалюты. Статья врио директора ИДВ РАН А.А. Маслова в РИА Новости. URL: <http://www.ifes-ras.ru/news/massmedia/2657-statya-vriodirektora-idv-ran-aa-maslova-v-ria-novosti> (дата обращения: 14.07.2020).
 4. *Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К.* Системология истинного добра: избранные основы. М.: Издательство «Спутник +», 2019. 916 с.; *Они же.* Системология истинного добра: избранные основы. Дополнительное научно-практическое приложение. М.: Издательство «Спутник +», 2020. 240 с.; *Они же.* Системология истинного добра: избранные основы. Дополнительное научно-дипломатическое приложение. М.: Издательство «Спутник +», 2020. 312 с.; *Они же.* Истинно доброе будущее биоэкономики, биофинансов и менеджмента: избранные основы оптимальной политической экономии. (Готовится к печати).

4. China's green finance strategy: much achieved, further to go. Commentary 24 October, 2018. By Wang Yao, Director General of the International Institute of Green Finance, Central University of Finance and Economics, Beijing. [The electronic resource]. Available at: URL:<http://www.lse.ac.uk/GranthamInstitute/news/chinas-green-finance-strategy-much-achieved-further-to-go/> (дата обращения: 16.03.2019).
5. What is green economics? / investopedia. URL: <https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=en&u=https://www.investopedia.com/terms/g/greeneconomics.asp&prev=search> (date of access: 25.02.2020).
6. *Xiaoxue Weng, Zhanfeng Dong, Qiong Wu and Ying Qin*. China's path to a green economy: Decoding China's green economy concepts and policies. IIED Country Report. IIED, London. Published by IIED, February 2015. URL:<http://pubs.iied.org/16582IIED>. URL:<http://pubs.iied.org/pdfs/16582IIED.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).
7. *Yin Li*. Bioeconomy in China: An Overview and Perspective. Institute of Microbiology, Chinese Academy of Sciences yli@im.ac.cn. URL: https://gbs2018.com/fileadmin/gbs2018/Presentations/Workshops/Bioeconworldreg/Asia/Yin_Li_Bioeconomy_in_China.pdf (дата обращения: 14.03.2019).
8. *Zelenye finansy voprosy klassifikatsii napravleniya razvitiya*". Article on "Bstudy". URL:https://bstudy.net/612461/ekonomika/zelenye_ffinansy_voprosy_klassifikatsii_napravleniya_razvitiya (дата обращения: 15.03.2019).
9. *Биоэкономика в России: перспективы развития* / ред.: Бобылев С.Н., Кирюшин П.А. М.: Издательство Проспект, 2017.
10. Доклад Генерального секретаря Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL:http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm. (Цит. по: *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: формирование обновлённого мира: монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников; предисл. В.А. Никонов. М.: Издательство «Весь Мир», 2018).
11. Информационно-справочный материал о биоэкономике на сайте «Info». URL:<http://scientifically.info/news/2014-02-20-2563> (дата обращения: 10.03.2019).
12. *Ковалёв Ю.Ю., Степанов А.В.* Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация Китая // *Известия Уральского федерального ун-та. Серия 3: Общественные науки*. 2018. Т. 13. № 2 (176). [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=bKS1z... (дата обращения: 15.03.2019).
13. *Кондрашова Л.И.* Китай: к новой модели общественного развития: монография / Л.И. Кондрашова. М.: ИД «ФОРУМ», 2017.
14. *Кранина Е.И.* Экологическая реформа КНР в 13-й пятилетке (2016–2020) // 13- пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяо-кан» / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2018.
15. *Льжин Д.Н.* Перспективы развития биоэкономики в условиях глобализации // *Проблемы национальной стратегии*. № 2 (23), 2014. URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2014/2/09_.pdf (дата обращения: 10.03.2019).
16. *Малявин В.В.* Китай управляемый: Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2005. — (Формы правления).
17. *Маслов А.А.* Китай на пороге введения суверенной кибервалюты. Статья врио директора ИДВ РАН А.А. Маслова в РИА Новости. URL: <http://www.ifes-ras.ru/news/massmedia/2657-statya-vriodirektora-idv-ran-aa-maslova-v-ria-novosti> (дата обращения: 14.07.2020).
18. Материалы информационно-справочных сайтов: URL: https://bstudy.net/612461/ekonomika/zelenye_ffinansy_voprosy_klassifikatsii_napravleniya_razvitiya; <http://climatemundial.com/whatisgreenfinance/> (дата обращения: 16.03.2019).
19. *Меркулов К.К.* О некоторых особенностях развития системы «зелёной экономики», биоэкономики и «зелёных финансов» в КНР: краткий обзор с точки зрения интересов России // Материалы ежегодной научной конференции Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН (1–2 апреля 2019 г.). М.: ИДВ РАН, 2020.
20. *Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К.* Системология истинного добра: избранные основы. М.: Издательство «Спутник +», 2019.
21. *Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К.* Системология истинного добра: избранные основы. Дополнительное научно-практическое приложение. М.: Издательство «Спутник +», 2020.

22. Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К. Системология истинного добра: избранные основы. Дополнительное научно-дипломатическое приложение. М.: Издательство «Спутник +», 2020.
23. Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К. Истинно доброе будущее биоэкономики, биофинансов и менеджмента: избранные основы оптимальной политической экономии. (Готовится к печати).
24. Островский А.В. Социально-экономическое развитие КНР за 70 лет (1949–2019 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(1). Специальный выпуск к 70-летию КНР.
25. Пивоварова Э.П. XIX съезд КПК о стратегии социально-экономического развития КНР. Выступления д.э.н. Э.П. Пивоваровой 4 апреля 2018 г. на конференции «Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2295-pivovarova-er-xix-sezd-kpk-o-strategii-soczialno-ekonomicheskogo-razvitiya-knr> (дата обращения: 12.04.2019).
26. Пыл И. Финансы бывают зелёными // Белорусы и рынок. URL: <http://www.belmarket.by/finansy-byvayut-zelenymi> (дата обращения: 25.02.2020).
27. Рубцов Б.Б. «Зелёные финансы» в мире и России: монография / Б.Б. Рубцов и др.; под ред. Б.Б. Рубцова. М.: РУСАЙНС, 2020; и др.
28. Участие директора ИДВ РАН профессора С.Г. Лузянина в круглом столе МИА «Россия сегодня» и в видеомосте Москва — Дели: «Корона-вирус в Китае: геополитическое влияние». (19 февраля 2020 г.). URL: <http://www.ifes-ras.ru/news/event/2621-uchastie-direktora-idv-ran-sg-luzyanina-v-kruglom-stole-mia-qrossiya-segodnyaq> (дата обращения: 28.02.2020).
29. Участие руководителя ЦЭСИК ИДВ РАН профессора А.В. Островского в круглом столе МИА «Россия сегодня» на тему: «Эпидемия корона-вируса: последствия для Китая и мировой экономики» (3 февраля 2020 г.). URL: <http://www.ifes-ras.ru/news/massmedia/2619-uchastie-rukovoditelya-czesik-av-ostrovskogo-v-kruglom-stole-mia-qrossiya-segodnyaq> (дата обращения: 28.02.2020).
30. Ушаков И.В. Экологическая цивилизация: мечта или мираж? // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(1). Специальный выпуск к 70-летию КНР.
31. Шевцова В.В. Особенности китайского менеджмента // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум — 2019». URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014095> (дата обращения: 03.03.2020).
32. Экологическая политика в Китае. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Environmental_policy_in_China (дата обращения: 03.03.2020).
33. Экологическое управление в Китае. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Environmental_governance_in_China (дата обращения: 03.03.2020).

K. Merkulov. China's Way to the Optimum Bioeconomics, Biofinance and Management: Some Conceptual Lessons for Russia

The article discusses China's experience in optimizing bioeconomics, biofinance and management in the plan of summing up the main conceptual lessons of these phenomena and processes for Russia, the new Union state and other advanced geocenters. The new theoretical and methodological assessments and system-synergetic predictions, formulated as a result of this study, permit the author to make the general conclusion that it is exactly the optimal bioeconomics, biofinance and management than present a strategic reference-point of the new truly good paradigm of integral social-economic, social-ecological, etc. development of Russia, the new Union state, CIS, China and the entire advanced part of humanity in the foreseeable future.

Key words: the optimal bioeconomics, biofinance and integral management, the development strategies, Russia, the new Union state, CIS, China and other advanced geocenters.

Государство и общество

Государственное управление КНР по делам религий после административной реформы

© 2020

Л.А. Афонина

В рамках реформы системы власти на 3-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва было принято решение об упразднении Государственного управления КНР по делам религий как органа прямого подчинения Госсовету. ГУДР вошло в состав Отдела единого фронта ЦК КПК, превратившись из органа исполнительной власти в подразделение партийного аппарата.

В структуре Отдела единого фронта были сформированы специальные департаменты, которым были переданы рабочие функции ГУДР. Преобразование было направлено на усиление роли КПК в деле управления религиозной сферой.

Ключевые слова: религия, Единый фронт, китаизация религий, Отдел единого фронта, ГУДР, административная реформа, КПК, Госсовет.

DOI: 10.31857/S013128120010353-9

В Китайской Народной Республике в 2018 г. в соответствии с решениями XIX съезда КПК было запущено реформирование системы власти, включившее в себя реформу структуры правящей партии и реформу Госсовета. Содержание преобразований было определено на 3-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва (26–28 февраля 2018 г.).

На пленуме было отмечено, что первоочередная задача углубления реформы органов власти заключалась в усилении власти партии, обеспечении ее всеобъемлющего охвата, совершенствовании системы руководства КПК.

Подчеркивалась необходимость выработки более совершенных механизмов партийного руководства, усиления руководящей роли партийных подразделений внутри организаций на всех уровнях, раскрытия роли функциональных органов партии, а также реформирования партийной системы проверки дисциплины и государственной системы контроля.

Пленум принял два документа: «Решение ЦК КПК об углублении реформы партийных и государственных органов» и «Проект углубления реформы партийных и государственных органов». Часть содержания второго документа пленум передал на рассмот-

рение 1-й сессии ВСНП 13-го созыва (15–20 марта 2018 г.), он был обнародован после ее завершения 21 марта¹.

В то же время Госсоветом был разработан «Проект структурной реформы Госсовета» и обнародован 13 марта 2018 г. Его содержание было рассмотрено и одобрено на 5-м пленарном заседании 1-й сессии ВСНП 13-го созыва.

По итогам была реализована структурная реформа Госсовета, восьмая за всю его историю. В рамках административной реформы был упразднен и преобразован ряд министерств и государственных управлений при одновременном создании некоторых новых министерств и ведомств.

В частности, было принято решение об упразднении Государственного управления КНР по делам религий (ГУДР) — органа прямого подчинения Госсовету.

На основании «Проекта углубления реформы партийных и государственных органов» ГУДР включили в состав Отдела единого фронта ЦК КПК. Таким образом, из органа структуры исполнительной власти Управление превратилось в часть партийного аппарата. При этом для внешнего использования новое подразделение Отдела единого фронта сохранило свое прежнее название — Государственное управление КНР по делам религий.

Среди целей данного преобразования в документе заявлены усиление степени централизации руководства партии в религиозной работе, всестороннее претворение курса религиозной политики КПК, настойчивое продвижение китаизации религий, активное приведение религий и социалистического общества к взаимному соответствию.

Отдел единого фронта ЦК КПК — орган административного управления работой с единым фронтом. Единый фронт представляет собой общественно-политическое движение, включающее в себя все некоммунистические общественные и политические силы, среди которых выделяют разрешенные в КНР политические партии, массовые организации, профсоюзы, религиозные объединения, нацменьшинства, представителей профессиональных сфер, женские и молодежные организации, частных предпринимателей, китайских эмигрантов и реэмигрантов и др. Все участники этого движения обязательно признают руководящую роль КПК и поддерживают развитие Китая по пути социализма.

Работа с Единым фронтом подразумевает взаимодействие с целевыми группами внутри страны и за рубежом, направленное на формирование коалиции дружественных сил вокруг КПК в целях служения задачам КПК. Наличие Отдела единого фронта в аппарате ЦК, его укрепление и расширение его полномочий в последние годы свидетельствуют о высокой важности этой работы для китайских властей.

Предшественником современного Единого фронта считаются Первый объединенный фронт и Второй объединенный фронт партий КПК и Гоминьдан. Первым объединенным фронтом называют сотрудничество КПК и Гоминьдана в 1923–1927 гг., когда совместными усилиями двух партий была объединена большая часть страны, включая ранее находившиеся под властью независимых милитаристов районы. Формирование Второго объединенного фронта было связано с созданием антияпонского национального фронта в период противостояния японским оккупантам накануне Японо-китайской войны (1937–1945 гг.). Кроме того, работа Единого фронта рассматривалась как значимый фактор победы КПК в Гражданской войне (1945–1949 гг.).

В настоящее время работа с Единым фронтом является основным средством контроля и сдерживания общественных и политических групп, представляющих потен-

1. *Бородич В. Ф.* Современная административная реформа и структура Госсовета КНР в 2018 году // Китайская Народная Республика: Политика, Экономика, Культура 2017–2018. М.: Форум, 2018.

циальную идеологическую опасность для власти КПК, а также каналом распространения влияния КПК внутри страны и за рубежом.

Структура Отдела единого фронта ЦК КПК не представлена в каких-либо доступных официальных документах. Ранее этот орган партии был скрыт от глаз общественности, но в последние годы в публикациях СМИ стали появляться имена руководителей его структурных подразделений.

В КНР органы государства и партии, имеющие дело с вопросами сферы религий, на протяжении почти всей истории страны были связаны с организационной структурой Единого фронта. В определенной мере включение ГУДР в состав Отдела единого фронта ЦК КПК стало отражением давно сложившегося положения вещей в системе управления религиозными делами.

Органы управления религиозной сферой в КНР в 1950-е годы во многом формировались с учетом опыта СССР. В СССР основные направления религиозной политики формулировались в Отделе пропаганды и агитации (Идеологическом отделе) ЦК КПСС при активном участии спецслужб. Практическое осуществление религиозная политика получала через действовавший при Совете министров СССР Совет по делам религий, представленный через своих уполномоченных во всех территориальных исполнительных органах власти. В круг дел Совета по делам религий входили разработка законопроектов, рассмотрение обращений, учет духовенства, консультации органов власти, ведомств и учреждений по вопросам религиозной политики государства.

В КНР органом практической реализации религиозной политики стало Государственное управление по делам религий, созданное по подобию Совета по делам религий в СССР.

На протяжении своей истории до реформы власти 2018 г. ГУДР являлось органом прямого подчинения Госсовету и типичным для республик советского типа контролирующим органом в религиозной сфере. В системе власти Управление представляло собой комплекс партийно-государственного аппарата, ответственного за реализацию политики в вопросах религий, являясь при этом наиболее удаленной структурой от центра принятия решений. Контроль и практическое регулирование религиозной сферы реализовывалось через систему управлений и отделов по делам религий, организованных в соответствии с административно-территориальным делением страны вплоть до уезда включительно.

История ГУДР началась в августе 1950 г., когда по распоряжению Чжоу Эньлая при Комитете образования и культуры Государственного административного совета Центрального народного правительства КНР (высшего государственного исполнительного органа КНР до 1954 г.) была образована Группа изучения религиозных вопросов (*Цзунцзяо вэньти янцзю сяоцзу*). Она занималась сбором и анализом информации о религиозной ситуации в стране, предоставляя сведения в органы партии. Ее деятельность относилась к ведению Отдела пропаганды ЦК КПК.

В январе 1951 г. ЦК издал «Указания о создании комитетов религиозных вопросов и отделов по делам религий». В преамбуле документа было сказано: «Необходимо в партии и правительстве создать специальные отделы, отвечающие за религиозную деятельность. Их задачами должны стать комплексное понимание ситуации по каждой религии, укрепление связей со служителями культа, помощь партии и правительству в разработке норм религиозной политики, а также решение конкретных вопросов, связанных с религиозной сферой»¹.

1. Гуаньюй шэли цзунцзяо вэньти вэйюаньхуэй цзи цзунцзяо шиучу дэ чжиши: [Указания о создании комитетов религиозных вопросов и отделов по делам религий]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4b44f8440102vn26.html (дата обращения: 14 июня 2020 года).

На основании этих указаний Группа изучения религиозных вопросов была преобразована в Отдел религий (*цзунцзяо чу*). К июлю того же года были сформированы аналогичные подразделения в народных правительствах провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и ряде городов, где религиозная активность была наиболее заметна. К концу 1952 г. отделы религий функционировали в 39 правительствах¹. Они были подотчетны отделам пропаганды на своем уровне.

Тогда отделы религий строили свою работу в отношении только протестантизма, католицизма и буддизма. Работники новых отделов собирали информацию о положении дел в общинах и осуществляли регулярные контакты со служителями культа.

В то же время в партии на всех уровнях создавались комитеты по религиозным вопросам. Отделы пропаганды выполняли руководящую роль в отношении этих комитетов. Состав комитетов формировался как из партийных работников, так и из сотрудников государственных ведомств. Внутри комитета назначалась группа лиц, ответственная за проведение повседневной текущей работы².

К полномочиям комитетов по религиозным вопросам относились исследования в области религий и религиозной политики, контакты с религиозными деятелями, координация работы правительственных подразделений в реализации религиозной политики. Рабочая повестка комитетов, как и у отделов религий, затрагивала протестантизм, католицизм и буддизм (кроме тибетского). Вопросы ислама и тибетского буддизма оставались в ведении комитетов по делам национальностей.

В этот исторический период для пропаганды идей Единого фронта формировались общественные объединения, позволявшие контролировать группы инакомыслящих. На основании принятых Госсоветом КНР в сентябре 1950 г. «Временных правил регистрации общественных объединений» в 1950-е годы было сформировано 44 общественных объединения общенационального уровня. Среди них были образованные в рамках движения за религиозное обновление организации нового типа — патриотические религиозные объединения. Они были призваны стать проводниками религиозной политики КПК и контролировать группы верующих людей до времени теоретически запланированного отмирания религиозного мировоззрения в развитом социалистическом обществе.

Создаваемые во всех административно-территориальных единицах вплоть до уезда религиозные объединения стали курировать деятельность общин верующих, для которых участие в таких объединениях становилось обязательным.

С образованием Госсовета КНР в ноябре 1954 г. появилось Управление по делам религий при Госсовете (*Гоюань цзунцзяо шиуцзюй*). Состав его работников был сформирован из сотрудников прежнего Отдела религий при Комитете образования и культуры Государственного административного совета.

С этого времени Управление по делам религий стало органом претворения в жизнь политики ЦК КПК и Госсовета в религиозной сфере. В зону ответственности Управления вошли составление проектов нормативных актов и инструкций в отношении работы с верующими, контроль над религиозной деятельностью, содействие укреплению руководящей роли патриотических религиозных объединений в отношении религиозных общин.

Первым руководителем Управления по делам религий при Госсовете стал видный партийный деятель Хэ Чэнсян, ранее бывший секретарем Отдела городской работы ЦК КПК (предшественник Отдела единого фронта ЦК КПК) и затем заместителем заведующего одного из департаментов в Отделе единого фронта ЦК КПК.

1. *Жэнь Цзе*. Чжунго гунчаньдан дэ цзунцзяо чжэнцэ [Религиозная политика КПК]. — Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2007. С. 427.

2. *Фэн Юйцзюнь*. Цзунцзяо шиу гуаньли, ду цзай хэ фан?: [Регулирование религиозных вопросов, в какой стороне путь?] // Чжунго жэньминь цзунцзяо ван. 06.11.2012.

В 1955 г. ЦК КПК и Госсовет приняли решение «О едином ведении работы в отношении католицизма, протестантизма, даосизма и ханьского буддизма отделами по делам религий на всех уровнях». К полномочиям Управления по делам религий при Госсовете теперь относилась работа с христианскими, буддистскими и даосскими общинами. Вопросы ислама оставались зоной ответственности Государственного комитета по делам национальностей до 1957 г., когда они были переданы в Управление по делам религий.

В июле 1955 г. ЦК КПК и Госсовет поставили задачу укрепления системы органов власти, связанных с религиозной работой. Было дано указание в Пекине, Шанхае и Тяньцзине, а также в ряде провинций с обширной повесткой религиозной работы повысить статус отделов по делам религий (*чу*) до уровня управлений (*цзюй*). В то же время в городах и уездах провинциального подчинения с заметной религиозной активностью стали создаваться отделения работы с религиозными вопросами (*цзунцзяо шиу кэ*).

В системе народных правительств ступенчатая структура административного управления религиозной сферой, состоящая из управлений, отделов и отделений, формировалась постепенно до 1957 г.

В октябре 1955 г. ЦК КПК одобрил документ «Доклад партийной ячейки Управления по делам религий при Госсовете о руководящих связях в работе с религиями, организационной структуре и сфере деятельности Управления по делам религий при Госсовете». Данный документ внес коррективы в систему работы с религиозной сферой¹.

С этого времени отделы пропаганды больше не имели отношения к вопросам религий. Вопросы католицизма, протестантизма, даосизма и буддизма в ханьских районах внутри партии на всех уровнях временно оказались в ведении руководства парткомов.

Документ определял религиозную проблематику внутри правительств к зоне ответственности отделов по делам религий. При этом аспекты, связанные с религиями национальных меньшинств, в том числе тибетцев и мусульманских народов, были отнесены к совместному ведению отделов по делам религий и отделов по делам национальностей.

Сформированные органы на всех уровнях посредством системы отчетов и проверок контролировали деятельность религиозных организаций. Административное руководство в отношении общин верующих нередко осуществлялось «в ручном режиме», методы работы избирались в зависимости от конкретной ситуации и часто были лишены системности в силу отсутствия четких централизованных установок.

В январе 1961 г. состоялся 9-й пленум ЦК КПК 8-го созыва, решения которого повлекли волну чисток в партии. В этот период деятельность патриотических религиозных объединений по всей стране оказалась сильно ограничена. Спустя два месяца после пленума Хэ Чэнсян был переведен с поста начальника Управления по делам религий на должность заместителя губернатора провинции Ганьсу, которую он занимал вплоть до начала «культурной революции», когда его объявили «предателем» и замучили насмерть.

В марте 1961 г. новым начальником Управления по делам религий стал Сяо Сяньфа. После образования КНР до прихода в Управление он последовательно был заведующим канцелярией и заведующим отделом кадров в Отделе единого фронта ЦК КПК.

Тогда же в марте 1961 г. в структуре Отдела единого фронта ЦК КПК был образован Департамент религий (*Цзунцзяо чу*), который после «культурной революции» стал именоваться Департаментом национальной и религиозной работы (*Миньцзу цзунцзяо гуңцо цзюй*), или Вторым департаментом (*эр цзюй*). Он состоял из пяти отделов (*чу*), три из которых отвечали за религии, а два за работу с вопросами нацменьшинств.

1. Гуаньуй цзунцзяо гуңцо дэ линдао гуаньси, цзучжи цзюйгу хэ гоуяунь цзунцзяо шиуцзю еу фаньвэй дэ ицзянь баогао: [О руководящих связях в работе с религиями, организационной структуре и сфере деятельности Управление по делам религий при Госсовете].
URL:http://www.saac.gov.cn/zt/2014-10/18/content_70041.htm (дата обращения: 14.06.2020).

В соответствии со сложившейся практикой совмещения государственных и партийных должностей, начальник Управления по делам религий Сяо Сяньфа одновременно стал и руководителем Департамента религий Отдела единого фронта ЦК КПК¹.

Департамент религий был призван формулировать отправные принципы религиозной политики партии и контролировать исполнение политических установок органами исполнительной власти, патриотическими религиозными объединениями и общинами верующих. Сотрудники отдела занимались разработкой политических решений в отношении религиозной сферы и выносили соответствующие инициативы на рассмотрение ЦК, осуществляли регулярные контакты с религиозными деятелями.

Создание нового департамента в Отделе единого фронта способствовало укреплению партийного контроля в религиозной сфере. Департамент религий неофициально стал исполнять руководящую роль в отношении Управления по делам религий при Госсовете. Такая ситуация распространилась и на другие уровни административного управления. В отделах единого фронта на местах постепенно стали формироваться подразделения, ответственные за религиозную проблематику.

Так, в КНР сформировалась система, в которой контроль над религиозной деятельностью производился одновременно на трех уровнях — на уровне партийного управления, на уровне государственной власти и на уровне патриотических религиозных объединений. Контроль со стороны государства осуществлялся посредством системы управлений по делам религий, они на основании руководящих установок органов партии курировали деятельность патриотических религиозных объединений соответствующего уровня, которые контролировали подведомственные им общины религиозных последователей.

В августе 1966 г. на 11-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва было принято «Постановление о великой пролетарской культурной революции». В это время занимавший с декабря 1964 г. должности заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК и заместителя председателя ВК НПКСК 4-го созыва Сюй Бин подвергся нападкам со стороны идеологов «культурной революции», которые обвинили отделы единого фронта, управления по делам религий и комитеты по делам национальностей в «капитулянтстве» и «ревизионизме». При этом сам Отдел единого фронта ЦК КПК был отнесен к «штабу капиталистического класса» и как следствие упразднен. Многие руководители отделов единого фронта разных уровней подверглись преследованиям и арестам, в том числе Сюй Бин, объявленный цзаофанями «ревизионистом, предателем и правым элементом» и умерший в тюрьме в 1972 г.

Управление по делам религий при Госсовете в период «культурной революции» формально продолжало действовать. Объем его работы значительно сократился, сфера полномочий была сужена, а деятельность сведена к пропаганде взглядов о противоречиях религиозного мировоззрения и идеологии социализма. Управления и отделы по делам религий в регионах оказались в парализованном состоянии, многие работники этих ведомств были направлены на низовую работу.

Благодаря изменению внешнеполитического курса в 1970-е годы произошло некоторое оживление в работе Единого фронта. С мая 1972 г. приступила к работе Временная руководящая группа Управления по делам религий при Госсовете под руководством Сяо Сяньфа. А с июня 1973 г. Отдел единого фронта возобновил выполнение некоторых своих прежних функций.

Однако разрушение институтов государственной власти периода «культурной революции» все же сказалось и на Управлении по делам религий. 30 мая 1975 г. по реше-

1. *Chan Kim-Kwong, Carlson E. R. Religious freedom in China: Policy, Administration and Regulation.* — Santa Barbara: Institute for the Study of American Religion, 2005. — 89 p.

нию Госсовета оно было упразднено. Контроль над религиозной сферой остался в ведении только Отдела единого фронта ЦК КПК.

Ко времени запуска политики реформ и открытости стало очевидно, что в идеологической сфере методы принуждения не достигали своих целей, а для осуществления реформ необходимо было обеспечить социальную стабильность и мобилизовать все имеющиеся ресурсы. С целью вовлечения верующих в программу модернизации государство должно было учесть их интересы и в определенной мере удовлетворить их потребности.

В преддверии пленума ЦК 1–11 декабря 1978 г. впервые за шестнадцать лет состоялось Всекитайское совещание по религиозной работе. В нем приняли участие 62 человека, представлявшие органы государственной власти и отделы единого фронта парткомов разных уровней. Совещание проводил Сяо Сяньфа. В ходе совещания было принято решение возобновить работу управлений по делам религий и патриотических религиозных объединений, восстановить в правах религиозных служителей, решить вопросы их жизненного обустройства и упорядочить ситуацию с недвижимостью храмов и монастырей.

На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (18–22 декабря 1978 г.) прозвучал призыв вернуться к политике регулирования религиозной сферы под лозунгом «свободы вероисповедания». Дэн Сяопин предложил задействовать теорию единого фронта для вовлечения религиозного фактора в дело реформ и модернизации страны.

3 февраля 1979 г. Отдел единого фронта ЦК КПК подготовил и направил в ЦК «Доклад с предложением по всей стране снять ярлыки «капитулянтов с отделов единого фронта, отделов по работе с национальностями и религиями». 16 марта в Пекине состоялось собрание работников системы Единого фронта, на котором заведующий Отделом единого фронта ЦК КПК У Ланьфу зачитал текст одобренного ЦК доклада. Отныне все отделы единого фронта, отделы по делам национальностей и отделы по делам религий больше не относились к «капитулянтам и ревизионистам», а с имевших связь с работой этих органов людей снимались несправедливые обвинения. Бывший заведующий Отделом единого фронта ЦК КПК Сюй Бин был реабилитирован посмертно.

Решением Госсовета от 29 апреля 1979 г. была возобновлена деятельность Управления по делам религий при Госсовете. Сотрудники ведомства приступили к своим обязанностям 9 июня 1979 г.¹ С этого дня должности начальника Управления и секретаря парткома управления вплоть до своей смерти 18 августа 1981 г. занимал Сяо Сяньфа.

На это период пришелся запуск работы отделов по делам религий в регионах. В правительствах уровня провинций статус многих отделов по делам религий (*цзунцзяо чу*) был повышен до уровня управлений (*цзунцзяо цзюй*). Их деятельность находилась под прямым контролем со стороны отделов единого фронта, нередко управления по делам религий располагались в одном здании с отделами единого фронта парткомов провинций.

25 января 1980 г. ЦК КПК одобрил доклад Отдела единого фронта ЦК КПК «О созыве всех религиозных объединений для проведения всекитайских совещаний». На основании этого решения были возрождены национальные патриотические объединения для так называемых пяти больших религий Китая — даосизма, буддизма, католицизма, протестантизма и ислама. Постепенно активизировалась деятельность региональных религиозных объединений, отдельные общины получили возможность возобновления молитвенной практики, частично возвращалась их собственность.

С августа 1981 г. до конца 1983 г. должность начальника Управления и секретаря парткома Управления занимал Цяо Ляньшэн (умер 15 января 1984 г.), ранее работавший в партийных и военных учебных заведениях, последовательно являвшийся заведующим кан-

1. Сайт Государственного управления КНР по делам религий. URL: <http://www.sara.gov.cn> (дата обращения: 14.06.2020).

целярией и заместителем секретаря парткома в Отделе единого фронта ЦК КПК. Непродолжительный период его руководства ГУДРОм был ознаменован важными событиями.

Наиболее значимым среди них стало появление директив ЦК от 31 марта 1982 г., известных как «Документ № 19» с названием «Основные взгляды и политика по религиозному вопросу в период социализма в Китае». Этот программный документ содержал идеологическую основу курса религиозной политики и указания по его реализации. В нем акцентировалась необходимость «укрепления органов правительства, осуществляющих руководство религиозной деятельностью», что послужило восстановлению и развитию системы органов религиозной работы внутри правительств¹.

С конца 1983 г. по сентябрь 1992 г. Управление по делам религий при Госсовете возглавлял Жэнь Учжи, до этого бывший руководителем одного из департаментов в Отделе единого фронта ЦК КПК.

В 1980-е годы в связи с определенной степенью либерализации религиозной сферы увеличился объем работы управлений по делам религий на всех уровнях административного деления, ширился спектр возникавших вопросов. Управления принимали участие в разработке проектов нормативных актов, регламентировавших религиозную сферу. От них требовалось предоставление большого количества отчетов.

В апреле 1985 г. активный участник работы пропаганды и единого фронта, член Политбюро ЦК КПК, начальник секретариата Госсовета Си Чжунсюнь на совещании Отдела единого фронта ЦК КПК призвал к надлежащему исполнению религиозной политики партии, после чего Канцелярия ЦК КПК направила инспекторские группы по стране для изучения ситуации на местах. В 1986 г. на совещании с руководителями управлений по делам религий Си Чжунсюнь обратил особое внимание на неудовлетворительные показатели работы управлений на всех уровнях².

В результате 23 июля 1988 г. в рамках очередной реформы Госсовета Государственной комиссией по формированию центральных органов власти был утвержден новый план штатного расписания, структурного устройства и полномочий Управления по делам религий при Госсовете.

Во второй половине 1988 г. проводилась реструктуризация и реформирование управлений по делам религий на всех уровнях власти. Численность сотрудников управлений только на провинциальном уровне увеличилась с 16 тыс. человек в 1985 г. до 26 тыс. в 1989 г. В частности, в управлении по делам религий провинции Хунань после реструктуризации за этот же период число служащих выросло с 9 до 17 человек.

К концу 1988 г. Управление по делам религий при Госсовете из непримечательной организации превратилось в структуру с расширенным штатом сотрудников и увеличенным финансированием. В его составе появился Центр изучения религий для проведения исследований религиозной ситуации внутри страны и за рубежом.

Рост числа работников управлений в большинстве случаев не сопровождался повышением качества их профессиональных знаний. Образование многих из них не предусматривало знаний о религиях. Чиновники для работы с религиозной сферой подбирались бессистемно, чаще через личные отношения. Отдельные руководители управлений открыто заявляли, что им требовались управленцы, правоведаы и экономисты, а не специалисты по религиям. Верующие люди на позиции чиновников принципиально не до-

1. Синь шици цзунцзяо гунцзо вэньсянь сюаньбянь: [Избранные документы по религиозной работе в новом периоде] / под ред. УДР при Госсовете. Пекин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 1995. 298 с.

2. Синь шици цзунцзяо гунцзо вэньсянь сюаньбянь: [Избранные документы по религиозной работе в новом периоде] / под ред. УДР при Госсовете. Пекин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 1995. С. 146–153.

пускались. С точки зрения власти, это помогало избегать лоббирования интересов отдельных религиозных групп в правительственных органах.

К концу 1980-х годов целый ряд внутренних и внешнеполитических факторов стал причиной выработки новых подходов к управлению религиозной сферой. Власти пришли к выводу о необходимости ограничения активного распространения религиозного влияния среди населения, курс религиозной политики переключился в сторону усиления контроля.

С сентября 1992 г. по май 1995 г. руководителем Управления по делам религий при Госсовете был Чжан Шэнцзо. До замещения этой должности он имел богатый опыт партийной работы в Синьцзяне, а затем возглавлял Департамент по национальной и религиозной работе (2-й департамент), был заместителем заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК.

Первая половина 1990-х годов была ознаменована повышенным вниманием к незарегистрированным общинам верующих, усилением контроля над связями китайских общин с иностранными религиозными центрами, борьбой с религиозностью среди членов КПК, идеологическим воспитанием служителей культа. Особым направлением работы стала борьба с деструктивными культами, которые нередко имели антиправительственную направленность. К середине 1990-х годов на фоне благоприятного социально-экономического развития, снижения остроты социальных противоречий и внешних угроз давление на общины верующих несколько ослабло.

В 1994 г. была проведена очередная реформа Госсовета. Структура Управления по делам религий при Госсовете и его штатное расписание претерпели изменения. С этого времени в ГУДР появились сервисный центр, редакция журнала «Религии Китая», издательство «Религия и культура».

Вероятно, в результате реформы управления и отделы по делам религий обрели несколько большую самостоятельность в своей деятельности. Например, в провинции Хунань с января 1996 г. на основании документа № 1 Комиссии по формированию органов власти провинции Управление по делам религий, которое ранее располагалось в одном здании с Отделом единого фронта парткома, получило собственные помещения и стало отчитываться перед Канцелярией правительства провинции. Его статус был повышен до управленческого уровня второй степени.

К концу 1995 г. в КНР существовало 30 отделов по делам религий в правительствах провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, а также 1551 отдел уездного уровня. Общий штат сотрудников составлял 3053 человека.

Интересно, что органы управления религиозной сферой находились в подчинении у различных правительственных и партийных учреждений. Например, в 1996 г. в Хунани действовало 14 органов религиозной работы в городах окружного значения с общим числом сотрудников 52 человека. Из них 4 числились отделами и 10 – отделениями. При этом 10 из 14 находились в подчинении правительства, 3 подчинялись отделу единого фронта, а 1 отчитывался перед комитетом по делам национальностей¹.

С мая 1995 г. к руководству Управлением по делам религий при Госсовете приступил Е Сяовэнь. Он начал свою политическую карьеру с должности секретаря парткома Комсомола провинции Гуйчжоу, в июне 1990 г. стал заместителем заведующего Отделом единого фронта ЦК КСМК и заместителем начальника секретариата Всекитайской федерации молодежи, а с июля 1991 г. до своего назначения в Управление он возглавлял 2-й департамент Отдела единого фронта ЦК КПК. Е Сяовэнь был делегатом XV съезда КПК (1997), XVI съезда КПК (1982) и XVII съезда КПК (1987), кандидатом в члены ЦК КПК 16-го (2002–2007) и 17-го (2007–2012) созывов.

1. Хунань цзунцзяочжи: [О религии в Хунани]. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ. 2012. 428 с.

В 1998 г. была запущена реформа органов Госсовета. В соответствии с «Циркуляром Госсовета о структурной организации» (документ № 5), принятым на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва, с 24 марта 1998 г. Управление по делам религий при Госсовете было переименовано в Государственное управление КНР по делам религий (*Гоцзя цзунцзяо шиу цзюй*), которое по-прежнему оставалось органом прямого подчинения Госсовету.

На основании документа Канцелярии Госсовета № 24 от 16 июня 1998 г. «Циркуляр о сфере компетенции, структуре подразделений и штатном расписании Государственного управления КНР по делам религий» штат ГУДР включал 60 человек, среди которых 16 занимали руководящие должности — начальник управления, три его заместителя, заведующие департаментами и их заместители, а также секретарь парткома.

На этом этапе структура ГУДР была представлена четырьмя функциональными департаментами:

1. *Канцелярия (отдел кадров)*, отвечавшая за повседневные задачи и текущую работу, делопроизводство, корреспонденцию, финансы, контроль в отношении организаций прямого подчинения, работу с кадрами.

2. *Департамент политики и законов (внешних связей)*, в задачи которого входили исследования в области теории религиозной работы, подготовка проектов нормативных документов, курирование местных правительств в законотворческой деятельности в отношении религий, редактирование и цензура книг, статей, видео- и аудиопродукции на тему религий и религиозной политики, участие в создании учебных заведений религиозными объединениями.

3. *1-й рабочий департамент* отвечал за работу в отношении буддизма, даосизма и ислама.

4. *2-й рабочий департамент* отвечал за работу в отношении католицизма и протестантизма.

В начале 2000-х годов для надлежащего исполнения работы в отношении ислама был образован *3-й рабочий департамент*, которому были переданы соответствующие полномочия 1-го департамента. При этом вопросы ислама в СУАР продолжали относиться к полномочиям Отдела единого фронта ЦК КПК.

Распространение других религиозных течений — православия, иудаизма, народных верований, а также всевозможных как китайских, так и зарубежных сект повлекли необходимость создания ответственного за эти направления подразделения. В 2004 г. был образован *4-й рабочий департамент* ГУДР, призванный решать вопросы с религиями, отличными от «пяти больших религий Китая», новыми религиозными течениями, а также организациями сектантского толка.

Важной частью работы нового департамента стали дружественные обмены с иностранными делегациями, среди которых особое место занимали встречи с представителями Русской Православной Церкви, Гонконгской Академии Конфуция, с последователями Игуаньдао на Тайване, иностранными иудеями. Представители ГУДР регулярно обменивались визитами с мормонами и бахаи из Гонконга и Макао, общение с ними строилось в контексте официальных контактов и не было связано с выработкой политики в отношении данных религиозных групп внутри страны.

Рабочие помещения ГУДР до 2003 г. находились в районе озера Чжуннаньхай — месте расположения высших органов управления КНР, затем Управление переехало в бывшую резиденцию великого князя Чунь цинской династии после завершения ее реставрации по адресу Хоухайбэйянь д. 44¹.

1. Чунь цинван фу дасюй ваньгун бу сян шэжуэй гунчжун кайфан: [Резиденция Великого князя Чунь после завершения реставрации не будет открыта для общественности].
URL: <http://news.sina.com.cn/c/2003-12-08/02431281102s.shtml> (дата обращения: 14.06.2020).

На основании документа № 11 2008 г. «Циркуляр Госсовета о структурной организации» Центральной комиссией по формированию центральных органов власти было одобрено новое «Определение о сфере компетенции, структуре и штатном расписании Государственного управления по делам религий»¹. В соответствии с содержанием этого документа работа ГУДР включала восемь основных направлений:

1. Сбор и изучение информации о религиях и религиозной ситуации в Китае и в мире, внесение предложений о корректировке религиозной политики.
2. Подготовка проектов законов и нормативно-правовых актов для регулирования религиозной сферы, контроль реализации религиозной политики.
3. Управление религиозной деятельностью в соответствии с законом, охрана прав граждан на свободу вероисповедания, защита законных прав и интересов религиозных деятелей и общин.
4. Руководство деятельностью религиозных объединений, содействие религиозным объединениям в учреждении учебных заведений, обучение религиозных служителей в духе патриотизма.
5. Координация работы отделов по делам религий народных правительств, предотвращение использования религии в антигосударственных целях.
6. Обучение чиновников, задействованных в работе с религиями.
7. Осуществление внешних контактов и связей.
8. Выполнение особых поручений Госсовета.

Е Сяовэнь занимал должность начальника Управления по делам религий при Госсовете на протяжении четырнадцати лет, до сентября 2009 г. За время его руководства Управление обрело собственные рабочие помещения (2003), учебный центр; впервые было принято «Положение о религиозной деятельности» (2005); совместно с тайваньскими буддистами был проведен первый «Международный буддийский форум» (2006); упоминание работы с религиями было вписано в устав КПК (2007)². В должности начальника Управления он дважды посетил Россию — в июле 2006 г. для участия во Всемирном саммите религиозных лидеров, и в феврале 2009 г. для участия в интронизации Предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарха Кирилла.

В ноябре 2008 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым и Председателем КНР Ху Цзиньтао был принят «План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР на 2009–2012 гг.». Он предусматривал, в том числе, развитие межрелигиозного сотрудничества, а также установление контактов между Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ и ГУДРом, которое выразилось в формировании российско-китайской группы по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере.

После отставки с должности начальника ГУДР Е Сяовэнь продолжил оказывать влияние на работу Единого фронта в целом и в отношении религий в частности. Он был членом ВК НПКСК 9-го (1998–2003), 10-го (2003–2008), 11-го (2008–2013) созывов и членом Комитета этнических и религиозных вопросов ВК НПКСК тех же созывов. Являясь членом ВК НПКСК 12-го (2013–2018) и 13-го (2018–2023) созывов, он исполняет роль заместителя заведующего Комитетом культуры, истории и образования ВК НПКСК. Помимо этого, он является одним из заместителей председателя Общества теоретических исследований НПКСК. В сентябре 2009 г. — феврале 2016 г. он был секретарем

1. Циркуляр Госсовета об утверждении структуры № 11 от 21.03.2008 г. URL: http://www.gov.cn/zw/gk/2008-04/24/content_953471.htm (дата обращения: 14.06.2020).

2. Е Сяовэнь: цзай и цы чэньвэй хайцзы: [Е Сяовэнь: еще раз статья ребенком] // Жэньминь Чжэньсе бао. 29.10.2019. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2019/10/29/ART11572308294595202.shtml> (дата обращения: 14.06.2020).

партийной ячейки и первым проректором Академии социализма ЦК, представляющей собой институт Единого фронта под руководством КПК, партийную школу для демократических и беспартийных деятелей.

Осенью 2009 г. на должность начальника ГУДР был назначен Ван Цзоань. Он окончил философский факультет Нанкинского университета, в 1983–1985 гг. работал в структуре Отдела единого фронта ЦК КПК, затем был переведен в ГУДР, где до 2009 г. последовательно занимал должности заместителя заведующего и заведующего департаментом политики и законов, заведующего канцелярией, главного редактора и начальника редакции издательства «Религия и культура», заместителя начальника ГУДР. Ван Цзоань был членом ВК НПКСК 12-го и 13-го созывов, в октябре 2014 г. стал членом ЦК КПК 18-го созыва.

В рамках сотрудничества в религиозной сфере 12–16 июля 2014 г. возглавляемая Ван Цзоанем делегация ГУДР по приглашению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла посетила Россию.

Развернувшаяся после прихода к власти Си Цзиньпина борьба с коррупцией затронула, в том числе, чиновников, имеющих отношение к работе с религиями. 22 декабря 2014 г. Центральной комиссией КПК по проверке дисциплины было объявлено о начале расследования в отношении члена ЦК 17-го и 18-го созывов, заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК (с сентября 2012 г.) и заместителя председателя ВК НПКСК 12-го созыва Лин Цзихуа. 31 декабря 2014 г. он был снят с занимаемых должностей, а в июле 2015 г. было объявлено о нарушении им партийной дисциплины и исключении его из партии. Лин Цзихуа был приговорен к пожизненному заключению¹.

В сентябре 2015 г. было объявлено о начале расследования в отношении соратника и друга Лин Цзихуа — заместителя начальника ГУДР Чжан Лэбиня. Он работал в Управлении с февраля 2003 г., а заместителем начальника Управления был с мая 2010 г. Зоной его ответственности были вопросы ислама, религиозные учебные заведения, народные верования, слабо представленные в Китае религии, кадровые дела и другая работа.

В январе 2016 г. он был снят с должности и исключен из партии, его дело было передано судебным органам. Он обвинялся в превышении должностных полномочий, нарушении партийной дисциплины, коррупционном сговоре, получении взяток при организации хаджа для китайских мусульман и торговле «свидетельствами живых будд»².

Отделом единого фронта ЦК КПК со времени отстранения от должности Лин Цзихуа до ноября 2017 г. руководила член Политбюро ЦК Сунь Чуньлань. Ранее члены Политбюро не возглавляли эту структуру. С 19 марта 2018 г. Сунь Чуньлань стала одним из четырех вице-премьеров Госсовета, к зоне ответственности которого относится курирование религиозной сферы.

При Си Цзиньпине мы наблюдаем повышение значимости и расширение полномочий Отдела единого фронта ЦК КПК в религиозной сфере. В мае 2015 г. на Всекитайском совещании по работе Единого фронта под председательством Си Цзиньпина было объявлено о вступлении в силу «Положения о работе единого фронта КПК»³.

В этом документе акцентируется необходимость создания отделов единого фронта во всех партийных комитетах. Согласно Положению, задача отделов единого

1. Лин Цзихуа ишэнь бэй паньчу уци тусин: [Лин Цзихуа был приговорен к пожизненному заключению]. Синьхуа. 04.07.2016. URL: http://www.ccdi.gov.cn/toutiao/201607/t20160704_124891.html (дата обращения: 14.06.2020).

2. Чжан Лэбинь яньчжун вэйци бэй кайчу данци хэ гунчжи: [Чжан Лэбинь серьезно нарушил дисциплину, исключен из партии и снят с должности]. URL: http://www.ccdi.gov.cn/scdc/zggb/djcf/201607/t20160704_116013.html (дата обращения: 14.06.2020).

3. Чжунго гунчаньдан туньи чжансянь гунцзо тьяоли: [Положение о работе единого фронта КПК]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0923/c64107-27622040.html> (дата обращения: 14.06.2020).

фронта на всех уровнях состоит в координационной работе в отношении народно-политических консультативных советов и отделов по работе с национальностями и религиями. Среди важных направлений деятельности фигурируют усиление взаимодействия с религиозными организациями, а также создание системы двойного контроля над ними со стороны парткомов и правительств на уездном, волостном, деревенском уровнях.

Подчеркнуто, что в районах со сложной ситуацией в религиозной сфере парткомы и правительства должны назначать отдельных ответственных лиц для работы с общинами верующих. При этом сказано, что замещение должности начальника отдела по делам национальностей и религий в народных правительствах может совмещаться с должностью заместителя отдела единого фронта того же уровня.

При Си Цзиньпине политика в сфере религий проводится под лозунгом «китаизации религий». Эта концепция стала продолжением идей о «трех самостоятельности», провозглашенных в 1950-е годы, а также развитием теории «взаимного соответствия религий и социалистического общества» 1990-х годов, когда от религиозных общин потребовали изменения несоответствующих текущему политическому контексту вероучительных компонентов. Проведение кампании по «китаизации религий» сопровождалось кардинальными изменениями в системе административного управления религиозной сферой.

На Всекитайском совещании по религиозной работе 22–23 апреля 2016 г. Си Цзиньпин в своей речи отметил, что Отдел единого фронта ЦК КПК должен играть ведущую роль в деле управления религиями в стране, а отделы по делам религий народных правительств ответственно заниматься практической реализацией курса религиозной политики. Таким образом была подчеркнута руководящая роль партии в работе с религиозной сферой¹. Новым смыслом это утверждение наполнилось после начала реализации реформы власти в стране.

В 2016 г. инспекторская группа Центральной комиссии по проверке дисциплины провела проверку ГУДР, в результате которой было выявлено 37 видов нарушений. Среди них фигурировали политические ошибки при приеме на работу, ненормированное использование бюджетных средств, а также слабая руководящая роль в отношении религиозных объединений². На этом основании можно сделать вывод о недостаточной эффективности ГУДРа с точки зрения высшего руководства страны.

До марта 2018 г. ГУДР являлось органом прямого подчинения Госсовету — высшему исполнительному органу государственной власти КНР. Оно не играло руководящей роли в отношении региональных отделов по делам религий, их взаимоотношения носили рекомендательно-консультативный характер. Управления или отделы по делам религий на местном уровне строили свою работу исходя из распоряжений отделов единого фронта соответствующего уровня, формально подчиняясь руководству народного правительства.

Китайское правительство тесно связывает между собой религиозные и национальные вопросы. Поэтому нередко в структуре народных правительств эти вопросы относились к полномочиям единых подразделений, именуемых отделами по делам религий и национальностей. Тем не менее, внутри таких подразделений, как правило, существовало разделение функций между чиновниками.

1. Си Цзиньпин цзай цюаньго цзунцзяо гуицзо хуэйи шан фабяо чжуньяо цзянхуа: [Важная речь Си Цзиньпина на Всекитайском совещании по религиозной работе].

URL: http://www.sara.gov.cn/ztzz/xxgchyjs/kybd_xxgc/347314.htm (дата обращения: 14.06.2020).

2. Чжуньян ди ши сюньшицзю сян гоцзя цзунцзяо шиу цзю данцзу фанькуй чжуансян сюньши цинкун: [Десятая инспекторская группа сообщает партиячке ГУДР о ситуации с инспектированием]. URL: <http://www.sara.gov.cn/xwzx/szyw/351000.htm> (дата обращения: 14.06.2020).

Сотрудники управлений и отделов по делам религий обладали профессиональным опытом и образованием различных направлений, чаще всего не имевшим отношение к религиоведению или культуре. Будучи членами КПК, чиновники управлений и отделов по делам религий формально являются атеистами.

Структура ГУДР до реформы была представлена следующими департаментами:
Канцелярия (департамент по общим вопросам): заведующий Чэнь — Хунсин.

Департамент политики и законов: заведующий — Хань Сун.

1-й рабочий департамент: работа в отношении буддизма (за исключением Тибета) и даосизма; заведующий — Ван Цзянь, заместитель — Ли Ханьин.

2-й рабочий департамент: работа в отношении католицизма и протестантизма; заведующий — Дай Чэньцзин, заместитель — Тан Айхуа.

3-й рабочий департамент: работа в отношении ислама (за исключением СУАР); заведующий — Ма Цзинь, заместитель — Ли Гэ.

4-й рабочий департамент: работа в отношении других религий (в т.ч. православия), а также работа по предупреждению и устранению деятельности сект; заведующий — Хуан Чжихуэй, заместитель — Куан Шэн.

Департамент внешних связей: заведующая — Сяо Хун, заместитель — Сюэ Шуци.

Отдел кадров: заведующий — Юй Бинь, заместитель — Лу Цзин.

В прямом подчинении у ГУДР находились следующие организации:

Китайский центр исследования религий: консультативный орган, отвечавший за изучение религиозной ситуации в Китае и за пределами страны, исследование теорий управления религиями, издание журнала «Религии и мир» (*Цзунцзяо юй шицзе*);

Сервисный центр ГУДР: отвечал за материально-техническое снабжение, операции с недвижимостью на балансе Управления и организаций прямого подчинения; протокол и безопасность;

Образовательный центр ГУДР: разработка обучающих программ для чиновников религиозной сферы на всех уровнях и служителей культа;

Издательство «Религия и культура» (Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ): публикация литературы, аудио- и видеоматериалов по религиозной проблематике;

Ассоциация культурного и религиозного обмена КНР (Чжунхуа цзунцзяо вэньхуа цзяолю сехуэй): обеспечение взаимодействия представителей религиозных кругов КНР с коллегами из Гонконга, Макао, Тайваня и зарубежных стран.

Заместителями начальника ГУДР по состоянию на март 2018 г. числились — Чэнь Цзунжун, Чжан Яньтун, Юй Бо. После упразднения ГУДР как органа прямого подчинения Госсовету Чэнь Цзунжун стал начальником секретариата Отдела единого фронта ЦК КПК, Чжан Яньтун занял должность заместителя начальника Кабинета советников Госсовета, про Юй Бо информации нет.

59-летний начальник ГУДР Ван Цзоань на XIX съезде КПК (8–24 октября 2017 г.) не был переизбран в состав ЦК, а в результате реформы власти стал одним из десяти заместителей заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК. Это назначение было обнародовано 1 апреля 2018 г. С этого времени в повестке его каждодневной работы, помимо руководства ГУДРом, стал фигурировать большой объем партийной работы.

Для работы с религиями в Отделе единого фронта ЦК КПК были сформированы новые структурные подразделения — 11-й и 12-й департаменты, которым были переданы основные рабочие функции ГУДР. Между двумя департаментами нет тесного взаимодействия и развитых горизонтальных связей, практически они представляют собой два независимых отдела.

11-й департамент (ди ши и цзюй) призван обеспечивать комплексное управление религиозной сферой, разрабатывать нормы религиозной политики, регламентирующие документы, осуществлять взаимодействие со СМИ и т.д.

Департаментом руководит Хань Сун, до реформы возглавлявший департамент политики и законов ГУДР. Его заместителем служит бывший руководитель 1-го департамента ГУДР Ван Цзянь.

11-й департамент состоит из семи отделов (*чу*):

1. Отдел общих вопросов.
2. Нормативно-правовой отдел.
3. Исследовательский отдел.
4. 1-й отдел внешних связей.
5. 2-й отдел внешних связей.
6. Отдел по делам религиозных учебных заведений: заведующий Ван Лэй.
7. Отдел по делам Интернет публикаций.

Наличие двух отделов внешних связей внутри 11-го департамента объясняется разграничением рабочей повестки. 1-й отдел внешних связей задействован по линиям буддизма и даосизма, его работа в первую очередь направлена на Гонконг, Макао и Тайвань. 2-й отдел курирует международные связи по остальным религиозным направлениям. Оба отдела отвечают за взаимодействие религиозных объединений с иностранными коллегами, контакты по теме религий с правительственными организациями других стран, межрелигиозную деятельность (например, российско-китайские исламские и буддийские связи).

12-ый департамент (ди ши эр цзюй) обеспечивает отраслевое управление в религиозной сфере. Руководителем департамента является г-жа Сяо Хун, которая до реформы возглавляла Департамент внешних связей ГУДР. Ее заместителями являются Ма Цзинь (ранее — заведующий 3-м рабочим департаментом ГУДР (ислам)) и Ван Чжиган (ранее — заместитель заведующего 2-го рабочего департамента ГУДР (католицизм и протестантизм) и заместитель заведующего 2-го департамента Отдела единого фронта ЦК КПК).

12-й департамент структурно подразделяется на восемь отделов (*чу*):

1. Отдел общих вопросов: заведующий — Лэй Цинъюнь.
2. Отдел по делам буддизма: заведующий — Чжан Тинши.
3. Отдел по делам даосизма: заведующий — Ли Ханьин.
4. Отдел по делам ислама: заведующий — Ли Юньхуа.
5. Отдел по делам хаджа: заведующий — Ли Гэ.
6. Отдел по делам католицизма: заведующий — Тан Айхуа.
7. Отдел по делам протестантизма: заведующий — Пай Хунвэй.
8. Отдел по делам народных верований и прочих религий: заведующий —

Куан Шэн.

Религиозные вопросы остаются в ведении и иных департаментов Отдела единого фронта ЦК КПК. 7-й департамент отвечает за вопросы Тибета и тибетского буддизма (*Сицзан гунцзо цзюй*), а выделенный при Си Цзиньпине из 2-го департамента 9-й департамент занимается проблематикой Синьцзяна (*Синьцзян гунцзо цзюй*), что неизбежно связано с вопросами ислама.

Сотрудники 2-го департамента, раньше отвечавшего за работу с религиями и национальностями, после реформы сосредоточились на работе с нацменьшинствами за исключением тибетцев и уйгуров.

Функции прежде существовавшего Департамента международного сотрудничества ГУДР переданы разным подразделениям Отдела единого фронта ЦК КПК.

Все сотрудники ГУДР были включены в штат Отдела единого фронта. Руководители и служащие 11-го и 12-го департаментов продолжают работать в прежнем здании ГУДР в районе Хоухай. После проведения реформы органов власти в примыкающие здания переехали три департамента Отдела единого фронта — 4-й (Департамент по работе с негосу-

дарственным сектором экономики), 5-й (Департамент по работе с беспартийной интеллигенцией), 6-й (Департамент по работе с представителями новых социальных слоев).

Служащие ГУДР, ранее отвечавшие за общие вопросы (например, Канцелярия) были распределены по другим департаментам Отдела единого фронта. Их рабочие места располагаются в здании Отдела единого фронта ЦК КПК по адресу Фууйцзе, д. 135. Там же теперь трудится и начальник ГУДР Ван Цзоань.

Включение ГУДР в состав Отдела единого фронта ЦК КПК было направлено на усиление руководящей роли КПК в деле контроля над религиозной сферой, а также преследовало цель устранить дублирование рабочих функций у разных органов власти.

В то же время данное преобразование стало выражением сложившихся с середины 1950-х годов отношений в системе управления религиозными делами в Китае. ГУДР и Отдел единого фронта на протяжении десятилетий сохраняли теснейшую связь. Работа Управления строилась исходя из директив, получаемых из Отдела единого фронта. Именно Отдел единого фронта имел полномочия принимать политические решения в отношении религиозной сферы. В этой связи важно отметить, что на всех исторических этапах руководители Управления назначались руководством Отдела единого фронта из числа людей, имевших определенный опыт работы в Отделе единого фронта.

Интересен пример начальника ГУДР и заместителя заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК Ван Цзоаня, который начинал свою политическую карьеру в Отделе единого фронта и сейчас в результате реформы занимает в его структуре высокий пост. Можно говорить о том, что он покидал Отдел единого фронта ЦК КПК лишь формально. Начальники ГУДР, занимая этот пост, фактически оставались служащими системы единого фронта.

После реформы власти работа в религиозной сфере еще более сосредоточится на следовании курсу китаизации религий. Она постепенно обретает все более унифицированные формы и подходы, уменьшается гибкость и роль человеческого фактора в решении конкретных вопросов, повышается роль инструкций, усиливается контроль над непосредственными исполнителями и их контактами, увеличивается объем отчетов и бумажной работы чиновников религиозной сферы.

Список литературы

1. *Chan Kim-Kwong, Carlson E. R.* Religious freedom in China: Policy, Administration and Regulation. — Santa Barbara: Institute for the Study of American Religion, 2005. — 89 p.
2. *Бородич В. Ф.* Современная административная реформа и структура Госсовета КНР в 2018 году // Китайская Народная Республика: Политика, Экономика, Культура 2017–2018. М.: Форум, 2018.
3. Гуаньюй цзунцзяо гунцзо дэ линдао гуаньси, цзучжи цзигоу хэ гоуюань цзунцзяо шиуцзю еу фаньвэй дэ ицзянь баогао: [О руководящих связях в работе с религиями, организационной структуре и сфере деятельности Управления по делам религий при Госсовете]. URL: http://www.saac.gov.cn/zt/2014-10/18/content_70041.htm (дата обращения: 14.06.2020).
4. Гуаньюй шэли цзунцзяо вэньти вэйюаньхуэй цзи цзунцзяо шиучу дэ чжиши: [Указания о создании комитетов религиозных вопросов и отделов по делам религий]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4b44f8440102vn26.html (дата обращения: 14.06.2020).
5. Е Сяовэнь: цзай и цы чэньвэй хайцзы: [Е Сяовэнь: еще раз стать ребенком] // Жэньминь Чжэнсе бао. 29.10.2019. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2019/10/29/ART11572308294595202.shtml> (дата обращения: 14.06.2020).
6. *Жэнь Цзе.* Чжунго гунчаньдан дэ цзунцзяо чжэньцэ [Религиозная политика КПК]. — Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2007.
7. Лин Цзихуа ишэнь бэй паньчу уци тусин: [Лин Цзихуа был приговорен к пожизненному заключению]. Синьхуа. 04.07.2016. URL: http://www.ccdi.gov.cn/toutiao/201607/t20160704_124891.html (дата обращения: 14.06.2020).

8. Сайт Государственного управления КНР по делам религий. URL: <http://www.sara.gov.cn> (дата обращения: 14.06.2020).
9. Си Цзиньпин цзай цюаньго цзунцзяо гунцзо хуэйи шан фабяо чжунъяо цзянхуа: [Важная речь Си Цзиньпина на Всекитайском совещании по религиозной работе]. URL: http://www.sara.gov.cn/ztzz/xxgchyjs/kybd_xxgc/347314.htm (дата обращения: 14.06.2020).
10. Синь шици цзунцзяо гунцзо вэньсянь сюаньбянь: [Избранные документы по религиозной работе в новом периоде] / под ред. УДР при Госсовете. Пекин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 1995. 298 с.
11. *Фэн Юйцзюнь*. Цзунцзяо шиу гуаньли, ду цзай хэ фан?: [Регулирование религиозных вопросов, в какой стороне путь?] // Чжунго жэньмин цзунцзяо ван. 06.11.2012.
12. Хунань цзунцзяочжи: [О религии в Хунани]. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ. 2012. 428 с.
13. Циркуляр Госсовета об утверждении структуры № 11 от 21.03.2008 г. URL: http://www.gov.cn/zwgk/2008-04/24/content_953471.htm (дата обращения: 14.06.2020).
14. Чжан Лэбинь яньчжун вэйцзи бэй кайчу данцзи хэ гунчжи: [Чжан Лэбинь серьезно нарушил дисциплину, исключен из партии и снят с должности]. URL: http://www.ccdi.gov.cn/scdc/zggb/djcf/201607/t20160704_116013.html (дата обращения: 14.06.2020).
15. Чжунго гунчаньдан тунь чжансянь гунцзо тяоли: [Положение о работе единого фронта КПК]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0923/c64107-27622040.html> (дата обращения: 14.06.2020).
16. Чжунъян ди ши сюньшицзу сян гоцзя цзунцзяо шиу цзю данцзу фанькуй чжуансян сюньши цинкун: [Десятая инспекторская группа сообщает партийке ГУДР о ситуации с инспектированием]. URL: <http://www.sara.gov.cn/xwzx/szyw/351000.htm> (дата обращения: 14.06.2020).
17. Чунь цинван фу дасюй ваньгун бу сян шэхуэй гунчжун кайфан: [Резиденция Великого князя Чунь после завершения реставрации не будет открыта для общественности]. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2003-12-08/02431281102s.shtml> (дата обращения: 14.06.2020).

L. Afonina. PRC State Administration for Religious Affairs after Administrative Reform

As part of the Party and State institutional reforms, at the 3rd plenary session of the 19th CPC Central Committee it was decided to abolish the State Administration for Religious Affairs as an organ of direct subordination to the State Council. SARA became part of the United Front Work Department of the CPC Central Committee, turning from a state executive body into a division of the party apparatus.

Special departments were formed in the structure of the United Front Work Department, the main functions of the SARA were transferred to it. The transformation was aimed at strengthening the role of the CPC in the management of the religious sphere.

Key words: Religion, United front, sinicization of religions, United Front Work Department, SARA, administrative reform, CPC, State Council.

Теория и методология

История формирования системы китайских географических знаний (вторая половина XIX — конец XX века)

© 2020

С.Б. Макеева

В статье рассматриваются особенности изучения регионального развития Китая в рамках одного из определяющих китайских научных направлений — системы географического знания в период со второй половины XIX — конца XX в. Анализируется академический путь развития географии через изучение процесса открытия специализированных географических кафедр в вузах КНР и подготовка специалистов в области географии, а также научно-публицистический путь формирования системы китайского географического знания через анализ публикационной активности китайских ученых по многоаспектному отражению процесса регионального развития Китая на страницах журналов «Географический журнал» и «Географический вестник».

Ключевые слова: интеллектуальная история Китая, система географического знания, ученые-географы, экономическая география, проблемы регионально-го развития.

DOI: 10.31857/S013128120010379-7

В современном научном знании китайские географические исследования представляют одно из значимых направлений, интерес к которому определяется как интересом к Китаю как одному из наиболее интенсивно развивающихся регионов мира, так и интересом к своеобразию системы китайских географических знаний, в том числе истории ее становления, выделения основных научных центров и разрабатываемой проблематики в их соотнесенности с объективными обстоятельствами и реалиями развития Китая. Основной целью данной работы является рассмотрение в рамках интеллектуальной истории Китая особенностей формирования системы китайских географических знаний со второй половины XIX до конца XX века.

Макеева Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. E-mail: msbmag9581@yandex.ru.

Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование» № 20–014–00010.

Научные изыскания китайских ученых-географов в рассматриваемый период времени формировались под влиянием западноевропейских, японских достижений в области географии и были обращены на решение практических задач экономики. Параллельно оформляется научно-публицистический путь развития китайской географии в рамках учреждения Китайского геологического общества (1909 г.), Китайского географического общества (1934 г.), Института географии Китайской Академии наук (1953 г.), а также организации регулярного периодического издания «Географический журнал» (1910 г.), «Географический вестник» (1934 г.). Академический путь китайской географии был связан с открытием профильных географических кафедр в китайских вузах в первой половине XX века, формированием коллектива китайских ученых-теоретиков и изданием учебников по географии. Различные аспекты регионального развития Китая рассматривались в рамках основных отраслевых географических дисциплин: метеорологии, экономической географии, физической географии, гидрологии, геоморфологии, формирование которых также пришлось на рассматриваемый период времени. Анализ истории формирования системы китайского географического знания позволяет выявить ключевые направления в исследовании различных проблем регионального развития на протяжении второй половины XIX — конца XX века.

На протяжении длительного периода с древнейших времен до эпохи Опиумных войн середины XIX века китайские географические исследования внутренних процессов регионального развития были тесно связаны с историей, философией и литературой. Поражение Китая в Опиумных войнах оказало влияние на все китайское общество в целом, включая ту социальную категорию китайской интеллигенции, которая занималась географическими исследованиями различных аспектов регионального развития Китая. Как отмечает китайский исследователь, специалист в области истории географической науки Чжао Жун: «Души многих ученых мужей наполнились скорбью, возмущением и глубоким патриотическим духом. Этот патриотизм заложил идеологическую основу для возникновения и развития новейшей китайской географии»¹.

Одним из основных китайских исследователей в области географии, который обратил внимание на необходимость структурных изменений в системе географического знания в условиях ориентации на изучение не только географических особенностей регионального развития Китая, но и комплексный анализ географии зарубежных стран является известный ученый и политический деятель китайского общества середины XIX века Вэй Юань (1794–1857). Самым значимым событием в истории географии Китая в тот период времени представляется написание и опубликование Вэй Юанем в 1842 г. 50-томного произведения «Географические описания заморских государств с картами» (*Хай го ту чжи*). Этот грандиозный труд включал в себя комплексные описательно-аналитические сведения о географии, истории, политике, культуре, военной мощи, религии, о достижениях науки и техники зарубежных стран. Содержащаяся страноведческая информация в данном произведении способствовала расширению знаний китайцев о мире и практическом применении опыта регионального развития в китайских условиях. На протяжении второй половины XIX века это было одно из основных произведений по мировой географии. Вэй Юань пропагандировал идею заимствования передовой техники варваров с целью контроля над ними, призывал китайский народ учиться у Запада. Ученый был убежден, что для того, чтобы победить врага, необходимо хорошо изучить его систему подготовки войск, технологию сооружения кораблей и производства оружия². Также

1. Чжао Жун. Чжунго гудай дилисюэ: [География Древнего Китая]. Пекин: Коммерческое издательство, 1997. С. 5.

2. Грачиков Е. Н. Исторический экскурс в геополитику Китая // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3. С. 154–169.

стоит отметить, что «Географические описания заморских государств с картами» в 1854 г. были переведены на японский язык. Эта работа сыграла большую роль в расширение мировоззрения японцев и в осуществлении революции Мэйдзи¹.

Во второй половине XIX века в результате политики реформ, получившей название «политика самоусиления», или «движение по усвоению заморских дел», в китайском обществе большое значение придается теоретико-практической системе географического знания. Это повлияло как на научно-публицистический, так и на академический путь развития китайской географии на рубеже XIX—XX веков. С конца XIX века одно за другим открываются учебные учреждения нового образца. В начале XX века правительство страны официально закрепляет положение об обязательном изучении географии в рамках школьных курсов. В «Уставе о регулировании деятельности высших учебных заведений» от 1902 г. было указано, что программа высших учебных заведений обязательно должна включать курсы по географии Китая и зарубежных стран. Уставом от 1902 г. предусматривалась трехгодичная система образования (первый год посвящался изучению географии Америки, стран Запада, Африки, островов; второй год — основам геологии; третий год — основам физической географии)².

В 1903 г. в Китае был опубликован устав «Об отчетности в регулировании деятельности учебных заведений». Вне зависимости от того, что изучалось в институте — классическая филология, литература, естественные науки, сельское хозяйство или торговля, в программе обязательно должны были быть уроки географии. В вузах в курсе географии главным образом на основе сравнительного анализа изучалась физическая география Китая и зарубежных стран, была предоставлена информация о климате, водных ресурсах, рельефе и др., а также параллельно изучались финансовое дело, морские и сухопутные пути сообщения, история, флора и фауна, культура, обычаи, промышленность, военное дело и другие направления, связанные со страноведческой системой географического знания. Кроме того, в начале XX века практически во всех учебных заведениях Китая были организованы географические курсы, и постепенно география стала обязательной частью учебной программы³.

Ориентация на опыт изучения регионального развития других стран и зарубежную теоретико-методологическую базу географических исследований позволяла китайским ученым формировать собственную систему представлений о физико-географических и экономико-географических аспектах регионального развития Китая. Значительное влияние на формирование собственной базы описательно-аналитических исследований регионального развития страны и распространение в целом географических знаний в китайском обществе оказали переведенные на китайский язык труды зарубежных авторов по географии. Так, например, на китайский язык было переведено произведение немецкого исследователя Тетона Херна «Рельеф местности». Также, в начале XX века было переведено произведение японского географа Цунэсабуро Макигути «География жизни», в котором описывались атмосфера, геосфера, гидросфера и человеческий род. Кроме того, на китайский язык был осуществлен перевод труда японского ученого Каинояма Томэки-ти «Новейший учебник по мировой коммерческой географии». Это произведение состояло из пяти глав, в которых описывалось сельское хозяйство, животноводство, обрабаты-

1. Чжао Жун. Чжунго гудай дилисюэ: [География Древнего Китая]. Пекин: Коммерческое издательство, 1997. С. 59.

2. Чжао Жун. Чжунго гудай дилисюэ: [География Древнего Китая]. Пекин: Коммерческое издательство, 1997. С. 109.

3. Чжао Жун. Чжунго гудай дилисюэ: [География Древнего Китая]. Пекин: Коммерческое издательство, 1997. С. 120.

вающая и горнодобывающая промышленности, торговля, пути сообщения и морские порты Европы, Америки, Азии и Африки¹.

Весомый вклад в изучение регионального развития в рамках формирования системы географических знаний Китая сделал китайский ученый-географ Чжан Сяньвэнь (1866–1933) — один из ведущих китайских географов первой половины XX века, педагог по образованию родом из провинции Цзянсу. После японо-китайской кампании 1894 г. он решил, что хочет сделать вклад для своей страны, поэтому в ходе преподавания в провинции Цзянсу в Наньянской частной школе приступил к изучению китайской и зарубежной географии.

Описательно-аналитические исследования регионального развития Китая в рамках географического знания были представлены в основных произведениях Чжан Сяньвэня. В 1901 г. он выпускает первые учебники по географии в Китае: «Учебник по географии. Начальный уровень», «Учебник по географии. Средний уровень». Эти две книги оказали мощное влияние на реформирование китайской географической науки. На основе собранных им географических сведений о региональном развитии Китая в 1908 г. он закончил первую книгу «Физическая география» (*Цзыжань дили*). Несмотря на небольшой объем, она содержала 15 страниц сравнительных таблиц Китая и стран Запада, 10 цветных карт, около 80 иллюстраций. Всего в книге было пять глав: I «Вселенная», II «Геосфера», III «Атмосфера», IV «Гидросфера» и V — «Флора и фауна». В ней содержались фактически все общие знания о физической географии Китая на тот период времени, кроме раздела «Почвы». Чжан Сяньвэнь считал, что нужно уделять большое внимание изучению геологии Китая. Ученый утверждал: «Рельеф Китая сложен и разнообразен, поэтому без изучения геологической обстановки достаточно сложно осваивать природные ресурсы». Позднее Чжан Сяньвэнь написал учебник «Новые знания по геологии» в 4-х томах (*Цзуй синь дичжисюэ цзяокэ*). В нём подробно описаны формирование и классификация горных пород, детально проанализированы отдельные скальные образования Китая. В 1909 г. под его руководством была создана первая группа ученых — теоретиков в области географии, ученых — практиков в области изучения географических особенностей регионального развития Китая. Первоначально эта научная организация называлась «Геологическое общество». Огромным достижением ее было издание первых географических журналов в Китае, что способствовало развитию научно-публицистического пути эволюции географии в стране и рассмотрению в рамках географического знания различных аспектов ее регионального развития².

Уже в феврале 1910 г. в Китае был издан первый «Географический журнал», редакторами которого были Чжан Сяньвэнь и Бай Юйкунь. «Геологическое общество» организовало выпуск данного периодического издания в Тяньцзине. А в январе 1913 г. журнал начал издаваться и в Пекине. Официальным иностранным названием журнала было *The Geographical Journal*. В 1937 г. издание журнала было приостановлено из-за начала Японо-китайской войны (1937–1945 гг.). За все годы издания «Географического журнала» (1910–1937) были опубликованы статьи по экономической, политической и физической географии. Особое внимание уделялось описанию водного хозяйства, путей сообщения, природных ресурсов, административно-территориального деления, климата, рельефа и гидрологических процессов в Китае. Также публиковались отчеты китайских экспедиций об исследованиях регионального развития страны. 31% статей затрагивал

1. Макеева С.Б. Из истории распространения географических знаний в Китае в конце XIX — начале XX века // Тезисы докладов XXIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». 2018. С. 163–164.

2. Чжан Сяньвэнь. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BC%A0%E7%9B%B8%E6%96%87/1390973?fr=aladdin> (дата обращения: 13.02.2019).

планы развития экономики китайского государства и улучшения благосостояния народа; 20% статей были посвящены комплексному изучению характера почв, рельефа, природных ископаемых, рек и озер; 20% статей отражали географию зарубежных государств. В каждом номере журнала на первой странице публиковались различные карты, в зависимости от темы издания — геологические, геоморфологические, гидрографические, а также карты достопримечательностей и др.

В начале XX века содержание журнала по географии отражало уровень развития географической науки в Китае на тот период времени. Так как на тот момент «Географический журнал» был единственным в Китае периодическим изданием по географии, то китайские научные круги, состоящие из специалистов по различным отраслям географического знания, а также другие заинтересованные научные специалисты, предлагали к изданию в данном журнале результаты своих исследований. Текстовая часть журнала главным образом состояла из статей и заметок. Статьи посвящались теоретической области географии и методам преподавания этого предмета в учебных заведениях, а в заметках публиковались ценные сведения о путешествиях, исследованиях и отчеты экспедиций. Поскольку глава «Геологического общества» Чжан Сяньвэнь придавал большое значение западной географии, в журналах также было представлено множество статей студентов, обучающихся за рубежом, которые знакомили китайское общество с зарубежной географией. Сам Чжан Сяньвэнь публиковал в «Географическом журнале» результаты своих практических исследований, неоднократно проводившихся на территории Китая, примыкающей к Великой стене, в бассейнах рек Хуанхэ и Хуайхэ. Среди самых известных его статей необходимо выделить такие, как «Исследования Великой стены», «Путевые записки о земле к северу от Великой стены». Всего же Чжан Сяньвэнь написал в «Географический журнал» несколько десятков статей. По мнению китайских историков — специалистов в области истории китайской географии, «номера, опубликованные в начале XX века, являются сокровищницей географических знаний Китая»¹.

Оценивая научно-публицистический путь развития системы географического знания в Китае в начале XX века, необходимо отметить огромное значение издания данного профильного журнала, так как это позволило развивать китайские исследования в области географии, опирающиеся на теоретико-методологические достижения западной географии. Кроме того, выход в свет номеров «Географического журнала» предоставил возможность использовать на практике достижения китайской географической науки в процессе реализации проблем китайского народного хозяйства. Издание «Географического журнала» оказало влияние на академический путь развития китайской географической науки, так как на страницах журнала ученые-теоретики обменивались идеями по вопросам методики преподавания учебных курсов по географии в китайских средних и высших учебных заведениях. Наконец, значение «Географического журнала» заключается также и в том, что результаты географических исследований регионального развития Китая, ценные сведения о географических путешествиях, отчеты о полевых географических экспедициях, заметки, которые публиковались в журнале, были доступны широкому кругу китайской общественности, что в целом положительно отразилось на том этапе интеллектуальной истории Китая.

В 1920-е годы китайская географическая наука складывалась под влиянием западноевропейских идей. Основной задачей было комплексное изучение природных ресурсов в разных районах Китая. Значительная часть основных региональных исследований в Китае проводилась иностранцами, выбиравшими для изучения наиболее интересные их районы. Так, английские ученые проводили экономико-географические ис-

1. Чжунго дилисюэ хуэй: [Географическое общество Китая]. URL: <http://www.gsc.org.cn/channel.aspx?id=5> (дата обращения: 12.01.2019).

следования района бассейна нижней Янцзы, французские — района Юньнани, японские — района Маньчжурии, немецкие — района Шаньдуна, русские ученые исследовали северо-восточные районы Китая. Необходимо отметить, что в первой половине XX века почти все районы Китая были охвачены физико-географическими и экономико-географическими исследованиями, но Западный регион Китая оставался практически неизученным. Иностранцы выпускали большое количество работ по комплексному географическому исследованию разных регионов Китая. В 1920-е — 1930-е годы на китайский язык переводились произведения таких западноевропейских ученых, как Геттнер, Хентингтон, Хартсхорн, Мальтус, Чизхольм, Стэмп и Вебер. Под влиянием работ данных ученых в изучении регионального развития Китая преобладало статистическо-описательное направление. Как отмечает отечественный исследователь В.Т. Зайчиков, «в значительной мере она складывалась под влиянием географических идей Запада, так как вместе с экономической экспансией в Китае происходило проникновение иностранного влияния в области китайской науки, в том числе в области географии и геологии, связанных с исследованием природных ресурсов. Значительная часть основных географических исследований в Китае проводилась иностранцами, выбиравшими для изучения наиболее интересующие их районы»¹.

Определенно новым этапом в истории географических исследований регионального развития Китая является период с 1934 по 1949 г. В 1930-е годы работы китайских географов были посвящены метеорологии, экономической географии, физической географии, гидрологии и геоморфологии. Значительную роль в формировании теоретико-методологической основы географической науки в 1930-е годы сыграл китайский метеоролог, географ и преподаватель высшей школы Чжу Кэчжэнь (1890–1974). Осенью в 1920 г. он был направлен в Нанкинское педагогическое училище преподавать метеорологию и географию. Зимой этого же года на базе училища началась подготовка к основанию Юго-Восточного университета. В 1921 г. он стал деканом географического факультета. Чжу Кэчжэнь детально изучал формирование, особенности и процесс изменения климата в Китае, а так е являлся выдающимся специалистом в области географии и истории естествознания. Он был основателем китайской фенологии, а также китайской научной метеорологии. В 1922 г. им было опубликовано первое научное произведение по метеорологии «Два тайфуна, прошедшие в прошлом году осенью у побережья Цзянсу и Чжэцзян». В 1933 г. он опубликовал еще более весомое исследование по климатологии «Воздушные течения в Китае».

В 1928 г. был создан научно-исследовательский метеорологический институт. За период с 1928 по 1949 г. китайскими учеными было выпущено около 400 работ по климатологии и метеорологии. Китайскими метеорологами большое внимание уделялось также вопросам климатического районирования страны, которое проводилось в связи с поставленными китайским руководством задачами в развитии сельского хозяйства. Исследование, начатое Чжу Кэчжэнем еще в 1920-е годы, было продолжено Ту Чанваном и Лу Оу, которые разработали схемы районирования, опираясь на характеристики климатических районов². Чжу Кэчжэнь утверждал, что в целом перспективы географии связаны с необходимостью заимствовать теоретико-методологические основы западной географии.

Определяющее значение в ориентации китайских научных кругов на западную географию сыграла преподавательская деятельность западного географа Джорджа Кресси (1896–1963), работавшего в 1930-е—1940-е годы в Шанхайском университете и пре-

-
1. Зайчиков В.Т. Путешественники Древнего Китая и китайская географическая наука в Китайской Народной Республике. М.: Географгиз, 1955. С. 32.
 2. Зайчиков В.Т. Путешественники Древнего Китая и китайская географическая наука в Китайской Народной Республике. М.: Географгиз, 1955. С. 42.

подававшего учебные курсы по геологии и географии в соответствии с западными образовательными стандартами. Как отмечал Чжу Кэчжэнь, содержательно китайское высшее образование по направлению «География» было весьма скудным и не отражало теоретико-методологических достижений мировой географии. Исключение составляла научно-педагогическая деятельность кафедры географии и геологии в Шанхайском университете, которая в то время осуществляла подготовку хороших географов, и ведущая роль отводилась именно Джорджу Кресси, который тратил праздничные, выходные дни и отпуска на географические и геологические исследования Китая. В 1924 г. он с экспедицией осмотрел Цинхай и Тибет, а на обратном пути провел исследования на плато в северо-западной части большой излучины реки Хуанхэ, Ордосе и в пустыне Алашань, но не успел их тщательно изучить. Его основными трудами являются произведения «Характеристики климата Китая и его связь с выращиванием продовольственных культур» и «Предварительные исследования климата Китая за пять тысяч лет»¹.

Ключевым событием, оказавшим значительное влияние на развитие в целом китайской системы географического знания в 1930-е годы является учреждение в 1934 г. «Географического общества», основанного группой выдающихся китайских исследователей в области географии Чжу Кэчжэнем, Вэнем Веньхао и Чжаном Циюнем. К концу 1930-х численность «Географического общества» составляла более 500 человек. В сентябре 1934 г. в Нанкине стартовал выпуск периодического издания по географии «Географический вестник» (*Дили сюэбао*); официальным иностранным названием журнала было *Acta Geographica Sinica*. Данное периодическое издание существует и по сей день, являясь комплексным научным периодическим изданием, осуществляемым китайским Географическим обществом, Исследовательским институтом природных ресурсов Китайской Академии наук. Журнал посвящен новейшим результатам географических исследований, обобщенному опыту географии и смежных с ней наук, в области исследования освоения ресурсов, защиты окружающей среды, региональной экономики, экономического планирования, географии туризма, дистанционного зондирования и геоинформационной системы².

Несмотря на некоторые сложности в развитии системы географического знания в Китае в первой половине XX века, академический и научно-публицистический путь развития географической науки демонстрировал достижения. Определенным показателем в практическом применении географических знаний при решении различных вопросов регионального развития является расширение отраслевой географии Китая: физической географии, экономической географии, метеорологии, геоморфологии, зоогеографии и антропогеографии. Так, например, на развитие экономической географии в Китае оказало влияние вышедшее в 1923 г. произведение «Обзор мировой экономической географии», а в 1930-е годы работы «Послевоенная экономическая география мира». Все работы китайских ученых с конца 1930-х — 1940-х годов были посвящены внутренним проблемам регионального развития и связаны с изучением экономико-географических процессов в различных районах Китая. Основным направлением работ китайских географов являлось обследование районов нового дорожного строительства и изучение территорий, пригодных для земледелия. В 1940-х проводились обследования и экспедиционные работы по трассе строительства китайско-бирманской дороги, а также дороги Чэнду-Чунцин. Были детально исследованы провинции Гуандун, Сычуань, а именно, потенциал этих районов в отношении гидроэнергетических и минеральных ресурсов. Примечательно,

1. Чжэн Ду. Чжунго дилисюэ дэ фачжэнь: [Развитие географии Китая] / Чжэн Ду, Янь Цинь // Наука. 2016. № 20112. С. 74–79.
2. Чжунго дилисюэ тунбао: [Географический вестник Китая]. URL: <http://www.geog.com.cn/CN/column/column1.shtml> (дата обращения: 12.11.2019).

что в 1941 г. китайские авторы издают пособие по экономической географии, которое имело характер обобщающей работы¹.

Образование в 1949 г. КНР оказало влияние на активное использование географических знаний в процессе социально-экономических преобразований народного хозяйства страны. В 1950-е годы китайские ученые-географы продолжают формировать теоретико-методологические основы географической науки Китая, только теперь уже ориентируясь на опыт СССР в этой сфере. Перенимались теоретико-практические достижения советской географической науки в области природного, сельскохозяйственного, экономического районирования, а также практические результаты использования теории о территориально-производственном комплексе, впервые представленной в экономической географии советским ученым Н.Н. Колосовским в 1940-е годы. Китайские ученые пытались адаптировать географические знания советской науки на практике в рамках реализации социально-экономических проектов плановой экономики КНР. В 1950-е годы на китайский язык были переведены труды классиков экономической географии СССР. Особую популярность и практическое применение в КНР приобрели работы советских ученых Н.Н. Баранского «Экономическая география СССР», И.А. Витвера «Экономическая география зарубежных стран», А.И. Воейкова «Климаты земного шара», Л.С. Берга «Климат и жизнь», Б.Ф. Добрынина «Физическая география Западной Европы». Данные произведения также оказали влияние на академический и научно-публицистический путь развития китайской системы географических знаний с середины XX века. Работы советских географов использовались в китайских вузах в качестве основных учебных пособий, фундаментальных учебников в процессе преподавания курсов географии как физической, так и экономической.

Особую роль в развитии китайской системы географического знания, изучении результатов географических исследований в процессе экономико-географического районирования, комплексном анализе природных ресурсов народного хозяйства страны сыграла деятельность Китайского географического общества, которое в 1949 г. присоединилось к Международному географическому союзу. В 1950 г. Геологическое общество и Географическое общество объединяются и создают единое Географическое общество Китая, которое начинает открывать свои подразделения и филиалы по всей стране, практически в каждой провинции, с целью использования теоретических достижений географической науки на практике в строительстве национальной экономики и решении проблем регионального развития Китая. Более того, уже в 1960-е годы в каждой провинции КНР были основаны специальные комитеты по географическому направлению в рамках научно-практического изучения различных аспектов регионального развития отдельно взятого района страны. Председателем «Географического общества» в 1953 г. становится Чжоу Кэчжэнь, под руководством которого ведется работа по учреждению Института географии Китайской академии наук. После формирования научного штата и приобретения необходимого оборудования для проведения комплексных географических исследований регионального развития КНР, в 1953 г. в Нанкине был открыт Институт географии, в основном специализирующийся в то время на вопросах сельскохозяйственного районирования, а с 1956 г. — на вопросах по исследованию полезных ископаемых в разных регионах КНР. Значительную роль в реализации научно-исследовательских проектов, организации полевых экспедиций Института географии сыграли такие китайские ученые-географы, как Хуан Бинвэй, Чжоу Лисань, Ло Кайфу, Цэн Шиин, Чжоу Тинжу, Фан Цзюнь, Ли Чуньфэнь и У Чуаньцзюнь².

1. *Зайчиков В.Т.* Путешественники Древнего Китая и китайская географическая наука в Китайской Народной Республике. М.: Географгиз, 1955. С. 47.
2. *Лу Дадао.* Чжунго гоцзя дили: [Национальная география Китая]. Чжэнчжоу: Главное издательство, 2004. 225 с.

В 1950-е годы географические исследования в КНР осуществлялись в рамках отраслевых направлений: экономическая география, физическая география, метеорология, гидрология, геоморфология и биогеография. Основная часть географических исследований данного периода должны были стать вспомогательным материалом при осуществлении ирригационного и транспортного строительства, а также при освоении гидрологических объектов. Одной из особенностей работ китайских географов в 1950-е годы являлось их активное участие в научно-практической деятельности. В рассматриваемый период в университетах и пединститутах КНР имелось и было открыто около 30 географических факультетов и отделений, в том числе в Нанкине, Гуанчжоу, Пекине, Ланьчжоу, Чэнду и Сиане. Этими факультетами, наряду с подготовкой молодых специалистов-географов, проводилась научно-исследовательская работа по научному обслуживанию и реализации различных проектов регионального развития КНР, разработке теоретических и методологических вопросов географической науки, подготовке и изданию монографической и учебной литературы по географии.

Профессорско-преподавательский состав географических факультетов вузов КНР принимал активное участие в реализации планов экономического строительства страны, осуществляя экспедиции в рамках гидротехнического и дорожного строительства. В начале 50-х годов XX века ученые Института географии Академии наук Китая, преподаватели Нанкинского и Чжэцзянского университетов начали географическое исследование сельского хозяйства и водных ресурсов Китая. Наряду с этим специалисты в области экономической географии из образовательных и исследовательских структур осуществляли комплексное обследование Синьцзяна, Цинхая и Ганьсу, Нинься и Внутренней Монголии¹. Организованные в 1950-е Институтом географии экономико-географические исследования имели большое значение, так как были связаны с проводимым гидростроительством на реках, железнодорожным строительством и освоением новых районов КНР.

В условиях преобразований национальной экономики Китая в 1950-е — 1960-е годы особое развитие получает экономическая география. Китайские ученые-географы, основываясь на научном опыте советской географической школы, изучали особенности регионального развития Китая в условиях строительства плановой экономики, применяя методы районирования. Важную работу по формированию теоретико-методологической базы экономической географии проводила кафедра экономической географии при Народном университете Китая в Пекине². Этой кафедрой был издан в 1953 г. учебник по экономической географии Китая для средних школ, который представлял собой серьезную попытку дать полную характеристику экономико-географических исследований в Китае и за рубежом.

В период 1955–1958 гг. китайские ученые — теоретики и практики, специалисты в области физической географии проводили ширококомасштабные работы по природному районированию. Оценивая достижения китайских ученых-географов в 1950-е — 1960-е годы, необходимо отметить создание такого фундаментального труда по географии, как «Физическо-географический атлас Китая» (*Чжунго цзыжань диту цзи*), выпущенного в 1965 г. Национальным комитетом Китая по составлению атласов³.

1. Ли Вэньянь. Цзинци дили яньцзю шицзин юй цзинли хуэй эе: [Исследования в области экономической географии]. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2008. 160 с.

2. Ян Уян. Гаоден цинци дилисюэ: [Высшая экономическая география]. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 1997. С. 409.

3. Чжэн Ду. Чжунго сяндай дилисюэ дэ фачжань личэн: [Развитие современной географии Китая] / Чжэн Ду, Янь Цинь // Наука. 2015. № 20155. С. 45–49.

После начала политики «реформ и открытости» в КНР в 1978 г. под влиянием развития западной географии и использования, прежде всего, достижений европейских и американских географов в области экономической, физической и социальной географии, географическая наука в КНР стала развиваться по новым направлениям. С конца 1970-х годов китайские ученые-географы устанавливают регулярные научные связи и обмена с зарубежными учеными, специалистами в разных отраслях географического знания из таких стран, как Япония, Канада, Великобритания, Франция и Южная Корея. Китайское географическое общество начала 1980-х годов насчитывало в своем составе около 1000 человек. Географическое общество участвовало в Международной географической олимпиаде, чтобы поддерживать интерес молодежи к географии. Япония и Южная Корея являлись главными научными партнерами по международному сотрудничеству, которое начиналось с отдельных визитов, а затем переросло в проведение совместной китайско-японо-корейской конференции по географии. В 1985 г. Международной географический союз (IGU) внес поправки в соответствующие положения и восстановил членство Китайского географического общества. В 1983 г. и в 1985 г. данное общество помогало в создании Международной ассоциации вечной мерзлоты (ИРА) и Международной ассоциации геоморфологов (ИАГ). Китайские академики Чэн Годун, Ван Ин, Чжу Юаньлинь, Ма Вэй и Ян Сяопин последовательно занимали должности в Международной ассоциации вечной мерзлоты и Исполнительном комитете Международной ассоциации геоморфологов. Китайские академические круги отводили географии ведущее место в разработке научно-практических аспектов реализации политики «реформ и открытости»¹. В 1986 г. китайский ученый Цянь Сюэсэнь, определяя особенности понятия «Географическая наука» (*Дили кэсюэ*), утверждал, что география должна развиваться в совокупности с социальными, естественными, математическими и другими науками для построения большой науки².

В 1991 г. «Китайское географическое общество» учредило три отдельные награды для его членов и других географов, а именно, «Национальная премия для молодых географов в области географических технологий», «Национальная премия для выдающихся преподавателей географии» и «Китайская Национальная премия в области географических наук». Под руководством Пин Чжуана Национальный комитет по составлению атласов в 1995–1996 гг. выпускает книжную серию по физической географии Китая (*Чжунго цзыжань дили цуншу*)³.

Анализ эволюции географических исследований в Китае на протяжении второй половины XIX — конца XX века позволяет сделать вывод о том, что система географических знаний в рассматриваемый период формировалась не только под влиянием западноевропейских и японских достижений, а в дальнейшем советских исследований в области географии. Решающим фактором в становлении китайской географии являлась постоянная необходимость использования на практике, в процессе строительства, восстановления, преобразования народного хозяйства научных результатов как теоретико-методологической базы географии, так и достижений в сфере отраслевых географических дисциплин: **климатологии**, экономической географии, физической географии, гидрологии, геоморфологии.

-
1. Гэ Цюаньшэнь. 21 шици чжунго дилисюэ фачжань дэ жогаь сыкао: [Развитие географической мысли в XXI в.] // Географические исследования. 2003. Т. 22. № 4. С. 406–415.
 2. Географическая наука. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9C%B0%E7%90%86%E7%A7%91%E5%AD%A6/4683237>.
 3. Alan K.L. Chan Historical Perspectives on East Asian Science, Technology and Medicine / Alan K.L. Chan, Gregory K. Clancey and Hui-Chieh Loy World Scientific, 2001. P. 332.

Список литературы

1. Alan K.L. Chan Historical Perspectives on East Asian Science, Technology and Medicine / Alan K.L. Chan, Gregory K. Clancey and Hui-Chieh Loy World Scientific, 2001.
2. Географическая наука. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9C%B0%E7%90%86%E7%A7%91%E5%AD%A6/4683237>.
3. Грачиков Е. Н. Исторический экскурс в геополитику Китая // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3.
4. Гэ Цюаньшэн. 21 шицзи чжунго дилисюэ фачжань дэ жогань сыкао: [Развитие географической мысли в XXI в.] // Географические исследования. 2003. Т. 22. № 4.
5. Зайчиков В. Т. Путешественники Древнего Китая и китайская географическая наука в Китайской Народной Республике. М.: Географгиз, 1955.
6. Ли Вэньян. Цзинци дили яньцзю шицзин юй цзинли хуэй э: [Исследования в области экономической географии]. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2008. 160 с.
7. Лу Дадао. Чжунго гоцзя дили: [Национальная география Китая]. Чжэнчжоу: Главное издательство, 2004. 225 с.
8. Makeeva С. Б. Из истории распространения географических знаний в Китае в конце XIX — начале XX века // Тезисы докладов XXIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». 2018.
9. Чжан Сяньвэнь.
URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BC%A0%E7%9B%B8%E6%96%87/1390973?fr=aladdin> (дата обращения: 13.02.2019).
10. Чжао Жун. Чжунго гудай дилисюэ: [География Древнего Китая]. Пекин: Коммерческое издательство, 1997.
11. Чжунго дилисюэ тунбао: [Географический вестник Китая].
URL: <http://www.geog.com.cn/CN/column/column1.shtml> (дата обращения: 12.11.2019).
12. Чжунго дилисюэ хуэй: [Географическое общество Китая].
URL: <http://www.gsc.org.cn/channel.aspx?id=5> (дата обращения: 12.01.2019).
13. Чжэн Ду. Чжунго дилисюэ дэ фачжань: [Развитие географии Китая] / Чжэн Ду, Янь Циньэ // Наука. 2016. № 20112.
14. Чжэн Ду. Чжунго сяндай дилисюэ дэ фачжань личэн: [Развитие современной географии Китая] / Чжэн Ду, Янь Циньэ // Наука. 2015. № 20155.
15. Ян Уян. Гаоден цзинци дилисюэ: [Высшая экономическая география]. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 1997.

S. Makeeva. The History of the Formation of the System of Chinese Geographical Knowledge (Second Half of the XIX — the End of the XX Century)

The article discusses the features of studying the regional development of China in one of the determining directions, along with the economic one, in the analysis of various aspects of the construction, restoration and transformation of the national economy, the system of geographical knowledge of China in the period from the second half of the 19th century to the 20th century. The academic path of the development of geography is analyzed through studying the process of opening specialized geographical departments of geography in universities of the People's Republic of China and training specialists in the field of geography, as well as the scientific and journalistic way of forming a system of Chinese geographical knowledge, through an analysis of the publication activity of Chinese scientists on the multi-aspect reflection of the process of regional development of China on the pages magazines "Geographical Journal" and "Geographical Gazette".

Keywords: intellectual history of China, system of geographical knowledge, geography, economic geography, problems of regional development.

«Стратегическая адаптация» Китая перед лицом насильственного включения в вестфальскую систему международных отношений

© 2020

В.А. Корсун

Поражение Китая в «опиумных войнах» ознаменовало собой ситуацию, когда впервые не сработал механизм культурной и биологической ассимиляции Китаем вторгнувшихся «варваров» и империя вынуждена была подстраивать многовековой «китайский мировой порядок» под новую для нее систему международных отношений. На основе анализа оригинальных китайских источников в статье характеризуется «стратегическая адаптация» Китая к чуждой для него дипломатической практике, выявляются черты поведения как отличающиеся от классических атрибутов «даннической системы», так и свидетельствующие о его преэминентности и, как бы, параллельного сосуществования.

На ряде примеров (создание «Общей канцелярии», первая китайская миссия во главе с гражданином США А. Бурлингеймом, первое посольство Китая в Лондоне во главе с Го Сунтао) демонстрируется набор приемов, главным образом ритуально-протокольного характера, в рамках «самоусиления» Китая. По итогам исследования автор делает вывод о том, что в «исторической памяти» народа ничто не исчезает, и без подобного экскурса в историю невозможно понять реальное содержание и перспективы реализации «китайской мечты».

Ключевые слова: Данническая система, опиумные войны, дипломатия коутоу, самоусиление, стратегические уловки, Цзунли ямэнь, А. Бурлингейм, Го Сунтао, европейский этикет и протокол, диалог цивилизаций.

DOI: 10.31857/S013128120010490-0

Экономический рост пореформенного Китая, ставшего фактически двигателем роста мировой экономики, дает мощный импульс стремительной эволюции статуса КНР от позиции зрителя до роли актера с интенцией становления подлинным режиссером мировой политики. Данный феномен привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей буквально ко всем аспектам жизни китайского социума. При этом следует осознавать, что этот величайший игрок мировой политики не появляется «из небытия», а «возвращается». Как известно, в исторической памяти ничто не исчезает бесследно, а лишь многослойно откладывается в глубинах сознания и подсознания – как коллективного, так и индивидуального, ожидая возможности проявления при каждом новом, особенно кризисном, повороте политического калейдоскопа. Реальная уникальность исторического «китайского мирового порядка», известного в историографии как «данническая система», или «система номинального вассалитета», заключается в его беспреде-

Корсун Владимир Андреевич, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия. E-mail: korsoun-vl@yandex.ru.

Выражаю особую благодарность А.Н. Евсикову — генконсулу РФ в Шанхае за предоставленные китайские материалы.

дентной масштабности, детальной систематизированности и скрупулезной разработанности, что предопределялось проекцией вовне ориентированных на конфуцианский канон внутренних связей, а также в его поразительной протяженности во времени и живучести. К устойчивым элементам «даннической системы», которые можно назвать «классическими» и «обязательными» в рамках «морального преобразования» «варваров», относятся следующие: приобщение не китайских правителей к китайской культуре через «церемониал» (*ли*), предусматривающий неоднократное исполнение ими сложного обряда *саньгуй цзюкоу*, или сокращенно *коуту*, что переводится, как «три раза встать на колени и девять раз совершить земной поклон», т.е. при каждом коленопреклонении трижды коснуться лбом земли; получение правителем «варваров» инвеституры, т.е. своеобразной лицензии на правление (обычно в виде грамоты, печати, ритуального сосуда и т.п.), от китайского императора, а также звания и официального титула для сношений с Китаем; предоставление ему соответствующего ранга, приравненного к чиновникам уездного уровня в китайской иерархии; принятие некоторых элементов китайской системы территориального деления и административного устройства; принятие «варваром» китайского календаря и летоисчисления обязательного при датировании своих посланий названиями годов правления китайского императора; регулярная присылка ко двору поздравлений и соответствующим самоуничижительным образом составленных грамот по случаю бракосочетания, дня рождения и т.д.; прибытие лично или направление со строго определенной периодичностью посольств и делегаций ко двору; уплата символической «дани» (гун) товарами местного производства; содержание высокородных «заложников» при дворе китайского императора; «предъявление на границе» каждого нового преемника на престоле «варвара»: удостоивание визитера высочайшей аудиенции «Сына Неба»; милостивое вручение ответных даров от китайского императора; предоставление иноземцам некоторых привилегий в передвижении по Китаю, а также в торговле на границе и в столице; в случае с «северными варварами», в т.ч. с Монголией и Тибетом — учреждение при дворе данника офиса китайского уполномоченного «амбаня»¹. Закрепив еще в древности в сознании китайцев представление о своей стране как о культурном и политическом центре Поднебесной, конфуцианство, несмотря на постоянную эволюцию, продолжало и продолжает культивировать мессианские идеи в качестве основы восприятия отношений с окружающим миром. Поражает то, с какой скрупулезностью расписывались «даннические» контакты, насколько они были институционализированы и дифференцированы. Размер «дани» и периодичность ее поднесения зависели от степени «приближенности», отнюдь не географической, конкретно данной страны. Так, согласно официальной китайской версии, при Цинской династии (1644–1911) периодически «прибывали ко двору с данью», демонстрируя свою «искренность», Корея (4 раза в год), Рюкю/Люцю/ (1 раз в год), Аннам (1 раз в 2 года), Лаос (1 раз в 10 лет), Сиам (1 раз в 3 года), Сулу (1 раз в 5 лет), Голландия (1 раз в 8 лет), Бирма (1 раз в 10 лет), Португалия, Дания и Англия (в незафиксированные сроки)². Разумеется, мы далеки от того, чтобы, подобно бесчисленному количеству современных китайских авторов, выступать с апологетикой «вечно миролюбивого характера» (*хэпин бэньчжи*) внешней политики Китая и идеализировать традиционную дипломатию «даннической дружбы и согласия» (*чаогун хэму*), а также утверждать, что «суть даннической политики заключается в ее оборонительном и неагрессивном характере, а целью ее являлось обеспечение мирного окруже-

1. Schwartz B.G. The Chinese perception of the world order: past and present, The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations. ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press., Cambridge — Massachusetts, 1968, p. 277–278.
2. The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations. ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press, Cambridge — Massachusetts, 1968, p. 11.

ния для китайской земледельческой цивилизации»¹. Тем не менее, нормы и институты «китайского мирового порядка» реально существовали, выполняя на протяжении многих веков важную функцию обеспечения устойчивости и предсказуемости ситуации в огромном регионе земного шара, известной китайцам как «Поднебесная» (*Тянься*). Спекуляции на собственном культурном потенциале гипертрофировали у китайцев ложные представления об исключительности и превосходстве всего китайского, породили настроения высокомерия и ксенофобию, а в итоге привели к тому, что «задавленные» огромным пластом собственного величия они оказались не в состоянии адекватно воспринять ценности, приходящие извне. Так, ряд сокрушительных поражений Китая в «опиумных войнах» от европейцев, которые, как прибывшие морем с Востока, получили в Китае наименование «Восточные варвары» (*Ифань*), не вызвал радикальной переоценки традиционных ценностей и не привел к подрыву в китайском сознании комплекса безусловного превосходства конфуцианских идей и институтов. Напротив, сам насильственный, военно-силовой характер воздействия и навязывание Китаю новых для него норм и правил международных отношений вызвали ответную реакцию «отторжения» чуждой модели поведения и форсированную апелляции к морально-этическим категориям в условиях, когда в плане экономической и военной мощи Китай мало что мог противопоставить западным державам и Японии².

В результате «опиумных» войн была пробита первая брешь в «системе вассалитета», а колониальное вторжение европейских держав и Японии в сферу культурного и политического влияния Китая поставило под сомнение незыблемость и всеобъемлющий характер этой китайской теории и практики поддержания международных связей. Не будет преувеличением утверждать, что именно беспрецедентное в истории Китая принуждение подчиняться нормам международных отношений, сложившимся на иной, а именно европейской почве, особенно болезненно воспринимались правящей элитой Китая. Завершением англо-китайской войны 1840–1842 гг. явился Нанкинский договор, заключенный 29 августа 1842 г. Он предусматривал открытие для торговли и поселения британских граждан 5 китайских портов (Гуанчжоу, Сямынь, Фучжоу, Нинбо, Шанхай), упразднение купеческой корпорации «Гунхан» (*Кохонг*), прежде имевшей монопольное право закупки иностранных товаров и их распространения в Китае, передачу острова Сянган (Гонконг) в «вечное владение» Великобритании, лишение Китая таможенной независимости, установление предельного уровня таможенных пошлин (5% стоимости товара), а также выплату Цинским правительством 21 миллиона фунтов стерлингов в порядке компенсации за уничтоженный опиум, за долги членов «Гунхана» и в счет военной контрибуции. Поражение империи Цин и Нанкинский договор открыли путь для экспансии в Китай другим государствам, пользующимся принципом «наибольшего благоприятствования». Уже 11-я статья Нанкинского договора конкретно отменяла (фактически, ритуал *коуту* был отменен лишь в 1878 г.) обычный китайский церемониал в отношениях англичан с цинским двором, что затем было распространено и на представителей США, Франции и других держав³.

Много лет спустя китайская историография прочно закрепит за Нанкинским договором, официально именуемым «Договор о мире, дружбе, торговле, возмещении ущерба и проч.», ярлык силой навязанного и «неравноправного». А до поры до времени имел-

1. *Chen Jiehua*. Ershi shiji zhongguo wajiao zhanlue, 2001, p. 104.

2. Корсун В.А. «Китайский мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы // *Китай в мировой политике*, М.: РОССПЕН МГИМО, 2001. С. 172–199.

3. *Hertslet, Edward Sir*, *Treaties, &c., between Great Britain and China: and between China and foreign powers*; 3. ed., Harrison and sons, London, 1908, p. 7–10.

ся целый набор традиционных лингвистических и ритуальных уловок, дабы представлять его в глазах китайских подданных удачной хитростью и даже «особой милостью» двора, великодушно снизошедшего до «назойливых домогательств» «островных варваров» – англичан. Так, несмотря на фиксируемое в договоре право иностранным представителям непосредственно и на равных условиях переписываться с высокопоставленными чиновниками в Пекине, зарубежные дипломаты позже обнаруживали, что их корреспонденцию в Пекин еще не отправили, или вернули вновь в «кантонское наместничество», где письма центральным властям и местным начальникам лежат без ответа. Двор упорно делал все, чтобы удержать иностранцев подальше от столицы. Но уже Тяньцзиньские (1858) и Пекинские (1860) договоры, подписанные с Цинским правительством после разгрома Китая во «второй опиумной» войне, предоставляли европейским государствам право учредить постоянные резиденции-посольства в Пекине, разрешали свободное передвижение и миссионерскую деятельность во внутренних районах Китая, закрепили право консульской юрисдикции и создания смешанных судов, право беспрепятственно сноситься с местными властями, и («О ужас!») устанавливали равенство в дипломатических отношениях Китая и держав. Не обошлось и без скандала, когда французский переводчик, католический священник А. Делямар, самолично в результате жульнических махинаций (о чем позднее неоднократно будут вспоминать, возмущаться и сокрушаться китайские сановники), добавил в китайский текст Пекинского франко-китайского договора от 25 октября 1860 г. пункт, разрешающий французским, а затем и всем остальным миссионерам во всех провинциях покупать и арендовать земли для построек, что прометчиво было принято китайской стороной¹.

Расширение площади контактов китайцев с иностранцами порождало панический страх правящей верхушки и побуждало маньчжурских сановников добиваться «сохранения лица» двора исключительно различного рода ритуально-процедурными каверзами. Они сознательно игнорировали наличие формальных дипломатических отношений, отражающих представления о регулярных международных контактах, сложившихся на европейской почве, и представляли изменения в практике взаимоотношений с Западом исключительно эпизодически пробуждающимися порывами милости и снисхождения со стороны «Сына Неба». В самые критические моменты ведения боевых действий и переговоров императора Сяньфэна волновали более всего не размер контрибуции, территориальные уступки или защита китайского рынка, а вопросы о том, согласятся ли иностранные послы на соблюдение церемониала *коутю*, будут ли они настаивать на передвижении в паланкинах в сопровождении эскорта при поездке в Пекин, не откажутся ли от ратификации договоров именно в Пекине, а не, например, в Гуанчжоу или Шанхае. «Кульминацией» переговорной тактики маньчжурского двора стала готовность, даже в случае отказа держав от аккредитации своих послов в Пекине, не добиваться увеличения тарифов с уровня 5%, а просто отменить все пошлины на все иностранные товары². Наконец, уже подписав Тяньцзиньские договоры в июне 1858 г., Цинское правительство под разными предлогами, следуя политике «не обороняться и не мириться», оттягивали их ратификацию вплоть до октября 1860 г., дождавшись захвата англо-французскими войсками Пекина и разорения летней резиденции Юаньминъюань. Примечательно, что даже после официальной ратификации Тяньцзиньских и Пекинских договоров двор неоднократно искал способы уклонения от их выполнения, серьезно рассматривая, в частности, «хитроумное» предложение фаворита императора, известного взяточника и казнокрада Су Шуня. Этот маньчжур, возглавивший Регент-

1. Дацзышен В.Г., Христианство в Китае: история и современность, М., 2007. С. 60.

2. Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 1, М., 1973. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVIII веке. М., 1980. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. С. 99.

ский совет после кончины Сяньфэна, выступал за отказ от возвращения императорской семьи из Жэхэ в Пекин, что давало, по его мнению, шанс путем фактического переноса столицы свести на нет и «обнулить» многие условия договоров, а, со временем и добиться очередного закрытия империи для иностранцев¹.

По мере расширения контактов с представителями европейской цивилизации в Китае складывалась доктрина усвоения так называемых варварских дел (*И у*), или «заморских дел» (*янь у*), т.е. концепция, осознающая необходимость срочного заимствования военно-технических достижений государств Запада, что явилось теоретической основой политики «самоусиления» (*цзыцян*) правящих кругов. Данная доктрина, впрочем, даже в трудах ее идейных вдохновителей, не ставила под сомнение превосходство морально-этических принципов и институциональных основ конфуцианства. В основе аргументации инициаторов преобразований лежал естественно традиционный тезис: «если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет». Находкой охранительной идеологии явилось суждение: «китайское учение — основное, западное учение — прикладное» (*чжун сюэ вэй бэнь, си сюэ вэй юн*), выработанное в рамках традиционной китайской формулы *ти – юн*, где «*ти*» — исконно китайское, базовое и неизменное, а «*юн*» — преходящее, вынужденно-утилитарное. Данная формула, играющая роль психологической анестезии, характеризует односторонний и однонаправленный цивилизующий характер воздействия Срединной империи на окружающий мир и могла бы стать эпиграфом для всей новой и новейшей истории эволюции конфуцианского мировоззрения. (Примечательно, что в современной северокорейской концепции социализма чучхе фигурирует тот же иероглиф «*ти*» (*чхе*) (аналогом напрашивается категория «самость»).

Подобная философия и протоколно-ритуальное рвение были присущи не только маньчжурским носителям власти, но и даже, казалось бы, самым революционно настроенным китайцам. Так, например, тайпины, провозгласившие своей идеологией христианство, воссоздали в мельчайших подробностях церемониал разного рода приветствий и здравниц в честь своих титулованных вождей, взяв за основу этикет, описанный в древнем трактате «*Чжоули*» («Ритуал Чжоу»). Англичан, вступивших в контакт с инсургентами, как «собратями по христианской религии», не могло не шокировать и отпугнуть требование руководителей повстанцев чтить вождя тайпинов Хун Сюцюаня, ежегодно приносить дары и воздавать ему при аудиенции высокие почести еще и как «второму (после Иисуса) сыну Бога». Еще более настораживали и пугали иностранцев явное нежелание вождей тайпинов идти на какие-либо уступки державам и перспектива, в случае победы сторонников Хун Сюцюаня, превращения со столь большим трудом достигнутых соглашений с официальным Пекином в «клочок бумаги»².

При любой трактовке пафос и конкретное содержание политики «самоусиления» сводились к стремлению представить практически все достижения Запада в экономике и общественно-политической жизни как некоего комплекса, который якобы зародился в свое время в Китае и, проделав замысловатый круг, вернулся в виде некоего «блудного сына» на китайскую родину³. Следует констатировать, что даже после поражения Китая в войне с Францией 1884–1885 гг. и с Японией 1894–1895 гг., когда стал очевиден крах политики «самоусиления» в ее исключительно технократическом варианте, и появилось большое количество книг и брошюр алармистского характера, содержащих призывы к заимствованию отдельных сторон и западных институциональных ценностей, пафос

1. Schwartz B.G. The Chinese perception of the world order: past and present, *The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations*. ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press., Cambridge — Massachusetts, 1968, p. 11–12.
2. Новая история Китая, 1972, С. 155.
3. Новая история Китая, 1972. С. 261–263.

«китайской первородности», в значительной мере, сохранился. Практическая же внешне-политическая деятельность Китая стала явно носить «многоярусный характер», демонстрируя во всей ее изощренности черты китайской тактики и стратегии, известной в литературе как «стратегическая дипломатия»¹.

Выдвигавшееся неоднократно эмиссарами западных держав требование учреждения в столице китайской империи постоянных дипломатических представительств иностранных государств, а также центрального внешнеполитического ведомства Китая, ответственного за налаживание нормального, по европейским понятиям, дипломатического обмена стало главной болевой точкой дальнейшего переговорного процесса. Следует признать, что даже осознавая свою военную и политическую слабость, цинские чиновники-переговорщики, о чем речь пойдет далее, всячески пытались «сохранить лицо», вели переговоры с державами весьма изобретательно и напористо и уж во всяком случае были далеки от того, что можно бы было назвать «капитулянтством». Верные классическому принципу китайской дипломатии «использовать одних варваров против других», они стремились по возможности избегать вооруженных конфликтов с более мощными державами, постоянно старались затягивать переговоры и шли на уступки главным образом за счет «вассалов» Китая. Практически ожидаемого радикального перехода от традиционных, «данических», к современным «договорным» отношениям и вступления Китая в равноправную «семью наций» не произошло. Система «вассалитета», почти по «закону Паркинсона», не могла исчезнуть бесследно и продолжала по инерции «работать на себя» и, в результате, обе модели внешнеполитического устройства еще длительное время сосуществовали как бы «параллельно» и отнюдь не только в подсознании китайских царедворцев. Это не мешает, впрочем, ряду авторов рассматривать учреждение постоянных миссий в Пекине как основную цель и главный результат второй «опиумной войны», характеризуя это в качестве необходимого этапа для завершения начавшегося после первой «опиумной войны» перехода Китая от «данических отношений» с внешним миром к «договорным отношениям»².

После того как начиная с 1858 г., сразу после подписания Тяньцзиньских договоров, представители иностранных государств отказались иметь дело и даже встречаться с любимыми представителями местных властей, а Россия стала откровенно бойкотировать *Лифаньюань* («Палату по управлению варварами», именуемую также «Монгольский приказ»), остро встал вопрос о необходимости срочного учреждения централизованного и ответственного ведомства внешних сношений. Установление отношений «на основе полного равенства» Цинской империи с западными державами после официального одобрения китайским императором условий Пекинских соглашений и вывода англо-французских войск из района Пекина и частично из Тяньцзиня (это, кстати, побудило трон прийти к выводу, что «варвары» ведут себя не по-китайски странно, ибо, в отличие от тех же тайпинов, не ставят целью насаждение новой своей династии!) не означало еще краха политики цинских консерваторов, направленной на самоизоляцию страны от внешнего мира. Но фактическое установление дипломатических и торговых сношений империи Цин с державами Запада, усиленно стремящимися создать и укрепить в правящей элите Китая свое лобби, способствовало постепенному увеличению в правительстве сторонников заимствования Китаем западного вооружения и европейских технических достижений. Сокрушительное и очевидное поражение Китая во второй «опиумной войне» не умаляет, с учетом вышесказанного, «коллективной смелости» «императорского уполномоченного» младшего сводного брата императора Сяньфэна великого князя Гуна

1. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVIII веке. М., 1980. С. 51.

2. Hertslet, Edward Sir, Treaties, &c., between Great Britain and China: and between China and foreign powers; 3. ed., Harrison and sons, London, 1908. P. 5–12; Fairbank, 1971, p. 143.

(Ай Синь) (1833–1898), его тестя, «главного ученого мужа», члена Императорского секретариата Гуй Ляна и «заместителя левой руки» Ведомства налогов Вэнь Сяна, которые, буквально рискуя головой, подготовили приводимый нами ниже Меморандум. Впрочем, веками разработанные бюрократические процедуры, именуемые так называемой системой *яньлу* («дорога суждений»), предусматривали возможность непосредственной апелляции к трону в критических ситуациях с соответствующим образом составленными предложениями по преодолению кризиса. Подталкивали 27-летнего князя Гуна в его инициативе и посулы, дружно звучащие из уст иностранцев, стремившихся реализовать положения Тяньцзиньских соглашений об учреждении постоянных миссий своих посланников в Пекине, в частности, первого британского министра-посланника в Китае Фредерика Брюса, главы английского представительства лорда Эльджина и главы французской миссии барона Гро, которые наперебой заверяли Ай Синя, оставшегося фактически единственным сановником высшего ранга в столице после дружного бегства двора в Жэхэ (ныне город Чэндэ провинции Хэбэй. — В.К.), что именно его державы хотели бы видеть главой будущего столичного «Департамента иностранных дел»¹.

В результате драматической борьбы (приведшей в итоге к обезглавливанию наиболее активно противодействующего реализации плана Гуна Су Шуня по смерти в августе 1861 г. в Жэхэ его покровителя императора Сяньфэна, так и не осмелившемуся вернуться в столицу после позорной «потери лица»), победу одержала линия, считавшая необходимым и возможным снятие непосредственной угрозы путем формального соблюдения положений договоров. При этом, даже не понимая до конца истинные намерения держав, ведущих себя порой достаточно странно с точки зрения концепции «династийного цикла», предполагающей неизбежность создания либо новой «заморской» династии, либо поддержку китайских инсургентов, цинский двор считал возможным продемонстрировать свою готовность соблюдать Тяньцзиньские и Пекинские договоры. Разумеется, не «теряя лица» в глазах подданных и не уступая державам ничего сверх того, что было точно оговорено их статьями. Стремление удержать державы от поддержки «братьев во Христе» тайпинов, победа которых неизбежно превратит все достигнутые такой большой ценой договоренности с Пекином в «клочок бумаги», возобладало над традиционными комплексами ксенофобии. Наконец, помимо фактора постоянного давления держав, отказывающихся иметь дело с *Либу* (Ведомством церемоний) и *Лифаньюанем* и требующих немедленного создания ответственного централизованного внешнеполитического органа в правительственной системе Китая, само учреждение в Пекине иностранных дипломатических миссий поставило вопрос, какое ведомство будет заниматься выделением им резиденций, коммунальным обслуживанием, протокольным приемом посланников, выплатой репараций державам, урегулированием деятельности иностранцев в открытых портах и пр.

Одобренный в итоге императором Сяньфэном 13 января 1861 г. Меморандум, как образчик «стратагемного мышления», заслуживает того, чтобы привести его в более подробном виде. Он содержит шесть конкретных предложений: 1. Учредить в столице «Канцелярию по общему управлению делами различных стран» (*Цзунли гэго шиу ямэнь*, сокр. *Цзунли ямэнь*) как «специализированное учреждение», призванное «упорядочить сбор информации обо всех странах, поступающей в виде докладов от губернаторов внешних провинций» и «в обобщенном виде доводить ее до сведения Военного совета (*Цзюньцзичу*). Канцелярия, несущая «единоличную ответственность» за «ведение» дел «всех стран» и «контакты с ними в специально выделенном присутствии», должна была непосредственно возглавляться великими князьями и косвенно контролироваться канцлером Военного совета. В состав *Цзунли ямэня* должны были входить «заседающие по

1. Hugh B. O'Neill, Companion to Chinese History. N.Y.-Oxford, 1987, p. 104.

совместительству и попеременно» 8 высших сановников из руководства «столичных палат и ведомств» – как маньчжуров, так и ханьцев (фактически Канцелярия была узурпирована маньчжурами). В Меморандуме особо подчеркивается, что Канцелярия подлежала упразднению «как только подавление восстания *няньцзюней* и упорядочение дел внешних стран снимут военную угрозу», а ее функции «должны вновь отойти к Военному совету, и прежнее положение восстановится». 2. Учредить (также на временной основе) канцелярии двух «императорских торговых особоуполномоченных» (*баньли туншиан дачэнь*) «северных морей» в Тяньцзине и «южных морей» в Шанхае для контроля за «нежелающими повиноваться иноземцами (*гэго*)» и «импортом (*цзинькоу*) и экспортом (*чужоу*)» в северных и южных портах, включая Янцзы, «открытых для торговли (*туншиан*)». Эти «уполномоченные» обязаны будут действовать в координации с уже имеющимися «императорскими эмиссарами» (*цинъчай дачэнь*) 5 портов, определенных Нанкинским договором, а также с провинциальными губернаторами, в частности с Цзэн Гофанем, которые «явно не справляются с делом усмирения вассалов (*фанъчжэнь*)». Что касается провинций Гири и Хэйлуцзян, «ставших объектом вторжения и оккупации русских», то поставлять ежемесячно необходимую информацию о «ситуации на границе (*чжунвай бианъцзе*)» и осуществлять контроль за «международными контактами (*чжунвай цзяошэ*)» призваны были уполномоченные военных губернаторов – *цзянцзюньей*. 3. Организовать в портах, открытых для торговли, усложнившийся учет и сбор в казну таможенных пошлин (*яньшуй*) силами имеющихся и вновь создаваемых представителями провинциальных властей «таможенных постов (*коуань*)» под непосредственным контролем «императорских торговых особоуполномоченных». 4. Наладить сбор информации в провинциях «ведущих делами внешних государств (*баньли вайго шицзянь*)» высшими чиновниками и обеспечить своевременную доставку соответствующих сведений в столицу для ее «обобщения и централизованного упорядочения Цзунли ямэнем». Организовать своевременную координацию и обмен через доверенных людей информацией, касающейся контактов с «внешними государствами-уделами (*вайго*)», между «особоуполномоченными», губернаторами и наместниками провинций, строго обеспечив ее секретность. 5. Отобрать по два «надежных» человека из Гуандуна и Шанхая, «знающих письменность и язык трех внешних государств – Англии (*Ии*), Франции (*Фо*) и Америки (*Ми*)», и прислать их в Пекин. С примечанием: «В прошлом был учрежден *Тунвэньгуань* для изучения русских иероглифов», но сегодня очевидно, что «это было малополезно и лишь для проформы»... «А ведь для ведения дел с «вайго» необходимо, прежде всего, знать их нрав и повадки (*синтин*)». Эти четверо должны привезти с собой соответствующие книги и обучать группу по 4–5 человек каждый из наиболее способных юношей в возрасте 13–14 лет, отобранных из состава «восьмизнаменных войск». По аналогии с «русским павильоном (*элосы гуань*)», «прошедшие двухлетнее обучение и преуспевшие — поощряются». 6. Сбирать во всех портах сведения о внешней и внутренней торговле и печатную информацию различных государств, дабы ежемесячно докладывать об этом Цзунли ямэню. Особое внимание следует уделять положениям о торговле (*туншиан*), содержащимся во вновь подписанных разными странами договорах на предмет своевременной текстуальной «проверки приемлемости и справедливости» условий новых и старых торговых сделок между *Чжун* (Китаем) и *вай* (внешним миром). «Занимаясь делами разных государств», следует в первую очередь «знать их подноготную (*чжи ци диси*)»... И хотя многообразным печатным изданиям различных стран нельзя во всем доверять, общее представление они создают»¹.

1. Zhonghua zhengzhijia juece dajian: [Большой словарь судьбоносных решений китайских политиков] Пекин, 1997. С. 1120–1122 (in Chinese).

Аргументация необходимости проведения предлагаемых в Меморандуме мероприятий строго выдержана в китайских классических канонах: «Хаос в Поднебесной (*Тянься дацзюй*)», вызванный «бесчинствами», «алчностью», «коварством» «варваров — и», (здесь авторы на скуются на эпитеты), которые «воспользовавшись нашей слабостью», вызванной «бунтами няньцзюней на Севере и «длинноволосых» (тайпинов) на Юге», вторглись своими войсками «во главе с Англией (*Инго*), Россия (*Эго*) с фланга, а Франция (*Фо*) и Америка (*Ми*) из засады» вплоть до «столицы (цзинчэн)». Составители меморандума явно руководствуются исключительно стремлением, в духе встречающейся неоднократно в истории Китая практики, когда сановники участвовали в конкурсе по представлению императору (причем в стихотворной форме) самого эффективного и эффективного плана грядущего военного сражения, и в русле стратагемы № 16 «Чтобы поймать — сначала отпусти», найти хитроумный рецепт получения выигрыша во времени и пространстве и, в итоге, обмана и разгрома очередного «варвара». «Озабоченные создавшимся положением дел в своей стране (*Гоцзя*)» инициаторы мероприятий «предлагают шесть конъюнктурных шагов», руководствуясь единственным стремлением, в первую очередь, уничтожить тайпинов и няньцзюней, а, во-вторых, «обуздать» (*чжи*) Россию, «алчно стремящуюся шаг за шагом обгрызывать чужие владения (*саньши*)», и Англию, «жаждущую ничем не ограниченного и своекорыстного доступа к торговле»¹. Любопытно, что в тексте Меморандума отсутствует название «*Чжунго*» (Срединное государство), а этимология биномов «*Вайго*», «*Гэго*», интерпретируемая в контексте как исключительно «чужестранное», «некитайское», наталкивает на вывод о значении иероглифа «го» как структурной («государство», «царство», «вотчина», «удел», соответствующие канону иероглифу «*го*»), но далеко не суверенной единице.

Очевидно, что в конъюнктурных целях, руководствуясь цитируемым авторами документа китайским изречением «Прибегай к миру и дружбе, когда обстоятельства вынуждают к этому, но считай войну и оборону своей единственно реальной политикой» (*и хэ вэй цюань, чжань шоу вэй шиши*), цинский двор приступил к разыгрыванию очередного стратагемного спектакля. Сохранению имиджа двора в глазах подданных способствовал и традиционный пиетет перед традицией конформизма во имя выживания, а также поощрение и восхваление мудрых правителей, которые шли на уступки врагам во имя сохранения внутренней гармонии и стабильности, и, напротив, осуждение тех, кто своей твердолобостью доводил страну до краха². В условиях явного бойкота со стороны иностранцев в отношении пугающих своими косностью и высокомерием Ведомства церемоний и *Лифаньюаня*, а также в связи с нежеланием представителей держав ограничивать свои контакты с китайской бюрократической машиной исключительно аппаратом генерал-губернатора в Гуанчжоу и специально командировемыми для переговоров «уполномоченными министрами», цинское правительство вынуждено было заняться блефом и субституцией, т.е. подменой подлинного Министерства иностранных дел некой подделкой. На авансцену контактов с иностранцами маньчжуры выставили «Общую канцелярию» (устоявшееся в отечественной литературе название «Ямэнь»), играющую роль некой грандиозной ширмы, призванной изолировать «диких заморских дьяволов» от императора, создав одновременно полную иллюзию некоего Форин офиса в столице и сведя до фикции все усилия держав по навязыванию Китаю посольских дипломатических отношений на европейский манер. На местах же было сделано все, дабы добиться утопической цели полной изоляции «иностранцев» от китайских подданных, создав вокруг них тонкую, но масштабную и отлично вымуштрованную и контролируруемую прослойку

1. Zhonghua zhengzhijia juece dajian: [Большой словарь судьбоносных решений китайских политиков] Пекин, 1997. С. 1120 (in Chinese).
2. *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. С. 246.

«уполномоченных» на контакты с представителями иностранных держав. Цинские власти не могло не беспокоить то, что в открытых портах иностранный капитал стремительно «обрастал» многочисленным слоем «майбаней», или «компрадоров», к услугам которых иностранцы широко прибегали при проведении своих торговых операций в Китае. Еще более беспокоил Пекин стремительный рост числа китайцев-христиан, (которых, впрочем, волновала более проблема обретения некой коммерческой «крыши» в лице приходов и миссионеров, чем сакральные вопросы спасения души). Причем радикально нового ничего не предлагалось, а лишь расширялась путем создания офисов «особоуполномоченных северными и южными морями» сфера применения схемы контактов, апробированная, в частности, на «даннических отношениях» с Россией через Ургу и с Англией через генерал-губернатора и «Гунхан» в Кантоне. Таким образом решалась двуединая задача: с одной стороны, двор боялся «оскоромиться» прямыми контактами с новыми неуправляемыми «варварами», а, с другой, не мог допустить возможного сговора местных властей с иностранцами, упустив монопольный контроль над любыми внешними контактами.

Все указанные мероприятия носили в представлении маньчжурских сановников характер «вынужденной уловки», дающей некий пространственно-временной выигрыш и возможность добиться восстановления «гармоничного правления» внутри страны (это в Меморандуме прописано как основная задача — *бэнь*) в результате подавления «восстаний няньцзюней, полыхающего на Севере и длинноволосых (тайпинов) — на Юге», которые «одни за другими одерживают победы, создавая угрозу для нашего сердца и внутренностей» и имели своей целью (трон не питал в этом плане никаких иллюзий), свержение маньчжурского господства и создание новой династии в соответствии с классической китайской схемой, сформулированной еще Мэнцзы, «смены небесного мандата» (*гэмин*). В отличие от них, «безумные» и «бесчинствующие варвары — И», что было достаточно загадочно для придворных аналитиков, придерживались собственной, непонятной китайцам логики и, «завладев алтарем», не пошли на смену династии, а довольствовались подписанием каких-то бумажек, свидетельством чего явился отвод объединенных англо-французских войск из Пекина в Тяньцзинь после подписания Пекинского договора в ноябре 1860 г. Впрочем, продолжала вызывать серьезные опасения двор и возможность «сговора» тайпинов с их «братьями во Христе» западными державами, а также контакты с «варварами» китайских региональных клик, что делало необходимость срочных шагов, направленных на нейтрализацию «долгоносиков» и «красноволосых» (так длительное время именовали в Китае иностранцев), крайне актуальной. Хотя в тексте меморандума еще не встречаются столь популярное впоследствии слова *яньу юньдун* («движение за овладение достижениями иностранцев») и *цзыцян* («самоусиление»), аналогичная мысль выражается в нем словами: «самим планировать свое возрождение (*цзы ту чжэнь син*)», а весь документ пронизывает тезис: «если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет». Общая канцелярия выступала в качестве исключительно временного специализированного учреждения, находящегося под непосредственным руководством маньчжурских князей и глав шести приказов, и «как только военная компания закончится, и дела различных стран будут упорядочены», она подлежала упразднению вместе с навязанными державами договорами. Аналогичным образом офисы «императорских торговых особоуполномоченных» также должны были быть упразднены, а их таможенные функции возвращены провинциальным властям по мере упразднения форс-мажорных обстоятельств. Авторы Меморандума, исходящие из классического китайского принципа «для умирения внешнего следует вначале умиротворить внутреннее», следующим образом излагают суть своей стратагемы: «Если в Тяньцзине, (где в то время еще находились иностранные войска), дела пойдут нормаль-

но, то поселившиеся в столице варварские вожди будут угнетены и задумаются, в конце концов, о возвращении домой»¹. Как видно, кочующий еще из практики римского права принцип *pacta sunt servanda* не имел для цинского двора сколь-нибудь сакрального значения в его диалоге с «варварами». Практически, вплоть до 1901 г., когда после разгрома державами «восстания ихэтуаней», рассматриваемого при дворе императрицы Цыси в качестве вожделенного реванша, Общая канцелярия была упразднена и заменена на более похожее на МИД «Ведомство иностранных дел» (*Вайубу*), она играла роль величайшей уловки лавирующей империи².

Фактически *Цзунли ямынь* («Общая канцелярия») ведала делами только европейских стран и США, (вопросами Японии негласно занимался Русский отдел Канцелярии), в то время как «старыми вассалами» и протокольным оформлением получения «дани» от них продолжали заниматься «Ведомство церемоний», провинциальные власти и «*Ли-фаньюань*» (тот же иероглиф «*ли*» – ведать, управлять). Примечательно, что последнее «принесение дани», вручение церемониальных одежд и присвоение титулов новым королям и премьер-министрам династии Рана Непала было зафиксировано уже в республиканском Китае в 1946 г.³ В первые же дни существования Канцелярии некоторые «лингвистические странности» не могли не насторожить иностранных представителей, научных горьким опытом общения со «стратагемными» китайскими чиновниками. Уже с самим названием ее возникли сложности, недоразумения и разночтения. В императорском указе от 20 января 1861 г. новое учреждение именовалось *Цзунли гэго туншан шиу ямэнь* («Канцелярией по общему управлению торговыми делами различных стран»). Добавление двором в название нового ведомства слова *туншан* (буквально — «доступ к торговле»), по сути, было более корректным как с точки зрения концепции инициаторов его создания, так и стилистически, в пику несурзному, с точки зрения европейцев, «Управлению делами всех стран». Однако европейских представителей явно настораживало стремление маньчжурских казуистов, уже этимологически, ограничить компетенцию учреждаемого *ямыня* исключительно сферой торговых отношений, явно ущербной по сравнению с «политикой» в системе приоритетов китайцев. Назначенный императорским указом главой Канцелярии великий князь Гун, в свою очередь, исходя, в том числе, и из соображений собственного престижа и политического веса в придворной иерархии, предупреждал, что данный вариант названия обязательно отпугнет иноземцев, и настаивал на том, чтобы вверенное ему учреждение ведало всеми сферами, затрагиваемыми контактами с внешним миром. Однако, так как вновь обращаться к императору уже после обнародования эдикта было, по крайней мере, неучтиво, в различных документах Канцелярии как бы параллельно фигурировали оба названия — и первоначальное, и в императорской редакции. Продлилась подобная искусная манипуляция, при которой официальное полное название Канцелярии тщательно избегалось в корреспонденции с иностранцами, в течение всех 40 лет ее существования. Чаще же всего в зарубежных контактах использовалось сокращенное наименование канцелярии *Цзунли ямэнь* («Ямэнь общего управления»), либо еще короче *Цзуншиу* («Генеральная канцелярия»), а иногда и *Шиу* («Переводческая канцелярия»). Иностранцы, имевшие возможность неоднократно убедиться в том, что за словесной казуистикой китайцев нет ничего случайного и спонтанного, даже за содержащимся в названии Ямыня иероглифом «*ли*» (ведать, управлять) усматривали настораживающую связь с архаичной Лифаньюань, длительное время ведавшей контактами с «го» монголо-тибетского и мусульманского мира, в т.ч. и с

1. *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. С. 1121.*

2. См.: Wu Fuhuan, 1995.

3. Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 308–309, 375.

Россией, считая это также своего рода уловкой, направленной на поддержание уязвленного самолюбия и комплекса превосходства китайцев¹.

Соглашаясь в принципе с потенциальной и вполне объяснимой в контексте «стратегической казуистики» возможности такого рода лингвистического блефа, полагаем, тем не менее, что в данном случае речь идет не только о неизменном стремлении китайских авторов поддержать имидж превосходства Средней империи. Мучительная «перестройка» и адаптация повергнутого императорского Китая перед лицом жестких требований держав-победительниц осложнялась, помимо прочего, буквальным «взаимонепониманием» в рамках начинающегося «межцивилизационного диалога». Ведь традиционное китайское сознание не выработало терминов, адекватных понятиям «народ», «нация», «общество», а такие категории, как «национальные интересы», «суверенитет», «территориальная целостность», «право» и т.д., вообще вплоть до XX века отсутствовали. Этимология же содержания таких китайских понятий, как *чжэньчжи* и *цзинци*, не укладывалась полностью в семантическое поле их порой ошибочно подразумеваемых европейских аналогов «политика» и «экономика». Помимо прочего, шел сложный и мучительный процесс поиска в арсеналах китайской иероглифики эквивалента английского словосочетания *Foreign Office*. Не случайно в поисках адекватного перевода в китайских официальных документах в 1858 г. появляется, например, такое любопытное словосочетание, как *Эго цзунли гэго шу дачэнь*, что в китайской версии призвано означать «Министр иностранных дел России» (буквально: «русский общеправляющий делами всех стран великий сановник»)². Здесь уместно вспомнить, что китайская цивилизация является единственной сохранившей иероглифическую письменность, предопределяющую уникальную систему рефлексии в сфере как конструирования понятий, так и самого стиля мышления. Пиктографические истоки китайской иероглифики, диктующие необходимость компоновки целого (составного иероглифа) из первичных, в свою очередь обладающих устойчивыми конкретными значениями пиктограмм-ключей, предопределили разительную несхожесть способа дедуктивного рассуждения китайцев и сложность коммуникации в ходе начинающегося диалога Китая и Запада. Как отмечали многие отечественные и зарубежные авторы, здание китайской логико-методологической мысли возводилось на совершенно ином лингвистическом фундаменте, а самой существенной чертой этой инаковости является то изначальное кардинальное различие между фонетическим и идеографическим письмом, которое разделяет индоевропейскую и китайскую гносеологии³.

Перенесение ключевых понятий западной мысли, не имеющих аналогов в китайском языке, в традиционную систему политических представлений и этических норм шло главным образом за счет подбора словосочетаний из классического китайского словаря. Случайный и спорадический характер использования старых иероглифических клише из древних канонов для передачи значения новых понятий разными авторами приводил к существенной их трансформации и размыванию их значений, затруднял адекватное восприятие категорий западноевропейской мысли. Лишь позднее в Китае стали частично использовать устоявшуюся политическую лексику, заимствованную из Японии, где она раньше вошла в оборот. Значительно реже китайские переводчики пользовались фонетической калькой для передачи иностранных терминов⁴. На момент создания *Цзунли ямэня* в обороте при дворе устоялось словосочетание *гэго шу* («дела всех народов») для перевода европейского понятия «международные отношения», которое лишь к нача-

1. *Marting. W.A. A Cycle of Cathay. 2nd ad., N.Y., 1897, p. 338.*

2. *The Government of China, 1644–1911. Baltimore, 1925, p. 238.*

3. *Кобзев А.И. Учение о символах и числах в классической китайской философии. М., 1994.*

4. *Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX — XX веков. М., 2001. С. 3–4.*

лу XX века было вытеснено современным китайским аналогом *гоцзи гуаньси* (буквально «межгосударственные отношения»).

На начальном этапе деятельность Канцелярии, состоявшей из руководства и технического секретариата, не отличалась от функционирования ряда традиционных ведомств Китая ни по организационным принципам, ни по процедурам выработки и принятия решений. После серьезных раздумий было принято решение о том, что с учетом ряда факторов целесообразным будет, чтобы во главе ямэня находились маньчжурские князья попеременно, а свои доклады-отчеты они направляли Военному совету. Почти все члены руководства Канцелярии, несущие коллективную ответственность, одновременно занимали какой-либо ответственный пост в других правительственных учреждениях, так что она в соответствии с замыслом великого князя Гуна вскоре превратилась в своеобразный совет регулярно собирающихся вместе ведущих государственных деятелей империи. Донесения чиновников с мест император разрешил направлять в Канцелярию только через Приказ церемоний (*Либу*), и лишь исключительно жизненно важную информацию докладывать непосредственно трону, подготавливая для сведения Цзунли ямэня лишь некоторые копии через аппарат Военного совета. Для работы с документами, абсолютное большинство которых носили секретный характер, в Канцелярию были направлены для работы по совместительству восемь технических секретарей (функцию одного из них будет в свое время исполнять известный реформатор Кан Ювэй), из Секретариата Военного Совета. Все это было сознательно призвано поставить под сомнение статус Канцелярии как самостоятельного, ответственного ведомства и посредством ограничения ее полномочий реально ущемить права иностранных миссий в Пекине. Не случайно первоначально Цзунли ямэнь была размещена в довольно грязном и непривлекательном комплексе зданий буддистского храма «Цзясиньсы» на северо-западе столицы. 11 марта 1861 г. чиновниками Либу была проведена церемония открытия офиса и ее главе была вручена вновь выгравированная официальная печать Канцелярии. Уже 11 ноября того же года Ямэнь переселилась в специально отремонтированное, но также невзрачное здание, ранее принадлежавшее «Департаменту железных монет» в восточной части «Запретного города» в императорском комплексе Гугун. Мало что свидетельствовало о том, что наступила новая эра в становлении дипломатической службы Китая¹.

На начальном этапе Цзунли ямэнь даже не считалась частью центрального правительства и почти 30 лет существования не вносилась в так называемую Красную книгу – «Полный реестр государственных учреждений» (*Циньшиэнь цюаньшу*). Ведь предполагалось, что данная Канцелярия, не имевшая даже собственного устава, орган временный, и после подавления восстаний тайпинов и няньцзюней, когда обстановка стабилизируется и иностранные дела потеряют свою значимость, она будет упразднена. Уже простой анализ организационной структуры выявляет ряд несуразностей, свидетельствующих о «пожарном порядке» комплектации Канцелярии (по принципу *ad hoc*), отсутствии перспективного плана моделирования прообраза внешнеполитического ведомства, подмененного разовым конъюнктурным «залатыванием дыр», а также об укоренившемся рефлексорном стиле китайцев, склонных к решению проблем только по мере их возникновения. Разделение сфер компетенций между департаментами, свидетельствующее об уровне представлений маньчжурского двора о политической географии современного мира, зачастую было просто лишено логики и предопределяло малую эффективность деятельности Канцелярии. Так, дела Австро-Венгрии почему-то оказались в Английском отделе, в то время, как Германии, Италии и еще пяти европейских государств — в Американском, а Бразилии — во Французском. Тем не менее, дальнейшие события предопредели-

1. *Masataka Banno*, *China and the West, 1858–1861: The Origins of the Tsunli Yamen*, Cambridge-Mass. 1964, p. 230–231.

ли жизнеспособность этого учреждения, тем более, что однажды созданное бюрократическое ведомство как бы начинает уже жить самостоятельной жизнью и работать само на себя. В отличие от других центральных учреждений империи (Императорский секретариат и шесть приказов), где руководящие посты занимались попеременно равным числом маньчжуров и китайцев, Цзунли ямэнь с самого начала была задумана как технический орган при Военном совете и инструмент абсолютного контроля над любыми внешними контактами империи в руках исключительно маньчжурской верхушки. Временный характер создаваемой канцелярии, а также фикция продолжения функционирования «даннической системы» (ведь Лифаньюань официально никто никогда не упразднил) необходима была двору, прежде всего, для внутреннего пользования, дабы представить ее некой стратегической уловкой, обеспечивающей выигрыш во времени и сохранение монополии трона на все зарубежные связи. Помимо провинциальных властей и императорских комиссаров и уполномоченных в сфере международных отношений, продолжал оперировать также бойкотируемый Россией Лифаньюань и императорский наместник — *амбань* в Урге, поддерживающий интенсивные контакты с представителями России, а также Палата церемоний, продолжавшая вплоть до 1882 г. оформлять очередные получения дани от Кореи. Значительную автономию от Цзунли ямэня демонстрировали также китайские посланники за рубежом, считавшие себя ответственными исключительно перед императором. Деятельность Канцелярии сводилась в итоге лишь к фиксации и косвенной координации внешнеполитических контактов с китайской стороны, а его усилия ограничивались решением вопросов, связанных с пребыванием в Пекине иностранных миссий в рамках протокольной службы, с вопросами дипломатической переписки и составлении официальных докладов трону, а также с массой проблем, не связанных непосредственно с дипломатическими отношениями. Не удивительно, что из 48 договоров, подписанных и ратифицированных Китаем с различными странами за весь период функционирования Цзунли ямэня, лишь четыре, причем весьма мало важных, связанных с вопросами торговли и делами хуацяо, были подписаны при участии князя главы Канцелярии и членов Коллегии Цзунли ямэня¹.

При всей неординарности организационной структуры и функционирования центрального аппарата – прообраза внешнеполитического ведомства империи, его принципиальная китаецентристская позиция категорического отказа от посылки своего постоянного посольства в Европу поражает еще больше. Длительное время цинский двор отчаянно сопротивлялся и ни в коем случае не желал направлять свои постоянные миссии за рубеж, в духе тезиса, содержащегося еще в памятном письме-указе (сентябрь 1793) императора Цяньлуна королю Великобритании Георгу III: «Ни Я не выезжаю за пределы Поднебесной, ни мои подданные подобных вояжей не совершают»... «Предположим, Я направлю Посла в твою страну, как же ты сможешь организовать для него все необходимое? В Европе много других государств, кроме твоего собственного: если каждое и все они захотят иметь представительства при нашем Дворе, как же мы можем согласиться на это? Такое никак не возможно»... «Если ты испытываешь благоговение перед нашей Небесной династией и хочешь ознакомиться с нашей цивилизацией, то наши церемонии и свод наших законов в корне отличаются от твоих. Даже если твой Посланник был бы способен познать основы нашей цивилизации, ты вряд ли смог бы перенести наши манеры и обычаи на свою почву, чуждую для них»².

1. Treaties, conventions, etc. between China and Foreign states, 2 vol, 2nd ed. Shanghai, 1917; *Meng S.M.*, The Tzongli yamen: its organization and functions, Harvard (Cambridge, Mass.), 1962, p. 30–43.

2. *Cheng, Lestz, and Spence*, eds., The Search for Modern China: A Documentary Collection. New York: W. W. Norton, 1999, p. 104–106. Op.cit. Henry Kissinger, *ON CHINA*, AST Publishers, 2017.

Самой поразительной, но отнюдь не последней уловкой Цзунли ямэня в этом плане была попытка использовать иностранного наемника, бывшего американского посланника в Китае Ансона Бурлингейма (1820–1870), в качестве главы первой китайской дипломатической миссии, посетившей с 1868 по 1870 г. США и страны Европы. Немалое значение в принятии двором данного решения имело то, что А. Бурлингейм, адвокат и конгрессмен, назначенный 14 июня 1861 г. президентом США Авраамом Линкольном американским посланником в Цинской империи и наладивший доверительные отношения с великим князем Гуном, владел иностранными языками и имел опыт международного общения в соответствии с нормами, стандартами и этикетом западного дипломатического протокола. Однако главным мотивом, несомненно, было то, что, прекратив исполнение обязанностей посланника в 1867 г., Бурлингейм сохранил американское гражданство и не мог никак скомпрометировать неуклонную позицию цинского трона, не желавшего «поступить по принципам» и послать своего подданного в качестве уже не эмиссара императора, а посланника Китая за рубеж. Не случайно именно он, а не сопровождавшие его высокопоставленные маньчжурские чиновники Чжи Ган и Сунь Цзягу в ранге Полномочных министров, в обязанности которых входили лишь контроль, ведение дневниковых записей и составление соответствующих отчетов, был назначен официальным главой миссии в ранге Чрезвычайного Посланника. В состав посольства входили также английский и французский секретари, три драгомана (переводчика), врач и шесть прикомандированных студентов школы иностранных языков Тунвэньгуань, а также супруга А. Бурлингейма¹.

Уже в США подобная миссия потерпела фиаско, ибо американское правительство отказало в выдаче ему агремана, не пожелав принять в качестве китайского дипломатического представителя гражданина США. Впрочем, Пекин злопамятно «отомстил» Вашингтону, отказав в агремане назначенному Соединёнными Штатами в 1891 г. посланником в Китае Г.У. Блэру под тем предлогом, что, якобы, в 1882 и 1888 г. в своих выступлениях в сенате он «жестко оскорблял Китай»². Дополнительным аргументом в пользу того, что в сюжете с Бурлингеймом речь явно не шла о привлечении иностранного эксперта в неведомой для китайцев сфере дипломатического протокола и этикета, можно считать то, что во всех последующих китайских зарубежных миссиях иностранцев, главным образом из таможенного управления, направляли исключительно в качестве советников и переводчиков, но ни в коем случае не в роли глав делегаций. Очевидно, что китайское правительство делало осознанную попытку создать очередной «буфер» в лице совершенно искусственной наднациональной структуры, что вполне допускалось традиционной стратеминой концепцией. Что абсолютно не допускалось, так это обратная рокировка, т.е. использование китайского подданного для «поднесения дани» китайскому императору. Вспомним, например, полную неудачу, которую потерпели неоднократные попытки переправить в Китай послание короля Англии Якова I в адрес китайского императора, используя китайских купцов, в начале XVII века. Никто из китайцев, великолепно осознающих смертельную опасность подобной миссии, несмотря на щедрую плату, предлагавшуюся со стороны Ост-Индской компании, не взялся выполнить подобное поручение³. Очевидно, что подобная очередная уловка цинского двора призвана была одновременно и соответствовать навязанным нормам

1. *Zhi Gang, Chu shi tai xi ji*: [Чжи Ган, Записки о первом посольстве на Запад, (Чу ши тай си цзи)]. Чанша, 1981, р. 10–12 (in Chinese).
2. Федоров Л. Дипломат и консул. М., 1965. С. 46.
3. *Pritchard E.H. Anglo-Chinese Relations during the Seventeenth and Eighteenth Centures*, Chicago, 1929, p. 54.

современных международных отношений, и «не оскоромиться», формально сохранив неизменными атрибуты «даннических» отношений.

Единственным практическим достижением миссии А. Бурлингейма в США стало согласование им и Госсекретарем США Уильямом Х. Сьюардом, его бывшим начальником, нескольких статей в дополнение к Тяньцзиньскому договору 1858 г. (*Reed Treaty*), что впоследствии получило общее название «договор Бурлингейма-Сьюарда». Этот договор предоставлял Цинской империи режим наибольшего благоприятствования в американо-китайской торговле и дипломатическом диалоге, давал некоторые гарантии хозяйственной деятельности и религиозной свободы на территории обеих стран, Китаю было предоставлено право открывать консульства во всех американских портовых городах и назначать своих консулов. «которые будут пользоваться теми же привилегиями и иммунитетами, которыми пользуются консулы Великобритании и России», а китайским гражданам – право путешествий и иммиграции в США в поисках работы и образования. Ничего подобного в столицах крупнейших европейских государств — Париже, Стокгольме, Копенгагене, Гааге, Берлине, Санкт-Петербурге, а затем после кончины Бурлингейма, — Брюсселе, Риме и Мадриде, несмотря на довольно пышный прием, достигнуто не было. Как известно, А. Бурлингейм заболел сразу после высочайшей аудиенции в Зимнем дворце и трагически скончался через несколько дней 23 февраля 1870 г. от воспаления легких. Делегацию возглавил по распоряжению из Пекина по телеграфу Чжи Ган, и она продолжила визит по Европе по заранее намеченной программе аудиенций, встреч и переговоров¹.

Явную печать стратегичности носила на себе и первая постоянная дипломатическая миссия цинского Китая, открывшаяся в Лондоне лишь в 1877 г. Возглавил ее известный китайский сановник и ученый-конфуцианец Го Сунтао, интеллектуал с ученой степенью цзиньши, ставленник хунаньского регионального клана, возглавляемого Цзэн Гофанем. Само назначение Го Сунтао 28 августа 1875 г. главой первой китайской миссии в Англию было вынужденной мерой, на которую трон пошел под давлением Лондона после «дела Маргари», дабы выразить соболезнование и извиниться за убийство переводчика представительства английского посланника во время его командировки в провинции Юньнань. Примечательно, что 59-летний Го Сунтао был назначен на новый пост в должности *шилан* («товарищ министра») от имени *Либу* (Ведомства Церемоний). Не последнюю роль в назначении именно Го Сунтао сыграло то, что при обмене ратификационными грамотами в Гуанчжоу с послом Нидерландов Ван дер Хувеном после подписания 6 октября 1863 г. Торгового договора он проявил особую бдительность, обнаружив подлог. Цинское правительство, болезненно относящееся к прецеденту, созданному машиной Делямара, высоко оценило упорство Го Сунтао, выявившего, что текст договора, представленного на ратификацию, не идентичен первоначальному подписанному варианту и настоявшего в ходе длившихся почти год переговоров на возвращении к первоначальному тексту. Это снискало при дворе для Го Сунтао авторитет эксперта по общению с иностранцами. Сопровождающие его лица в количестве 30 человек получили строгий наказ от Цзунли ямэня тщательно собирать любую ценную информацию об иностранцах и немедленно направлять ее в Пекин. Во исполнение этого наказа, глава миссии аккуратно записывал свои впечатления от увиденного еще в Гонконге и Сингапуре, а затем в Лондоне, направив их в Пекин, где они были опубликованы в типографии Канцелярии. Истерию недовольства вызвало описание Го Сунтао Лондона как города, «где улицы освещены фонарями, подобными мириаду звезд, по ним несутся тысячи машин и экипа-

1. Schrecker, John. "For the Equality of Men — for the Equality of Nations": Anson Burlingame and China's First Embassy to the United States, 1868, p. 9–34. *Journal of American-East Asian Relations* 17.1 (2010).

жей, из труб валит дым, и нет слов, дабы описать великолепие домов и грандиозность архитектурной планировки»¹ Наиболее яростной критике подвергся первый китайский дипломат у себя на родине в провинции Хунань, где земляки еще сам факт согласия Го на занятие столь сомнительной должности посла в Лондоне подвергали осмеянию и осуждению, а что касаясь его впечатлений от достижений культуры Запада, то расценили это как акт дискредитации одного из оплотов конфуцианства и компрометации подобной коллективной «потери лица» его клана и ближнего окружения. Особое недовольство в Китае вызвал тезис из работы Го Сунтао, вскоре, впрочем, запрещенной к распространению Цзунли ямэнем, о том, что «заграница весьма красочна и многообразна, там царит дух продуманных законов, человеколюбие и чувство долга весьма почитаются, мощь и богатство оставляют в сердце неизгладимое впечатление», а также его вывод: «Секрет подобной гармонизации народных и государевых интересов» и высочайшего «духа управления государством» (*чжиго чжэ цзин*), заключается в «политическом учении» (*чжэньцзяо*), институциональным воплощением которого выступает *Балимэнь* («Парламент») и *Майаэр ямэнь линминь цзысюань* («Выборность народом офисов мэров»)². Весьма знаменательным является то, что даже современный шанхайский исследователь Ян Сяочуань, автор статьи о Го Сунтао в сборнике, посвященном жизни и творчеству десяти самых видных китайских дипломатов из первой плеяды внешнеполитических деятелей в новой и новейшей истории Китая, не может удержаться от того, чтобы не упрекнуть Го Сунтао в «наивном пиетете перед Западом» и «недооценке агрессивной и вероломной сущности европейских держав»³. Между тем, не имея опыта в сфере принятых в Европе норм дипломатического протокола, он, тем не менее, весьма достойно предстал на аудиенции у королевы Великобритании Виктории на церемонии вручения верительных грамот. Строго следя за тем, чтобы был соблюден принцип «идентичности» в сравнении с послами других держав, Го Сунтао проявил упорство, пытаясь не вставать при исполнении государственного гимна Великобритании, не снимать головной убор в присутствии королевы и, несмотря на сопротивление английской стороны, настоял, дабы подчеркнуть особый статус Китая, на том, чтобы, вопреки общепринятым в Европе нормам, с китайской стороны, помимо посла, в церемонии участвовал и его заместитель Лю Сихун. Под влиянием острой критики цинское правительство готово было уже в конце 1877 г. отозвать на родину своего «отравленного ядом западничества» посла, причем, в значительной мере этому способствовал его штатный критик и конкурент, специально посланный вместе с ним в Лондон в качестве «заместителя посланника» (*фуши*) и «соруководителя» (*сянчи*), косный и малообразованный Лю Сихун, который буквально завалил Цзунли ямэнь доносами и обвинениями в адрес своего шефа. Только бюрократическая заминка, связанная с невозможностью срочно найти адекватную замену, не позволила сделать это немедленно, и они оба были отозваны на родину только 25 августа 1878 г. Го Сунтао явно обогнал свое «социальное время», призывая преодолеть ограниченность сторонников «политики самоусиления», уделяющих внимание исключительно «созданию кораблей и пушек» и игнорирующих принципиальное отличие Китая и Запада, заключающегося, по его убеждению, не в технике, а в «нравах и ментальности людей»

1. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Взращивания Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13. С. 8–17; т. 11. С. 544. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоцзя [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999, p. 17 (in Chinese)].
2. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Взращивания Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13. С. 8–17; т. 11. С. 544. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоцзя [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999, p. 25 (in Chinese)].
3. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Взращивания Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13. С. 8–17; т. 11. С. 544. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоцзя [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999, p. 25 (in Chinese)].

(*жэньсинь фэньюй*). Наконец, именно по инициативе Го Сунтао цинское правительство пошло на учреждение сети генконсульств и консульств в Сингапуре, Бенгалии, Бирме, на Цейлоне, в Сан-Франциско и др. пунктах, призванных, подобно консульствам держав в городах Китая, защищать интересы бизнеса и права *хуацяо*¹. Скончался Го Сунтао, одним из первых осмелившийся публично признать наличие у европейцев «длительной истории и высокой культуры», в 1891 г. в возрасте 74 лет в бедности и забвении.

Полагаем, что проделанный нами экскурс в историю Китая периода «искрящего контакта цивилизаций» приближает ответ на вопрос, будет ли современный Китай довольствоваться ролью одного из полюсов мировой политики, или же реализация «китайской мечты» неизбежно ведет к навязыванию его норм и правил игры мировому сообществу. Порой складывается впечатление, что традиция китаецентризма не прерывалась и его пассионарность будет исчерпана только лишь после восстановления ситуации, когда буквально все будут считаться с мнением и рекомендациями Пекина и оказывать его правителям всецелые церемониальные знаки внимания, признавая их роль в глобальном управлении и достижении универсальной гармонии². Важно помнить о подмеченной еще видным российским американистом А.И. Уткиным тенденции «постбиполярного мира», когда «подлинными основами ныне к концу XX века, оказываются цивилизационные основания, т.е. группирование не против страны X, не за страну Y, не вокруг страны Z, а вокруг фактов своей истории и географии, в нише своей культурно-исторической, цивилизационной общности»³.

Список литературы

1. *Chen Jiehua*. Ershi shiji zhongguo waijiao zhanlue, Чэнь Цзехуа, Стратегия китайской дипломатии 21 века.
2. *Cheng, Lestz, and Spence*, eds., *The Search for Modern China: A Documentary Collection*. New York: W. W. Norton, 1999. Op.cit. Henry Kissinger, *ON CHINA*, AST Publishers, 2017.
3. *Fairbank J.K.* The United States and China. Cambridge (Mass.), 1971.
4. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Возращения Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13; Т. 11. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоця [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999 (in Chinese)].
5. *Hertslet, Edward Sir*, *Treaties, &c., between Great Britain and China: and between China and foreign powers;*, 3. ed., Harrison and sons, London, 1908.
6. *Hugh B. O'Neill*, *Companion to Chinese History*. N.Y.-Oxford, 1987.
7. *Marting. W.A.* A Cycle of Cathay. 2nd ad., N.Y., 1897.
8. *Masataka Banno*, *China and the West, 1858–1861: The Origins of the Tsunli Yamen*, Cambridge-Mass, 1964.
9. *Meng S.M.*, *The Tzungli yamen: its organization and functions*, Harvard (Cambridge, Mass.), 1962.
10. *Pritchard E.H.* *Anglo-Chinese Relations during the Seventeenth and Eighteenth Centures*, Chicago, 1929.
11. *Schrecker, John*. “For the Equality of Men — for the Equality of Natiois”: Anson Burlingame and China's First Embassy to the United States, 1868, *Journal of Americann-East Asian Relations* 17.1 (2010).
12. *Schwartz B.G.* *The Chinese perception of the world order: past and present, The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations.* ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press., Cambridge — Massachusetts, 1968.

-
1. *Guo Songtao*, Yangzhi shuwu wenji. [Го Сунтао, Собрание сочинений из кабинета Возращения Знаний (Янчжи шуу вэньцзи). Т. 13. С. 8–17; т. 11. С. 544. Op. cit. Чжунго ши вайцзяоця [Десять дипломатов Китая, Shanghai, 1999, p. 4–5, 18 (in Chinese)].
 2. *Корсун В.А.* «Китай в мировой политике» // *Страны и регионы мира в мировой политике* / под ред. В.О. Печатнова, Д.В. Стрельцова. МГИМО.Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 286–311.
 3. *Уткин А.И.* *Россия и Запад: история цивилизаций*. М., 2000. С. 531.

13. *Zhi Gang, Chu shi tai xi ji.*: [Чжи Ган, Записки о первом посольстве на Запад, (Чу ши тай си цзи)]. Чанша, 1981 (in Chinese).
14. *Zhongguo j indai bupingdeng tiaoyue pianbiao*, Чжунго цзиньдай бупиндэн тяюэ няньбяо: [Хронологический справочник неравноправных договоров Китая в Новой истории]. Пекин, 2012. (in Chinese).
15. *Zhonghua zhengzhijia juece dajian*: [Большой словарь судьбоносных решений китайских политиков] Пекин, 1997. (in Chinese).
16. *The Chinese World Order. Traditional China's Foreign relations.* ed. By John King Fairbank. Harvard Univ. Press, Cambridge — Massachusetts, 1968.
17. *The Government of China, 1644–1911.* Baltimore, 1925.
18. *Treaties, conventions, etc. between China and Foreign states*, 2 vol, 2nd ed. Shanghai, 1917.
19. *Wu Fuhuan, Qingji Zongli yamen yanjiu*: [У Фухуань. Исследование Общей канцелярии династии Цин (1861–1901), (Цинцзи Цзунли ямэнь яньцзю)], Университет Синьцзян. Урумчи, 1995 (in Chinese).
20. *Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX — XX веков, М., 2001.
21. *Дацьишен В.Г.*, Христианство в Китае: история и современность, М., 2007.
22. *Китай и соседи в новое и новейшее время.* М., 1982.
23. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в классической китайской философии, М., 1994.
24. *Корсун В.А.* «Китай в мировой политике» // Страны и регионы мира в мировой политике» /под ред. В.О. Печатнова, Д.В. Стрельцова. МГИМО.Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2019.
25. *Корсун В.А.* «Китайский мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы // Китай в мировой политике. М.: РОССПЕН МГИМО, 2001.
26. *Международные отношения на Дальнем Востоке.* Т. 1, М., 1973.
27. *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVIII веке. М., 1980.
28. *Новая история Китая, 1972,* С. 155.
29. *Сьма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975.
30. *Уткин А.И.* Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.
31. *Федоров Л.* Дипломат и консул. М., 1965.

V. Korsun. “Stratagemic Adaptation” of China in the Face of Enforced Inclusion in the Westfal System of International Relations

The defeat in the “opium wars” made a situation, when for the first time in history, the mechanism of cultural and biological assimilation of invaded “barbarians” by China did not work, and the empire was forced to adjust the centuries-old “Chinese world order” to the new system of international relationship. The violent nature of the inclusion of Qing China into the Westphalian system predetermined the desperate resistance and maneuvering of the Manchu court in the face of the European norms and rules of international communication. By studying original Chinese sources, the article characterizes China's “stratagem adaptation” to foreign diplomatic practice, reveals its commonalities and peculiarities vis-a-vis the classical attributes of the “tributary system”, and testify parallel coexistence of the both.

On the base of examples — the creation of the Zongli yamen; the first Chinese mission, led by US citizen A. Burlingame; the first Chinese embassy in London, led by Guo Songtao, — the article demonstrate a set of tricks, mainly of a ritual-protocol nature, within the, “Self-reinforcement” policy of China. Particular attention is paid to the analysis of ethno-psycho-linguistic difficulties and nuances of mutual understanding within the framework of the growing “dialogue of civilizations.” According to the results of the study, the author concludes that nothing disappears in the “historical memory” of the people, and without such an excursion into history it is impossible to understand the real content and prospects of the “Chinese dream”.

Key words: *Qing imperia, tributary system, opium wars, koutou diplomacy, self-reinforcement, stratagemic tricks, Zongli Yamen, A. Burlingame, Guo Songtao, European etiquette and protocol, dialogue of civilizations.*

Письма русских администраторов в пекинском архиве

© 2020

В.С. Мясников

В материале, подготовленном одним из наиболее известных современных российских синологов — академиком РАН В.С. Мясниковым, содержатся ранее неизвестные в отечественной историографии архивные документы, которые были обнаружены автором в музее Императорского дворца (Гугун) в Пекине. Письма российских чиновников в адрес региональных правителей Цинского императорского двора отражают специфику и характер отношений России и Китая в первой четверти XIX века.

Ключевые слова: Россия, Китай, отношения, архивы, письма, губернатор, Иркутск, ургинские правители.

DOI: 10.31857/S013128120010555-1

В 1958 г. состоялась моя первая научная командировка в КНР по приглашению Академии общественных наук Китая (АОН КНР). По совету крупного китайского историка профессора Лю Даняня, который был директором Института Новой истории Китая АОН КНР, я на протяжении августа-ноября напряженно работал в архиве музея Гугун (Императорского дворца) над документами Минской и Цинской династий. В первую очередь меня интересовали документы, освещавшие отношения Китая с Россией. Среди других документов мне удалось выявить довольно значительную коллекцию писем на русском языке. Их содержание охватывает два первых десятилетия XIX века. Поскольку в 1950-е годы еще не было современных копировальных устройств, то я кратко записал содержание этих писем. Они характеризуют деловую, доброжелательную атмосферу, царившую среди российских чиновников высокого уровня в их переписке с китайской стороной. Ниже я привожу содержание этих писем, располагая их в хронологическом порядке.

* * *

№ 1. 1808 г. февраля 29. «Письмо пристава Пекинской духовной миссии С.П. Первущина в Лифаньюань».

Автор письма сообщает, что доставил в Пекин смену состава Пекинской духовной миссии во главе в Иакинфом Бичуриным. Он и сопровождающие лица намерены вместе с миссией Софрония выехать из Пекина в Калган и, соединившись там с остальной частью каравана, двинуться в Кяхту. Перечислен состав обеих миссий.

Архив Минской и Цинской династий (далее АМЦД). Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Цзи). № 55. Подлинник.

№ 2. Цзяцин 1813 г. 4 луна 9 день. Лист Лифаньюаня в Российский Сенат.

Лифаньюань извещает Российский Сенат о благополучном прибытии в Пекин Миссии во главе с отцом Иакинфом и о принятии ее. Сообщается, что старый состав Миссии будет отпущен из Пекина в том же, четвертом месяце.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). № 3, стр. 00061–00063. Копия.

№ 3. 1808 г. марта 7. Письмо иркутского губернатора Н.И. Трескина¹ ургинским пограничным правителям.

В письме излагается просьба переправить в Пекин о. Иакинфу Бичурину крест, осыпанный драгоценными камнями, и денежное вознаграждение, пожалованное ему от императора.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Цзи). № 56. Подлинник.

№ 4. 1808 г. марта 7. Письмо иркутского губернатора Н.И. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню.

В письме губернатор излагает просьбу переправить в Пекин крест, осыпанный драгоценными камнями, и письмо о пожаловании сего креста о. Иакинфу. Мамаченский Заргучей отказался принять посылку без разрешения вана и амбаня.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 13. С. 00065–00067. Копия.

№ 5. 1808 г. октября 31. Письмо иркутского губернатора Н.И. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню.

Губернатор благодарит вана и амбаня за присылку с С. Первушиным, сопровождавшим вернувшуюся миссию, подарков: материй и чаю. В ответ также посылает подарки: меха и парчу.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). Документ № 57. Подлинник.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 13. С. 00069–00071. Копия.

№ 6. 1808 г. октября 31. Письмо иркутского губернатора Н.И. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню.

Губернатор извещает о получении писем от вана и амбаня. Благодарит за содействие как миссии о. Иакинфа, так и миссии о. Софрония, в поезде от границы до Пекина и обратно, просит сообщать о состоянии дел в Пекинской духовной миссии.

¹Н.И. Трескин, иркутский губернатор начала XIX века. См.: Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Проблемы социальной стратификации/ отв. ред. академик Н.Н. Покровский. Новосибирск, Сибирский хронограф. 2002.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 13. С. 00073–00075. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 58. Подлинник (ветхий).

№ 7. 1809 г. февраля 24. Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню.

В письме губернатор благодарит вана и амбаня за присланные подарки и выражает желание установить с ними искренние и дружественные отношения и переписку.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00001–00008. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 59. Подлинник.

№ 8. 1809 г. апреля 10. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Н. Трескин извещает о получении письма относительно смены должностных лиц в Урге. Просит и в дальнейшем информировать его о таких изменениях.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00009–00010. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). Л. 60. Подлинник. Там же копия на маньчжурском языке.

№ 9. 1809 г. августа 1. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме излагается просьба переправить из Кяхты в Пекин на имя о. Иакинфа книгу, присланную из Синода и необходимую для богослужений.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00011–00013. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 01. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 10. 1810 г. октября 29. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Извещает о прибытии в Иркутск дьякона Нектария, который по болезни вынужден был выехать из Пекина. Сообщает о получении письма от о. Иакинфа. В конце излагает просьбу переправить в Пекин письмо для о. Иакинфа с изложением правил, как вести себя ученикам Пекинской духовной миссии.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00033–00035. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 65. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 11. 1811 г. января 12. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Посылает вану и амбаню новогодние поздравления и подарки: вану – бобра, амбаню – лисий мех.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00037–00039. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 67. Подлинник. Там же копия на маньчжурском языке.

№ 12. 1811 г. марта 15. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор просит разрешить при очередной доставке серебра в Пекин для миссии, отправить туда чиновника для инспектирования положения дел в миссии в связи с заявлениями приехавшего оттуда дьякона Нектария о «некоторых внутренних обстоятельствах нашей миссии, совершенно несоответственных назначению ея».

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00041–00045. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 68. Подлинник. Там же копия на монгольском языке.

№ 13. 1811 г. марта 25. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор сообщает о получении подарков от вана и амбаня и переданного ими письма от начальника Пекинской духовной миссии о. Иакинфа.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00047–000450. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 69. Подлинник. Там же копия на монгольском языке.

№ 14. 1811 г. июня 10. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме указывает, что отклоненная китайским правительством его просьба послать при отправляемом в Пекинскую духовную миссию серебре особого офицера вызвана была желанием ближе ознакомиться с делами миссии. Не настаивает на удовлетворении этой просьбы и ходатайствует лишь о переправке серебра из Кяхты в Пекин.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 000517–000455. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 70. Подлинник.

№ 15. 1811 г. ноября 4. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме губернатор благодарит вана и амбаня за присланные подарки и письмо, а также выражает сожаление, что его подарок богдыхану – ящик с ружьями – не был принят.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 71. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 16. 1812 г. января 15. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Письмо содержит поздравление с Новым годом, указывается, что вану и амбаню отправлены подарки: меха и пр. Жалуется на неурожай в Иркутской губернии и выражает надежду, что следующий год будет более счастливым.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00056–00057.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 72. Подлинник.

№ 17. 1812 г. апреля 20. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор благодарит за подарки, присланные ваном и амбанем, а также за своевременную доставку жалованья миссии в Пекине и писем от о. Иакинфа с отчетом о деятельности миссии. Просит разрешения послать в Пекинскую духовную миссию вместо выехавшего дьякона Нектария и одного умершего ученика двух новых членов.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00059–00064.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 73. Подлинник.

№ 18. 1812 г. июня 22. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор излагает просьбу переправить в Пекин о. Иакинфу ящик с серебряной утварью, необходимой для богослужений.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00065–00066. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 74. Подлинник.

№ 19. Цзяцин 17 год девятой луны 16 день. «Письмо старшего священника Пекинской духовной миссии о. Иакинфа приставу российского подворья в Пекине Бао».

В письме о. Иакинф выражает решительный протест против нанесения оскорблений члену Пекинской духовной миссии Аркадию рассыльщиком из Лифаньюаня – Чжао.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00068. Копия.

№ 20. 1812 г. октября 5. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме губернатор приносит извинения за беспокойство, причиненное вану и амбаню просьбой о допуске в миссию двух новых членов, в чем китайская сторона отказала. Благодарит за доставку о. Иакинфу письма и ящика с церковной утварью.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00069–00071. Копия.

№ 21. 1813 г. января 10. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор поздравляет китайских чиновников с Новым годом и сообщает об отсылке подарков вану и амбаню. Просит доставить письмо в Пекинскую духовную миссию о. Иакинфу.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00075–00076. Копия.

№ 22. 1813 г. февраля 15. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор благодарит вана и амбаня за письмо и доставку письма от о. Иакинфа. Поздравляет амбаня с вступлением в должность. Благодарит за доставку в Пекин о. Иакинфу письма и посылки.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00073–00074. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений. (ЦЗИ). П. 75. Подлинник.

№ 23. 1813 г. апреля 26. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор благодарит за доставку письма в Пекинскую духовную миссию о. Иакинфу и просит доставить ему же письмо и лист из Синода.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00079–00080. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 77. Подлинник. Копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 24. 1814 г. января 15. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Письмо заключает в себе новогодние поздравления и перечисление подарков, посланных вану и амбаню, а также просьбу переправить письмо в Пекинскую духовную миссию о. Иакинфу.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00083–00084. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 79. Подлинник. Там же копии на монгольском и маньчжурском языках.

№ 25. 1814 г. апреля 11. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор благодарит китайских чиновников за доставку письма от о. Иакинфа и просит передать ему ответное письмо.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00089–00090. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 80. Подлинник. Там же копия на монгольском языке.

№ 26. 1814 г. августа 8. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор благодарит китайских чиновников за содействие в возвращении из Пекина в Россию причетчика Пекинской духовной миссии Константина, просит доставить письмо начальнику Пекинской духовной миссии о. Иакинфу.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 82. Подлинник. Там же. Копия на маньчжурском языке.

№ 27. 1815 г. января 30. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме содержатся новогодние поздравления и перечень подарков вану и амбаню. Губернатор просит доставить письмо в Пекинскую духовную миссию на имя о. Иакинфа.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00093–00095. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 83. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 28. 1815 г. мая 8. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор приносит извинения за беспокойство, доставляемое постоянными просьбами о пересылки писем в Пекинскую духовную миссию. В заключение просит доставить о. Иакинфу письмо из Синода.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00097–00100. Копия.

№ 29. 1816 г. января 29. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор извещает о получении письма относительно вступления в должность нового мэйрень дзангина.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00101–00102. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 84. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 30. 1817 г. января 27. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Письмо содержит поздравления с Новым годом и перечень подарков вану и амбаню.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00103–00104. Копия.

№ 31. 1817 г. мая 7. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор благодарит китайскую сторону за ответное поздравление с Новым годом и подарки, а также просит переслать в Пекин письмо о. Иакинфу.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00105–00106. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 86. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 32. 1818 г. января 24. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме содержатся поздравления по случаю Нового года и перечисляются подарки, отправленные вану и амбаню. В заключение излагается просьба переправить письмо в Пекинскую духовную миссию о. Иакинфу.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00113–00115. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 87. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 33. Цзяцин 22 год 2 месяц 14 день «Лист Лифаньюаня в российский Сенат».

Лифаньюань извещает о разрешении произвести смену состава Пекинской духовной миссии. Сопровождение миссии будет произведено в обычном порядке.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00145–00148. Копия.

№ 34. 1819 г. января 12. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме содержится поздравление по случаю наступившего Нового года и перечисляются подарки, посланные вану и амбаню. Просит также переправить письмо в Пекинскую духовную миссию о. Иакинфу, от которого уже в течение двух лет нет известий.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00117–00118. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 88. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 35. 1819 г. января 15. «Письмо иркутского губернатора Н. Трескина ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Н. Трескин сообщает об оставлении им должности иркутского губернатора и о вступлении в нее Зеркалеева.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00131–00132. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 90. Подлинник. Там же копии на монгольском и маньчжурском языках.

№ 36. 1819 г. ноября 15. «Письмо иркутского губернатора Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Извещает о своем вступлении в должность иркутского губернатора и выражает надежду, что отношения между сторонами сохранят дружественный характер.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00133–00134. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 91. Подлинник. Там же копии на монгольском и маньчжурском языках.

№ 37. 1819 г. декабря 20. «Лист Российского Сената в Лифаньюань».

В Листе извещается о смене состава Пекинской духовной миссии во главе с о. Иакинфом. В составе новой миссии 10 человек во главе с Петром Каменским. Сенат просит препроводить обе миссии от границы до Пекина и обратно и оказать им всяческое содействие.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00141–00143. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 93. Подлинник. Там же копия на маньчжурском языке.

№ 38. 1819 г. декабря 20. «Паспорт, выданный в Сенате на проезд через пограничные земли и китайские города членам Пекинской духовной миссии во главе с Петром Каменским».

В паспорте указывается, что миссия во главе в Петром Каменским едет в Пекин для исполнения религиозных обрядов. Излагается просьба оказывать миссии всяческое содействие в проезде.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00159–00161. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 92. Подлинник на латинском языке.

№ 39. 1819 г. декабря 20. «Лист российского Сената в Лифаньюань».

Лист дан Петру Каменскому для вручения в Лифаньюане. Содержит просьбу принять новый состав миссии и отпустить старый, оказывая им всяческое содействие.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00155–00157. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 92. Подлинник. Там же копии на маньчжурском, монгольском и латинском языках.

№ 40. 1820 г. января 27. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме извещается о прибывшей в Иркутск смене членов Пекинской духовной миссии. Новый состав миссии возглавляет Петр Каменский. Лист Сената в Лифаньюань отправляется с нарочным.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00137–00139. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 94. Подлинник.

№ 41. 1820 г. января 27. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Письмо содержит поздравления по случаю наступления Нового года и перечень подарков, посланных вану и амбаню.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00135–00136. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 95. Подлинник. Там же копия на маньчжурском языке.

№ 42. 1820 г. января 28. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме поздравляет вана и амбана с Новым годом и сообщает о посылке им подарков.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 96. Копия на маньчжурском языке.

№ 43. 1820 г. января 28. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме извещает о намерении русской стороны произвести смену состава Пекинской духовной миссии.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 97. Копия на маньчжурском языке.

№ 44. 1820 г. января 29. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме просит разрешения на проезд в Пекин нового состава Духовной миссии и на возвращение из Пекина старого состава миссии.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 98. Копия на маньчжурском языке.

№ 45. 1820 г. мая 9. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

Губернатор благодарит за разрешение произвести смену состава Пекинской духовной миссии. Он также извещает, что новый состав во главе с Петром Каменским с 15 июня будет в Кяхте. И к половине лета будет готов к переезду. Приставом для сопровождения назначен Тимковский. Имена сопровождающих казаков и количество скота и экипажей будут сообщены отдельно.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 14. С. 00151–00154. Копия.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ). П. 99. Подлинник. Там же копии на маньчжурском и монгольском языках.

№ 46. 1820 г. июля 28. «Контракт между русскими властями и бухарскими купцами, китайскими подданными, на поставку ревеня русской казне».

Контракт заключен сроком на 10 лет. Поставка ведется по тысяче пудов в год. Разрешено до приема складировать ремень в казенных амбарах в Кяхте. Особое внимание уделено качеству привозимого ревеня. Оплата производится пушниной. Прежний контракт 1807 г. аннулируется.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 15. С. 00017–00031. Копия.

№ 47. 1821 г. марта 29. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме губернатор извещает о получении письма и подарков от вая и амбаня, сообщивших, что в должность вступил новый амбань.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 15. С. 00001–00003.

№ 48. 1821 г. марта 29. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме сообщает о получении от вана и амбаня известия о кончине императора Цзяцина и вступлении на престол императора Даогуана.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 15. С. 00005–00007. Копия.

№ 49. Даогуан первый год ранее 9 месяца 15 числа.¹ Лист из Лифаньюаня.

В листе извещается о прибытии в Пекин смены духовной миссии во главе с П. Каменским в сопровождении майора Тимковского и об отправлении в Россию старого состава миссии, возглавляемого о. Иакинфом.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 15. С. 0009–00011.

№ 50. 1821 г. марта 5. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме губернатор извещает китайскую сторону о заключении нового контракта с бухарцами, китайскими подданными, на поставку в Россию ревеня по 1000 пудов в год сроком на 10 лет.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 15. С. 00013–00016.

№ 51. 1821 г. сентября 14. «Письмо иркутского губернатора И. Зеркалеева ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

В письме выражается благодарность за содействие, оказанное по пути следования из Пекина до Кяхты членам Пекинской духовной миссии во главе с о. Иакинфом.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 15. С. 00033–00036. Копия.

№ 52. 1821 г. сентября 20. «Письмо иркутского губернатора Цендлера ургинским пограничным правителям вану и амбаню».

¹Датируется на основании отметки о передаче на перевод. См.: там же. С. 00011.

В письме извещает о своем вступлении в должность иркутского губернатора и выражает надежду на сохранение дружбы и согласия между двумя государствами.

АМЦД. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло). Документ № 15. С. 00037–00038. Копия.

Список литературы

1. Архив Минской и Цинской династий. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло)
2. Архив Минской и Цинской династий. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (ЦЗИ).

V. Myasnikov. Letters of Russian Administrators in the Beijing Archive

The material prepared by one of the most famous modern Russian sinologists - academician of the RAS V.S. Myasnikov, contains archival documents previously unknown in Russian historiography, which were discovered by the author at the Museum of the Imperial Palace (Gugun) in Beijing. Letters from Russian officials to the regional rulers of the Qing Imperial Court reflect the specifics and nature of relations between Russia and China in the first quarter of the 19th century.

Keywords: Russia, China, relations, archives, letters, Governor, Irkutsk, Uрга rulers.

Из истории женского революционного движения в Китае (к 125-летию со дня рождения Сян Цзиньюй)

© 2020

Д.А. Аринчева

В этом году 4 сентября исполняется 125 лет со дня рождения одной из первых китайских коммунисток, главного организатора и вождя женского революционного движения в Китае Сян Цзиньюй (1895–1928). Ее жизнь, отданная борьбе за свободу Китая и раскрепощение женщин, овеяна легендой, а ее героическая смерть в период белого террора вызывает глубокое уважение. Ее имя стоит в одном ряду с именами главных героев китайской революции.

Ключевые слова: история КПК, женское движение, Сян Цзиньюй, Цай Хэсэнь, белый террор.

DOI: 10.31857/S013128120010351-7

В самом центре Ханькоу, на углу улиц Минсиньцзе и Хуаншилу, в доме № 79 находится Уханьская¹ городская средняя школа, с 1993 г. носящая имя Сян Цзиньюй (1895–1928) — знаменитой революционерки, первого организатора и вождя женского движения в Китае, первой женщины—кандидата в члены Центрального исполнительного комитета (ЦИК) КПК и члена его Центрального бюро, первого руководителя Женского отдела ЦИК КПК, героини китайского народа. Во внутреннем дворике на невысоком постаменте — гранитный бюст женщины с короткой стрижкой, в наглухо застегнутым традиционным халате с высоким воротником. На постаменте надпись: «Я отдала жизнь за дело партии». Именно на этом месте ранним утром 1 мая 1928 г. 32-летняя Сян была расстреляна по приговору суда за подрывную деятельность против Национального правительства Гоминьдана (Националистической партии), установившего за год до того свою власть в Китае. Школы тогда здесь не было, а на месте учебных корпусов и двора находился пустырь Юйцзили, использовавшийся гоминьдановскими спецслужбами для публичных казней.

Рассказывают, что когда Сян Цзиньюй вывели из ворот тюрьмы, расположенной неподалеку на улице Минсиньцзе, чтобы вести на казнь, она запела «Интернационал», а потом стала кричать в толпу, теснившуюся по обеим сторонам улицы и глазевшую на нее: «Я китайская коммунистка Сян Цзиньюй, я проливаю кровь и жертвую жизнью за освобождение рабоче-крестьянских масс, за революцию! Пролетарии, соединяйтесь, долой империализм! Долой Чан Кайши²! Да здравствует независимый и свободный Китай!

Аринчева (Спичак) Дарья Александровна, кандидат исторических наук, доцент Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: darincheva@hse.ru.

1. Город Ханькоу — один из районов трехградья Ухань, включающего, кроме того, города Учан и Ханьян.
2. Генералиссимус Чан Кайши (1887–1975) был главой гоминьдановского режима.

Да здравствует советский Китай! Да здравствует китайская компартия!» Солдаты начали бить ее, а потом засунули ей в рот камень, затянув его ремнем. Многие женщины в толпе расплакались. С гордо поднятой головой Сян Цзиньюй приняла смерть¹.

Бросив тело, солдаты ушли в казарму, а ночью один из подпольщиков, рискуя жизнью, забрал его и похоронил². Узнав о гибели Сян, вожди КПК в Шанхае провели траурный митинг, а ее бывший муж, член Политбюро и один из главных руководителей компартии Цай Хэсэнь, написал в некрологе: «Великая Цзиньюй, героическая Цзиньюй. Китайский рабочий класс будет вечно любить тебя!»³.

К сожалению, о Сян Цзиньюй написано не так уж много: в КНР издано всего несколько брошюр и статей, большая часть — в начале 1980-х годов, к шестидесятилетнему образованию КПК. Правда, только что, в начале 2020 г., вышел художественный фильм «Сян Цзиньюй», где роль Сян исполняет знаменитая актриса Ху Цзин, но в нем ее история романтизирована, а факты перемешаны с вымыслом. Единицами исчисляются научные статьи о Сян, появившиеся в Великобритании и США. И совсем нет о ней работ в России.

Вместе с тем в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранятся документы, проливающие свет на жизнь этой удивительной женщины, в том числе личные дела Сян Цзиньюй и ее мужа Цай Хэсэня, ее золовки, тоже знаменитой революционерки Цай Чан, а также их друзей и врагов. На этих материалах, а также на ряде опубликованных документов и мемуаров участников событий, основана данная статья, призванная восполнить пробел, существующий в российской историографии китайской революции.

От феминизма к коммунизму

Сян Циньюй родилась в небольшом поселке Сюйпу, расположенном на правом берегу реки Сюйшуй, на западе провинции Хунань, 4 сентября 1895 г. Она была девятым ребенком в семье, поэтому при рождении получила имя Цзюгу (Девятая дочка)⁴. В семье ее ласково называли Цзюцзю (Девяточка). Сяны принадлежали к народу туцзя (самоназвание — бисека, «коренные жители»), седьмому по численности национальному меньшинству Китая (после чжуанцев, хуэй, маньчжуров, уйгуров, мяо и народа и)⁵.

Отец семейства Сян Жуйлин был не только образован, но и предприимчив. Начав жизненный путь бедняком, он в конце концов выбился в люди, став одним из наиболее богатых и уважаемых сюйпуских купцов, главой торгового союза Сюйпу. Поэтому дал хорошее образование всем своим детям, включая дочерей. Трое его сыновей даже учились в Японии⁶.

Не пожалел он денег и на образование «Девяточки». В 1903 г., едва ей исполнилось восемь, он отдал ее в частную школу в родном поселке, а на следующий год пере-

1. Впечатления автора от посещения Музея Юйцзили в Уханьской городской средней школе; *Гу Цы. Сян Цзиньюй // Чжунгун данши жэньу чжуань*: [Биографии деятелей истории КПК]. Т. 6. Сиань, 1982. С. 89; *Пи Минма. Сян Цзиньюй Юйцзили цзюи*: [Героическая смерть Сян Цзиньюй в Юйцзили] // *Пи Минма. Ухань гэмин ши цзи яолань*: [Памятные места по истории революции в Ухане]. Ухань, 1981. С. 115–122.
2. См.: *Сюн Чжици. Хунань жэньу няньпу*: [Хронологические биографии деятелей Хунани]. Т. 6. Чанша, 2013. С. 59.
3. *Цай Хэсэнь. Сян Цзиньюй чжуань*: [Биография Сян Цзиньюй] // *Цзиньдай ши яньцзю*. 1982. № 4. С. 2.
4. Всего детей было двенадцать, выжило десять.
5. О туцзя подробно см.: *Brown Melissa J. Manipulating Tujia Identity // Modern China*. 2002. № 3. P. 36–395.
6. См.: *Гу Цы. Сян Цзиньюй*. С. 58–59.

вел в новую начальную школу, одним из организаторов которой был его старший сын, учившийся в Токио на юридическо-экономическом факультете знаменитого университета Васеда. При зачислении в новую школу отец заменил имя дочери на соответствовавшее ее новому статусу ученицы — Цзюньсян («Прекрасная и умная»)¹.

По окончании школы, в 1907 г. Сян, покинув родной поселок, вместе с матерью² переехала в крупный город Чандэ, отстоящий от ее родного Сюйпу почти на 250 километров, где поступила в женское педагогическое училище. Ей тогда не исполнилось и двенадцати, но она уже проявила волевые качества: очень хотела продолжить учебу, а потому уговорила отца оплатить ее пребывание в этом учебном заведении. Отец не очень возражал: в этом училище как раз в то время начал преподавать его старший сын, только что окончивший Васеда, и он вместе с матерью всегда мог присмотреть за ней. Вряд ли отец предполагал, что его сын окажет на сестру «разлагающее» влияние, но именно старший брат приобщил молоденькую Сян к идеям национальной революции. В Японии он вступил в члены революционной организации *Тунмэйхуэй* («Объединенный союз»), во главе которой стоял Сунь Ятсен, выдвигавший задачу осуществления трех народных принципов: свержения маньчжурской династии Цин, установления народовластия и ограничения капитала, то есть передачи «в собственность государства или под государственный контроль всех крупных и жизненно важных средств производства»³. Вернувшись на родину, брат Сян возглавил отделение Объединенного союза в Западной Хунани.

Именно от него Сян узнала о революционно-демократической программе Сунь Ятсена, именно он стал давать ей прогрессивные журналы *Миньбао* («Народ», печатный орган «Объединенного союза»), *Синьминь цунбао* («Обновление народа», орган китайских реформаторов) и *Тяньи бао* («Небесная справедливость», орган китайских анархистов). Он рассказывал ей о Великой французской революции, и ее герои возбудили в молодой восторженной девушке жгучее желание им подражать⁴.

Через два года Сян перешла в новое училище — на Чэндуские ускоренные женские педагогические курсы, где одной из ее близких подруг стала мать будущей выдающейся китайской писательницы Дин Лин⁵. Вместе с ней и еще четырьмя сокурсницами Сян приняла решение продолжить обучение в столице провинции Хунань, г. Чанша, и осенью 1912 г. блестяще сдала экзамены в Первое женское провинциальное педагогическое училище. Она была зачислена в первую группу⁶.

В этом училище одним из ее педагогов стал удивительный человек — Ян Чанцзи, энциклопедически одаренный человек «высоких моральных качеств»⁷. Он преподавал этику, логику, философию и педагогику и был последователем великого китайского

1. См.: *Дай Сюйгун*. Сян Цзиньюй чжуань: [Биография Сян Цзиньюй]. Пекин. 1981. С. 166; *Сюй Вэньтан*. Сян Цзиньюй юй Чжунгун цзаоци фунной юньдун: [Сян Цзиньюй и коммунистическое женское движение в Китае в ранний период] // Цзиньдай Чжунго фунной ши яньцзю: [Исследования по истории китайских женщин в новое время]. 1994. № 2. С. 66.
2. Мать Сян Цзиньюй звали Дэн Юйгуй. О ней мало что известно. Один из биографов Сян Цзиньюй даже полагает, что она умерла, когда Сян была еще маленькой девочкой, так что в Чандэ с дочерью поехать не могла. См.: *McElderry Andrea*. *Woman Revolutionary: Xiang Jingyu // The China Quarterly*. 1996. Vol. 105. P. 96. Это, однако, не так. Известно, например, что в июне или июле 1920 года Сян Цзиньюй написала письмо отцу и матери. См.: Сян Цзиньюй вэньцзи: [Собрание сочинений Сян Цзиньюй]. Чанша, 1980. С. 64.
3. *Панцов А. В.* Чан Кайши. М., 2019. С. 31.
4. См.: *Гу Цы*. Сян Цзиньюй. С. 59.
5. См.: *Snow Helen Foster [Nym Wales]*. *The Chinese Communists: Sketches and Autobiographies of the Old Guard*. Westport, CT, 1972. P. 262, 266.
6. См.: *McElderry Andrea*. *Woman Revolutionary*. P. 97.
7. *Мао Цзэдун*. Автобиография. Стихи. М., 2008. С. 37.

философа-неоконфуцианца Ван Янмина (1472–1529), ставившего «во главу своих философских представлений личность отдельного человека»¹. Профессор Ян «очень верил в этику и старался воспитать в своих учениках стремление стать справедливыми, добродетельными, высококравственными и полезными обществу»², и был приятно удивлен способностями Сян. В своем дневнике он даже назвал ее одной из трех лучших студенток, «талантливых женщин-педагогов»³.

В училище Сян увлеклась не только идеями Ван Янмина, но и философией древнекитайского мудреца Мо Ди (470–391 до н. э.), призывавшего к созданию общества, основанного на принципах социального равенства и всеобщей любви⁴. Она все время рассказывала о нем подругам, страстно защищая его учение, те так и прозвали ее: Моцзы (Мудрец Мо)⁵.

Огромное влияния на Сян оказал и директор училища Чжу Цзяньфэнь, который, как и профессор Ян, учил студентов свободно мыслить и излагать свои взгляды. И когда осенью 1914 г. реакционные власти Чанша его уволили, Сян вместе с несколькими подругами в знак протеста тоже покинула училище, перейдя вслед за профессором Чжу в новое, частное, учебное заведение, которое возглавил ее любимый педагог — Женскую школу Чжоунань, где проучилась два года. Именно при переходе в новую школу, в 1914 г., она взяла себе новое имя — Цзиньюй («Бдительная»), под которым и стала известна в истории китайской революции. Имя означало, что Сян будет бдительно следить за преступлениями реакционеров. Среди учителей этой школы был Сюй Тели — один из будущих видных членов китайской компартии, также повлиявший на становление мировоззрения юной Цзиньюй.

В Чжоунань Сян познакомилась с молоденькой (на пять лет ее младше) девушкой по имени Цайлинь Сяньси (позже она изменит имя на Цай Чан). Несмотря на разницу в возрасте, они подружились, и именно в доме подруги в один прекрасный день Сян познакомилась с двумя интересными молодыми людьми: своим будущим мужем, старшим братом Цай Чан, Цай Хэсэнем (в то время носившим имя Цайлинь Бинь), и его лучшим другом, Мао Цзэдун⁶. Они были студентами Первого мужского провинциального педагогического училища города Чанша, где также преподавал профессор Ян Чанцзи, которого они, как и Сян Цзиньюй, обожали. Цай Хэсэнь был ровесником Сян (он родился 30 марта 1895 г.), а Мао — всего на полтора года старше (он родился 26 декабря 1893 г.).

Цай жил с младшей сестрой и матерью, Гэ Цзяньхао, которая была совсем не типичной для Китая женщиной — волевой и целеустремленной. Она даже ушла от мужа, непрерывно ей сменявшегося. Мамаша Гэ была преклонного для китайских женщин того времени возраста — под пятьдесят, но в 1914 г. поступила на педагогические курсы в Чанша, окончив которые через год открыла собственную школу профессионального обучения для мужчин и женщин. Как и ее дети, она тоже придерживалась прогрессивных взглядов. И с удовольствием принимала участие в собраниях молодежи, проходивших у нее дома⁷.

1. Панцов А. В. Мао Цзэдун. 2-е изд., исправленное. М., 2012. С. 53.

2. Панцов А. В. Мао Цзэдун. 2-е изд., исправленное. М., 2012. С. 53.

3. Цит. по: Сюй Вэньтан. Сян Цзиньюй юй Чжунгун цзаоци фунюй юньдун. С. 67. См. также: *Siao-yu. Mao Tse-tung and I were Beggars*. Syracuse, 1959. P. 41; *Гу Цы*. Сян Цзиньюй. С. 60.

4. О философии Моцзы см.: *Титаренко М. Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.

5. См.: *Гу Цы*. Сян Цзиньюй. С. 60.

6. См.: Цзиньянь Сян Цзиньюй тунчжи инъюн цзюи уши чжоуньянь: [В память о пятидесятой годовщине героической гибели тов. Сян Цзиньюй]. Пекин, 1978. С. 8.

7. Подробно о ней см.: Ло Шаочжи. Цай му Гэ Цзяньхао: [Мамаша Цай, Гэ Цзяньхао] // Чжунгун данши жэньу чжуань. Т. 6. С. 47–57.

В мае 1915 г. главной темой дискуссий в доме мамы Гэ было наглое «21 требование» японских империалистов к китайскому правительству, принятие которых превратило бы Китай в полуколонию Японии. Наибольшее раздражение у китайцев вызывали агрессивные действия именно Японии, к которой еще совсем недавно в Китае относились как к стране «варварской» и «отсталой». Победа японцев в войне с Цинской монархией в 1894–1895 гг. и над царской Россией в 1904–1905 гг., а также их впечатляющие успехи в экономике, заставил многих в Китае пересмотреть свое прежнее высокомерное отношение к ним, но любые попытки Страны Восходящего Солнца укрепить свое положение в Поднебесной вызывали в китайском обществе гораздо больший протест, нежели агрессивные действия западных стран¹.

А потому и Мао, и Цай Хэсэнь, и Сян Цзиньюй, узнав 7 мая 1915 г. о том, что президент Юань Шикай принял японские требования, вместе с другими студентами вышли на улицу, выкрикивая антияпонские лозунги и осуждая китайских реакционеров. Они стали шарить по магазинам, выискивая японские товары, конфисковывали их и сжигали на глазах прохожих. Они чувствовали себя героями².

Знания, полученные в различных училищах, беседы с друзьями в доме матушки Гэ и участие в политических манифестациях привели Сян к мысли о том, что ключ к трансформации китайского общества лежит в просвещении. Это особенно внушал своим студенткам профессор Чжу, считавший, что каждый китайский интеллигент должен поработать учителем в школе хотя бы два года. Об этом Сян писала в своем дневнике³, а также в школьных сочинениях, за которые неизменно получала отличные оценки.

Между тем в декабре 1915 г. Сян Цзиньюй закончила школу Чжоуань и в начале следующего года вернулась в родной Сюйпу, где в ноябре 1916 с помощью родственников и друзей открыла уездную начальную школу высшей ступени для девочек.

Таким образом, уже в двадцать лет Сян стала директором. Юная, энергичная, она стремилась к тому, чтобы дать своим воспитанницам такое же образование, какое получали в аналогичных школах их сверстники-мальчики. Ее главным жизненным принципом стал феминизм, то есть борьба за раскрепощение и равноправие женщин. Ни о какой политической революции она еще не помышляла, а своим учащимся внушала мысль, что они не только женщины, но и полноправные граждане страны. На открытии школы она провозгласила: «Мы учимся не ради учебы и не ради того, чтобы выйти замуж за достойного человека. Наша цель в учебе — построение новой нации»⁴.

И вскоре мощное патриотическое движение «4 мая» 1919 года, потрясшее Китай, вдохнуло в нее свежие революционные идеи. Сян вместе со своими подругами-учителями и воспитанницами приняла в этом движении самое активное участие. Вновь они бойкотировали японские товары, отбирали их у торговцев, публично сжигали, а потом маршировали по улицам, выкрикивая лозунги.

Именно в то время Сян ощутила жгучее желание посвятить себя политической борьбе. Преподавание в школе перестало удовлетворять ее. 28 мая 1919 г. она написала одному из братьев: «Мое поколение должно искать идеи, оно должно делать реальное дело»⁵.

Вскоре она получила письмо от Цай Чан. Сестра Хэсэня сообщала, что хочет поехать учиться и работать во Францию и приглашает Сян присоединиться к ней! Сян очень обрадовалась. Она уволилась из школы и осенью 1919 г. отправилась в Чанша.

1. Подробно см.: *Jordan Donald A. Chinese Boycotts versus Japanese Bombs: The Failure of China's "Revolutionary Diplomacy,"* 1931–32, Ann Arbor, MI, 1991.

2. См.: *Гу Цы. Сян Цзиньюй. С. 61; McElderry Andrea. Woman Revolutionary. P. 99.*

3. См.: Сян Цзиньюй *вэньцзи. С. 15–24.*

4. Цит. по: *Гу Цы. Сян Цзиньюй. С. 65.*

5. Цит. по: *Гу Цы. Сян Цзиньюй. С. 69.*

Родители не одобрили этот своевольный поступок: как раз в то время они решили выдать ее замуж за хорошего человека, офицера местного гарнизона, и уже строили планы, что их дочь будет в скором времени «генеральшей»¹. Так что денег на поездку они ей не дали.

Но у Сян были кое-какие свои средства, так что до Чанша она добралась без приключений. И здесь через некоторое время, в ноябре, на одном из собраний старых друзей, вступила в организованное еще в середине апреля 1918 г. Мао Цзэдуном, Цай Хэ-энем и их единомышленниками (всего около 70 человек) студенческое общество «Обновление народа», стремившееся воплотить в жизнь идеальную мечту: «Улучшить жизнь человека и всего человечества»². Очевидец, знавший Сян в то время, рассказывает: «Сян Цзиньюй была привлекательной, умной девушкой. Ее литературные сочинения и каллиграфия были превосходны, и она обладала природным даром оратора. Ее лицо было бледного цвета, и ей не требовалось косметики, чтобы сделать его более красивым. Она относилась к друзьям с теплотой, как к братьям и сестрам»³.

Чуть раньше, в октябре 1919 г. Сян Цзиньюй вместе с Цай Чан образовала «Женское общество желающих прилежно учиться и экономно работать во Франции». Заседания этого общества проходили в их alma mater — школе Чжоуань⁴.

подавляющее большинство остальных членов общества «Обновление народа», в том числе мужчины, тоже хотели учиться и работать во Франции. В то время идея учебы и работы в этой стране буквально захватила многих молодых людей в Китае, хотя зародилась она давно, еще в 1908 г. Ее высказал в ряде статей анархист Ли Шицзэн, призвавший к коренному перевороту в области просвещения с тем, чтобы уничтожить классовое неравенство и достичь мира и общественного согласия. Ли считал, что Китаю нужна «просветительская» революция, поскольку разница между богатыми и бедными заключалась в уровне их образования: богатый обладал приоритетом на грамотность, в то время как бедный пребывал в полном невежестве. На ликвидацию этой несправедливости и было направлено задуманное им движение «работы и учебы во Франции» — колыбели демократической революции⁵. Китайские студенты во Франции должны были сами оплачивать свое обучение по принципу: «Год работы — два года учебы»⁶.

Свой пик движение как раз достигло в 1919 году. Для тех, кто собирался поехать на учебу и работу во Францию, были открыты подготовительные школы в Пекине, Чэнду, Чунцине и Баодине. Там кандидаты на поездку штудировали французский язык, после чего их отбирали по результатам выпускных экзаменов. Кандидаты должны были, помимо прочего, пройти устное собеседование во французском консульстве и тест на состояние здоровья.

Посещала ли Сян какую-либо из этих школ, неизвестно. По некоторым данным, осенью 1919 г. она ездила в Пекин вместе с Цай Чан, Хэ-энем и их матерью, которая, несмотря на свой возраст, тоже выразила желание учиться во Франции⁷. Но что она там делала, мы не знаем — возможно, лишь оформляла визу во Францию. Как бы то ни было, но уже в декабре 1919 г. Сян и семейство Цаев выехали из Чанша в Шан-

1. Цит. по: *Гу Цы*. Сян Цзиньюй. С. 69.

2. Цит. по: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 70.

3. *Siao-yu*. Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 63.

4. См.: *Müller[-Saini] Gotelind*. Chinese Women Between Education and Money: Ideal and Reality of Female Worker-Student in the Early Years of the Republic (manuscript). P. 11.

5. См.: Чжунго гэмин ши жэньу цыдянь: [Словарь деятелей истории китайской революции], Пекин, 1991. С. 230.

6. См. *Scalapino Robert A. and Yu George T.* The Work-Study Movement. Westport, CA, 1961. P. 47.

7. См.: *McElderry Andrea*. Woman Revolutionary. P. 102.

хай, где утром 25 декабря сели на французский почтовый пароход «Андре Лебон», отправлявшийся в Марсель¹.

Путешествие было долгим. Плыли через Индийский океан, Красное море, Суэцкий канал и Средиземное море². Дорога заняла тридцать пять дней, все время Сян и Хэсэнь проводили вместе и в итоге полюбили друг друга.

Они стали писать друг другу стихи, изливая свои чувства, и к концу путешествия, собрав письма вместе, составили небольшой буклет, который назвали «Союз во имя великих целей»³.

В Марсель они приплыли 30 января 1920 г. и на третий день были в Париже. Представители китайско-французского образовательного центра распределили их для углубленного изучения французского языка в средние школы городка Монтаржи, расположенного в 110 километрах к югу от французской столицы: Хэсэня — в мужскую школу, а Сян, Цай Чан и мамашу Гэ — в женскую. 7 февраля все четверо выехали из Парижа⁴.

Здесь, в Монтаржи, 5 мая 1920 г., в день 102-й годовщины со дня рождения Карла Маркса, Сян Цзиньюй и Цай Хэсэнь, отказавшись официально зарегистрировать брак, заключили «брачный союз, основанный на любви»⁵, то есть стали жить гражданским браком. Это было смело, по-революционному. Они поклялись друг другу в вечной любви и сфотографировались. Сян — в традиционном китайском халате, а Цай — в европейском костюме с галстуком и томиком «Капитала» Маркса в правой руке⁶.

Их ближайший друг Мао Цзэдун, узнав об этом из письма Хэсэня, был в полном восторге. «Институт брака, основанный на капитализме, абсолютно нежелателен, — написал он одному из своих бывших сокурсников. —...По-моему, проблема заключается в том, что, хотя многие люди и выступают против института брака, но они все еще боятся предпринять какие-либо действия... Именно поэтому, услышав о «союзе Цая и Сян», я обрадовался. Сян и Цай уже отрунули «страх», отвергнув брак. Я думаю, нам следует считать Сян и Цая нашими вождями и организовать «Союз отрицающих брак». Те, кто уже заключил брачные контракты, должны разорвать их....Те же, у кого еще нет брачных контрактов, не должны заключать их»⁷.

Правда, письмо родителям с сообщением о «замужестве» Сян Цзиньюй все же отправила. В нем она написала: «Девяточка действительно любит Хэсэня. У нас с ним совсем нет различий ни в стремлениях, ни в интересах»⁸. Но родители остались недовольны. «Отказалась стать генеральшей, а нашла себе какого-то рабочего с фабрики по производству *доуфу*», — ворчали они, услышав от кого-то, что Цай Хэсэнь во Франции нашел себе работу на этой фабрике⁹.

Слух о том, что Цай работал на фабрике *доуфу*, был, однако, неверным. Хэсэнь вообще не работал во Франции. И не столько потому, что не мог найти работу, а из-за то-

1. На этом же океанском лайнере 11 сентября 1920 года на учебу и работу во Франции из Шанхая отправится и Дэн Сяопин. См.: *Панцов А. В.* Дэн Сяопин. М., 2013. С. 35.
2. *Сяо-уи.* Мао Tse-tung and I were Beggars. P. 49; Цайлинь Бинь [Цай Хэсэнь] гэй Мао Цзэдун дэ синь (и цзю эр лин нянь у юэ эр ши ба жи): [Письмо Цай Хэсэня Мао Цзэдуну [28 мая 1920 г.]] // Цай Хэсэнь вэньцзи [Сочинения Цай Хэсэня]. Пекин, 1980. С. 30.
3. См.: Цайлинь Бинь [Цай Хэсэнь] гэй Мао Цзэдун дэ синь (и цзю эр лин нянь у юэ эр ши ба жи). С. 27.
4. См.: Цайлинь Бинь [Цай Хэсэнь] гэй Мао Цзэдун дэ синь (и цзю эр лин нянь у юэ эр ши ба жи). С. 30.
5. Их свадебную фотографию см. в: Жэньминь жибао: [Народная газета. 21 июня 2017.
6. Mao's Road to Power: Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 1. Armonk, NY, 1992. P. 608–609.
7. См. Сян Цзиньюй вэньцзи. С. 64.
8. Цит. по: *Гу Цы.* Сян Цзиньюй. С. 71. *Доуфу* — соевый творог.

го, что был слаб здоровьем. С рождения он страдал астмой. Работали Сян, Цай Чан и машина Гэ, а Хэсэнь, помимо учебы в школе, все время читал книги и газеты. Он был настоящим «книжным червем» и, читая день и ночь, мог не мыться, не стричься и не менять одежду¹.

Но именно Цай одним из первых воспринял идеи Октябрьской революции (он начал интересоваться большевизмом еще за год до отъезда из Чанша), принявшись изо всех сил пропагандировать их не только в своей семье и среди друзей во Франции, но и в письмах Мао Цзэдуну. «У Ленина...и Моцзы, — твердил он, — похожие идеи, но ленинская теория более глубокая и фундаментальная»². Именно поэтому, отправляясь фотографироваться с молодой женой, он захватил томик «Капитала».

Под влиянием мужа Сян Цзиньюй прочла «Манифест Коммунистической партии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и стала ежедневно читать газету «Юманите», орган Французской социалистической, а потом коммунистической партии³. Наверняка она прочла и работу В.И. Ленина «Государство и революция», которую с французского перевел Хэсэнь⁴.

В июле 1920 г. в Монтаржи Цай Хэсэнь организовал собрание членов общества «Обновление народа», находившихся во Франции, на котором предложил всем товарищам принять большевизм как идеологическую программу и руководство к действию. «Я сейчас ясно вижу, что социализм — это реакция на капитализм, — считал он. — Его важная миссия — разрушение капиталистической экономической системы, а его метод — диктатура пролетариата». А потому, развивал он свою мысль, «я считаю, что мы прежде всего должны организовать партию — коммунистическую партию»⁵.

Не все члены общества были согласны с Цаем, но Сян полностью его поддержала. Очевидец вспоминает: «Ли Вэйхань⁶, Цай Хэсэнь и Сян Цзиньюй были тремя евангелистами, работавшими над распространением коммунистической доктрины. Они были преисполнены наибольшим энтузиазмом!»⁷.

Знакомство с марксизмом заставило Сян пересмотреть свои феминистские взгляды. Она стала приходить к идее о том, что раскрепощение женщин возможно лишь вместе с раскрепощением всего общества в результате социалистической революции. В августе 1920 г. она написала статью, в которой заявила о необходимости для Китая идти по пути русских⁸. Статью опубликовал журнал *Шаоань Чжунго* («Молодой Китай»), редактировавшийся самим директором библиотеки Пекинского университета Ли Дачжао, первым человеком в Китае, открыто приветствовавшим Октябрьскую революцию.

А через месяц в лесу на окраине Монтаржи Цай Хэсэнь и Сян организовали новое, двухдневное, собрание, на котором общество «Обновление народа»... окончательно раскололось. На нем Цай выступил с докладом «Как спасти Китай», вновь изложив свои коммунистические взгляды. Сян горячо поддержала его. Некоторые возражали, среди них наиболее горячо — некто Сяо Юй, один из организаторов общества. Накануне в Монтаржи несколько дней шел дождь, и за день до собрания Сяо сказал Сян Цзиньюй:

1. См.: Чжэн Чаолин хуэйилу: [Воспоминания Чжэн Чаолина]. [Сянган, 1982]. С. 23.
2. Цит. по: *McElderry Andrea*. Woman Revolutionary. P. 101.
3. См.: *Гу Цы*. Сян Цзиньюй. С. 70.
4. См.: Чжэн Чаолин хуэйилу. С. 26.
5. Цайлин Бинь [Цай Хэсэнь] гэи Мао Цзэдун дэ синь (и цзю эр лин нянь ба юэ ши сань жи): [Письмо Цай Хэсэня Мао Цзэдуну [13 августа 1920 г.]] // Цай Хэсэнь вэньци. С. 50, 51.
6. Ли Вэйхань (1896–1984) — один из первых членов общества «Обновление народа», учился и работал во Франции, впоследствии — один из видных руководящих деятелей китайской компартии.
7. *Siao-yu*. Mao Tse-tung and I were Beggars. P. 181.
8. См.: *McElderry Andrea*. Woman Revolutionary. P. 107.

«Если дождь и завтра не прекратится, это будет означать, что Боги не хотят, чтобы мы реформировали Китай!» Сян с улыбкой ответила: «Но если завтра будет светить солнце, мы будем знать, что они именно этого и хотят!»¹.

На следующее утро, прямо перед началом собрания, дождь внезапно прекратился и лучи яркого солнца заиграли на крышах домов Монтаржи. Идея коммунизма победила!

Жизнь в Монтаржи, однако, была трудная. Денег катастрофически не хватало, а за обучение в школах требовалось платить. В феврале 1921 г. в Париже Сян и Хэсэнь приняли участие в демонстрации участников программы «прилежной учебы и экономной работы». Демонстранты потребовали от посла Китая во Франции либо обеспечить их высокооплачиваемой работой, либо оплатить обучение. Но их разогнала полиция, более десяти человек, в том числе Сян, были арестованы. Вскоре их, правда, отпустили, а посол даже пообещал выплачивать всем студентам стипендию².

Сян и Хэсэнь вернулись в Монтаржи. Но в начале сентября до них дошел слух, что с 15 числа выплаты студентами будут прекращены. Жить во Франции становилось просто невозможной, а тут еще Сян обнаружила, что беременна. На какое-то время у них с Хэсэнем появилась надежда перейти на учебу в Китайско-французский институт, который в то время открылся в Лионе. Все думали, что он будет бесплатный, но это оказалось не так. Цай вместе со 124 другими возмущенными студентами 21 сентября 1921 г. отправился в Лион, где на территории института устроил беспорядки. Их всех арестовали, а через месяц выслали в Китай³.

Сян же уехала из Монтаржи чуть позже, прибыв в Шанхай 23 ноября 1921 г.

Во главе женского коммунистического движения

Через месяц после приезда, в начале 1922 г., Сян Цзиньюй вступила в КПК. Ее муж, вернувшийся в Китай за месяц до нее, стал членом компартии чуть раньше — в декабре 1921 г., после чего начал быстро продвигаться по партийной лестнице⁴. Его ум, глубокое знание марксизма и организаторские способности сразу же оценил Чэнь Дую — вождь КПК, считавший тогда, что партии «нужна свежая кровь»⁵.

Через четыре месяца, 1 апреля 1922 г., в Шанхае Сян родила дочку, которую назвала просто — Ни, что значит девочка. Сян провела с ней всего четыре месяца, а потом отослала в Чанша, в семью одного из своих братьев⁶. А сама активно включилась в коммунистическую борьбу.

Сян главное внимание стала уделять работе с женщинами, занятыми на шанхайских фабриках и заводах. В июле 1922 г. в Шанхае она вместе с мужем присутствовала

1. *Siao-yu. Mao Tse-tung and I were Beggars.* P. 184.

2. См.: *Гу Цы. Сян Цзиньюй.* С. 72–73; *Levine Marilyn A. Leninist Legacies and Revolutionary Life Histories in the Chinese Communist Party: A Plutarchian Case Study of Cai Heseng and Zhao Shiyan // Twentieth-Century China.* 2019. №. 3. P. 314.

3. Подробнее см.: *Панцов А. В. Мао Цзэдун.* С. 41; *Levine Marilyn A. The Found Generation: Chinese Communists in Europe during the Twenties.* Seattle, 1993. P. 121–131; *Wang Nora. Émigration et Politique: Les Étudiants-Ouvriers Chinois en France (1919–1925).* Paris, 2002. P. 213–228, 238–240; *Müller[-Saini] Gotelind. Chinese Women Between Education and Money.* P. 17; *Не Жунчжэнь хуэй-илу: [Воспоминания Не Жунчжэня].* Т. 1. Пекин, 1984. С. 23–24.

4. См.: *Ло Шаочжи и др. Цай Хэсэнь // Чжунгун данши жэньу чжуань.* Т. 6. С. 19.

5. *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party 1921–1927. Volume One of Autobiography of Chang Kuo-t'ao.* Lawrence, KS, 1972. P. 247.

6. См.: *Сюн Чжици. Хунань жэньу няньпу.* Т. 6. С. 61. *Чжу Баофэн, Дай Гунлюй. Цай Хэсэнь дэ хоудай: Цай Хэсэнь хэ Сян Цзиньюй Ли Ичунь дэ цзы нюй: [Потомки Цай Хэсэня: Сыновья и дочери Цай Хэсэня от Сян Цзиньюй и Ли Ичунь]* URL: https://www.360kuai.com/pc/9bc3c4e269243a3ce?cota=4&kuai_so=1&tj_url=so_rec&sign=360_e39369d1.

на II съезде КПК. На этом форуме Цай был избран членом ЦИК, а Сян — кандидатом в члены ЦИК, став первой и единственной на то время женщиной в руководстве партии. А вскоре, в октябре 1922 г., вместе с Хэсэнем она вошла и в узкое Центральное бюро партии, возглавив Центральный женский отдел. Хэсэнь же занял пост заведующего отделом пропаганды и главного редактора органа КПК журнала *Сяндао* («Проводник»)¹.

Возвышение Сян, тем не менее, не означало, что партийное руководство уделяло женскому вопросу достаточное внимание. Чэнь Дусю и другие вожди КПК предпочитали организовывать прежде всего рабочих-мужчин, а также студенческую молодежь². И это несмотря на то, что женщины-рабочие составляли значительный процент всей китайской рабочей силы, занятой в фабрично-заводском производстве, — от 30 до 40 (то есть порядка 300–400 тыс. человек). В текстильной же промышленности, считавшейся «женской» по численности занятых, их процент доходил до 92! А ведь именно текстильные фабрики составляли большинство промышленных предприятий Шанхая, города, в котором Сян Цзиньюй стала разворачивать свою революционную деятельность. Немало женщин трудилось и на шелкоткацких фабриках³.

Вовлечение в коммунистическое движение женщин было, таким образом, в полной мере заслугой Сян, начавшей вместе с небольшой группой помощниц агитировать текстильщиц начать борьбу за равную с мужчинами оплату труда, повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и улучшение условий работы. В то время ежемесячная зарплата неквалифицированных рабочих-мужчин на текстильных предприятиях составляла девять китайских долларов в месяц, а женщин — всего семь с половиной; за квалифицированный же труд мужчины получали двадцать шесть долларов, а женщины — двенадцать⁴. Подрядчики и старшинки всячески унижали женщин, штрафуя или избивая за малейшую провинность. Женщины, подавляющее большинство которых были в возрасте от 10 до 18 лет, совсем недавно законтрактованные в окрестных деревнях, запуганные и неграмотные, работали по двенадцать-пятнадцать часов в день с пятнадцати- или тридцати-минутным перерывом на обед в лучшем случае и двумя выходными в месяц, в чудовищных условиях: цеха не проветривались, воздух был наполнен пылью, зимой работницы мерзли, а летом задыхались от сорокаградусной жары. Отлучиться по нужде можно было не чаще двух раз в день, так что нередко работницы мочились прямо у станков. Те из женщин, кто имел грудных детей, кормили их прямо на рабочем месте, так как декретного отпуска им не давали. Многие женщины страдали от язвы, туберкулеза и женских болезней, а когда истощенные падали в обморок, им никто не оказывал медицинскую помощь. Старшинки просто окатывали их холодной водой и вновь заставляли работать⁵. Нередко женщины-работницы подвергались насилию со стороны рабочих-мужчин⁶.

1. См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэньюань минлу: [Сборник материалов по истории развития организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персональный состав]. Пекин, 1983. С. 8–9.

2. См.: *Smith S. A. A Road is Made: Communism in Shanghai 1920–1927*. Richmond, Surrey, 2000. P. 217.

3. См.: *Siu Bobby. Women of China: Imperialism and Women's Resistance 1900–1949*. London, 1982. P. 37, 85.

4. См.: *Siu Bobby. Women of China: Imperialism and Women's Resistance 1900–1949*. London, 1982. P. 85–86.

5. См.: *Siu Bobby. Women of China: Imperialism and Women's Resistance 1900–1949*. London, 1982. P. 87–90; *Hershatter Gail. Women and China's Revolutions*. Lanham, MD, 2019. P. 111–112.

6. См.: Документы по истории Коммунистической партии Китая 1920–1949 гг.: [В четырех томах]. Т. 1. М., 1981. С. 163.

И несмотря на все это, организовывать женщин-работниц и поднимать их на борьбу было крайне сложно. К таким, как Сян Цзиньюй, интеллигентного вида барышням, они относились с подозрением, да и многим своим «подругам по несчастью» не очень-то доверяли, поскольку, как и другие рабочие в Китае, были разделены земляческими, клановыми и диалектными барьерами¹. И тем не менее Сян Цзиньюй уже в 1922 г. удалось организовать их на участие в более чем 100 забастовках. Одна из стачек была особенно крупной: в ней участвовало свыше 20 тыс. женщин-работниц с 44 фабрик. Они требовали снижения рабочего дня до 10 часов и улучшения условий работы. Женское забастовочное движение продолжало развиваться и в 1923–1925 годах².

Теперь Сян открыто осуждала своих бывших единомышленниц-феминисток, заявляя, что все их усилия по раскрепощению женщин при неизменности социального порядка приведут лишь к тому, что эти феминистки «займут свои места в свинарниках в столице и провинциях, где вместе с кабанями-мужчинами будут наблюдать за тем, в какую катастрофу погружается страна и как страдают люди»³.

В июне 1923 г. в Гуанчжоу Сян вместе с Цай Хэсэнем и Мао Цзэдунем приняла участие в III съезде партии и вновь была избрана кандидатом в члены ЦИК и членом Центрального бюро, заняв новый пост: первого секретаря комитета по женскому движению⁴. Съезд принял написанную Сян «Резолюцию по вопросу о женском движении», в которой подчеркивалась необходимость направить женское движение «в русло растущего пролетарского движения в стране»⁵.

В августе же она стала издавать специальный журнал для женщин *Фунной чжоубао* («Женский еженедельник»). В то время по решению Коминтерна полным ходом шло оформление Единого фронта китайской компартии и Гоминьдана, а потому этот новый журнал стал выходить как приложение к шанхайской гоминьдановской *Миньго жибао* (ежедневной газете «Республика»). Тогда же по решению руководства компартии Сян, как и другие коммунисты, вступила в Гоминьдан. (Единый фронт оформлялся путем индивидуального вступления коммунистов в Гоминьдан).

Между тем она опять была беременна. И 25 мая 1924 г. родила сына, которому дала прекрасное имя Бо (Умный). Но с ним она провела даже меньше времени, чем с новорожденной Ни: всего около месяца, после чего поручила его заботам старшей сестры Цай Хэсэня, Цай Цинси. Добрая Цинси взяла к себе и племянницу Ни из дома брата Сян Цзиньюй, и все они поселились у матушки Гэ в Чанша. К тому времени, осенью 1923 г. матушка Гэ тоже вернулась из Франции, откуда привезла еще одну внучку — Тете — от Цай Чан, успевшей во Франции выйти замуж за одного из будущих руководителей КПК, Ли Фучуня. Родив, Цай Чан отдала дочку маме, а сама вместе с мужем отправилась на учебу в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), открытый еще в апреле 1921 г. для коммунистов из Азии и Африки⁶. Дети (Ни, Бо и Тете) оста-

-
1. См.: Панцов А. В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. М., 1985. С. 15.
 2. См.: *Siu Bobby*. Women of China. P. 130; *Hershatter Gail*. Women and China's Revolutions. P. 113.
 3. См.: Сян Цзиньюй вэньцзи. С. 137. См. также: *Gilmartin Christina Kelly*. Engendering the Chinese Revolution: Radical Women, Communist Politics, and Mass Movement in the 1920s. Berkeley, CA, 1995. P. 91.
 4. См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэньюань минлу. С. 18; *Сюн Чжици*. Хунань жэньу няньпу. Т. 6. С. 61.
 5. Документы по истории Коммунистической партии Китая 1920–1949 гг. Т. 1. С. 164.
 6. Личные дела студентов КУТВ Цай Чан (в Москве получила псевдоним Роза Николаева) и Ли Фучуня (Григорьев) хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 109 и 46.

вались у бабушки Гэ до 1929 г., когда по решению партийного руководства их переправили в СССР — в Ивановский интернациональный детский дом¹.

А Сян Цзиньюй уже в июне 1924 г. возглавила забастовку на шелкопрядильных фабриках рабочего района Шанхая Чжабэй. Забастовка длилась десять дней и закончилась полным успехом².

В январе 1925 г. в Шанхае состоялся IV съезд КПК, но на нем Сян Цзиньюй уже не присутствовала и в новый состав ЦИК не вошла. Ее, правда, вновь утвердили главой женского отдела и по-прежнему приглашали на расширенные заседания руководства³, но этого было мало. Ослабление ее роли в партии, можно, по-видимому, объяснить несколькими причинами: определенным сексизмом вождей КПК⁴, повсеместным увлечением коммунистов, прежде всего, работой в Гоминьдане, и, наконец, личными качествами Сян. Слишком она была серьезной и нравственной, не упускала случая читать лекцию о морали не только женам других членов партийного руководства, но и самому Чэнь Дусю, «любившему салльные шуточки»⁵. За такое свое поведение она даже получила прозвище «бабушка революции»⁶.

Сян все сильнее испытывала неудовлетворение: ей хотелось большего, хотелось заниматься не только женским движением, но вообще партийными делами, чтобы больше влиять на принятие партийных решений⁷. Хэсэнь был все время занят, да и вообще, по словам хорошо знавшего его Чжан Готао, одного из основателей КПК, «не являл собой образец мужа, который мог бы сделать жену счастливой... Он мог целый день молчать, погружившись в чтение или писание, а наткнувшись на интересную фразу, — резко смеяться... Устав, он, не раздеваясь и не разуваясь, заваливался на кровать и засыпал, а через некоторое время вскакивал и продолжал работать»⁸. Он очень страдал от приступов астмы, и в начале лета 1925 г. даже попал в больницу, выписавшись из которой должен был на несколько месяцев уехать в санаторий, в Пекин.

Оставшись одна в Шанхае, Сян Цзиньюй впала в депрессию. И тут, «неожиданно для самой себя»⁹, страстно влюбилась в красивого молодого человека, Пэн Шучжи, тоже члена руководства китайской компартии. Вот что вспоминает сам Пэн: «Я... не особенно заглядывался на Сян Цзиньюй, так как никогда не замечал, что в отношениях Цай Хэсэня и Сян Цзиньюй возникла трещина... Но я чувствовал, что их стиль жизни слишком пуританский, слишком строгий. Их отношения между собой были довольно натянутые. Во время еды они не общались друг с другом, а когда встречались, почти не улыбались, если же и разговаривали, то только о политике, ничто другое их не интересовало... [В то время, когда Цай Хэсэнь был в Пекине], мы жили в доме втроем — Сян Цзинь-

1. См.: *Чжу Баофэн, Дай Гунлюй*. Цай Хэсэнь дэ хоудай; Цай Бо (Цай Хэсэнь юй Сян Цзиньюй чжи цзы) (Цай Бо: [Сын Цай Хэсэня и Сян Цзиньюй]) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%94%A1%E5%8D%9A/3326226>.

2. Цзиньянь Сян Цзиньюй тунчжи иньюн цзюи уши чжоуянь. С. 3; Хунань нойцзие чжуаньлюэ [Краткие биографии женщин-героинь Хунани]. Чанша, 2009. С. 71.

3. См.: *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party 1921–1927. Vol. 1, P. 404.

4. См.: *Bailey Paul J*. Women and Gender in Twentieth-Century China. New York, 2012. P. 72.

5. О тяжелом характере Сян см.: Цзиньянь Сян Цзиньюй тунчжи иньюн цзюи уши чжоуянь. С. 24–25.

6. *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 206; *An Oppositionist for Life. Memoirs of the Chinese Revolutionary Zheng Chaolin*. Atlantic Highlands, NJ, 1997. P. 142; *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party 1921–1927. Vol. 1. P. 488; Пэн Шучжи хуэйилу: [Воспоминания Пэн Шучжи]. Т. 2. Сянган, 2016. С. 50.

7. См.: *McElderry Andrea*. Woman Revolutionary. P. 116.

8. *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 487.

9. *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 206.

юй, Чжэн Чаолин¹ и я... [Как-то] после ужина в конце сентября 1925 года... Сян Цзиньюй вошла ко мне в комнату и стала быстро говорить мне о своей любви». По словам Пэна, он не сразу сдался, но после ее настойчивых признаний, через несколько дней принял ее любовь. Пытаясь оправдаться, Пэн говорит, что Сян и раньше обманывала мужа и что якобы сама рассказывала ему, что ее любовниками были Чжан Готао и Мао Цзэдун²! Но это явный поклеп. О своей связи с Пэном она тут же честно призналась Цай Хэсэню, как только тот в октябре 1925 г. вернулся из Пекина.

Цай вынес вопрос на обсуждение партийного руководства. На что он рассчитывал, непонятно, но Чэнь Дусю принял единственно верное решение: отправить и Цая, и Сян подальше от Пэн Шучжи — в Москву. Цая — одним из делегатов на 6-й расширенный пленум Исполкома Коминтерна (ИККИ), который должен был проходить с 17 февраля по 15 марта 1926 г., а Сян — на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока. Было решено, что после пленума Цай останется представлять КПК в Коминтерне и, как и Сян, будет находиться в Советском Союзе на меньшей мере год³.

Об адюльтере Сян Цзиньюй тут же стало известно в партии, и это нанесло непоправимый ущерб и ее репутации, и работе КПК среди женщин⁴. После отъезда Сян в Москву, партийное руководство женским движением почти сошло на нет, а журнал КПК *Фунюй чжоубао*, редактировавшийся Сян, прекратил существование⁵.

Сян и Цай прибыли в Москву вместе 25 ноября 1925 г. Но «брачный союз, основанный на любви», им так и не удалось восстановить. Сян Цзиньюй сразу с вокзала отправилась в КУТВ, на Страстную площадь, где при зачислении 4 декабря получила псевдоним Надеждина, студенческий билет № 2726, подушку, простынь, одеяло, наволочку, полотенце, сорочку, нижнее белье и место в общежитии⁶, а Цай поселился в коминтерновской гостинице Люкс на Тверской улице⁷. Вместе с их старым товарищем по совместной работе во Франции Ли Лисанем (русский псевдоним Александр Лапин) Цай и Сян приняли участие в 6-м пленуме ИККИ (Цай и Ли — с решающим голосом, а Сян — с совещательным)⁸, но после этого их пути окончательно разошлись. Цай завязал роман с женой Ли Лисаня, красавицей Ли Ичунь (псевдоним Фрумина)⁹, кстати, бывшей до Ли Лисаня женой Ян Кайчжи, сына знакомого нам Ян Чанцзи, любимого профессора Сян Цзиньюй, Мао Цзэдуна и Цай Хэсэня. (От Цай Хэсэня Ли Чунь родит двух детей — в 1928 и 1929 г.). А Сян нашла любовника в КУТВ — студента из Монголии. От него она тоже забеременела и 11 ноября 1926 г. сделала аборт¹⁰.

Училась она, однако, хорошо. В характеристике, выданной ей, говорится: «Очень способна и развита. Разумно и вдумчиво подходит к вопросам. Умеет логически и стройно развивать свои мысли. Очень активна. Критически усваивает материал. Чувствуется политическая активность. Посещаемость не регулярная из-за участия в работе пленума ИККИ и нездоровья»¹¹.

1. Чжэн Чаолин (1901–1998) в то время был секретарем Пэн Шучжи.

2. Пэн Шучжи хуэйилу. Т. 2. С. 47–48.

3. Пэн Шучжи хуэйилу. Т. 2. С. 50; An Oppositionist for Life. P. 144; *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party 1921–1927. Vol. 1. P. 487.*

4. См.: *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party 1921–1927. Vol. 1. P. 488.*

5. См.: *Hershtatter Gail. Women and China's Revolutions. P. 122.*

6. См.: Личное дело Надеждиной (Сян Цзиньюй) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 716. Л. 7.

7. Личное дело Цай Хэсэня см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 475.

8. См.: *Pantsov Alexander V. and Lenine Steven I. Chinese Comintern Activists: An Analytic Biographic Dictionary (manuscript), 266.*

9. Личные дела Ли Лисаня и Ли Ичунь см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 43 и 786.

10. См.: Личное дело Надеждиной (Сян Цзиньюй). Л. 4–5.

11. См.: Личное дело Надеждиной (Сян Цзиньюй). Л. 6.

Вернулась она на родину в марте 1927 г. Из Гуанчжоу выехала в Ухань, где тогда находился ЦИК КПК, и по дороге остановилась в Чанша, где провела несколько дней в доме мамы Гэ, навестив своих детей. В Ухани она стала работать в отделах пропаганды города Ханькоу и Уханьского городского совета профсоюзов. Специально женским движением больше не занималась. После приезда в Ухань Цай Хэсэня, она, по слухам, пыталась восстановить с ним отношения, но безрезультатно: Цай был влюблен в Ли Ичунь и бросать ее не собирался¹.

На V съезде КПК, проходившем в Учане и Ханькоу в апреле—мае 1927 г., она не присутствовала, ее место и в Центральном комитете и во главе женского отдела заняла жена Цюй Цюбо, одного из самых авторитетных лидеров партии².

После разрыва Гоминьданом Единого фронта 15 июля 1927 г., Сян, в отличие от большинства руководителей партии, не выехала из Уханя, где оставаться было крайне опасно, а перешла на нелегальное положение, сменив фамилию и имя на «И Ся». Ее уговаривали уехать, но она отвечала: «Трехградье Ухань — важный опорный пункт нашей партии, многие крупные ответственные товарищи уже отдали свои жизни, если я уеду, это будет означать, что наша партия потерпела в Учане поражение, это будет на руку врагу, я ни в коем случае не могу уехать»³. Она пыталась наладить партийную работу в Ханькоу, редактировала коммунистический журнал *Чанцзян* («Янцзы») ⁴, но 21 марта 1928 г. на территории Французской концессии была арестована колониальной полицией по доносу предателя. На допросе она по-французски заявила тюремщикам: «Вы забыли историю Великой французской революции? Разве вы, французы, не призывали к свободе, равенству и братству? Разве вы не ратовали за свободу совести? Почему же вы тогда посягаете на мою веру и свободу?»⁵.

Когда в руководстве партии узнали об аресте Цзиньюй, сам Цай Хэсэнь обратился к их с Сян старому приятелю по членству в обществе «Обновление народа», тому самому Сяо Юю, который не хотел реформировать Китай, с просьбой помочь вызволить ее. У Сяо были неформальные отношения с французским консулом. Сяо попытался помочь, но у него ничего не вышло⁶. Консул действительно хотел спасти Сян, отказавшись передать ее гоминьдановцам, требовавшим экстрадиции. Но гоминьдановцы публично обвинили его в симпатиях к коммунистам, и он вынужден был подать в отставку. Новый же консул 12 апреля передал Сян китайским властям Уханя⁷.

В гоминьдановском застенке от нее требовали отречься от коммунистической партии, выдать адреса и пароли подпольщиков, предать товарищей. Ее мучали, но не смогли ничего добиться. И она умерла несломленная.

* * *

8 марта 1939 г., выступая на торжественном собрании в Яньани, посвященном Женскому дню, Мао Цзэдун, друг юности Сян Цзиньюй, провозгласил: «Мы должны учиться у образцовой женщины-вождя, павшей смертью героя в период великой революции, у члена коммунистической партии Сян Цзиньюй, которая всю жизнь боролась за ос-

1. См.: Пэн Шучжи хуэйилу. Т. 2. С. 50.

2. См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэньюань минлу. 60, 61.

3. Цит. по: «Мофань фунюй линсю» — Сян Цзиньюй [«Образцовый вождь женщин» — Сян Цзиньюй] // Жэньминь жибао. 25.05.2018.

4. См.: Цзиньянь Сян Цзиньюй тунчжи иньюн цзюи уши чжоуньянь. С. 18, 33–35.

5. Цит. по: Цзиньянь Сян Цзиньюй тунчжи иньян цзюи уши чжоуньянь. С. 19.

6. См.: *Siao-yu. Mao Tse-tung and I were Beggars*. P. 63.

7. См.: *McElderry Andrea. Woman Revolutionary*. P. 120.

вобождение женщин, за освобождение трудящихся масс, за дело коммунизма»¹. 20 же июля в речи на открытии Яньаньского женского университета Чжоу Эньлай, хорошо знавший Сян еще по годам совместной работы во Франции, напомнил, что Сян Цзиньйой была первой женщиной, входившей в состав Центрального исполнительного комитета КПК, первым руководителем Женского отдела ЦИК. Она «героически пожертвовала жизнью, и мы никогда не забудем ее», — заявил он.²

Память о Сян Цзиньйой до сих пор живет в КНР. В ее родном Сюйпу, в доме, где она родилась и провела детство, работает мемориальный музей. В 1995 г., по решению отдела пропаганды Хунаньского провинциального комитета КПК, он получил статус патристического образовательного центра первой степени. На могиле Сян, в городе Ханьяне, на западном склоне холма Гуйшань (Черепашовая гора), возвышается красивый памятник из белого мрамора: женщина с гордо поднятой головой сидит на высокой скамье, одетая в традиционный китайский халат, волосы ее развеваются, а глаза устремлены вдаль³. Памятник хорошо передает облик Сян — романтической героини китайской революции, беззаветно отдавшей жизнь за национальное и социальное освобождение китайского народа.

Список литературы

1. «Мофань фунной линсю» — Сян Цзиньйой [«Образцовый вождь женщин» — Сян Цзиньйой] // Жэньминь жибао. 25.05.2018.
2. An Oppositionist for Life. Memoirs of the Chinese Revolutionary Zheng Chaolin. Atlantic Highlands, NJ, 1997.
3. Bailey Paul J. Women and Gender in Twentieth-Century China. New York, 2012.
4. Brown Melissa J. Manipulating Tujia Identity // Modern China. 2002. № 3.
5. Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party 1921–1927. Volume One of Autobiography of Chang Kuo-t'ao. Lawrence, KS, 1972.
6. Пэн Шучжи хуэйилу: [Воспоминания Пэн Шучжи]. Т. 2. Сянган, 2016.
7. Gilmartin Christina Kelly. Engendering the Chinese Revolution: Radical Women, Communist Politics, and Mass Movement in the 1920s. Berkeley, CA, 1995.
8. Hershatter Gail. Women and China's Revolutions. Lanham, MD, 2019.
9. Jordan Donald A. Chinese Boycotts versus Japanese Bombs: The Failure of China's "Revolutionary Diplomacy," 1931–32, Ann Arbor, MI, 1991.
10. Levine Marilyn A. Leninist Legacies and Revolutionary Life Histories in the Chinese Communist Party: A Plutarchian Case Study of Cai Hesen and Zhao Shiyao // Twentieth-Century China. 2019. № 3.
11. Levine Marilyn A. The Found Generation: Chinese Communists in Europe during the Twenties. Seattle, 1993.
12. Mao's Road to Power: Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 1. Armonk, NY, 1992.
13. Mao's Road to Power: Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 7. Armonk, NY, 2005.
14. McElderry Andrea. Woman Revolutionary: Xiang Jingyu // The China Quarterly. 1996. Vol. 105.
15. Müller[-Saini] Gotelind. Chinese Women Between Education and Money; He Жунчжэнь хуэйилу: [Воспоминания He Жунчжэнь]. Т. 1. Пекин, 1984.
16. Müller[-Saini] Gotelind. Chinese Women Between Education and Money: Ideal and Reality of Female Worker-Student in the Early Years of the Republic (manuscript).

1. Mao's Road to Power: Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 7. Armonk, NY, 2005. P. 48–49.

2. Цит. по: Чэнь Кэсинь, Ся Юаньшэн. Сян цзи кайго жэньу чжуаньлюэ: [Краткие биографии уроженцев Хунани, внесших вклад в образование КНР]. Чанша, 2009. С. 71. См. также: Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949) (сюдинбэнь): [Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1898–1949. Исправ. изд.]. Пекин, 1998. С. 454.

3. Впечатления автора от посещения Дома-музея Сян Цзиньйой в Сюйпу и ее могилы в Ханьяне.

17. *Pantsov Alexander V. and Lenine Steven I.* Chinese Comintern Activists: An Analytic Biographic Dictionary (manuscript).
18. *Scalapino Robert A. and Yu George T.* The Work-Study Movement. Westport, CA, 1961.
19. *Siao-yu.* Mao Tse-tung and I were Beggars. Syracuse, 1959.
20. *Siu Bobby.* Women of China: Imperialism and Women's Resistance 1900–1949. London, 1982.
21. *Smith S. A.* A Road is Made: Communism in Shanghai 1920–1927. Richmond, Surrey, 2000.
22. *Snow Helen Foster [Nym Wales].* The Chinese Communists: Sketches and Autobiographies of the Old Guard. Westport, CT, 1972.
23. *Wang Nora.* Émigration et Politique: Les Étudiants-Ouvriers Chinois en France (1919–1925). Paris, 2002.
24. *Гу Цы.* Сян Цзинььюй // Чжунгун данши жэньу чжуань: [Биографии деятелей истории КПК]. Т. 6. Сиань, 1982.
25. *Дай Сюйгун.* Сян Цзинььюй чжуань: [Биография Сян Цзинььюй]. Пекин. 1981.
26. Документы по истории Коммунистической партии Китая 1920–1949 гг.: [В четырех томах]. Т. 1. М., 1981.
27. Их свадебную фотографию см. в: Жэньминь жибао: [Народная газета. 21 июня 2017.
28. Личное дело Надеждиной (Сян Цзинььюй) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 716. Л. 7.
29. Личное дело Цай Хэсэня см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 475.
30. Личные дела Ли Лисаня и Ли Ичунь см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 43 и 786.
31. Личные дела студентов КУТВ Цай Чан (в Москве получила псевдоним Роза Николаева) и Ли Фучуня (Григорьев) хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 109 и 46.
32. Ло Шаочжи. Цай му Гэ Цзяньхао: [Мамаша Цай, Гэ Цзяньхао] // Чжунгун данши жэньу чжуань. Т. 6.
33. *Мао Цзэдун.* Автобиография. Стихи. М., 2008.
34. О тяжелом характере Сян см.: Цзинянь Сян Цзинььюй тунчжи инъюн цзюи уши чжоунянь.
35. *Панцов А. В.* Дэн Сяопин. М., 2013.
36. *Панцов А. В.* Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. М., 1985.
37. *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. 2-е изд., исправленное. М., 2012.
38. *Панцов А. В.* Чан Кайши. М., 2019.
39. *Пи Минма.* Сян Цзинььюй Юйцзили цзюи: [Героическая смерть Сян Цзинььюй в Юйцзили] // Пи Минма. Ухань гэмин ши цзи яолань: [Памятные места по истории революции в Ухане]. Ухань, 1981.
40. Пэн Шучжи хуэйилу. Т. 2.
41. *Стабурова Е.Ю.* Анархизм в Китае: 1900–1921. Москва, 1983.
42. *Сюй Вэньтан.* Сян Цзинььюй юй Чжунгун цзаоци фунюй юньдун: [Сян Цзинььюй и коммунистическое женское движение в Китае в ранний период] // Цзиньдай Чжунго фунной ши яньцзю: [Исследования по истории китайских женщин в новое время]. 1994. № 2.
43. *Сюн Чжици.* Хунань жэньу няньпу: [Хронологические биографии деятелей Хунани]. Т. 6. Чанша, 2013.
44. Сян Цзинььюй вэньцзи: [Собрание сочинений Сян Цзинььюй]. Чанша, 1980.
45. *Титаренко М. Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
46. *Цай Хэсэнь.* Сян Цзинььюй чжуань: [Биография Сян Цзинььюй] // Цзиньдай ши яньцзю. 1982. № 4.
47. Цайлинь Бинь [Цай Хэсэнь] гэй Мао Цзэдун дэ синь (и цзю эр лин нянь у юэ эр ши ба жи): [Письмо Цай Хэсэня Мао Цзэдуну [28 мая 1920 г.]] // Цай Хэсэнь вэньцзи [Сочинения Цай Хэсэня]. Пекин, 1980.
48. Цайлинь Бинь [Цай Хэсэнь] гэй Мао Цзэдун дэ синь (и цзю эр лин нянь ба юэ ши сань жи): [Письмо Цай Хэсэня Мао Цзэдуну [13 августа 1920 г.]] // Цай Хэсэнь вэньцзи.
49. Цзинянь Сян Цзинььюй тунчжи инъюн цзюи уши чжоунянь.; Хунань нюйцзиэ чжуаньлюэ: [Краткие биографии женщин-героинь Хунани]. Чанша, 2009.
50. Цзинянь Сян Цзинььюй тунчжи инъюн цзюи уши чжоунянь: [В память о пятидесятой годовщине героической гибели тов. Сян Цзинььюй]. Пекин, 1978.
51. Чжоу Эньлай няньпу (1898–1949) (сюдинбэнь): [Хронологическая биография Чжоу Эньлая. 1898–1949. Исправ. изд.]. Пекин, 1998.

52. *Чжу Баофэн, Дай Гунлюй.* Цай Хэсэнь дэ хоудай: Цай Хэсэнь хэ Сян Цзиньюй Ли Ичунь дэ цзы нуй: [Потомки Цай Хэсэня: Сыновья и дочери Цай Хэсэня от Сян Цзиньюй и Ли Ичунь] URL: https://www.360kuai.com/pc/9bc3c4e269243a3ce?cota=4&kuai_so=1&tj_url=so_rec&sign=360_e39369d1.
53. *Чжу Баофэн, Дай Гунлюй.* Цай Хэсэнь дэ хоудай; Цай Бо (Цай Хэсэнь юй Сян Цзиньюй чжи цзы) (Цай Бо: [Сын Цай Хэсэня и Сян Цзиньюй]) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%94%A1%E5%8D%9A/3326226>.
54. Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигуо яньгэ хэ чэньюань минлу: [Сборник материалов по истории развития организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персональный состав]. Пекин, 1983.
55. Чжунго гэмин ши жэньу цыдянь: [Словарь деятелей истории китайской революции], Пекин, 1991.
56. Чжэн Чаолин хуэйилу: [Воспоминания Чжэн Чаолина]. [Сянган, 1982].
57. *Чэнь Кэсинь, Ся Юаньшиэн.* Сян цзи кайго жэньу чжуаньлюэ: [Краткие биографии уроженцев Хунани, внесших вклад в образование КНР]. Чанша, 2009.

D. Arincheva. From the History of the Female Revolutionary Movement in China (on the 125th Birthday of Xiang Jingyu)

This year, September 4 marks the 125th anniversary of the birth of one of the first Chinese Communists, the main organizer and leader of the women's revolutionary movement in China, Xiang Jingyu (1895–1928). Her life, devoted to the struggle for the freedom of China and the emancipation of women, is fanned by legend, and her heroic death during the period of white terror causes deep respect. Her name is on a par with the names of the main characters of the Chinese revolution.

Keywords: history of the CCP, women's movement, Xiang Jingyu, Cai Hesen, white terror.

Россия и Китай: гуманитарное сотрудничество

© 2020

Л.Л. Сухадольская

В статье рассматривается современное состояние процесса гуманитарного взаимодействия между Россией и Китаем. Гуманитарное сотрудничество двух стран обогащается новым содержанием, носит многоплановый и комплексный характер. Автор делает вывод, что гуманитарные обмены между Россией и Китаем на всех уровнях и в различных сферах нацелены на выявление потенциальных возможностей для сотрудничества между двумя странами, придают мощный стимул дальнейшему развитию взаимоотношений между ними, адаптируются к потребностям новой эпохи, служат укреплению взаимопонимания народов РФ и КНР.

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайские отношения, гуманитарные обмены, сотрудничество.

DOI: 10.31857/S013128120010558-4

В истории российско-китайских отношений были разные периоды, однако сегодня определяющим стал вектор на добрососедство, дружбу и сотрудничество. В настоящее время в отношениях всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства России и Китая наступил этап наиболее благоприятного развития за всю историю. Двусторонние отношения отличаются устойчивой динамикой, основаны на взаимном уважении и невмешательстве во внутренние дела друг друга, имеют мощный экономический фундамент и богатую культурную базу. Область культурных и гуманитарных связей всегда являлась и является особым направлением международного сотрудничества, а значение потенциала гуманитарного вектора подчеркивается во всех масштабных международных инициативах и концепциях.

За последние 20 лет Россия и Китай подписали ряд документов, способствующих развитию гуманитарного сотрудничества двух стран и дружественных отношений между нашими народами. В 2000 г. была сформирована Российско-Китайская межправительственная комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, цель которой — стимулирование гуманитарных отношений, координация деятельности центральных и местных органов исполнительной власти на гуманитарном направлении сотрудничества, реализация в полном объеме соответствующих меж-

правительственных и межведомственных соглашений¹. В 2001 г. Китай и Россия подписали совместное коммюнике шестой регулярной встречи глав правительств КНР и РФ, в котором стороны договорились о проведении различных культурных мероприятий, фестивалей, совместных проектов в сфере телевидения, кино и театрального искусства. Переход на качественно иной уровень партнерства между Россией и Китаем произошел после подписания в Кремле в 2001 г. Президентом России В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Культурному взаимодействию как важной части интенсивного развития двустороннего сотрудничества особое внимание уделено в Совместных декларациях РФ и КНР 2005, 2006 и 2007 г.

В 2015 г. Министерство культуры РФ разработало межправительственное соглашение о сотрудничестве с Китаем в сфере кинематографа, телевидения, двустороннем участии в кинофестивалях и кинонеделях, а также обмене архивными киноматериалами. План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 г. был подготовлен в рамках Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в гуманитарной сфере, который отражает намерение двух государств развивать долгосрочные отношения с помощью динамичного расширения сотрудничества и обменов между Россией и Китаем в гуманитарной области.

В рамках визита Си Цзиньпина на Петербургский экономический форум (2019) было подписано Совместное заявление об отношениях всестороннего стратегического сотрудничества в новую эпоху. Документ содержит большой раздел из 11 пунктов о гуманитарном сотрудничестве, охватывающем сферы образования, молодежных обменов, здравоохранения, культуры, искусства и спорта, включая подготовку к зимней Олимпиаде 2022 г. в КНР, туризма, охраны окружающей среды, увековечивания памяти героических деятелей и т.д.².

Главной движущей силой в укреплении взаимодействия России и Китая выступают интенсивные и доверительные контакты лидеров обеих стран. Главы РФ и КНР являются инициаторами, активными сторонниками и координаторами нынешнего российско-китайского взаимодействия на высоком уровне. Постоянные встречи и взаимные визиты руководителей обоих государств обладают важным стратегическим значением, открывают новые возможности для активизации двустороннего сотрудничества и непрерывного стимулирования дальнейшего развития их двусторонних связей. Президент России Владимир Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин начиная с 2010 г. встречались 31 раз, в том числе дважды в 2019 г., на полях 2-го Международного форума высокого уровня «Один пояс, один путь» в апреле и в рамках государственного визита китайского руководителя в Россию в июне.

«Народная дипломатия» под эгидой Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития, обществ российско-китайской и китайско-российской дружбы, а также культурных центров в РФ и КНР вносит весомый вклад в развитие гуманитарных связей. Как отметила первый заместитель председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы Г.В. Куликова в своем интервью журналу «Мы и Китай»: «Гуманитарное сотрудничество — одна из трех опор наших отношений наряду с политическим доверием, торгово-экономическими связями. Культура, язык, учеба, общение — это то, на чем все строится, идеи никогда не станут материальной силой, пока они не овладеют массами. Ничего, кроме взаимопонимания, не содействует дальнейшему пути, в том числе и профессиональному»³.

1. В 2007 г. ее сменила Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству (Л.С.).
2. *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: стратегические, военно-политические и экономические параметры партнерства 2019 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(1). С. 35.
3. Чан Лэ. Интервью // Мы и Китай. 2019. № 6 (32). С. 30.

Российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере к настоящему времени приобрело системный характер, обогащается новым содержанием, является многоплановым и комплексным. Межкультурные связи охватывают практически все гуманитарные сферы и стали важным элементом публичной дипломатии. За последние годы в Китае и России прошло множество мероприятий в рамках ряда перекрестных Годов на государственном уровне, затрагивающих сферу культуры, образование, туризм, СМИ и кино. С успехом прошли Годы межрегионального сотрудничества России и Китая (2018–2019), нацеленные, в том числе на выявление потенциальных возможностей для сотрудничества между регионами двух стран, усиление взаимодействия городов-побратимов РФ и КНР, рост въездного туризма, вовлечение в совместные мероприятия сотен тысяч граждан, укрепление взаимопонимания между нашими народами. Укрепление российско-китайского межрегионального сотрудничества стало лейтмотивом переговоров Владимира Путина с Си Цзиньпином на полях Восточного экономического форума во Владивостоке (сентябрь 2019). По итогам встречи в верхах было подписано три документа, посвященных межрегиональному взаимодействию. Комментируя подписание упомянутых документов, российский президент отметил, что межрегиональное сотрудничество — «важная составляющая всеобъемлющего стратегического партнерства между Россией и Китаем». Китайский лидер, в свою очередь, выразил уверенность в том, что «чем плотнее сотрудничество между регионами наших стран, тем крепче база двусторонних отношений»¹.

В целях дальнейшего развития российско-китайских отношений и расширения двусторонних связей в научно-технической и инновационной областях 2020 и 2021 годы были объявлены перекрестными Годами научно-технического и инновационного сотрудничества. Запланировано множество мероприятий различной тематики: научные конференции, форумы, симпозиумы, летние школы, экспедиции, мастер-классы, онлайн олимпиады. Наряду с наукой и инновациями предполагается уделить особое внимание социально-гуманитарному блоку двусторонних отношений, закрепить и расширить достигнутые успехи в области популяризации русского и китайского языков в стране-партнере, межкультурных коммуникаций, спорта и здравоохранения².

Образовательная составляющая гуманитарного взаимодействия

Современные тенденции и непрерывное развитие образовательных связей требуют поиска новых точек соприкосновения, путей и форматов взаимодействия в сфере образования. Для развития образовательного сотрудничества между РФ и КНР создана правовая база: Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о культурном сотрудничестве (1992 г.), которое охватывает многие аспекты сотрудничества в сфере высшего образования и двусторонних обменов; межправительственные соглашения о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях, об изучении русского языка в Китае и китайского в России. Для придания нового импульса двустороннему сотрудничеству в сфере образования в 2006 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области образования. За последние годы, благодаря подписанным соглашениям, в российско-китайском образовательном сотрудничестве наметилось активное продвижение по таким вопросам, как: развитие двусторонней академической мобильности

1. *Зимакова Е.С.* Развитие российско-китайского межрегионального сотрудничества на примере Владимирской области // *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия*. Чита, 2019. Вып. 22. С. 34.
2. *Трубников Г.* Главная цель нашего сотрудничества — это взаимодействие людей. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2180 (дата обращения: 15.03.2020).

(организация взаимных обменов студентами, аспирантами, научно-педагогическим персоналом), поддержка изучения и преподавания русского и китайского языков. Механизм регулярных встреч правительств государств-партнеров позволил в российско-китайском образовательном сотрудничестве акцентировать внимание на дальнейшем установлении и расширении прямых партнерских связей между образовательными учреждениями России и Китая в учебной учебно-методической и научно-исследовательской областях. Так, развитие двусторонних молодежных контактов расширяется, обмен студентами постоянно увеличивается. В сентябре 2019 г. на 20-м заседании Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству было отмечено, что к настоящему времени суммарное количество двусторонних обменов обучающимися с учетом краткосрочных образовательных программ превысило 90 тыс. человек. К 2020 г. планировалось увеличение объема двусторонних образовательных обменов среди учащихся до 100 тысяч. Важным шагом в повышении качественного уровня взаимодействия является становление и развитие первого российско-китайского Университета в Шэньчжэне, образованного совместными усилиями МГУ и Пекинского политехнического института, в котором уже обучаются 518 человек. В перспективе число студентов и аспирантов планируется увеличить до 5 тысяч¹. По данным «Социоцентра», лидерами по числу обучаемых граждан КНР стали московские, Санкт-Петербургские и дальневосточные вузы. Все эти университеты — участники государственной программы «Проект 5–100», которая направлена на продвижение ведущих российских вузов за рубежом². Россия и Китай активно взаимодействуют в рамках подготовки высококвалифицированных специалистов в разных областях в высших учебных заведениях и обмена студентами. В 2011 году была создана ассоциация технических университетов России и Китая, работа которой нацелена на совместное участие молодежи двух стран в разработке и выполнении совместных программ и проектов по проблемам, представляющим интерес для отраслей промышленности и хозяйства РФ и КНР. На сегодняшний день она объединяет более 60 российских и китайских вузов.

Стоит отметить, что на сегодняшний день Россия и Китай сформировали разветвленную договорно-правовую базу гуманитарного сотрудничества, которой охвачены все уровни органов государственного управления. Однако наблюдается низкая эффективность реализации двусторонних проектов. Именно это стало тормозом для укрепления связей, так как в данном сотрудничестве неправительственные субъекты исполняют лишь второстепенную и дополнительную роль, а значит лишаются внутренней мотивации для полноценного участия в процессе. Официально озвучены планы формирования российско-китайских вузовских ассоциаций различного профиля и организации сетевых университетов ШОС и БРИКС, которым еще только предстоит доказать собственную эффективность, перспективы их развития остаются весьма туманными. В области межвузовского взаимодействия и академической мобильности заключено более 900 международных соглашений, однако из осуществленных проектов, как правило, упоминаются лишь российско-китайский Университет в Шэньчжэне и Российско-китайский транспортный институт на базе Петербургского государственного университета путей сообщения им. Александра Г³.

1. 20-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. URL: <https://government.ru/news/37873> (дата обращения: 15.01.2020).
2. Где и как учатся граждане КНР в России. URL: <https://www.5top100.ru/news/104492/> (дата обращения: 24.03.2020).
3. Смоляков Д.А. Перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossiysko-kitayskogo-gumanitarnogo-sotrudnichestva-v-ramkah-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put/viewer> (дата обращения 25.03.2020).

Гуманитарные связи РФ и КНР в рамках проекта «Один пояс, один путь»

Выдвинутая в 2013 г. китайским лидером инициатива «Один пояс, один путь», направленная на строительство сообщества единой судьбы и достижение взаимосвязи между странами Шелкового пути, включает в себя сопряжение политических установок, соединение инфраструктуры, беспрепятственную торговлю, гуманитарные обмены и культурный диалог. Гуманитарная цель стратегии — расширение ареала «мягкой силы» Китая. Гуманитарные обмены между странами вдоль «Пояса и пути» направлены на развитие межрегиональной языковой и культурной коммуникации, налаживание контактов для осуществления проектов. Языковая и культурная взаимосвязь является важной основой для «сообщества людей» и предпосылкой для реализации всех остальных связей¹. В основополагающем документе «Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» отмечается необходимость координации различных мер по развитию гуманитарных обменов через многосторонние механизмы и многоуровневые платформы. Концепция предполагает развитие контактов по линии молодежных организаций и волонтерского движения. Создание и использование в рамках инициативы «Один пояс, один путь» коммуникационных площадок, ориентированных на различные социальные группы, таких как форумы, экспертные встречи, фестивали, спортивные мероприятия, образовательные платформы, туристические маршруты, позволяет на основе опыта различных цивилизаций и культур формировать и стимулировать новые сферы сотрудничества, повышать разнообразие форм взаимодействия, способствовать устойчивому развитию России и Китая.

Положительную динамику эксперты в сфере образования связывают с реализацией китайской инициативы «Пояс и путь», в которой Россия рассматривается как политико-экономический партнер. РФ и КНР ведут постоянную деятельность по разработке и реализации совместных образовательных программ, развитию академической мобильности, в том числе с целью изучения китайского и русского языков. Этим целям служит запущенный китайской стороной крупный образовательный проект, направленный на расширение студенческих обменов в рамках инициативы «пояса и пути». Правительство Китая ежегодно выделяет 10 тыс. грантов для студентов из стран, участвующих в строительстве этого проекта.

Важным звеном культурного обмена являются сотрудничество библиотек, издание научной литературы и переводы с китайского. Так, старейшая компания КНР Китайская международная книжная торговая корпорация СІВТС, которая занимается экспортом китайской книги за рубеж и импортом иностранной литературы в Китай, в 2018 г. запустила проект сотрудничества библиотек в рамках «Одного пояса, одного пути», согласно которому было налажено сотрудничество с национальными библиотеками 13 стран, включая Россию. В библиотеках каждой из стран—участниц проекта было представлено не менее 1000 изданий о Китае. Проект расширяет культурные обмены со странами вдоль «Одного пояса, одного пути». 27 апреля 2019 г. этот проект был включен в список результатов II Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках указанной инициативы². В июне 2019 г. по итогам заседания Российско-Китайской подкомиссии по сотрудничеству в области культуры Комиссии РФ и КНР по гуманитарному сотрудничеству было принято решение, что Россия и Ки-

1. Лэй Ли, Чжан Япэн. Межрегиональная языковая культурная коммуникация в регионе «Один пояс, один путь» // Россия и Китай: диалог культур. М., 2019. С. 134.
2. Лю Ян, Хуан Ливэй. Издания о Китае для всего мира // Китай. 2019. № 12 (170). С. 69.

тай будут содействовать установлению и развитию сотрудничества между национальными, а также федеральными и региональными библиотеками двух стран, обмениваться книгами и информацией, технологиями по сохранению книжных памятников, внедрять цифровые технологии в библиотечное дело. Издательство «Восточная литература» (Москва) активно участвует в «Программе перевода и издания китайской литературы на русском языке и русской литературы на китайском языке». Издательством уже выпущено 15 книг современной китайской литературы и классики в серии «Библиотека китайской литературы». «Восточная литература» сотрудничает с китайскими издательствами из Пекина, Шанхая, Гуанчжоу и Сианя¹.

Ежегодные перекрестные фестивали культуры стали заметными мероприятиями гуманитарного сотрудничества РФ и КНР. Россия и Китай обмениваются гастролями ведущих театральных коллективов, открываются музейные выставки, осуществляется сотрудничество по совместному производству кинематографической продукции. Один из самых ярких культурных проектов в истории российско-китайских отношений — Международный фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства», который ежегодно проводится одновременно в Благовещенске и Хэйхэ. «Российско-китайский культурный форум» и «Российско-китайская культурная ярмарка» стали ведущими проектами в области гуманитарного обмена и сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь». В них принимают участие творческие коллективы, художники, писатели, деятели культуры двух стран. Выступая на открытии X Международного фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства», заместитель министра культуры России Ольга Ярилова отметила, что этот фестиваль — один из символов сотрудничества между нашими странами и уже «официально вписан в историю развития российско-китайской дружбы»².

На VIII Санкт-Петербургском международном культурном форуме, состоявшемся в ноябре 2019 г., Китай стал страной-гостем. В рамках программы, посвященной КНР, прошли панельная дискуссия «Перспективы российско-китайского сотрудничества в области кино» и круглый стол «Лингвокультурное пространство «Одного пояса, одного пути»», на которых российские спикеры и их китайские коллеги обсудили возможности интеграции Китая в различные сферы культурной жизни Российской Федерации, будущее совместных проектов в области кино и образования, а также знакомство жителей стран с живописью и театром друг друга. Ключевыми мероприятиями Фестивальной программы стали концерт Шанхайского национального оркестра и Государственного академического оркестра им. В.В. Андреева, а также спектакль Китайского государственного драматического театра «Принц Лань Лин». Постановки китайских театров были представлены на 25-й Международной театральной олимпиаде, XIV Международном театральном фестивале им. А.П. Чехова, который традиционно поддерживается Министерством культуры и туризма Китайской Народной Республики и Посольством КНР в Москве. Военный оркестр НОАК выступил перед жителями Москвы в рамках Международного военно-музыкального фестиваля «Спасская башня».

Активизация сотрудничества в сфере туризма

Туризм выполняет уникальную функцию в деле развития межкультурного сотрудничества и улучшения взаимопонимания между народами. Правовые документы

1. Аникеева С. Труды о Китае и переводы с китайского // Китай. 2019. № 9 (167). С. 47.
2. В Благовещенске и Хэйхэ стартовал X Международный фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства». URL: https://www.mkrf.ru/press/news/v_blagoveshchenske_i_kheykhe_startoval_x_mezhdunarodnyy_festival_rossiysko_kitayskaya_yarmarka_kultu/ (дата обращения: 15.03.2020).

«Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках» (2000), «Меморандум об укреплении сотрудничества в сфере координации деятельности в туризме» (2019) — нацелены на защиту законных прав и интересов туристических организаций двух стран и служат развитию сотрудничества РФ и КНР в сфере туризма. Для достижения этих целей Ростуризм и Министерство культуры и туризма КНР договорились о создании рабочей группы, основными направлениями деятельности которой станут осуществление сбора и обмена информацией о текущем состоянии национального рынка туристских услуг, усиление сферы регулирования туристического рынка, сближение требований к стандартам качества предоставляемых услуг и базовой стоимости типовых туристских продуктов. Также большее внимание будет уделено сотрудничеству в сфере подготовки гидов и руководителей туристских групп.

Туристическая отрасль не только содействует продвижению культурных ценностей принимающей страны, но и оказывает значительное влияние на ее внутреннюю экономику. Увеличивающийся двусторонний туристический поток стимулирует значительные поступления в региональные бюджеты наших стран. По данным Центробанка за первое полугодие 2019 г., китайские туристы потратили в России 539 млн долл.¹. Высокий рост туристических обменов свидетельствует об устойчивом взаимном интересе россиян и китайцев к культуре и традициям наших стран. По сообщениям Туристической ассоциации «Мир без границ», за 9 месяцев 2019 г. число китайских туристов, посетивших Россию, достигло 1,2 млн человек. Это на 12% больше, чем годом ранее. Количество туристов, совершающих въезд в Россию с использованием безвизового режима, составляет более 80% от общего числа въездных туристов. Наиболее популярными у китайских туристов остаются следующие направления — Москва, Санкт-Петербург, Приморский край и Иркутск. Вместе с тем туристы из Китая начинают проявлять повышенный интерес к Камчатке. За 9 месяцев 2019 г. число российских граждан, посетивших Китай, превысило 655 тысяч (рост на 22,4%)². Быстрый рост количества туристов из КНР ставит перед российским туристическим сектором задачи перераспределения турпотоков по регионам России, создания новых маршрутов и продвижения «межсезонных программ». В июне 2019 г. на Петербургском международном экономическом форуме было подписано соглашение между Федеральным агентством по туризму и Правительствами Московской, Тверской, Новгородской и Ленинградской областей о сотрудничестве по развитию межрегионального проекта «Государева дорога», который позволит сформировать единое культурно-туристическое пространство на территории областей, расположенных на историческом тракте Москва — Санкт-Петербург. Этот проект способен заинтересовать как отечественных, так и иностранных туристов, в том числе гостей из Китая. Особой популярностью у китайских туристов пользуется «Красный маршрут», который включает Казань, Ульяновск, Шушенское и ряд других населенных пунктов, других населенных пунктов, связанных с биографией вождя Октябрьской социалистической революции В.И. Ленина.

Лидирующие позиции в РФ по уровню развития туристских связей с провинциями КНР занимает Приморский край. Более 30% китайских граждан, посещающих Россию, приезжают в Приморье и более 36% россиян выезжают в КНР через погранпереходы Приморского края. Развитая инфраструктура туризма, диверсифицированные услуги

1. Россия может лишиться 70–80% турпотока из Китая из-за вспышки коронавируса.
URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/01/27/821588-rossiya-lishitsya> (дата обращения 20.02.2020).
2. Число посетивших Россию китайских туристов выросло за 9 месяцев на 20%.
URL: <https://www.ria.ru/20191106/1560635883.html> (дата обращения: 04.04.2020).

в сфере туробеспечения и торговли создают основу для стабильного спроса у россиян на туры в приграничные провинции КНР. В основном это краткосрочные туры с целью приобретения товаров, получения лечебных и оздоровительных процедур, посещения развлекательных и спортивных мероприятий. В Китае, как во всем мире, активно развивается эко-этнографический и культурно-исторический туризм, что также вызывает интерес у российских гостей. Государственный Совет КНР официально утвердил создание «Зоны сотрудничества трансграничного туризма в бассейне реки Туманная (КНДР, России и КНР)» в г. Хуньчунь. Разработан туристический маршрут «Хуньчунь (КНР) — Хасан (РФ) — Туманная (КНДР)», сформирована треугольная трансграничная зона сотрудничества в туризме, включающая китайский город Яньцзи, российский город Владивосток и город Чхонджин в КНДР. Этот маршрут стал трансграничным модельным туром на Северо-Востоке Китая. Приграничная территория России обладает высоким культурно-историческим и природно-рекреационным потенциалом. В Приморском крае насчитывается более 2 тыс. памятников истории и древней культуры, 214 памятников природы, 6 государственных заповедников, 13 государственных заказников, 4 национальных парка, 10 горных вершин, пригодных для альпинизма и скалолазания, 160 гротов и пещер, из которых 40 — объекты туризма. Все эти природные богатства дают возможность для развития в этом регионе этнографического и культурно-познавательного туризма. Но несмотря на огромный туристический потенциал, российские рекреационные ресурсы используются не в полной мере. Незаразвита туристическая и таможенная инфраструктура, не сформированы туристические аттракторы, недостаточно аэропортов малой авиации, позволяющей быстро добраться к природным туристическим объектам. Все это приводит к тому, что китайские туристы рассматривают эти муниципальные образования только как территории транзитного следования¹.

На сегодняшний день сотрудничество России с Китаем в области туризма является стратегическим и наиболее перспективным направлением как для России, так и для Китая. Россия и Китай располагают колоссальными природными ресурсами и культурно-историческим потенциалом для развития различных видов туризма. Китайская туристическая отрасль, получившая активное развитие только с началом реформ и «открытости», за достаточно короткие сроки достигла высочайших показателей, извлекая выгоду сначала из въездного, а затем из выездного туризма. Въездной и внутренний туризм России сейчас постепенно развивается. Перед индустрией туризма встает немало проблем, таких как отсутствие надлежащих инфраструктур, качество туристических услуг, отсутствие реальных инвестиций, низкий уровень сервиса, недостаточное количество гостиничных мест, дефицит квалифицированных кадров, отсутствие комфортной информационной туристической среды, недостаток номерного фонда.

Для стимулирования туристической области стране необходимо больше сотрудничать с Всемирной туристской организацией ЮНВТО, принимать участие в международных выставках и конференциях по туризму, проводить масштабную работу по созданию наиболее благоприятных условий пребывания китайских гостей и стараться учитывать их предпочтения. Для удерживания такого мощного потока гостей из КНР стоит переориентироваться на более молодую аудиторию путешественников, т.к. основная масса китайцев, приезжающих в Россию — пожилое поколение, воспитанное на советской культуре и испытывающее ностальгию по СССР. Необходимо уделять больше внимания развитию совместного туризма в приграничных регионах, индивидуальным туристам, предоставлять больше информации на китайском языке. В основном, все перечисленные

1. Долгалева Л.М., Гатаулина С.Ю. Перспективы развития приграничного туризма между провинцией Хэйлуньцзян (КНР) и Приморским краем (Россия) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Чита. 2019. Вып. 22. С. 28.

задачи сегодня реализуются участниками программы China Friendly, созданной в 2014 г. по инициативе и при поддержке Туристической ассоциации «Мир без границ». Она призвана создать комфортную среду пребывания для китайских туристов, направлена на продвижение российского турпродукта на международном рынке, привлечение клиентов и увеличение доходов турбизнеса¹.

Стоит обратить внимание на возникший в туристической отрасли серьезный конфликт экономических интересов между российскими и китайскими (или российско-китайскими) туроператорами, в результате чего сформировалась так называемая серая зона. Теневые китайские турфирмы оказывают завышенные по стоимости услуги для своих же соотечественников, привлекают нелегальных гидов-переводчиков из числа китайских студентов, которые допускают оскорбительные и неверные суждения о нашей стране. Все это оказывает негативное влияние на имидж России, работу российских турфирм и получение ими доходов. Для решения этой проблемы было предложено восстановить в принятом в 2014 г. стандарте гида-переводчика положение об обязательном российском гражданстве и аттестации для такого рода профессиональной деятельности. В феврале 2020 г. прошел круглый стол Комитета по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи Государственной Думы РФ на тему совершенствования правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников, а также турагентской деятельности, на котором были рассмотрены правительственные законопроекты «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» и «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» (в части совершенствования правового регулирования турагентской деятельности). Законопроекты устанавливают основные критерии аттестации гидов, содержат требования к образованию, стажу работы и наличию профессиональных знаний и навыков. Услуги экскурсоводов на туристских маршрутах оказываются только гражданами России. Принятие этих законов будет иметь большое значение для индустрии туризма и качественного гостеприимства, нечестная конкуренция со стороны иностранных граждан по отношению к гражданам РФ этими законами будет пресечена².

Взаимодействие в медиасфере

Сегодня сотрудничество средств массовой информации России и Китая стало важным синергетическим фактором обеспечения информационными средствами разнообразных сфер российско-китайских отношений. В 2002 г. была создана Российско-китайская рабочая группа по сотрудничеству в области СМИ, что стало отправной точкой в расширении сферы взаимодействия медийных компаний двух стран, сделало их более интересными и насыщенными, организовало прямое двустороннее сотрудничество заинтересованных информационных структур. Для этого российские и китайские СМИ используют как традиционные виды журналистской деятельности, так и новые массмедиа, возникшие в эпоху гигантского расширения информационного пространства с развитием Интернета. Создание единой информационной сети на основе кооперации ведущих СМИ России и Китая позволит охватить более широкую аудиторию и доводить до общественности собственные взгляды, альтернативные трактовкам западных массмедиа.

1. Цзян Цзюньцзин. Китайский туризм в России: современное состояние и тенденции.
URL: <https://age-info.com/2019/07/>.

2. Михаил Десятёв: «Гиды должны быть аккредитованы и иметь российское гражданство. Иностранных экскурсоводов быть в наших городах не должно».
URL: <http://komitet6.km.duma.gov.ru/Novosti/item/21460426/> (дата обращения 27.02.2020).

Ни с одной страной мира у России нет настолько активных контактов в медиа-сфере, как с КНР. Сотрудничество затрагивает телевидение, радио, печатные СМИ, информационные агентства. В последние годы сюда добавилось сотрудничество в области технологических платформ по распространению контента, распространению фильмов, сериалов, новые медиа и Интернет. С китайскими партнерами в среднем за год проводится около 100 мероприятий. В 2019 г. была подписана российско-китайская программа цифрового сотрудничества в медиакоммуникационной сфере¹. Регулярно проводятся заседания двусторонней подкомиссии по сотрудничеству в области средств массовой информации. Важную роль во взаимодействии на данном направлении играют ежегодные российско-китайские медиафорумы, участие в которых принимают представители руководства госорганов и ведущих СМИ наших стран. В КНР осуществляют вещание три российских телеканала — «РТР-Планета», Russia Today и «Катюша». В сентябре 2019 г. на полях Восточного экономического форума прошел V Форум СМИ России и Китая, который за пять лет работы сумел стать важной платформой для диалога работников медиаиндустрии. Заглавной темой было объявлено развитие традиционных и новых медиа в эпоху цифровой экономики.

5 декабря 2019 г. в Пекине прошло 12-е пленарное заседание Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития. Комитет действует уже более 20 лет, являясь одним из основных центров народной дипломатии двух стран. В последние годы Совет по СМИ уделяет пристальное внимание дипломатии на уровне глав государств Китая и России, а также предпринимает комплексные меры по реализации имеющихся преимуществ в средствах массовой информации и по внедрению инновационных коммуникационных технологий в целях выведения на новый уровень сотрудничества в области СМИ между двумя странами и содействия укреплению контактов между народами двух стран. В своем выступлении заместитель руководителя Отдела пропаганды ЦК КПК, гендиректор Медиакорпорации Китая Шэнь Хайсюн, который занимает также пост сопредседателя с китайской стороны в Совете по СМИ этого комитета, подчеркнул, что Совет продолжит содействовать сотрудничеству между средствами массовой информации двух стран в области новых технологий и созданию Китайско-российского сообщества инновационных медиатехнологий. Шэнь Хайсюн напомнил, что приуроченный к 70-летию российско-китайских дипломатических отношений медиапроект «Мы вместе!» установил рекорд по численности аудитории. Эта мультимедийная интерактивная онлайн-акция, организаторами которой выступили Медиакорпорация Китая и МИА «Россия сегодня», набрала более миллиарда просмотров и комментариев².

* * *

Подводя итог, следует отметить, что основным движущим механизмом гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем является Российско-Китайская комиссия. Договорно-правовую базу развития культурных связей составляют межправительственное соглашение о культурном сотрудничестве (1992), межправительственные планы по сотрудничеству между отдельными ведомствами двух стран, рассчитанные на ближайшие годы. Лидеры РФ и КНР подчеркивают важность гуманитарных обменов между двумя странами. В июне 2019 г. в рамках визита Си Цзиньпина на Петербургский экономический форум было подписано Совместное заявление об отношениях всестороннего

1. Чун Яту, Мусабаяев К. Начало нового этапа китайско-российского сотрудничества — Интервью у замминистра А.К.Волина // Китай. 2020. № 1 (171). С. 34.
2. Россия и Китай создадут сообщество инновационных медиатехнологий. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/kitaj-i-rossiia-sozdatut-soobshchestvo-innovacionnyh-mediatehnologij.html> (дата обращения: 14.03.2020).

стратегического сотрудничества в новую эпоху, выведшее отношения двух стран на новую историческую высоту и открывшее перспективы для сотрудничества двух сторон. На торжественном вечере в Большом театре, посвященном 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что «важно проводить больше интересных мероприятий в сферах образования, культуры, спорта, туризма, СМИ и молодежи с широким вовлечением общественности, активизировать контакты и обмены по линии различных кругов, регионов в интересах душевного, культурного и общественного сближения, чтобы эстафета дружбы передавалась последующим поколениям». Президент России Владимир Путин отметил, что «знакомясь с традициями, богатейшим историческим и культурным наследием, народы России и Китая становятся ближе друг к другу»¹. Успех гуманитарного сотрудничества становится одним из важнейших факторов межгосударственного взаимодействия, что, несомненно, будет способствовать созданию социальной основы для кооперации в экономической и политической сферах. Гуманитарные обмены между Россией и Китаем на всех уровнях и в различных сферах играют важную роль в формировании положительно-го имиджа двух стран и увеличении взаимного культурного влияния. Результативное использование потенциала гуманитарного сотрудничества в новую эпоху позволит России и Китаю активно наращивать культурные обмены, увеличивать количество людей, вовлекаемых в культурное сотрудничество, содействовать сотрудничеству в новых направлениях культурной индустрии. Несмотря на то, что отношения между двумя странами находятся на подъеме, потенциал существующей модели гуманитарного взаимодействия почти исчерпан. Представляется целесообразным поиск новых импульсов для совместной деятельности. Гуманитарное сотрудничество должно развиваться исходя из внутренних стимулов и на многосторонней основе, а государства — активно сотрудничать для устранения нерешенных вопросов в целях дальнейшего развития гуманитарных связей между нашими странами.

Список литературы

1. 20-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. URL: <https://government.ru/news/37873> (дата обращения: 15.01.2020).
2. *Аникеева С.* Труды о Китае и переводы с китайского // Китай. 2019. № 9 (167).
3. В Благовещенске и Хэйхэ стартовал X Международный фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства». URL: https://www.mkrf.ru/press/news/v_blagoveshchenske_i_kheykhe_startoval_x_mezhdunarodnyy_festival_rossiysko_kitayskaya_yarmarka_kultu/ (дата обращения: 15.04.2020).
4. Вечер, посвященный 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60674> (дата обращения: 12.04.2020).
5. Где и как учатся граждане КНР в России. URL: <https://www.5top100.ru/news/104492/> (дата обращения: 24.03.2020).
6. Годы межрегионального сотрудничества и обмена // Китай. 2020. № 1 (171).
7. *Долгалева Л.М., Гатауллина С.Ю.* Перспективы развития приграничного туризма между провинцией Хэйлунцзян (КНР) и Приморским краем (Россия) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Чита. 2019. Вып. 22.
8. *Зимакова Е.С.* Развитие российско-китайского межрегионального сотрудничества на примере Владимирской области // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Чита, 2019. Вып. 22.

1. Вечер, посвященный 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60674> (дата обращения: 12.04.2020).

9. *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: стратегические, военно-политические и экономические параметры партнерства 2019 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(1).
10. *Лэй Ли, Чжан Япэн.* Межрегиональная языковая культурная коммуникация в регионе «Один пояс, один путь» // Россия и Китай: диалог культур. М., 2019.
11. *Лю Ян, Хуан Ливэй.* Издания о Китае для всего мира // Китай. 2019. № 12 (170).
12. *Михаил Дегтярёв:* «Гиды должны быть аккредитованы и иметь российское гражданство. Иностранцев экскурсоводов быть в наших городах не должно». URL: <http://komitet6.km.duma.gov.ru/Novosti/item/21460426/> (дата обращения 27.02.2020).
13. Россия и Китай создадут сообщество инновационных медиатехнологий. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/kitaj-i-rossiia-sozdatut-soobshchestvo-innovacionnyh-mediatehnologij.html> (дата обращения: 14.03.2020).
14. Россия может лишиться 70–80% турпотока из Китая из-за вспышки коронавируса. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/01/27/821588-rossiya-lishitsya> (дата обращения 20.02.2020).
15. *Смоляков Д.А.* Перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossiysko-kitayskogo-gumanitarnogo-sotrudnichestva-v-ramkah-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put/viewer> (дата обращения 25.03.2020).
16. *Трубников Г.* Главная цель нашего сотрудничества — это взаимодействие людей. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2180 (дата обращения: 15.03.2020).
17. *Цзян Цзюньцзин.* Китайский туризм в России: современное состояние и тенденции. URL: <https://age-info.com/2019/07/>.
18. Число посетивших Россию китайских туристов выросло за 9 месяцев на 20%. URL: <https://www.ria.ru/20191106/1560635883.html> (дата обращения: 14.04.2020).
19. *Чун Яту, Мусабаяев К.* Начало нового этапа китайско-российского сотрудничества — Интервью у замминистра А.К.Волина // Китай. 2020. № 1 (171).

L. Sukhadolskaya. Humanitarian Cooperation between Russia and China

The article deals with the current state of the process of humanitarian interaction between Russia and China. The humanitarian ties of the two countries are enriched with new content, are multifaceted and complex. The important component of a comprehensive strategic partnership between Russia and China is cooperation between the regions of the two countries. The report concludes that humanitarian ties between Russia and China at all levels and in various areas give a powerful impetus to the further development of relations between the two countries, adapt to the needs of a new era and serve to strengthen mutual understanding between our peoples.

Keywords: Russia, China, Russian-Chinese relations, humanitarian exchange, cooperation.

Крушинский Андрей Сергеевич **9.04.1933–29.06.2020**

29 июня 2020 года ушел из жизни заведующий отделом экономики журнала «Проблемы Дальнего Востока» Андрей Сергеевич Крушинский.

Имя А.С. Крушинского давно и хорошо известно в китаеведческих кругах. А его жизненный и трудовой путь насыщен интересными и важными событиями. Поступив в 1951 г. в Московский институт востоковедения (МИВ), в связи с его закрытием в 1954 г. он перешел на исторический факультет Московского государственного университета. Во время учебы А.С. Крушинский участвовал в археологической экспедиции на территории Тувы, где было открыто городище с элементами китайской культуры, что послужило темой его дипломной работы по проблематике династии Ляо, основанной киданями.

В 1957 г. по окончании учебы в МГУ А.С. Крушинский получил рекомендацию в аспирантуру, но был направлен в Китай, где вплоть до 1959 г. работал в Бюро переводов Управления по делам иностранных специалистов при Госсовете КНР. По окончании командировки он был награжден Медалью китайско-советской дружбы; в благодарственном письме китайского Управления были отмечены его вклад в области перевода и издания организуемых им лекций, помощь в повышении квалификации китайских переводчиков.

По возвращении в Москву в сентябре 1959 г. А.С. Крушинский поступил в аспирантуру Института восточных языков при МГУ, однако проучившись три года и успешно сдав экзамены кандидатского минимума, был вынужден приостановить работу над диссертацией. Причиной тому явилось резкое ухудшение советско-китайских отношений. Поскольку тема диссертации была связана с предполагаемым переселением части киданей на территорию Тувы, ее защита в тот момент могла косвенно способствовать «обоснованию» маоистских территориальных притязаний к СССР.

В 1962 г. Андрей Сергеевич поступил на работу в газету «Комсомольская правда». До 1966 г. он побывал в краткосрочных командировках от редакции в Польше и Непале, а в феврале 1966 г. был направлен в Пекин в качестве регионального корреспондента по Китаю, Вьетнаму, Монголии и КНДР. За время командировки дважды более чем на месяц выезжал во Вьетнам. Предпринял продолжительную поездку по районам, подвергавшимся ежедневным американским бомбардировкам. Серия вьетнамских репортажей А.С. Крушинского была удостоена премии Международного союза журналистов и софийского Международного фестиваля молодежи и студентов. Командировка совпала с начальным этапом «культурной революции» в Китае. В связи с требованием китайских властей А.С. Крушинский оказался в составе первой группы советских журналистов, досрочно (в декабре 1966 г.) откомандированных из КНР. По решению Президиума Верховного Совета СССР его корреспондентская работа была отмечена в 1967 г. медалью «За трудовую доблесть».

В начале 1967 г. А.С. Крушинский был командирован в качестве корреспондента «Комсомольской правды» в Чехословакию. В тот момент мало кто предполагал, что речь идет об очередной «горячей точке». Работа А.С. Крушинского в ходе событий 1968 г. и последующего «периода нормализации» была отмечена новой правительственной наградой — орденом «Трудового Красного Знамени». Проработав корреспондентом «Комсомольской правды» в Чехословакии пять лет, А.С. Крушинский был приглашен в «Правду» на должность корреспондента по Китаю. Поскольку китайские власти отказывали газете в предоставлении аккредитации, А.С. Крушинский вплоть до 1978 г. работал в Москве, в отделе социалистических стран «Правды». Выезжая в краткосрочные командировки в КНДР, Вьетнам, Польшу, Чехословакию.

В 1978–1985 гг. он работал корреспондентом «Правды» в Болгарии, где был удостоен премии Союза болгарских журналистов. По возвращении в Москву А.С. Крушинский занял пост обозревателя «Правды» по международным вопросам. В 1987 г., сразу после снятия Пекином запрета на въезд в КНР корреспондентов «Правды», он побывал в Пекине, освещая работу XIII съезда КПК.

В 1991–1992 гг. А.С. Крушинский работал корреспондентом «Правды» в Чехословакии. Однако в 1993 г. по решению редакции газеты ему пришлось закрыть ее пражский корпункт, который (совпадение!) был открыт в 1947 г. его отцом, также «правдистом» С.К. Крушинским.

После кратковременного пребывания в Москве в феврале 1993 г. А.С. Крушинский отбыл в Пекин в качестве корреспондента «Правды», однако в конце того же года ввиду финансовых трудностей газеты ее пекинский корпункт перестал функционировать. В этой ситуации Андрей Сергеевич принял приглашение Международного радио Китая, где проработал четыре года в качестве русскоязычного специалиста. В тот период он был награжден китайской медалью «Дружба», имя его было внесено в почетную книгу «Друзья Китая». В начале 1997 г. Андрей Сергеевич перешел на работу в Бюро переводов при ЦК КПК, где трудился на протяжении еще 8 лет. Все это время он продолжал писать корреспонденции в «Правду», «Парламентскую газету», «Слово», «Новое время», «Труд», в болгарские и чешские СМИ. Статьи и комментарии А.С. Крушинского, опубликованные в советской, российской и зарубежной печати, всегда отличались аналитической глубиной, четкостью формы и актуальностью содержания.

С февраля 2007 г. А.С. Крушинский приступил к работе в журнале «Проблемы Дальнего Востока» в качестве заведующего отделом экономики, где также проявил себя как профессионал высочайшего уровня, обладающий широким кругозором, богатым опытом и глубокими знаниями востоковеда, отличными редакторскими навыками. В 2012 г. он был избран членом Центрального правления Общества российско-китайской дружбы.

Перу А.С. Крушинского принадлежат книги о «культурной революции» в КНР, о Вьетнаме и Болгарии. Он являлся членом авторского коллектива «Нового китайско-русского политико-экономического словаря» изданного в 2004 г. в Пекине. За заслуги в деле укрепления российско-китайской дружбы и в связи с 75-летием А.С. Крушинский был награжден Почетным знаком Общества российско-китайской дружбы.

Смерть Андрея Сергеевича — огромная потеря для журнала «Проблемы Дальнего Востока», для российского китаеведения и всего востоковедческого сообщества.

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», руководство и коллектив ИДВ РАН выражают искренние соболезнования его родным и близким.

Людмила Александровна Волкова **16.10.1934–31.03.2020**

31 марта 2020 г. скончалась Людмила Александровна Волкова, известный российский востоковед, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

Л.А. Волкова родилась 16 октября 1934 г. в Москве. В 1957 году окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, получив квалификацию экономиста-международника, преподавателя политической экономии. Путь Людмилы Александровны в большую науку начался с работы младшим научным сотрудником в различных научно-исследовательских учреждениях АН СССР. По окончании вуза она была принята на работу во Всесоюзный институт научной и технической информации; в 1958–1961 гг. работала в Институте китаеведения, где поступила в аспирантуру по специальности экономика Китая, однако в связи с расформированием Института в 1961 г. была вынуждена перейти в аспирантуру Института народов Азии, которую закончила в 1963 г. Затем, в 1964 г., Людмила Александровна поступила на работу в Центральный экономико-математический институт, а в мае 1965 г. была избрана по конкурсу на должность младшего научного сотрудника Института экономики мировой социалистической системы по отделу истории.

В 1966 г. Людмила Александровна пришла в воссозданный Институт Дальнего Востока АН СССР и работала в нем до ухода на пенсию. В 1971 г., после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Волкова Л.А. становится старшим научным сотрудником, а с декабря 2007 г. — ведущим научным сотрудником Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

Людмила Александровна была высококвалифицированным специалистом в области экономики Китая с отличной теоретической подготовкой и большим опытом научно-исследовательской работы. Основное направление ее научных исследований — социально-экономические аспекты развития аграрной сферы в условиях рыночных преобразований и законодательное регулирование земельных отношений в КНР. Она является автором свыше 170 научных трудов по экономике современного Китая, в том числе монографий, научных статей, а также аналитических материалов и справок для директивных органов. Среди ее работ — монография «Изменение социально-экономической структуры китайской деревни. 1949–1970 гг.». М., 1972 (книга переведена на польский язык и в 1976 г. издана в Варшаве); главы в коллективных монографиях: «Правовые аспекты модернизации в КНР» (М., 1990); «Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.)» (М., 2004); «Политическая система и право КНР в процессе реформ (1998–2005 гг.)» (М., 2007).

Л.А. Волкова являлась активным участником коллективных проектов по линии Российского гуманитарного научного фонда, регулярно выступала на международных научных конференциях, ситуационных анализах и круглых столах, проводимых в ИДВ РАН, с докладами и сообщениями по исследуемой тематике.

Трудолюбие и кропотливость в работе, доброта и готовность поделиться своими глубокими знаниями по Китаю позволяли ей пользоваться заслуженным авторитетом среди коллег-ученых.

Результаты плодотворной научной деятельности Л.А. Волковой неоднократно отмечались дирекцией ИДВ РАН.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» выражают глубокие соболезнования родным и близким Людмилы Александровны.

Элеонора Петровна Пивоварова **10.09.1937–04.06.2020**

4 июня 2020 г. после тяжелой продолжительной болезни скончалась Элеонора Петровна Пивоварова (литературный псевдоним Э. Корбаш) — видный российский китаевед, профессор, главный научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. Элеонора Петровна в 1959 г. с отличием окончила экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (кафедру зарубежной экономики), продолжив в 1959–1960 гг. учебу на факультете китайского языка в Пекинском университете и на факультете политической экономики в Народном университете КНР.

С 1961 по 1988 г. работала в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР в качестве младшего, а затем старшего и ведущего научного сотрудника, а с февраля 1988 г. по настоящее время — в Институте Дальнего Востока РАН главным научным сотрудником, одновременно являясь председателем Диссертационного совета ИДВ РАН по защите докторских диссертаций (Д 002.217.01) по специальности «мировая экономика».

Путь Элеоноры Петровны в науке отмечен многими учеными степенями и почетными титулами: кандидат и доктор экономических наук, профессор, в 1994 г. избрана академиком РАЕН, в 2001 г. включена в Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы. Избиралась вице-президентом Всесоюзной ассоциации китаеведов (1988–1992 гг.) и вице-президентом Европейской ассоциации китаеведов (1990–1992 гг.).

Э.П. Пивоварова имела богатый опыт научной деятельности за рубежом: стажировалась в Пекинском университете (1985–1986 гг.; 1990–1991 гг.), а также в Гарвардском, Колумбийском, Стенфордском, Калифорнийском (Беркли) университетах США (1991–1992 гг.), работала в библиотеках Лондона и Конгресса США; неоднократно выступала на международных научных конференциях и симпозиумах.

Основные направления исследований Э.П. Пивоваровой — экономическая теория, социально-экономическая политика, проблемы рыночных преобразований в КНР. По этим темам она опубликовала свыше 240 научных работ, в том числе 6 авторских монографий. Некоторые из них переведены на английский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, хинди и другие языки мира.

Как правило, Э. П. Пивоварова сосредоточивала внимание на изучении новых или мало исследованных явлений социально-экономической жизни КНР. Результаты ее исследований неоднократно направлялись в государственные законодательные и исполнительные органы, они широко используются в научных исследованиях, в учебном процессе вузов РФ. Важны и актуальны ее работы в плане учета зарубежного опыта при разработке экономической стратегии России в XXI веке.

Э.П. Пивоварова внесла большой вклад в подготовку кадров российских и иностранных ученых-востоковедов, работая в качестве председателя Диссертационного совета при ИДВ РАН.

Результаты плодотворной научной деятельности Элеоноры Петровны неоднократно отмечались дирекцией Института. Ее работу отличал творческий подход к изучаемым проблемам, большое трудолюбие, добросовестность и принципиальность. Высокий научный авторитет, энергия и жизнерадостность в соединении с отзывчивым характером и готовностью поделиться своими глубокими знаниями по Китаю принесли ей заслуженный авторитет в коллективе. Кончина Э.П. Пивоваровой — большая потеря для всей российской синологии.

Коллектив Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» выражают искренние соболезнования родным и близким Элеоноры Петровны.

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Редакция оставляет за собой право отбора материалов для публикации и не несет ответственность за достоверность информации, приводимой авторами.

Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003), *шрифт – Times New Roman, кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, без простановки страниц, без автоматических переносов; размер полей: верхнее – 2, левое – 3, правое – 1,5, нижнее – 2; сноски подстраничные*. Объем статьи: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).

Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi или вставленными в документ Word.

Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.

Не рекомендуется использовать пробелы и/или знаки табуляции для указания отступа начала абзаца или форматирования абзацев (например, для сдвига текста вправо или по центру).

Не рекомендуется использовать прописные буквы для текста и заголовков, кроме случаев прямого цитирования источников.

Требования к содержанию и оформлению материалов

1. Название статьи на русском языке (*шрифт полужирный, строчные буквы, выравнивание по центру*).
2. Автор или перечень авторов статьи (фамилия и инициалы) на русском языке (*курсив, строчные буквы, выравнивание по правому краю*).
3. Сведения об авторе/авторах на русском языке:
ФИО полностью (*курсив*), учёная степень и учёное звание (если есть), должность и место работы/учёбы (аффилиация), ORCID (если есть), контактный e-mail.
Пример: Автор: *Иванов Иван Иванович*, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Энского федерального университета. ORCID:0000-0000-0001-1111. E-mail: *ivanov@mail.ru*.
4. Аннотация на русском языке (600-700 знаков).
5. Ключевые слова на русском языке (не более 8 слов, *курсив*).
6. Автор или перечень авторов статьи (имя, фамилия) на английском языке (*шрифт полужирный*).
7. Название статьи на английском языке (*строчные буквы, шрифт полужирный*).
8. Аннотация на английском языке (500-600 знаков).
9. Ключевые слова на английском языке (*курсив*).
10. Сведения об авторе/авторах на английском языке.
11. Основной текст статьи.
12. Список литературы — список всех источников (включая интернет ссылки), цитируемых и упоминающихся в статье в алфавитном порядке без указания номеров страниц.

Оформление сносок и списка литературы

Сноски в материалах должны быть подстраничными. Все библиографические ссылки (в списке литературы и сносках) оформляются без сокращений названия источника, его авторов и т.д. Повторяющиеся сноски пишутся полностью.

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги: [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи (материала). URL: Полный электронный адрес (дата обращения).

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) Пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
 - 2) В меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
 - 3) Можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».
- Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru
Оригинал-макет © 2020 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 15.07.2020 г. Формат 70 × 100 ¹/₁₆ Уч.-изд. л.14,6.
Тираж 360 экз. Зак. 13/3а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).